

ИСТОКИ КРЫМСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ :

(К 100-летию образования кафедры русского языка и Таврического университета)

Часть 2.

Симферополь, 2018

УДК 378.4(091):81-11(292.471)
ББК 74.484(2Рос.Кры)738.11:81г
И 89

*Печатается по решению Учёного совета
факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
(протокол № 3 от 28.03.2018)*

**И 89 Истоки крымской лингвистической школы : (К 100-летию образования
кафедры русского языка и Таврического университета) : в 2-х ч. / сост.
Л.А. Орехова, А.В. Петров, Н.А. Сегал. – Саки: ИП Бровко А.А., 2018. – Ч. 2. – 182 с.**

В книге представлена история кафедры русского языка (ныне кафедра русского, славянского и общего языкознания), сгруппированная по трём блокам – «Наши истоки», «Наше наследие» и «Мы – продолжатели». В издание включены статьи преподавателей, написанные в разные периоды развития кафедры, воспоминания о профессоре В.Н. Мигирине и биографическое исследование о нём, основанное на архивных материалах.

Юбилейный сборник адресован преподавателям, аспирантам, студентам, учителям-словесникам и всем, кто интересуется развитием лингвистической мысли в Крыму.

УДК 378.4(091):81-11(292.471)
ББК 74.484(2Рос.Кры)738.11:81г

ПРЕДИСЛОВИЕ

История кафедры русского языка начинается **14 октября 1918 года** – со дня открытия Таврического университета и историко-филологического факультета¹.

После создания педагогического института в **1925 году** заведующим кафедрой русского языка стал профессор Александр Митрофанович Лукьяненко², который обеспечивал чтение всех лингвистических курсов. Известна его книга «Русский язык как предмет преподавания в тюрко-татарских школах»: научно-методический очерк / А.М. Лукьяненко, профессор Крымского государственного педагогического института по кафедре русского языка и общего языковедения; Академический совет Крымнаркомпроса. – Симферополь: Крымское государственное издательство, 1928. – 54, [1] с.; 23 см. – 3000 экз.

1935–1940. С 1935 по 1940 год кафедрой заведовал профессор (позже академик АН СССР) Виктор Иванович Борковский, который внёс значительный вклад в изучение исторического синтаксиса русского языка. Этому разделу языкознания посвящены его наиболее значительные работы, в том числе «Синтаксис древнерусских грамот» (1949), за который в 1950 г. ему была присуждена докторская степень.

1941–1956. Осенью 1941 года Крымский пединститут был эвакуирован сначала в Краснодар, а затем в Махачкалу (Республика Дагестан). Правительство Дагестана приняло решение о целесообразности слияния Дагестанского и Крымского пединститутов. С ноября 1941 года объединённую кафедру русского языка возглавил доцент Александр Илариевич Германович (впоследствии, в 1961 году, он защитил докторскую диссертацию на тему «Междометия и звукоподражательные слова русского языка», а в 1965 году получил учёное звание профессора).

28 августа 1944 года преподаватели и студенты Крымского пединститута возвратились в Симферополь и сразу занялись восстановлением полуразрушенного здания института. А.И. Германович заведовал кафедрой до 1956 года. Его монография «Междометия русского языка» и многочисленные публикации о междометиях и звукоподражательных словах русского языка получили широкое признание среди специалистов. Основные положения концепции учёного нашли отражение в академической «Грамматике русского языка», в вузовской и школьной практике. Известен А.И. Германович и как тонкий исследователь художественного стиля А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, и как страстный пропагандист музыкально-театрального искусства³.

1956–1971. С 1956 по 1971 год кафедру русского языка возглавлял профессор Виктор Николаевич Мигирин (тема докторской диссертации: «Эволюция придаточного предложения и разные виды трансформации главного и придаточного предложения в русском языке»). В учёном сочетались разносторонность и широта научных интересов: проблема знаковости, процессы переходности на разных уровнях языка, область фонологии, философские вопросы грамматики, взаимодействие логики и грамматики. Известны не только в нашей стране, но и за рубежом его монографии «Очерки по теории процессов переходности в русском языке» (1971), «Язык как система категорий отображения» (1973), «Гносеологические проблемы знаковой теории языка, фонологии и грамматики» (1978).

¹ Очерки истории Симферопольского государственного университета (1918–1993). – Симферополь : Таврия, 1993. – 415 с.

² Доцент и профессор Таврического университета в Крыму (1920–1922), профессор Крымского университета (с 1922), Крымского педагогического института (1925–1934). «В 1920 г. Александр Митрофанович активно участвовал в организации Крымского университета в Симферополе, с 1925 г. занимал должность профессора русского и татарского отделений, декана отделения русского языка и литературы – и занимался там не столько славянскими языками, сколько татарским и организацией учебного процесса», – писала О.Б. Сиротина в статье «Александр Митрофанович Лукьяненко и преподавание славянских языков в Саратовском университете» / О.Б. Сиротина // Известия Саратовского университета. Серия «Филология. Журналистика». – 2006. – Вып. 1/2, № 6. – С. 20–22.

³ Сидоренко, Е.Н. Александр Илариевич Германович (Очерк жизни и научной деятельности) / Е.Н. Сидоренко. – Симферополь : Крымский архив, 1996. – 32 с.

1971–1975. После образования Симферопольского университета с 1971 по 1975 год обязанности заведующего кафедрой русского языка исполнял ученик А.И. Германовича доцент Владимир Михайлович Ронгинский. Кандидатская диссертация «Синтаксические модели заголовков и их использование в различных стилях речи», написанная под руководством проф. В.Н. Мигирина, была защищена в Киеве в 1965 году. В 1974 году кафедра совместно с Институтом языковедения имени А.А. Потебни Академии Наук Украины провела в Симферополе республиканскую конференцию «Русский язык в его связях с украинским и другими славянскими языками» и издала тезисы докладов участников конференции.

1975–1984. С 1975 по 1984 год заведующим кафедрой русского языка был профессор Олег Михайлович Соколов, крупный специалист в области морфологии и словообразования современного русского языка. В 1971 г. О.М. Соколов защитил диссертацию «Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике» на соискание учёной степени доктора филологических наук. О.М. Соколов был членом докторских диссертационных советов по лингвистике в Днепропетровском, Киевском университетах и Университете дружбы народов в Москве. Неоднократно выступал в качестве оппонента на защите диссертаций, в последние годы жизни подготовил отзывы о более чем 20-ти кандидатских и 6-ти докторских диссертациях. Много времени посвящал редакторской работе, под его редакторством опубликовано 9 сборников статей.

Предметом постоянного внимания учёного был глагол. В кандидатской диссертации он создал классификацию диалектной лексики, вошедшую в учебник по диалектологии Р.А. Аванесова, и разработал теорию морфологического варьирования. Значительным научным достижением учёного является матричное описание лексики русского языка; подчеркнём, что универсальность предложенного принципа распространяется и на систематизацию других языковых единиц – морфем, словосочетаний и предложений. Большой вклад внёс проф. О.М. Соколов в изучение глагольного слова, разработав теорию о фазовости как лексико-грамматической категории глагола.

Кафедра издаёт сборники «Проблемы лексической и категориальной семантики». Вып. 1 (Симферополь, 1980. 147 с.), Вып. 2 (Симферополь, 1982. 159 с.), «Исследования лексической и грамматической семантики современного русского языка» (Симферополь, 1983. 149 с.), «Вопросы семантики» (Симферополь, 1983. 120 с.).

1984–2000. С 1984 по 2000 год заведующим кафедрой русского языка являлся доцент В.М. Ронгинский (профессор с 1992 года, член-корреспондент Международной академии информатизации, заслуженный работник народного образования Украины). Результаты научных исследований кафедры в этот период успешно внедряются в практику преподавания русского языка в вузах и средних школах. Передовой опыт преподавателей кафедры распространялся далеко за её пределами. Так, в 1986 году в издательстве «Вища школа» (Киев–Одесса) вышло методическое пособие «Преподавание русского языка в высшей школе» / руководитель авт. кол. профессор О.М. Соколов, в котором приняли участие ведущие специалисты университетов Киева, Одессы и Харькова. Кафедра издаёт оригинальные учебные пособия «Практикум по русской орфографии и пунктуации для работы в лингафонном кабинете» / отв. ред. доцент В.М. Ронгинский (Киев–Одесса, 1989), «Орфографический и пунктуационный практикум. Часть I» (Симферополь, 1999). В 1990 году в издательстве «Лыбидь» выходит монография Е.Н. Сидоренко «Очерки по теории местоимений современного русского языка» (Киев; Одесса. 148 с.), в которой, согласно аннотации, обобщаются достижения отечественной лингвистики в области местоимений, решается вопрос о перспективах развития прономинальной лексики, вводится понятие прономинального способа отображения объективной реальности, предложена классификация местоимений.

Одним из приоритетных направлений кафедры является речевая культура, которое возглавляет доцент Л.С. Пастухова. Известны пособия и научно-популярные книги автора по стилистике и культуре русской речи «Заговори, чтоб я тебя увидел. О культуре нашей речи»

(1990), «Материалы к школьному курсу “Основы речевой культуры и стилистики”» (1993), «Пернатый котёнок. О культуре нашей речи» (1995), «Любопытный задачник» (2006), «Этюды о словах для больших и маленьких» (2008), «Пора привлечь внимание к знакам препинания, или Кое-что о пунктуации» (2014), «Ученье без мученья, или Маленькие методические хитрости» (2015).

В течение нескольких лет доц. Л.С. Пастухова преподавала курс культуры речи в Евпаторийской гимназии имени Ильи Сельвинского⁴, на протяжении 18-ти лет в газете «Крымская правда» вела рубрику «Слово – не воробей». В Симферопольском Доме-музее Ильи Сельвинского на протяжении 6-ти лет проводила беседы о русском слове⁵.

Этюдам о словах был посвящён один из выпусков журнала «Детская энциклопедия» (№ 8. 2014. 57 с.). В предисловии к журналу читаем: «Книга, которую Вы держите в руках, – не учебное пособие. Это свободные размышления литератора – кандидата филол. наук, автора научно-популярных книг по речевой культуре Л.С. Пастуховой – о том, как овладеть языком, как сделать так, чтобы родная речь была нашей стихией, в которой мы ориентировались бы быстро и безошибочно». Л.С. Пастухова является Лауреатом Государственной премии Республики Крым за 2016-й год в номинации «Образование». Государственная премия РК была присуждена автору за серию научно-популярных книг по культуре русской речи.

Учебно-методическую работу кафедры продолжает доцент Г.Ю. Богданович, подготовившая к изданию «Введение в лингвистическую гендерологию: материалы к спецкурсу (учебно-методическое пособие)». Симферополь: Таврия, 2001. 40 с. (совместно с Л.Н. Синельниковой) и «Русский язык (учебное пособие)». Симферополь, 2002. 96 с. (совместно с Э.М. Сапожниковой). Г.Ю. Богданович – декан факультета славянской филологии и журналистики, заведующая кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, директор Крымского научно-методического центра управления образованием АПН Украины и ТНУ имени В.И. Вернадского, член Российской Академии естественных наук по отделению «Проблемы методологии науки и глобализации», заместитель председателя специализированного совета К 52.051.08 по защите кандидатских диссертаций (специальность «русский язык», «украинский язык»), «Відмінник освіти України», член Национального Союза журналистов Украины. В 2003 году Г.Ю. Богданович защитила докторскую диссертацию на тему «Современный русский язык в полилингвокультурной ситуации (функционально-коммуникативный аспект)», подготовила 11 кандидатов и одного доктора наук.

С 1991 по 2010 год на кафедре работала А.М. Эмирова – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, заслуженный работник образования и науки Автономной Республики Крым, действительный член (академик) Крымской академии наук, член Национального союза писателей Украины. Область научных интересов проф. А.М. Эмировой – русская, общая и контрастивная фразеология в системно-

⁴ Из воспоминаний Людмилы Леонидовны Никифоровой – директора гимназии: «В историю учебного заведения “Гимназия имени Ильи Сельвинского г. Евпатории” вписана яркая страничка с именем Л.С. Пастуховой. Преподавание предмета «Культура речи» в 10–11 классах стало актом высокой профессиональной благотворительности. Лидия Сергеевна создала авторскую программу, утвердила её в Крымском республиканском институте повышения квалификации и еженедельно электричкой приезжала на уроки к нашим гимназистам. Её высочайшая лингвистическая компетентность, доступность изложения сложных сведений о культуре речи и удивительная занимательность обеспечивали мотивированный интерес учеников к этому школьному предмету и – что ещё важнее – к своей речи». Гимназия стала спонсором издания книги «Материалы к школьному курсу “Основы речевой культуры и стилистики”. Пособие для учителя».

⁵ «Дом-музей Сельвинского стал для нас не только дорогим сердцу музеем, но и “Клубом любителей русского слова”, где собираются люди, любящие русский язык и литературу. Я с нетерпением ожидала четвёртую субботу каждого месяца – встречу с чудесной Лидией Сергеевной. Её лекции были интересны и познавательны, вызвали желание поделиться с другими, обсудить услышанное, а наши чаепития после занятий, по-домашнему тёплые и сердечные, становились естественным продолжением этих увлекательных тем», – вспоминает одна из слушательниц бесед о русском слове Марина Сергеевна Глусова.

структурном и коммуникативно-прагматическом аспектах, социальная лингвистика, лингвокультурология, крымскотатарская филология.

А.М. Эмирова ведёт активную научную и общественную работу: в 1994–1996 гг. являлась членом коллегии Министерства культуры Автономной Республики Крым. В 2000–2003 гг. – член специализированных учёных советов: Д 52.051.02 по русскому языку и литературе (Симферополь, ТНУ имени В.И. Вернадского); Д 26.001.33 по восточным языкам (Киев, Институт филологии КНУ имени Т.Г. Шевченко).

На кафедре активно развивается лексикографическое направление. Выходят в свет «Словарь фразеологизмов в поэтической речи В.В. Маяковского (на материале поэмы)» (составители Н.Н. Ничик и В.М. Ронгинский) (Симферополь, 1991. 159 с.) и «Словарь-справочник лингвистических терминов» (составитель А.М. Эмирова) (Симферополь: Крымучпедгиз, 1995. 96 с.).

2000–2009. В 2000–2009 гг. кафедрой русского языка руководил доктор филологических наук, профессор Александр Николаевич Рудяков (тема докторской диссертации «Принципы и методы построения функциональной модели лексики русского языка»), автор 6-ти монографий и более 130-ти научных и методических работ, организатор международных научных конференций и семинаров по вопросам функциональной лингвистики и методики преподавания русского языка и литературы. Под его руководством защищено 7 кандидатов и один доктор наук.

Кафедра русского языка стала базой для образования новых кафедр на филологическом факультете. Так, в мае 2002 г. была создана кафедра межкультурных коммуникаций и журналистики, которую возглавила доц. Г.Ю. Богданович. В связи с расширением исследовательских интересов и обновлением читаемых студентам курсов по инициативе А.Н. Рудякова в 2002 году кафедра русского языка была преобразована в кафедру русского и общего языкознания.

На кафедре плодотворно работает профессор Е.Н. Сидоренко, которая опубликовала около 150-ти научных трудов, в том числе – 4 монографии. Под руководством Е.Н. Сидоренко защитили кандидатские диссертации 8 аспирантов. В 2006 г. ей вручена Почётная грамота Президиума Верховного Совета Автономной Республики Крым. В 2008 году было присвоено звание заслуженного профессора Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. За разработку уникального учебно-методического комплекса «Теоретические и практические материалы по морфологии современного русского языка» в 5-ти частях Е.Н. Сидоренко в 2007 году была присуждена премия Автономной Республики Крым в номинации «Образование».

Дополняет учебный комплекс изданная в 2014 г. и переизданная в Москве в 2016 г. книга «Задания по морфологии современного русского языка с теоретическими и практическими комментариями к ним», способствующая эффективному самообразованию студентов. В 2017 г. этот цикл учебных пособий расширила «Морфология современного русского языка», изданная в издательстве «Флинта» в Москве.

Лексикографические произведения кафедры пополнил «Гнездовой толково-словообразовательный словарь композитов» доц. А.В. Петрова (Симферополь, 2003. 286 с.).

В 2006 году вышел «Орфографический и пунктуационный практикум. Часть II» (авторы Г.Ю. Богданович, Н.Н. Ничик, А.В. Петров, С.Г. Чернобровец). Кафедра подготовила учебное пособие под грифом МОН Украины «Практическая лексикология русского языка» (Симферополь, 2006. 272 с.), которое было дополнено и переиздано в 2012 году в Одессе (авторы Л.Е. Бессонова, Н.Н. Ничик, А.В. Петров, Л.А. Петрова).

Доц. В.Н. Алиева являлась членом Научно-методического совета по вопросам учебно-методической литературы для учебных заведений Автономной Республики Крым. В 2007 году была опубликована «Программа по русскому языку для средних общеобразовательных школ и классов с крымскотатарским языком обучения: 1–4 классы / сост. В.Н. Алиева, Р.И. Гафарова, В.Ф. Ибрагимова. Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2007. 96 с. (на русском и украинском языках).

Доц. А.К. Гадомский был организатором (соорганизатором) ряда конференций, пленэров, летних школ. В 2007–2012 гг. – I–VI Крымско-польский пленэр молодых художников для молодёжи из Польши и Украины (<http://cargocollective.com/6plenerkrym>) (Меганом, Гурзуф, Украина). В 2000–2008 гг. – I–IX Международная научная конференция «Дни Адама Мицкевича в Крыму» (Гурзуф, Алушка, Евпатория, Симферополь). В 2011–2012 гг. – I–II Летняя школа польского языка и культуры в Крыму для студентов, изучающих польский язык (<http://letniaszkola.wordpress.com/2012/10/21/dzien-dobry/>) (Меганом, Украина). С 2004 года по настоящее время является редактором «Крымско-польского сборника научных работ», в котором публикуются материалы по исследованию польского языка, литературы, культуры и истории. На страницах этого издания размещены и архивные материалы о поляках в Крыму, не публиковавшиеся ранее.

2009–2014. В 2009 году кафедра была переименована в кафедру русского, славянского и общего языкознания. С 2009 по 2014 гг. кафедрой руководила доцент Людмила Ефимовна Бессонова – автор более 120 научных и научно-методических работ (тема кандидатской диссертации «Глагольная префиксальная энантиосемия в русском языке»). Под руководством Л.Е. Бессоновой защитились 4 кандидата наук. С 2010 года кафедра проводит ежегодные Международные конференции «Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии».

В этот период кафедра успешно сотрудничает с Институтом языковедения им. А.А. Потебни НАН Украины; с лингвистическими кафедрами университетов Украины: Горловского государственного педагогического института иностранных языков, Днепропетровского национального университета, Донецкого национального университета, Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, Киевского национального университета имени Т.Г. Шевченко, Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова, Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды, Харьковского национального университета имени А.А. Потебни и др.; с крымскими вузами: Севастопольским филиалом МГУ, Крымским инженерно-педагогическим университетом, Крымским медицинским университетом, Севастопольским городским гуманитарным университетом, Ялтинским гуманитарным университетом.

Поддерживаются научные контакты с филологическими факультетами российских университетов (Москва, С.-Петербург, Барнаул, Владимир, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Кемерово, Пермь, Северодвинск и др.). Стабильное научное сотрудничество установилось с учёными европейских университетов: Институтом филологии Академии Подляска (Польша, г. Седльце), Институтом иностранных языков (Германия, г. Эрланген), Институтом филологии (Франция, г. Страсбург), Академией им. Яна Длугоша (Польша, г. Ченстохов), Институтом польской филологии (Польша, г. Люблин), Европейским коллегийумом польских и украинских университетов и др.

В рамках двусторонних договоров о сотрудничестве проводятся стажировки преподавателей кафедры, ведётся работа в совместных проектах, организация конференций и публикации научных исследований в международных изданиях. Кафедра является членом Украинской Ассоциации преподавателей русского языка и литературы.

С 2009 г. на кафедре работает проф. Л.А. Орехова (тема докторской диссертации «Образ автора и поэтика жанра: русская лирическая проза XX века»). Преподаватель ведёт курсы «Крым литературный», «Языковые картины мира», «История русской литературы», «Зарубежная литература», «Филология в системе гуманитарного знания», «Литературная проблематика и СМИ», «Публицистика как вид творчества», «Текст в художественном дискурсе XIX века», «Стилистика». В 2010 г. проф. Л.А. Орехова в соавторстве подготовила 2-е издание (перераб. и доп.) монографии «Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса» (Симферополь, 2010. 480 с. 38,8 п.л.). За монографию «“Кастель-Приморский”: история и судьбы в архивных документах» решением исполкома Алуштинского городского совета АРК от 11 июня 2010 г.

награждена Почётным знаком «За заслуги перед Алуштой», а также имя Л.А. Ореховой внесено в «Летопись города Алушты за 2010 год».

В 2012 г. кафедра выступила организатором Первых Международных Грибоедовских чтений в Алуште (25–31 мая), на которых выступили учёные ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, а также исследователи из Японии, Франции, США, вузов Украины, России и Беларуси.

В начале июня 2012 и 2013 года специализанты кафедры участвовали в форумах молодых исследователей-русистов, проводимых кафедрой русского языка Одесского национального университета имени И.И. Мечникова (заведующая кафедрой проф. Л.А. Петрова) в рамках Международного фестиваля «Великое русское слово». В 2013 году 9 студентов под руководством доц. Н.А. Сегал приняли участие в XV Международной научно-практической конференции «В.И. Даль в мировой культуре» (г. Луганск). Выступления были опубликованы в сборниках научных работ.

С 2004 года работает с творческой молодёжью в ГБОУ ДО РК «МАН “Искатель”» доц. О.В. Колесникова, которая до 2015 года являлась членом кафедры методики преподавания филологических дисциплин. О.В. Колесникова является председателем жюри секции «Лингвострановедение» I этапа конкурса защит и Всероссийского конкурса-защиты научно-исследовательских работ учащихся; выступает модератором ежегодных Итоговых научно-практических конференций исследовательских работ «Научный потенциал 21 века» и Крымского конкурса проектов и научно-исследовательских работ младшего школьного возраста «Я – исследователь»; является членом жюри регионального этапа республиканского тура Всероссийского конкурса сочинений в Республике Крым; проводит занятия в рамках подготовки участников учебно-тренировочных сборов к заключительному этапу Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку. Ежегодно вместе с доц. Р.В. Забаштой проводит диктант по русскому языку в рамках Всероссийской акции «Тотальный диктант» (Симферополь, площадка КФУ имени В.И. Вернадского).

Доц. О.В. Колесникова принимает активное участие в международной деятельности университета. В 2012 году являлась участником проекта TEMPUS «E-Internationalization for Collaborative Learning», разработала практические занятия для иностранных студентов (тема «Глаголы движения» в русском языке). В рамках проекта был осуществлён визит в Петрозаводский государственный университет, где О.В. Колесникова вела практические занятия по русскому языку с иностранными студентами из Финляндии, посещала занятия коллег, являлась участником круглых столов, тематикой которых было преподавание русского языка как иностранного. В 2017 году являлась участником программы European Associates program Dekabrsten e.V., в рамках которой с 06.11 по 01.12.2017 г. проходила практику в начальной школе Бауэрнфайнд (Германия, г. Нюрнберг).

2015. С 2015 г. по настоящее время кафедрой руководит доктор филологических наук Александр Владимирович Петров (тема докторской диссертации «Семантические поля в идеографическом моделировании русского лексикона»). Под руководством проф. А.В. Петрова защищены три кандидатские диссертации.

В рамках программы «Вуз – школе» кафедра организует конференции по изучению творческого наследия В.И. Даля. В 2016 году выходит сборник выступлений школьников Крыма, посвящённых 215-й годовщине со дня рождения Казака Луганского, «В.И. Даль в филологических миниатюрах». С целью подготовки обучающихся к городской и республиканской олимпиаде преподаватели кафедры проводят занятия по русскому языку в МБОУ «Открытый космический лицей» (г. Симферополь). Кафедра руководит «Школой юного филолога». С 2017 года в Доме-музее Ильи Сельвинского специализанты кафедры проводят ежемесячно для широкой аудитории занятия по культуре речи.

В 2015, 2016 и 2017 годах специализанты кафедры выступали с научными докладами на Днях академической мобильности студентов Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ, Ростов-на-Дону (руководитель группы доц. Н.А. Сегал). В 2015 г. диплом и право на публикацию заслужила Диана Ярмоленко (2 курс) «Лексема квас в составе пословиц и поговорок (на материале Словаря В.И. Даля)».

Почётными грамотами за успешное выступление отмечены Мария Зозуля (1 курс), Алёна Петрова (3 курс), Ольга Кириллова (3 курс), Анастасия Трояновская (2 курс). Призовые места в 2016 году заняли специализанты доц. Н.А. Сегал: Алисия Букина (магистрант) «Метафорический образ семьи в политических текстах», Юлия Коротких (2 курс) «Прецедентные единицы с компонентом-топонимом в текстах политических СМИ», Вероника Скворцова (2 курс) «Способы реализации ключевой единицы “любовь” в лирике В.Я. Брюсова». В 2017 году в Ростове-на-Дону успешно выступили следующие студенты: I место заняла Вероника Скворцова (3 курс) «Прецедентный антропоним *Робин Гуд* в текстах русскоязычных СМИ», научный руководитель доц. Н.А. Сегал; III место – Анастасия Грищенко (1 курс) «Структурно-семантическое своеобразие эмотивных глаголов в произведениях С.Д. Довлатова», научный руководитель доц. О.В. Колесникова и Рамила Гусейнова (1 курс) «Метафоризация образа врача в текстах русскоязычных СМИ», научный руководитель доц. Н.А. Сегал.

Доц. Н.А. Сегал издала две монографии: «Категория *пространство* в лингвокогнитивном освещении (на материале русскоязычных политических текстов 2005–2013 гг.)» (Симферополь, 2015. 242 с.) и «Политический текст: метафорическое моделирование» (Москва, 2017. 248 с.).

В 2016 году специализанты и аспиранты кафедры участвовали в Международном конкурсе научных работ студентов, магистрантов и аспирантов «Русский язык и этнокультурная динамика», организованном Белгородским государственным национальным исследовательским университетом, Старооскольским филиалом, и заняли призовые места: I место – Анна Мищенко «Особенности реализации устойчивой конструкции “ящик Пандоры” в русскоязычных политических СМИ» (научный руководитель доц. Н.А. Сегал), II место – Ольга Щурик «Метафоризация танца в масс-медийных политических текстах (на примере *танго*)» (научный руководитель доц. Н.А. Сегал), III место в номинации «Парадигматический фокус динамических процессов в языке» – Наталья Сляднева «Продуктивность препозитивных основ адъективных композитов русского языка» (научный руководитель проф. А.В. Петров).

Доц. В.Н. Алиева подготовила статью по грамматике крымскотатарского языка для энциклопедии «Язык и общество» (утверждена к печати Учёным советом государственного бюджетного учреждения науки Российской академии наук. Редакторский совет: чл.-корр. В.М. Алпатов, чл.-корр. В.А. Виноградов и др. Главный редактор: д-р филол. н., проф. В.Ю. Михальченко. М.: Издат. центр «Азбуковник», 2016. 872 с.).

Проф. Л.А. Орехова в 2015–2017 гг. работала по тематике гранта Российского гуманитарного научного фонда (Проект № 15-34-10100) «Крымский миф в русской культуре первой половины XIX века». В 2017 г. она стала соавтором коллективной монографии «Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в. Свод малоизвестных свидетельств современников» (изд. подгот.: К.В. Борисова, А.В. Кошелев, В.А. Кошелев, Л.А. Орехова, Д.К. Первых, А.С. Шеремет). Великий Новгород–Симферополь: ООО «Растр», 2017. 768 с.

Проф. Л.А. Орехова, проф. А.В. Петров и доц. Н.А. Сегал являются одними из авторов коллективной монографии «Современная картина мира: крымский контекст» / под ред. Г.Ю. Богданович. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017.

С 2010 года кафедра русского, славянского и общего языкознания проводит ежегодную Международную научную конференцию «Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии» (отв. доц. Л.Е. Бессонова; с 2016 года – доц. Л.В. Валеева). Научная проблематика конференции соответствует теме научно-исследовательской работы кафедры «Семантическое и полифункциональное описание русского и славянского языков в синхронии и диахронии» и включает следующие направления: история славянских языков, семантическая и грамматическая категоризация, славянская фразеология и паремиология, языковое моделирование мира, дискурсивная лингвистика, поэтонимология, лексикография.

Особое место в проблематике конференции занимают исследования, представляющие особенности функционирования регионального языка и собственно крымского текста.

С 2016 года кафедра отмечает День славянской письменности и культуры – день памяти создателей славянской азбуки, равноапостольных Кирилла и Мефодия (отв. доц. О.И. Андрейченко, доц. О.В. Колесникова, доц. Л.Ф. Щербачук). Этот праздник символизирует историческое и просветительское значение наследия славянских первоучителей в развитии славянской культуры, является свидетельством неопережимого вклада славян в сокровищницу мировой цивилизации. Традиционными мероприятиями Дней славянской письменности и культуры на факультете является научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Кирилло-Мефодиевские чтения» и Конкурс на лучший перевод поэзии среди обучающейся молодёжи «*Varietas delectat*» («Разнообразие доставляет удовольствие»). Рабочими языками Конкурса являются государственные языки Крыма: русский, украинский, крымскотатарский, а также другие славянские языки – белорусский, болгарский, польский, чешский.

В рамках данного Конкурса кафедра тесно сотрудничает с научными и общественными организациями Крыма, такими, как ОО «Союз писателей Республики Крым», Научно-методический центр полилингвального образования, Центр современного художественного перевода «Таврида», крымские культурно-просветительские общества славянских народов (белорусов, болгар, поляков, чехов и др.), научное студенческое общество. В Днях славянской письменности и культуры, организованных кафедрой, активное участие принимают студенты как высших учебных заведений, так и обучающиеся общеобразовательных и специализированных школ Крыма.

С целью углубления связи со школами в январе 2017 г. к кафедре прикреплена Софья Борисовна Ананченко – учитель высшей категории, ответственная за профориентационную работу со школами Крыма. Кандидатура Софьи Борисовны утверждена деканом факультета. Задача кафедры – осуществлять тесное сотрудничество со школами Крыма, с выпускниками факультета, способствовать сближению Таврической академии и учебных заведений полуострова. Базовыми школами кафедры стали МБОУ «Гимназия №1 имени К.Д. Ушинского», МБОУ «Открытый космический лицей» г. Симферополя, МБОУ «Перовская школа-гимназия» Симферопольского района, МБОУ «Чистенская школа-гимназия» Симферопольского района, МБОУ «Ивановская средняя общеобразовательная школа» Нижнегорского района, «Веселовская СОШ» городского округа Судак.

АВТОРЕФЕРАТЫ КАНДИДАТСКИХ И ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ (2002-2014)

2002

1. Калугина Татьяна Васильевна. Семантико-функциональные особенности контаминантов, которые объединяют признаки местоимений и других частей речи. Научный руководитель: к. филол. н., проф. Сидоренко Е.Н. – Симферополь, 2002.
2. Фунтовая Татьяна Борисовна. Лексико-синтаксическая категория уточнения в современном русском языке. Научный руководитель: к. филол. н., проф. Сидоренко Е.Н. – Симферополь, 2002.

2003

3. Валеева Людмила Владимировна. Трансформационный потенциал вопросительных местоимений в русском языке. Научный руководитель: к. филол. н., проф. Сидоренко Е.Н. – Симферополь, 2003.
4. Чепурина Инна Владимировна. Эмотивные глаголы как база именного словообразования (семантико-функциональный аспект). Научный руководитель: к. филол. н., доц. Богданович Г.Ю. – Симферополь, 2003.

2004

5. Дроздова Стелла Александровна. Концепт «власть» в современном русском политическом дискурсе. Научный руководитель: к. филол. н., доц. Бессонова Л.Е. – Днепропетровск, 2004.

2005

6. Дорофеев Юрий Владимирович. Функциональное описание текста (на материале произведений русских поэтов XX века). Научный руководитель: д-р филол. н., проф. Рудяков А.Н. – Харьков, 2005.

2007

7. Моря-Мицык Лилия Анатольевна. Функционально-семантическое описание лексической группы «Функциональное пространство». Научный руководитель: д-р филол. н., проф. Рудяков А.Н. – Днепропетровск, 2007.

2008

8. Руденко Ольга Эрнестовна. Обобщающе-выделительные местоимения современного русского языка: семантика и грамматические особенности. Научный руководитель: к. филол. н., проф. Сидоренко Е.Н. – Симферополь, 2008.
9. Руденко Наталья Анатольевна. Функционально-семантическое описание лексической группы «Нефизическое воздействие на человека». Научный руководитель: д-р филол. н., проф. Рудяков А.Н. – Днепропетровск, 2008.

2009

10. Ли Же. Концепт *толерантность* в современном русском политическом дискурсе. Научный руководитель: к. филол. н., доц. Бессонова Л.Е. – Симферополь, 2009.
11. Гафарова Ранетта Исметовна. Суффиксальные универбы в русском языке: семантика, деривационные отношения. Научный руководитель: к. филол. н., доц. Петров А.В. – Харьков, 2009.
12. Забашта Роман Валентинович. Функциональная идеография как способ описания лексики (на материале номинативных единиц со значением «особа» в современном русском языке). Научный руководитель: д-р филол. н., проф. Рудяков А.Н. – Днепропетровск, 2009.

2010

13. Лапшина Ольга Александровна. Семантическая категория подобия в современном русском языке. Научный руководитель: к. филол. н., доц. Петров А.В. – Харьков, 2010.

2012

14. Сегал Наталья Александровна. Категория *пространство* в русскоязычном политическом дискурсе: лингвокогнитивный аспект. Научный руководитель: к. филол. н., доц. Бессонова Л.Е. – Харьков, 2012.

2013

15. Петров Александр Владимирович. Семантические поля в идеографическом моделировании русского лексикона. – Киев, 2013.
16. Филиппова Наталья Валериевна. Деривационные средства выражения степени признака в современном русском языке. Научный руководитель: к. филол. н., доц. Петров А.В. – Харьков, 2013.

2014

17. Кадырова Ление Диляверовна. Гибридные неонимации в современном масс-медийном дискурсе: семанто-деривационный аспект. Научный руководитель: к. филол. н., доц. Бессонова Л.Е. – Симферополь, 2014.
18. Митроченкова Юлия Юрьевна. Идеографическое описание религионимов со значением «праздник», «ритуал», «обряд», «таинство». Научный руководитель: к. филол. н., доц. Гадомский А.К. – Симферополь, 2014.

19. Цымбалюк Елизавета Викторовна. Омогруппа предлог-приставка в русском языке : ономаσιологический аспект (на материале прозы XVII–XVIII веков). Научный руководитель: к. филол. н., доц. Валеева Л.В. – Симферополь, 2014.

ОППОНИРОВАНИЕ (2007–2017 гг.)

Бессонова Л.Е.: Мозовая Ирина Николаевна. Заимствованная лексика в современной русскоязычной рекламе в информативном и социокультурном аспектах : дис. ... к. филол. н. : спец. 10.02.02 «Русский язык». – Днепропетровск, 2007.

Петров А.В.: Ярёмченко Татьяна Георгиевна. Русский глагол с эксплицированным компонентом времени: деривационная история и перспектива : дис. ... к. филол. н. : спец. 10.02.02 «Русский язык». – Киев, 2009.

Петров А.В.: Блюмина Ольга Валентиновна. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке : дис. ... к. филол. н. : спец. 10.02.02 «Русский язык». – Днепропетровск, 2010.

Бессонова Л.Е.: Бондаренко Лариса Ивановна. Структурно-семантический анализ жанра «Совет» в современных русскоязычных СМИ : дис. ... к. филол. н. : спец. 10.02.02 «Русский язык». – Днепропетровск, 2010.

Бессонова Л.Е.: Клименко Татьяна Анатольевна. Лексико-стилистическое воплощение концептов *свет* и *тьма* в русской языковой картине мира : дис. ... к. филол. н. : спец. 10.02.02 «Русский язык». – Днепропетровск, 2012.

Валеева Л.В.: Мальцева Ольга Вадимовна. Отражение лексико-семантической системы древнерусского языка в «Архангельском Евангелии 1092» : дис. ... к. филол. н. : спец. 10.02.02 «Русский язык». – Харьков, 2013.

Петров А.В.: Литвин Ольга Владимировна. Неономинии в русскоязычной прессе XXI века (словообразовательный и прагматический аспект) : дис. ... к. филол. н. : спец. 10.02.02 «Русский язык». – Харьков, 2013.

Петров А.В.: Ходоренко Анна Викторовна. Номинация групп лиц в русском языке: семантический, функциональный, когнитивный аспекты : дис. ... д-ра филол. н. : спец. 10.02.02 «Русский язык». – Днепропетровск, 2014.

Орехова Л.А.: Корнеева Кристина Анатольевна. Художественное выражение мистического переживания в лирике З. Гиппиус : дис. ... к. филол. н. : спец. «Русская литература». – Одесса, 2014.

Петров А.В.: Шокотко Лариса Евгеньевна. Служебные слова (частицы и союзы) в русском языке 17 века : дис. ... к. филол. н. : спец. 10.02.01 «Русский язык». – Донецк, ДНУ, 2017.

Петров А.В.: Соснина Людмила Васильевна. Адъективные композиты русского языка : структурный и ономаσιологический аспекты : дис. ... д-ра филол. н. : спец. 10.02.01 «Русский язык». – Донецк, ДНУ, 2017.

КАФЕДРА В КАЧЕСТВЕ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Кафедра подготовила отзыв о диссертационном исследовании Инны Александровны Меркуловой «Лексическая нуклеология славянских языков», представленном на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание (Воронеж, 2017. 539 с. с приложениями).

НАШИ ИСТОКИ

А.И. Германович

МЕЖДОМЕТИЯ И ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА В СТИЛЕ М. ГОРЬКОГО

Употребление междометий в произведениях Горького определяется необходимостью реально изобразить живую речь многочисленных персонажей, передать интонацию людей разных классов, профессий, званий, возрастов, характеров. Известно, что вне интонации, вне мимики живая речь немыслима, интонация всегда конкретизирует высказывание.

Все великие писатели обращали большое внимание на изучение разговорной речи. Слово в его звучании, сопровождаемое мимикой, жестами, характеризует человека, раскрывает его внутренний мир. Чем живее восприятие писателя, чем богаче его жизненный опыт, чем острее его слух, тем выше его мастерство в изображении диалогической речи.

Природа щедро одарила Горького необычайно тонким, активным слухом, колоссальной зрительной и звуковой памятью, а его жизнь дала богатый опыт человековедения. Никто из русских писателей так много не писал о песне и музыке, об их влиянии на внутренний мир человека, как Горький⁶. Этот необыкновенный слух Горького, его исключительная наблюдательность, «угол зрения» помогли писателю тонко передавать сотни голосов различных персонажей – и шум многоголосой толпы, и горячий спор, и краткие выкрики, и лёгкий вздох. Не раз отмечалось великое мастерство Горького давать меткие, иногда неожиданные характеристики речи персонажей⁷.

Горький пишет: «Не всегда важно – что говорят, но всегда важно, как говорят» (17, 11)⁸. Этим «как» обусловлено и употребление междометий в речи персонажей. В живом языке процент междометий довольно высок. Чем непосредственнее высказывание, чем короче речь, чем быстрее нужно выразить отношение говорящего к собеседнику, тем больше в речи междометий. А междометие, включённое в предложение, определяет не только интонационный строй его, но и синтаксис. Писатель учитывает при построении речи персонажей и характер говорящего, его умственный уровень, степень культуры и ситуацию высказывания. И в авторском тексте он обосновывает употребление междометий в речи своих героев. Вот речь Павла Грачёва из повести «Трое»:

А потом господа эти меня к себе приспособили... Вот черти были! Ого-го!

О господах он говорил больше междометиями, – очевидно, они очень поразили его воображение... (5, 58).

О ней [о Маше] Павел рассказывал, как в детстве об арестантах, научивших его грамоте. Он весь напрягался и внушительно сообщал, пересыпая речь междометиями:

– Она, брат, ого-го! Она всем командует, а чуть кто не так сказал, или что – она фрр!.. Как кошка... (5, 247).

– Она [Софья Никоновна] всё понимает, всё может объяснить... а ты с ней... эх! – говорил Павел, по обыкновению густо пересыпая свою речь междометиями (5, 256).

Эмоциональные междометия не только выражают отношение говорящего к окружающему, но и являются характерным речевым жестом. Так, мальчик Илюша Лунёв

⁶ См. Пиксанов Н.К. М. Горький и музыка. – М.–Л., 1950. – 100 с.; Ливанова Т.Н. Музыка в произведениях М. Горького. – М.: Изд. АН СССР, 1957. – 337 с.

⁷ См. Ларин Б.А. Заметки о языке пьесы Горького «Враги» // Литературный критик, 1936, – № 11; е г о же. О языке Горького-драматурга // Литературный Ленинград, 1936, № 17 (58); ег о же. Заметки о языке пьес Горького и его сценической интерпретации // Уч. зап. кафедры русск. яз. ЛГПИ им. Герцена. – Т. 69. – Л., 1948; Б.В. Нейман. Язык персонажей пьесы Горького «На дне» // Литературная учёба, 1934. – № 1; е г о же. Диалог в драматургии Горького // Театр и драматургия, 1936. – № 11 и другие его статьи.

⁸ Ссылки на произведения М. Горького даны по изд.: М. Горький. Собр. соч. : в 30-ти томах. – М.: Гослитиздат, 1949–1956. Первая цифра обозначает том, вторая – страницу.

(повесть «Трое») часто произносит междометный фразеологизм «вот так – а-йй!», являющийся реакцией на какое-либо событие или выражающий недоумение, удивление перед открывающимся его глазам миром:

Вот так – а-йй! – воскликнул мальчик, широко раскрытыми глазами глядя на чудесную картину, и замер в молчаливом восхищении (5, 12).

Вот так – а-йй!.. сказал Илья товарищу вечером после похорон (5, 47).

Находя такую диковину, Илья радостно кричал:

– Дедушка, гляди-ка! **Вот так – а-йй!** (5, 21).

Жена Егора Булычова, Ксения, запуанная малокультурная женщина, также сопровождает речь междометиями «ох», «ой», «ах»: **ох, батюшки**, уж и не знаю, как тут быть; **ох, ох**, что ты тут сидишь?; **ой, ой**, помешался; **ох**, порадуйте нас; **ах**, господи и др., но они выражают растерянность, неспособность разобраться в людях и событиях, страх перед жизнью.

Лука из пьесы «На дне» часто употребляет сочувственно-жалостливое «а-йй-ай»:

Ай-йй-ай! Как встревожился человек... И куда побежал? (6, 149). А вот давеча тут ... слесарь – так взвыл... **а-а-йй!** (6, 157).

Характерны для стиля речи этого странника-утешителя и *охо-хо*, *эхе-хе*, *ой*, *ишь ты*:

Охо-хо, дела у вас, братцы, смотрю я... путанные дела! (6, 134). **Эхе-хе!** Погляжу я на вас, братцы, – житье ваше – **о-ой!!** (6, 118). Так... **Эхе-хе...** господа люди! И что с вами будет?.. (6, 122).

Совсем другой строй речи у Бубнова. Насмешливое «хо-хо» отражает его скептицизм. По поводу рассказа Луки о «праведной земле» он восклицает: «Всё – выдумки... тоже! **Хо-хо!** Праведная земля! Туда же! **Хо-хо-хо!**» (6, 151). Смеётся Бубнов и над рассказом Насти о её «любви»: «**Хо-хо!** Драгоценная?» (6, 144).

Лука, наоборот, сочувственно относится к вымыслу Насти, хотя и не верит ей:

«... В лаковых сапогах, говоришь? **А-йй-ай!**» (6, 146).

В пьесе «Мещане» Елена характеризует нытиков обычными их восклицаниями «ох!», «ах!», «ой!», «увы!»: «Понимаете – есть такие люди, которые всегда несчастны, что хотите, делайте с ними! Наденьте на голову такому человеку вместо шляпы – солнце, – что может быть великолепнее! – он всё же будет ныть и жаловаться: “**Ах**, я так несчастен! я так одинок! никто не обращает на меня внимания ... Жизнь темна и скучна... **Ох! Ах! Ой! Увы!**...”. Когда я вижу такого барина, то чувствую злое желание сделать его ещё более несчастным...» (6, 66).

Естественны междометия в языке Акулины Ивановны, жены Бессемёнова, женщины необразованной и забитой. Её стремление – примирить мужа с детьми, сгладить противоречия между ними, наладить хоть какие-нибудь отношения в семье. Она всегда в заботах и хлопотах, которые и выражает частыми междометиями: «Холодно у нас чего-то. Топили, а холодно... Старый дом-то... продувает... **охо-хо!**» (6, 12). Часто она вздыхает от скуки: «**Охо-хо!** Скучно что-то...» (6, 18) или от обиды на детей: **ох-хо.., э-эхе-хе**. Унижение своё она выражает словами: «Куда нас? **Господи!** На что нас? А им – жить!» (6, 37). Волнуясь и стараясь успокоить мужа, расстроенного тем, что «не быть ему головой», она лепечет, вплетая в речь междометия: «Ну, что ты? **Ай, батюшки!**.. Да почему? Да ещё, может быть...» (6, 59).

Междометия «чёрт», «к чёрту», «чёрт побери» характерны для таких персонажей, как Пётр, Шишкин, Бессемёнов или Перчихин, Тетерев.

Раздражение, в котором почти всё время находится Бессемёнов, отражается и на его словаре. О дочери он говорил с досадой: «Вот ещё Татьяна... **Эх!** Бросить бы ей это училище!» (6, 37). Сокрушается, что у сына нет «никакого характера»: «Вот Нил... он дерзок... он – разбойник. Но – человек с лицом! Опасный... но его можно понять... **Э-хе-хе!** А что Пётр любит?» (6, 42). Бессемёнов горюет, что Пётр хочет жениться против его воли: «На вертушке, на беспутной бабёнке... да ещё и вдове! **Э-эх!**» (6, 34). Жене, которая прогоняет всех в кухню, чтобы не раздражать его, Бессемёнов, «угрюмо улыбаясь» (ремарка

автора), говорит: «Ну, а Петра куда пошлѣшь? Э-эх ты! Глупая старуха!» (6, 36). При помощи междометия «эхма» Бессемёнов выражает жене досаду по поводу покушения дочери на самоубийство: *Эхма! Не понимаешь ты! Ведь – позор это нам с тобой!* (6, 70). Этим же просторечным «эхма» он осуждает образ жизни Тетерева: *Эхма, Терентий Хрисанфович, умный ты человек... а вот губит тебя водочка!..* (6, 43). Часто прибегает Бессемёнов к междометию «ишь», «ишь ты»: неодобрительно отзываясь о Ниле: *«Ишь! Вот он!.. Тоже – всё с рывка, с наскоку...»* (6, 36); упрекая рабочих: *Ишь... поют. Суббота, а они поют* (6, 88); выражая тоску, вызванную ощущением одиночества: *Ишь как просто! Ишь ты как...* (6, 94).

Сообразно своим взглядам и характеру выражает отношение к окружающему, используя и междометия, рабочий Нил. Речь у него такая же интонационно богатая, как и у Бессемёнова. Но характер интонаций и содержание речи Нила совсем иные. Поэтически восторженно Нил говорит о труде: *«Ещё если б с пассажирскими! С курьерским, например, – фьить! Режь воздух! Мчись на всех парах!»* (6, 39). Радостны мечты Нила о жизни («Наша возьмёт!»). Поля разделяет его взгляды: *(негромко) Жить – очень хорошо! Эх, ты... тихая моя!* (6, 86) – нежно отвечает ей Нил. Нилу приходится часто спорить, высмеивать, «вразумлять» мещанскую семью Бессемёновых, при этом в его экспрессивной речи находят широкое применение междометия «э-эх ты!», «эге-ге!», «батюшки!», «ах», «ах ты». Нил возвращается домой после трудового дня. *«(Его неожиданное появление и вдруг раздавшийся спокойный голос сразу прекращают шум в комнате, и несколько секунд все молчат, неподвижно глядя на него. Он замечает впечатление и, сразу сообразив в чём дело, с улыбкой сожаления гооворит.) Н-ну-у! Опять баталья!* Пояснение интонации («спокойный голос», «с улыбкой сожаления»), впечатление, произведённое на окружающих, показывают, какой эмоциональной внушающей силой обладает это «н-ну-у!» В нём и упрёк, и сожаление, и призыв к спокойствию, и некоторая ирония. А последующее «Опять баталья!» конкретизирует междометие. Слово «опять» говорит о том, что ссоры в доме Бессемёновых – обычное явление, а ироническое «баталья» указывает на несерьёзность повода для ссоры, на осуждающее отношение Нила к семейным дразгам.

Своеобразны междометия Перчихина. Живущий «не мудрствуя лукаво», умея находить смысл и наслаждение в самом процессе жизни, он просто и непосредственно реагирует на все события. Чаще всего он употребляет междометие «эхма», упрекая Тетерева: *Эхма, божья дудка! Сурьёзный ты..., или семью Бессемёновых: ...Мне, братцы, всех вас жалко! Эхма!.. Ведь ежели по совести сказать – все вы дураки!..* (6, 94).

Иногда укор и сожаление Перчихин сопровождает междометием «эх»: [Бессемёнову] *Эх, старик! Ну, и жаль мне тебя!* (6, 58).

Радость, удовольствие (по поводу удачной ловли птиц или выхода дочери замуж за Нила) Перчихин выражает междометиями «эх», «ай да», «ха-ха», «ишь ты», «их ты», «люли-малина», «ах», «раздуй их горой». Эти междометия подкрепляют речь Перчихина, сопровождаемую жестами. Например: *А Полька будет счастлива... она будет! С Нилом-то? Здоровый, весёлый, простой... У меня даже мозги и голова пляшут... а в сердце – жаворонки поют! Ну, – везёт мне!* (Притопывая). *Поля Нила подцепила, она мило поступила... Их ты! Люли-малина!* (6, 57).

В произведениях Горького представлена вся система междометий, начиная с полурефлекторных звуков. Писатель передаёт на письме разнообразные полупроизвольные звуки: смех, мычание, всевозможные выкрики, звуковые жесты. В редких случаях смех его героев – это произвольный рефлекс. Как правило, он является своеобразным средством выражения отношения человека к действительности, его настроения. Характеристика смеха даётся уже подбором глаголов: «не то смеялся, не то вздыхал»; «захлёбывался смехом»; «хихикнул»; «радостно пустил»; «уныло хихикнул»; «выпустил из горла осторожный смешок» и т.д. или прилагательных: «гнусавый», «дразнящий», «осторожный», «вежливый», «жиденький», «радостный». Графическое «изображение» смеха также указывает на его особенности: «хи-хи»; «ха-ха»; «хэ-хэ-хэ»; «эхэ-хэ-хэ-э»; «хе-хе»; «хе-хе-хе!»; «г-ги-и»; «ги-

и»; «хо-хо-хо!» Так манера смеяться изобличает ненавистника интеллигенции из «Петербургских типов», проповедующего: «чиновников скосить. Также учёную часть... Написали, наклеили везде закон: “Не пейте сырой воды!” А? Эхе-хе-хе... Он не то смеялся, не то вздыхал, выпуская из округлённого рта это яростное:

– Эхе-хе-хе-е...» (15, 317).

В «Жизни Клима Самгина» смех каждого действующего лица имеет характерную особенность. Спорят, например, Варавка и Лютов: *Было что-то голодное сладостное и, наконец, даже смешное в той ярости, с которой эти люди спорили. Казалось, что они давно искали случая встретиться, чтобы повторить в лица друг другу иронические восклицания, исхищряться в насмешливых гримасах и всячески показывать взаимное отсутствие уважения...*

– *Хэ-хэ-хэ! смеялся Лютов гнусавым, дразнящим смехом... Клима изумлял этот смех, в котором не было ничего смешного, но ясно звучало дразнящее нахальство»* (19, 317).

Звуковой жест используется для психологической характеристики в повести «В людях», где рассказывается о том, как приказчики «приманивали» посетительниц:

Часто, бывало, хозяин уходил из магазина в маленькую комнатку за прилавком и звал туда Сашу; приказчик оставался глаз на глаз с покупательницей. Раз, коснувшись ноги рыжей женщины, он сложил пальцы щепотью и поцеловал их.

– *Ах*, – вздохнула женщина, – какой вы шалунишка!

А он надул щёки и тяжело произнёс:

– *Мм-ух!* (13, 207).

Это «мм-ух!» предельно сжато передаёт деланный сладострастный восторг, который инсценируется приказчиком с целью сбыть товар. Описание жестов приказчика, манеры говорить сквозь сжатые губы создаёт выразительную жанровую сценку.

Свист, глубокий выдох, рефлекторная дрожь и другие звуковые жесты иногда выступают как средство общения, например:

– *Ф-фу!* – устало говорил он [Илья Лунёв]. – *Да чистое-то, настоящее-то есть где-нибудь, скажи?* (5, 199).

Ф-фу, – вздыхает Устин, – *тяжело мне несколько...* (11, 235).

Свист, свистящее «фи-ю-ю!» обычно содержит иронический оттенок, часто выражает насмешку по поводу неожиданного исчезновения чего-либо или кого-либо: «*Фи-ю-ю!* – свистнул сапожник вслед ему [Пашке]. *До свидания, нежное создание!*» (5, 50).

Горький использует и такое далёкое от фонетической системы языка, но довольно распространённое, особенно на юге, средство выражения чувств, как причмокивание. В рассказе «Мой спутник» передаётся речь Шахро Птадзе:

Он хлопал меня по плечу и покровительственно говорил, сладко прищёлкивая языком:

– *Я тэбэ устрою т-такую жизнь! Цце, цце! Вино будэш пить – сколько хочэш, баранины – сколько хочэш! Жэнишся на грузынкэ, на толстой грузынкэ, ццэ, ццэ, ццэ!*

Это ццэ, ццэ! сначала удивляло меня, потом стало раздражать, потом уже доводило до тоскливого бешенства. В России *таким звуком подманивают свиней*, на Кавказе им *выражают восхищение, сожаление, удовольствие, горе* (1, 422).

Разнообразно употребление междометий «тьфу» и «брр». «Тьфу» используется для выражения отвращения, пренебрежения, негодования, досады. Оно как бы синонимично глаголу «плевать» в его переносном значении ‘относиться к кому-нибудь с презрительным безразличием, игнорировать, клеймить’.

Как показывает многочисленная литература по фольклору, этнографии, истории, религии, «тьфу» употреблялось при совершении определённых обрядов как своего рода культовое «чудодейственное» средство. Горький в своих произведениях отражает и это первоначальное употребление «плевка» и последующее значение «тьфу» в роли экспрессивного высказывания.

В «Деле Артамоновых» описываются заклятия при бракосочетании:

Барская, идя впереди, бормотала, поплёвывая во все стороны:

– **ТЬфу, тьфу!** Ни болезни, ни горюшка, ни зависти, ни бесчестьица, **тьфу!** Огонь, вода – вовремя, не на беду, на счастье! (16, 348).

В рассказе «Вечер у Сухомяткина» кухарка плевками оберегается от «сглазу»:

– *Гляди, Ефимовна, не перевари!*

– *Ну, что это вы, о, господи!* – глухим басом тревожно отзывается старуха и трижды плюёт к порогу.

– **ТЬфу, тьфу, тьфу!** (16, 263).

В современном русском языке это «тьфу» перешло в разряд междометий. Закрепились и новые синтаксические отношения, соотносительные с другими междометиями. Междометие «тьфу» употребляется не только как самостоятельное предложение, но и выступает в роли разных членов предложения:

[Людмила:] **ТЬфу!** Гадость! [о подслушивании] (12, 212). Нашёл жену – **тьфу!** (5, 146). Лысый, губы мокрые – **тьфу!** (4, 396).

«Брр!..» – первоначально рефлекс человека на холод, сырость. Этот губно-губной вибрант в дальнейшем получил переносное значение – эмоциональной констатации чего-то отталкивающего, вызывающего нервическую дрожь. Например:

[Елена:] **Брр!..** Не люблю говорить о смерти (6, 31).

Данные своеобразные междометия-жесты можно отнести к группе эмоциональных междометий. Чаще всего встречаются так называемые простейшие междометия: «а», «о», «у», «э», «и», «ай», «ой», «уй», «ах», «ух», «эх», «их», «ого», «ага» и др. От простейших междометий необходимо отличать рефлекторные выкрики. Горький передаёт и такие рефлекторные выкрики. Например:

Крик избиваемых сливался в гулкий и протяжный стон... А-а-а!» (7, 174). **О-о-о!..** застонало где-то близко, и Фома, вздрогнув, откачнулся от окна (4, 39).

В отличие от рефлекторных выкриков, простейшие междометия характеризуются сложным мелодическим рисунком. Отсутствие лексического значения в междометиях щедро искупается богатой интонацией как выражением эмоционального состояния. А.М. Горький и средствами графики (раздельное написание, двойные и тройные буквы, знаки препинания) передаёт произнесение этих междометий. Поэтому междометия Горького воспроизводятся голосом и воспринимаются слухом, как только увидишь их глазами. Часто и глагол указывает на характер произнесения междометия и связанной с ним фразы: «воскликнул», «возгласил», «протянул», «вздохнул», «завыл», «раздался рёв», «раздался окрик», «зарычал», «завизжал», «застонал», «промычал», «произнёс», «сказал», «прозвучал (испуганный голос)», «вскричал», «отозвался», «выговаривал», «бормотал», «усмехнулся», «крикнул», «разнёсся (в воздухе... крик)», «заметил», «зашептал», «заговорил». С этими глаголами сочетаются обстоятельства образа действия, выраженные наречиями, существительными с прилагательными и предлогами. Такое описание интонации междометия даёт яркую картину живого произношения. Примеры:

Яков торопливо и жалобно попросил:

– *Да погоди-и! Я боюсь один, – темно!..*

– **Эхма!** – Презрительно воскликнул Лунев. – Шестнадцать лет тебе, а всё ты ещё младенец (5, 84).

...когда вошёл Шакир, он [Кожемякин] отвернулся в угол и, натужно покашливая, сказал:

– *Выдай ему расчёт!*

– **Ух!** – откликнулся татарин негромко, с явным сожалением и испугом (9, 446).

В произведениях Горького таких примеров, когда двумя, тремя, пятью полнозначными словами поясняется интонация междометия, сотни. Показ «жизни души», живого звучания немыслим без описания интонации, интонация уточняет смысл слова. Вне контекста междометия совсем не «звучали» бы в письменном языке.

Помогает «звучанию» письменной речи и описание мимики, жеста, органически связанных с интонацией. Известный французский актёр и исследователь Ф. Дельсарт (1811–1871) утверждал, что междометию по богатству мимики принадлежит первое место среди всех частей речи⁹.

Кроме острой наблюдательности и цепкой памяти (о чём говорилось выше), Горький обладал и глубокими знаниями сценического искусства, его связывала творческая дружба с выдающимися деятелями театра, он был пластичен, красив во всех своих движениях¹⁰, со своеобразным мастерством читал свои произведения. Без этого не было бы Горького – основателя социалистического реализма, великого драматурга, несравненного мастера диалога.

Приведём хотя бы немногие примеры междометий, поясняемых жестами и интонацией:

Пашка сочинил стихи (повесть «Трое»):

– *О-г-го-го-о!* протянул Яков, широко раскрыв глаза. – *Вот это уж – прямо стихи!* – в тон ему подтвердил Илья (5, 53).

– *Эге-ге!* – качая головой и улыбаясь, заговорил Терентий. – *Девятый час, а у тебя, торговец, лавка не отперта!* (5, 258).

На одном из заседаний Плеханов, собираясь ответить кому-то, скрестил руки на груди и громко презрительно произнёс – *Х-хе!* (17, 11).

– *Ого!* многозначительно воскликнул поп и, подняв палец, покрутил головой [о пляске на свадьбе Петра Артамонова] (16, 349).

Для передачи живого звучания междометий Горький использует и различия в знаках препинания. Например, он не только поясняет характер междометия «ага», но и даёт его с вопросительным знаком:

Мне было неприятно, обидно [что увели клоуна], а все-таки, помню, я подумал, торжествуя:

– *Ага?* (11, 321).

Я бросился вон со двора, а вслед за мной летел торжествующий дикий рёв:

– *А-а...*

– *Ага-а?*

– *Сибибли-и-и!* (5, 331).

С вопросительным знаком встречается у Горького и другие междометия, например «о»:

Глядите – плачет [Фома Гордеев]!

– *О?* (4, 276).

На примерах из сочинений Горького можно показать, как многозначны эмоциональные междометия, насколько разнообразны случаи их применения, как изменяются при этом интонация, мимика, жесты. Ср. употребление междометия «эх»:

– *Я, брат, подучусь, так буду писать – держись только!*

– *Чеши!*

– *Эх, Илья! Кабы мне ума!..* (5, 101 – выражение страстного желания).

– *Гляди – жена приехала...*

– *Э-эх, несчастная!* – громко вздохнул какой-то оборванный мужик (5, 122 – выражение сожаления).

Когда я подарил кладбищенскому сторожу Бодрягину давно желанную им гармошку, он – одноглазый, лохматый – крепко прижал правую свою руку к сердцу и, сияя радостью, закрыв свой одинокий, милый – а порой жуткий – глаз, сказал: – *Эх-х...*» (15, 206 – высшее выражение благодарности и радости).

⁹ Волконский С.М. Выразительный человек. – СПб., 1913. – С. 27.

¹⁰ Станиславский К.С. Собр. соч. : в 8-ми томах. – Т. 1. – М., 1954. – С. 259.

Не меньше значений у междометия «о!» Оно выражает удивление, восторг, утверждение и т.д. Повтором, знаками препинания, поясняющими словами передаёт Горький эту гамму оттенков:

*Тогда я окончательно рассердился, повернул её [генеральшу Корнэ] затылком к себе и ударил лопатой пониже спины, так что она выскочила в калитку и побежала по двору, сказав трижды, с великим изумлением: – **О! О! О!** (14, 268).*

Клоун звонко крикнул какое-то чужое слово, – он лежал на панели вниз лицом и бил каблуками по спине человека, который сидел верхом на его поясице, скручивая ему руки.

*– **О-о**, дьявол! Подымай его! Веди! (11, 320).*

*Красотой можно много взять – **о!** (5, 197).*

– Знаешь, – сказал Илья товарищу, – и он [Павел] тоже книжки читал...

*– **О?** – воскликнул Яков и тотчас же заговорил с Пашкой более дружески (5, 52).*

*Как она избита...**О!** (5, 234).*

*– **О-о!** стонет жінка. – Бесстыжи очи! (3, 96).*

Немало в произведениях Горького и производных междометий, обращавшихся из других частей речи, из неразложимых сочетаний, выражающих возмущение, недоумение, растерянность, восторг, сожаление, удовлетворение и др.: «господи!», «боже мой!», «батюшки! матушки!», «чёрт!», «беда!», «страсть!», «дудки!», «штука!», «скажите!»

*Ах, кабы вы знали, какие из вашего брата поганцы есть!.. **ба-атюшки!**.. тошнит, как встретишь после! (1, 294–295). Порядки! **ну!**.. господи! Разве так можно?! (1, 296). И покосу тут – **беда!** Без краю покосу! (1, 144). Знаешь ты, как она о тебе заботилась? **Беда!** (1, 284). Сколько мы с тобой городов прошли! **Страсть!** (1, 284). Ты, можешь, думаешь, что человек к себе волен? **Дудки**, браток! (1, 95). **Ч-чёрт!** – шепчет мой приказчик с завистью и восхищением (13, 383). **Ч-чёрт... Гм!** Может быть, у тебя есть что-нибудь? Картофель, хлеб? (3, 442).*

Горький прибегает и к приему каламбурного употребления междометий, основанному на переходности существительного в междометие. В рассказе «Ещё о чёрте» Иван Иванович казнит себя за связь с женой своего старого товарища:

*– **Но-о, чёрт!** если б я мог вырвать страсти из своего сердца!*

– Вы попробуйте, – раздался вежливый голос. – Если угодно – я могу помочь вам в этом...

*Иван Иванович быстро поднял голову и вздрогнул, – при виде **чёрта** всегда вздрагиваешь.*

*– Извините... я не заметил, когда вы вошли... Если не ошибаюсь – имею честь видеть... **чёрта?***

*– Именно, сказал **чёрт** (3, 462).*

Очень богат у Горького словарь междометий-идиомов, фразеологизмов, что характерно для синтаксиса разговорной речи: ***Ах ты, чёрт**, – кажись, тронулась (3, 434). **Чёрт возьми**... холодно, знает! (5, 268). Вот так фунт! Ребёнок... **Ах ты**, сделай милость! – в недоумении прошептался он [Семага], поднося находку к своему носу (1, 256). **Поди ж ты вот!** девка такого поведения – и вдруг! (1, 284).*

Упомянем ещё общеупотребительные: «ух ты», «ух ты как», «ах как», «ой как», «фу ты», «ишь ты», «ишь как» и др.

Часто герои Горького употребляют междометие «нако!» И другие сочетания с «на», выражающие удивление, упрёк, недоумение, насмешку. Например:

*Среди бела дня, на эдакой людной улице, – **нако-вот!** (5, 121). Там ты бы надо мной верховодил как хотел, а здесь – **нако выкуси!** Он показал отцу кукиш и засмеялся... (3, 282).*

В живой речи героев Горького эмоциональные междометия стоят в тесной связи с другими полнозначными словами, выступая в качестве члена предложения, чаще всего в значении сказуемого. Иногда междометие составляет придаточное предложение

Междометие-сказуемое: *Эти самые речи – **ой-ой-ой!** (9, 79). ...девочки там – такие – **тью!** (5, 216). Я тебя впервые вижу, кто ты есть – не знаю, а ты – **эко!** (16, 327). ...Я*

старался, чтобы ты без покаяния жизнь твою не кончил, а ты – **нако!** (3, 72). Городские женщины, они ведь **ой-ой-ой!** (3, 482). Велика матушка Русь! Теперь вольная, как начнёт она по-новому-то жить, как пойдёт по всем путям – **ой-гой...** (9, 171). – Седые – ничего... Седые – добрые. А вот которые рыжие – **ух ты!** Те кровь пьют (5, 15).

Междометие – придаточное предложение: Книга-то! Объясняет себя так, брат, что **ой-ой** – пугливо сказал Яков (5, 146). Дьявол такой, что **ух!** (1, 401).

Междометие – обстоятельство образа действия: Теперь ему так живётся – **ой-ой-ой!** (5, 243). То-то бы задумался народ, **ух!** (8, 445). – Глядите, как он, бес, смотрит на Ульянов-то, **ой-ой!** Быть ещё свадьбе, только без попов... (16, 344). Ну, теперь, Грохотало, держись. Начнёт он тебя покорять – **ух ты!** (14, 17). И разодела – **ну-у-у!** (9, 96). Теперь ему так живётся – **ой-ой-ой!** (5, 243).

Междометие-определение: Ах, какой пекарь! Золото! Но тоже пьяница – **и-ух!** (3, 7).

Междометие – вводный (эмоционально-модальный) член предложения: Я решил, что буду работать, пока не заработаю достаточно денег для него на проезд до Батума, но – **уввы!** – оказалось, что это случилось бы не очень скоро, ибо проголодавшийся Шахро ел за троих и больше (1, 419). Нет, братец, будь я полицеймейстером – **зм!** – вот тогда бы ты мог сказать мне спасибо... **о да!** (5, 198). Да-а, дружба, не легко людям жить – **охо-хо!** (16, 28).

Модальность выражают и другие эмоциональные междометия. Если опустить «нако» в предложении Муж на каторгу ушёл, а она **нако!** гуляет... (2, 439), то останется только констатация факта. Об отношении говорящего к факту сообщения можно, правда, судить по подбору слов («гуляет»), по их расстановке (инверсия: «на каторгу ушёл»). Но резкое осуждение поведения Пелагеи выражено междометием «нако!», произнесённым с повышенной интонацией, что на письме передано восклицательным знаком.

Некоторые простейшие эмоциональные междометия («ай», «эх» и др.) по грамматической функции приближаются к частицам, являясь структурным элементом восклицательных предложений. Например:

Ух, как вы громко звоните!.. (5, 174). **Ишь** как страшно! (5, 220). **Ишь**, зафорсил приказчик (5, 59). – **Ой**, устала (9, 566). **У-у**, скучнуший» (там же). Дрянного всего много на свете, парней, например, – **братюшки сколько!** – смеялась Мальва, выжимая воду из своих волос... (3, 262). **У-у**, холодно! А – весна... (7, 301)¹¹.

В произведениях Горького встречается немало случаев сочетания междометий с частицами. Например: **Ещё бы-с!** Они ведь **ой-ой-ой** (3, 486). **Вот так – а-яй!** (5, 12). **Теперь уж дудочки** (1, 311).

Значительное место занимают в произведениях Горького и императивные (повелительные) междометия. И по своему значению и по синтаксической функции императивные междометия резко отличаются от эмоциональных. Императивные междометия – слова-команды – не так многозначны, имеют более устойчивую интонацию, обычно употребляются самостоятельно, а иногда, как и императив глагола, имеют дополнения и обстоятельственные слова («**Марш** домой!» «**Айда** на Волгу!»). Как и эмоциональные междометия, они только сигналы без словарного значения. Богатое литературное наследие Горького включает и все виды императивных междометий. Приведём некоторые примеры из разных групп.

Междометия призыва, предупреждения: За кипятком... **эй!** (5, 378). Откуда-то из-под окна явился часовой и, грозя пальцем, сурово сказал: – **Эй...** нельзя! (5, 279). Стой!.. Братюшки... Держи... **Кра-у-ул...** (5, 87).

Междометия, выражающие требование соблюдать тишину, покориться: **Браво! Тс-сс-с...** Тише! (5, 309). **Ш-шш!** – зашипел старик. – Ничего... Это он во сне... они часто кричат... (5, 384). А ты – **цыц!** Заступник... Вот я тебе дам! (5, 23). Встречается и множественное число «цыцте»: **Цыцте**, Сергей Михайлович – сплять! (20, 600). **Нишкни!** –

¹¹ Запятые не передают живого произношения, они ставились по традиции. См.: Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Изд. АН СССР, 1960. – С. 253.

сказал Семага сурово. **Нишкни!** А то я те задам (2, 137).– **Ша**, крикнул старик, но это не испугало детей (15, 268). **Чу**, колокольчик, – стало, едут! (11, 298).

«Чур!» – слово запрещения. В речи персонажей Горького встречается ещё как культовое слово при заговорах, например: – *Как с гуся вода, чур, с беса руда! Вот идёт муж стар, вот бежит конь кар – заклинаю ты, конь, – стань! Чур! в Окиане-море синий камень латырь, я молюся камню...* (9, 285).

Междометия, побуждающие к движению, действию или к остановке.

В произведениях Горького часто употребляется тюркское «айда». И это естественно для разговорного стиля, особенно в рассказах и повестях, где действие происходит в Поволжье или на юге. В разговорном языке «айда» часто сочетается с обстоятельственными словами: *Айда гулять, Илюшка!* (5, 19). *В каторгу понадобится идти – вместе айда? Слышишь?* (5, 145).

Упомянем ещё «марш!», «стоп!», «шабаш!», «баста!», «тю-тю!»: **Шабаш!** – сказал Мирон, кончая вместе и философствовать и работать (1, 285). *Сломались. Трах! Фрррр... готово! Стоп! Машинист лает* [о поломке молотилки] (1, 404).

В произведениях Горького мы встречаем и слова клича и отгона животных: «узы», «кш... кш», «брысь», «тпру». Как насмешка, приказ удалиться, эти слова могут быть обращены к человеку. Например:

[Прохор:] *Я твой управляющий... и больше никаких! И нечего тебе тут плутать, Плутонша... брысь!* (12, 178). *Брысь ты! Не трожь человека!* (1, 268). **Тпру!** – сказал он [Перфишка] и засмеялся пьяным смехом (5, 155).

Немало в произведениях Горького и других императивных междометий: профессиональных, например, морских («майна», «вира»), военных («марш-марш»), обращаемых к детям («баю-бай») и т.д.

Часто в произведениях Горького встречаются «на» и «ну» с самыми разнообразными смысловыми оттенками и в разных функциях. Горький в большом количестве вводит в свои художественные произведения звукоподражательные слова¹².

Различные явления природы (гром, дождь, плеск воды и т.д.), голоса животных, звуки музыкальных инструментов, колоколов, трудовых процессов, человеческого голоса, даже кашля, дыхания служили писателю структурным материалом его произведений.

Исследование звукоподражаний в произведениях писателя даёт возможность уяснить хоть в малой степени принципы его эстетики, оценить его необыкновенную способность творчески слушать, понимать слышимое, передавать читателю все отголоски звучащего мира.

Нередко путём повторения звукоподражаний писатель подчеркивает, например, характерную черту персонажа, раскрывает его внутренний мир. Для контрреволюционера Новака характерен булькающий «странный жуткий звук, свойственный заикам: – **Уп-уп-уп...**» (16, 83).

Рисуя пейзаж, картины дореволюционной России, Горький использует звукоподражательные слова, придающие определённую эмоциональную окраску повествованию, как, например, в рассказе «Кладбище»:

– **Нн-о-у... нн-о-у**, – докучно растекалось над могилами холодное пение маленького колокола (11, 98).

В повести «Городок Окуров», изображающий «уездную, звериную глушь», на фоне ненадёжной, выжидающей тишины, которая таилась в городе, раздаются удары бондарей: «**Тум-тум-тум... Тум-тум...**» (9, 105), как бы возвещающие о непрочности существующего порядка.

¹² Звукоподражательные слова мы редко отграничиваем от междометий. Это специфическое, исторически изменяющееся отражение в речи звуковой стороны действительности для образного представления о ней. Это не название предмета, процесса с характерным для него звуком (ритм, темп, иногда и тембр). Звукоподражания нельзя смешивать с имитацией, как это часто имеет место.

Писатель в конце книги сам раскрывает символический смысл звуковой картины:

И всё работал неуловимый человек, – где-то на Петуховой горке, должно быть; он точно на весь город набивал тесный крепкий обруч, упрямо и уверенно выстукивая: –Тум-тум-тум... Тум-тум... (9, 116).

В произведениях Горького, как и в устном народном творчестве, встречаются слова и выражения, построенные так, что они условно передают темп, ритм, а иногда и тембр изображаемого звукового явления. Часто при этом такие выражения очень близки к звукоподражательным словам. Иногда эти звукоподражания являются выражением настроений или затаённых дум героев. Например:

В тишине утра над ним [городком Окуровым] колебались знакомые, привычные уху звуки – работал бондарь:

–Тум-тум-тум.

А журавли кричали:

–Увы, увы... (9, 490–491).

В автобиографической повести Горького «Хозяин» тяжёлое раздумье подростка по поводу мрачных картин жизни определяет и восприятие им звуков окружающей действительности:

Где-то работают кузнецы, – мерно стучат два молота, точно спрашивая: –Это люди? Это жизнь? (14, 92).

В очерке «Отработанный пар» так передаётся стук колёс вагона: *Соседний вагон «буксует», ось надоедливо визжит:*

– Рига-иго-иго, рига-рига-иго...

А колёса поезда выстукивают:

–По-пут-чик, по-пут-чик...

Попутчик – человек до того бесцветный, что при ярком солнце он, вероятно, невидим (15, 321).

На основе звукоподражательных слов и фраз Горький создал насыщенные глубоким социальным смыслом «Весенние мелодии» (5, 322–325).

Безрадостное существование бедного подмастерья Платона у часового мастера Анания («О тараканах») проходит под аккомпанемент «разнозвучного, непрерывного чмокания и чавканья многочисленных маятников, скользивших по стенам маленького, сумрачного магазина, чавкая время. В словах хозяина было что-то навязчивое, и, когда Платону становилось скучно чистить щеточкой различные колесики или чистить мелом медь гирь и цепей, он тихонько напевал:

– На-ка-чвак, на-те-чмок; Соф-чок, рон-чок» (15, 375).

Голосом старинных английских часов, стоявших в углу, в гробоподобном ящике, Ананий приказывал:

«–Маль-чик чаю!» (15, 376).

Звукоподражательные слова редко бывают изолированными. Они – как и междометия – выступают в значении любого члена предложения. Чаще всего они являются сказуемыми. Это и естественно, так как звук связан с движением, с процессом. Стремление образно представить действительность и обуславливает замену в живой речи глагола звукоподражательными словами. Примеры:

А из него [из мешка] птицы разные ф-р-р!.. Чиж, синицы, щеглята – видимо-невидимо! (5, 25). [Циганов:] Хотел уснуть и не мог, чёрт побери! Летают уездные мухи – джжж, джжж! И с размаха в стекло – бумб! (6, 403). Ты что? Ты ещё нашему богу – бя! Вот ты что, паренёк!.. (3, 250).

Звукоподражательные слова часто выступают в качестве своеобразных обстоятельств образа действия, определений или приложений, а иногда и дополнений или вводных звукоподражательных слов:

Где-то вертелась форточка и взвизгивала:

– Й-у... й-у... й-у...

– *Й-у... ию-ию-ю*, – *ныла форточка, и в груди Лунёва тоже ныло* (5, 271). ...Дед внятно произносит слова молитвы, и птица, просунув восковой жёлтый нос между палочек клетки, *высвистывает*:

– *Тью, тью, тью-иррь, ту-и-ррь, тью-уу!!* (13, 93). *Ходит эдаким полицмейстером и ворчит: брю, брю, брю!* [о павлине] (5, 178). [Перчихин:] *Расчудесное это занятие – снегирей ловить!.. И вот на эту умильную красоту – гурлы! гурлы!* – *вдруг с небес чистых стайка красных птичек опустится, цви! цви! цви!* (6, 17–18). Иногда юноше казалось, что над городом непривычно дрожит болезненный и тоскливый вой: *А-а-а...* (9, 226).

В произведениях Горького немало неспрягаемых глаголов типа *толк, шасть*, выражающих мгновенное действие. Таковы: *швырь, цап, хап, хоп, раз, стук*. Очень экспрессивные, свойственные разговорному языку, эти глаголы часто содержат и элемент звукоподражательности, который иногда господствует над их лексическим значением. Например: *бац, бултых, теп, трах, хлоп, хлясь, шлёп*.

Мы затронули только небольшую часть междометного словаря Горького. Но этот маленький материал показывает великое искусство писателя строить диалоговую речь. Междометия – кратчайший способ выражения модальности; вне языка, мимики, жеста они невысказанны. Искусным и естественным включением в текст Горький заставляет их «звучать» и на письме. Междометие, категория речи, которая обычно не учитывается при анализе стиля, является у Горького важным элементом при создании типов и характеров. На его произведениях можно (и должно) строить стилистику письменной и устной речи.

Вместе с тем обилие междометий и звукоподражаний в художественных произведениях Горького, его «звучащий разум» даёт основу для решения вопроса о специфике междометий, их грамматических свойствах.

Статья впервые была опубликована в сборнике «Словоупотребление и стиль М. Горького». – М., 1962. – С. 104–119.

О.М. Соколов

СЕМАНТИКА КАТЕГОРИИ ФАЗОВОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В последнее время появляется всё больше работ, свидетельствующих о необходимости определить место категории фазовости в системе других языковых категорий. Особую важность приобретает изучение фазовости при описании семантической структуры глагола, в частности аспектуальности. Если, например, категория славянского вида является весьма специфической, то фазовость хорошо осознаётся носителями разных языков, хотя средства её выражения могут быть своеобразными [7].

Следует подчеркнуть также, что многие вопросы аспектологии получают дополнительное разъяснение через обращение к фазовости, и потому арсенал приёмов практического изучения видов может быть значительно расширен. Впрочем, и теоретические вопросы аспектологии теперь уже не могут обойтись без выделения фазовости в особый раздел, о чём свидетельствует появившаяся недавно «Теория функциональной грамматики» [16].

Фазовость является выражением ограниченности процессности тем или иным временным пределом в диапазоне от момента возникновения (начала) до завершённости (окончания). Диапазон, о котором идёт речь, может быть протяжённым (начало – процесс или процесс – исчерпанность) и незначительным, когда расстояние от начала до конца является сжатым (синхронизация начала и конца). Существуют и другие виды фазовых пределов [12]. Однако общее определение фазовости строится на выделении полярных видов предельности – на противопоставлении начала процесса и его исчерпанности. Отсюда определение фазовости, которая выражает отношение неограниченного пределом процесса к его началу или завершённости.

Существует и другое определение фазовости, в основу которого положен не признак *отношения*, а признак *триединства*: начало – середина – конец. В этом случае середина действия («интерминативное значение») рассматривается наряду с началом и концом как самостоятельная фаза и отождествляется с несовершенным видом. Такое понимание фазовости порождает многочисленные вопросы, а также ведёт к явным противоречиям. Не ясно, например, как можно с позиций «серединной фазы» объяснить отношение типа *подпрыгивать* – *подпрыгнуть*? (здесь скорее глагол совершенного вида следовало бы рассматривать как промежуточный акт длительного неопределённого действия). При таком определении фазовости требуются специальные разъяснения и того, почему начальная фаза в глаголах типа *начинать*, *приступать* и т.п. в то же время должна рассматриваться и как середина между началом и концом.

Таким образом, представляется принципиально важным рассматривать фазовость как продукт отношения: когда действие либо носит допредельный характер (отношение процесса к его завершённости), либо действие носит послепредельный характер (отношение реализованного предела к последующему процессу). Вне такой соотносительности фазовость зачастую определить невозможно, так как далеко не всегда она зависит от собственного лексического значения слова или морфемы. Специально рассмотрению этого вопроса посвящена одна из работ автора [12]. Языковое выражение фазовой семантики нельзя, конечно, ограничивать лишь областью глагольных форм. В орбиту фазовости оказывается втянутой семантика других частей речи, прежде всего имён существительных, прилагательных, наречий (последние выступают как индикаторы фазовости). Фазовость может относиться и к широкой сюжетной ситуации, проявляется как регулярная реализация структурных схем предложения [17, 18]. В основе фазовой семантики лежат причинно-следственные отношения, возникающие при сопоставлении, с одной стороны, значения неограниченной процессности, а с другой – ограничения её пределом (начало – процесс, процесс – его исчерпанность). Конечно, отношение процесса к его пределу может осложняться множеством сопутствующих лексических признаков: локальными, качественными, обстоятельственными и прочими характеристиками, однако во всех без исключения случаях с тем или иным значением сопряжено и фазовое значение, выступающее как инвариантное. Поэтому можно утверждать, что любой способ глагольного действия имеет отношение к выражению фазового предела или фазового значения [11–13]. Причинно-следственный характер фазовости некоторым образом роднит эту категорию с каузативностью, хотя отождествлять их нельзя. Как известно, каузация связывается с семой появления признака, мотивированного активным производителем действия. Так, в каузативные отношения вступают глаголы *мочить* – *мокнуть* (*дождь мочил листья – листья мокли*), *поить* – *пить* (*поила ребёнка молоком – ребёнок пил молоко*) и т.п. Но сходная детерминация характеризует и фазовые отношения: *дождь мочил листья – листья стали мокрыми (вымокли)*, *солнце золотило верхушки деревьев – верхушки деревьев стали золотыми* и т.п. В последнем случае выражена конечная фаза процесса, связанная с воздействием на объект. Однако фазовая детерминация не обязательно связана с активным воздействием на объект. Фаза может быть следствием спонтанного развития (*волосы его седели на висках – волосы его на висках стали седыми, поседели; вершины гор побелели от снега – вершины гор белели вдаль*). Здесь фазовые отношения противоположны: результат, достигнутый развитием действия, становится условием для называемого глаголом последующего состояния. На приведённых примерах можно убедиться также в том, что категория фазовости, отличаясь по характеру детерминативных отношений от каузативности, отличается также и от любой аспектологической категории (способов действия или вида). В целом категория фазовости обладает целым комплексом признаков, которые позволяют отнести её к самостоятельной лексико-грамматической категории, по своему объёму более широкой, нежели категория глагольного вида (основанием для такого утверждения является то, что не существует внефазовой оппозиции, а также включение

в поле фазовости широкого круга неглагольной лексики). Фазовость как языковая категория обладает целым рядом существенных признаков, из которых назовём следующие.

1. Полевая структура, ядро которой составляют аналитические и синтетические глагольные формы. К аналитическим средствам выражения фазовых значений относятся не только глаголы *начать*, *кончить*, *продолжить*, но и значительный арсенал других лексических единиц с фазовым значением: *броситься*, *приняться*, *взяться*, *пойти*, *оставить*, *бросить* и т.п. К синтетическим формам следует отнести также не только префиксы определённых «фазовых» значений, но все без исключения аффиксальные средства передачи видовых значений коррелятивного и деривационного статуса. Полевая структура фазовости предполагает подключение разнообразных синонимических способов её передачи с использованием не только глагольных средств, но и других частей речи, в результате чего и возникают синонимические синтаксические структуры с фазовыми значениями: *стать седым* – *поседеть* (результативно-завершительная фаза), *начать играть* – *заиграть*, *броситься бежать* – *побежать* и т.п. Проявлением полевой структуры категории фазовости является также стремление отдельных компонентов фазовой парадигматики к абсолютизации. Существуют ключевые слова, включающие фазовую семантику как основное лексическое значение: начало, конец, продолжение, ограничение и т.п. Многие глаголы русского языка вбирают в себя фазовую семантику безотносительно к конкретному действию: *ринуться*, *хлынуть* и т.п. Такой же особенностью обладают и некоторые фразеологизмы со значением начала или же исчерпанности действия (*развязать войну*, *завязать с друзьями*, *впасть во гнев* и др.). Такого рода синонимия связывается с взаимодействием фазовых синтаксических структур [14, с. 462–463]. Аналитические и синтетические средства передачи фазовости, находясь в постоянном взаимодействии, не только дополняют друг друга, но и отражают фазовую цикличность. Например, в выражении «начинается представление» начальный фазовый цикл не является завершённым. Средствами глагола несовершенного вида отмечается лишь приближение выступления действия в его реальную начальную фазу.

2. В основе фазовости лежит бинарная структура, что является характерным признаком многих грамматических категорий. В семантическом плане категория фазовости отражает противопоставленность начала и исчерпанности действия, но через них могут быть определены и промежуточные значения. В любом случае фаза не может определяться вне отношения непрерывного процесса к его прерывности. Предельность процесса или приближенность к границе – главный признак фазовости. Наиболее чётко фазовое значение выражено в аналитических конструкциях, но оно содержится и в глаголах совершенного вида.

3. Отдельные проявления фазовости приобретают чисто грамматический характер. Так, значение фазовости варьируется в таких видовых оппозициях, которые носят коррелятивно-грамматический характер. Ср.: *кипятиться* – *вскипятиваться* (начало и результат – соответственно о человеке и жидкости), *располагаться* – *расположиться* (начало и результат) – в зависимости от неопредельной или предельной семантики глагола несовершенного вида (НСВ) и т.п. О грамматическом характере фазовости свидетельствуют и различия, которые прослеживаются в составе двувидовых глаголов, отражающих три типа отношений: а) отношения начала к неопредельному процессу (*оккупировать* – «захватить» и «продолжать удерживать»); аналогично: *стабилизировать*, *титуловать*, *абонировать*, *аттестовать*, *парализовать*, *узурпировать*, *деморализовать*, *реабилитировать* и др.; б) отношения процесса к его завершению (результату): *редактировать*, *крестить*, *кольцевать*, *штабелировать*, *дооборудовать*, *переосвидетельствовать*, *исповедовать* и др.; в) отношения потенциальной серийности: *молвить*, *ранить* и др. [13].

4. Косвенно о грамматической природе фазовости свидетельствуют закономерности, связанные с функциональной конкуренцией глаголов НСВ и СВ (совершенного вида), обладающих типичными фазовыми характеристиками – начинательности, ограниченности,

одноактности и завершительности. Например: *Войска расположились (располагались) на холме* и т.п. [8].

5. Косвенно о грамматической природе фазовости свидетельствует и тот факт, что фазовые значения префиксов не разрушают целостности глагольных фразеологических оборотов: Ср.: *вздохнуть (вздохнуть) свободно, земля горит (загорелась) под ним, держать (поддержать) язык за зубами, ждать (прождать) у моря погоды* и т.п. [4].

6. О категориальном характере фазовости свидетельствует константная функция глагольных словообразовательных аффиксов, которые всегда в фазовом отношении оказываются значимыми. Например, результативное значение префиксов может наполняться различной фазовой значимостью в конкретных речевых условиях. Интенсивно-результативным значением обладает префикс раз- в слове *разодеться* (фазовая функция исчерпанности), но наряду с таким значением префикс раз- преобладает «начинательной» значимостью в глаголе *разговориться*. В глаголе *двинуться* суффикс -ну- наряду со значением одноактности и мгновенности служит и выразителем начальной фазы процесса.

7. Существенным признаком фазовости как особой категории является её высокий «сценический» потенциал, т.е. способность проявляться в относительно развёрнутых сценах типа «фрейма».

8. Отличительной чертой фазовости является её цикличность. Цикличность связана с формированием начала и формированием исчерпанности процесса. Она строится на основе бинарных оппозиций, которые складываются в более сложную структуру, отражающую поступательное развитие действия – от постепенного формирования начала до постепенного перехода к исчерпанности (см. об этом ниже).

В этом находят свое отражение относительность (релятивность) фазовости, диалектика связи начального и конечного. Многие проявления фазовости совпадают с аспектологической характеристикой глагола. Можно согласиться с тем, что морфологические средства выражения фазы действия и выражения вида оказываются общими. Однако нет оснований в данном случае говорить о смене аспектуальной теории на «фазовую». Конечно, объектом анализа являются те противопоставления, которые интересуют аспектологию. Но в то же время концепция фазовости позволяет рассматривать факты под иным углом зрения, нежели это принято в аспектологии. В целесообразности такого подхода нет сомнений уже потому, что аспектологические концепции не дают удовлетворительного ответа на многие вопросы, имеющие теоретический и прикладной характер (проблема видового инварианта, несистемный характер способов глагольного действия и т.п.).

Фазовая теория не отменяет несомненных достижений в области современной аспектологии, однако в отношении такого сложного объекта, как семантика русского глагола, может и должен применяться полностью оправдавший себя принцип дополнительности, в соответствии с которым объект в разных экспериментальных и теоретических системах может и должен изучаться с помощью различных категорий и понятий.

Многие стороны категории фазовости остаются пока ещё недостаточно исследованными, хотя надо признать, что большой объём новой информации содержится в соответствующем разделе «Теории функциональной грамматики». Требуют дальнейшей разработки типология фазовой семантики и способы выражения различных фазовых значений с помощью морфологических, аналитических и лексических средств. Семантическая типология фазовости не должна ограничиваться выявлением только начала и конца, завершённости действия. Систематизация фазовых значений может быть связана с выделением циклов, взаимозависимых, но в то же время характеризующихся и определённой замкнутостью, формируемых с участием как глаголов несовершенного, так и совершенного вида.

Особого анализа требует фазовая семантика, «заложенная» в глаголах НСВ и СВ, независимо от того, как она истолковывается в аспектологических исследованиях, хотя

очевидно, что многие аспектологические характеристики являются в то же время и фазовыми, что обусловлено тесной связью этих категорий.

Рассмотрим некоторые особенности фазовой семантики отдельно в глаголах НСВ и СВ. Особенности фазовой семантики глаголов НСВ связываются с характером направленности действия на достижение результата (предельность) и с характером протекания [6]. К фазовой членимости действия имеет прямое отношение прежде всего направленность действия, которая может носить различный характер. Для определения фазовой перспективы важным представляется установление того, к какому пределу стремится действие. Основными являются следующие разновидности пределов.

1. Действие стремится к такому пределу, после достижения которого попытка или приступ становятся реальностью, создающей предпосылки для последующего действия. Наиболее чётко такое соотношение направленности и реализации выражено в соотношении фазовых глаголов *начинать – начать*. Ср.: *заболевать – заболеть, закуривать – закурить, задувать – задуть (начал задувать ветер), загнивать – загнить* и т.п. Основное содержание этих отношений сводится к тому, что устойчивое проявление основного процесса (*болеть, курить, петь, дуть*) возникает не сразу, а подготавливается предшествующим развитием. В русском языке постепенный приступ к началу осуществления какого-либо процесса сравнительно редко выражается морфологической формой основного глагола. Гораздо чаще это значение передается при помощи вспомогательного фазового глагола несовершенного вида (*начинает казаться, начинает светать* и т.п.). Достижение начинательного результата (что выражается уже формой соответствующего глагола совершенного вида) совпадает со значением исчерпанности подготовительного действия.

2. Действие стремится к такому пределу, который связывается с достижением качественного результата, способного проявляться во времени как длительный процесс. В этом случае морфема, как правило, не обладает собственным лексическим значением начинательности (в отличие от рассмотренных ранее случаев). Предел носит относительный характер, т.е. с его достижением действие не прекращается, а мыслится как продолжающееся, но в то же время уже непредельное, т.е. не направленное на достижение какого-либо результата. Ср.: *Туман постепенно закрывал (закрыв) горы – Туман давно уже закрывал горы; Горы постепенно тонули в сумерках (потонули) – Наступил вечер, горы тонули в сумерках*.

В отношении этих случаев можно утверждать, что здесь имеет место исчерпанность предельного процесса, которая выступает как точка отсчёта для процесса непредельного, но детерминированного предшествующим развитием в рамках инвариантного значения глагольной лексемы. Говоря другими словами, речь идёт о предельном процессе, стремящемся по достижении предела проявить себя как признак, свойство. Наиболее полно это соотношение разъясняется через аккумулятивную и генеративную функции приглагольных актантов: актант приобретает (приобрёл) признак – актант проявляет названный признак [10].

3. Предельное действие стремится к абсолютной исчерпанности. Особенностью таких глаголов является то, что после достижения предела действие, называемое данной лексемой, прекращается и не имеет продолжения. Здесь может быть выделено несколько разновидностей глаголов НСВ:

а) семантика исчерпанности заложена в фазовых глаголах: *заканчивать, завершать, прекращать, прерывать* и т.д.; стремление таких глаголов к значению исчерпанности находит реализацию в видовом корреляте СВ;

б) глаголы комплетивного значения, действие которых отражает максимальную приближенность к исчерпанности (ср.: *договаривать, доцветать, дожимать, дозревать, добираться до сути* и т.п.);

в) глаголы финитивного значения: *отцветать, отпадать, отрываться* и др.;

г) многие глаголы не имеют каких-либо определённых морфологических показателей, свидетельствующих о стремлении к абсолютной исчерпанности, но их абсолютная

потенциальная предельность выражена лексически: *умирать, погибать, уничтожаться, появляться* и т.п.

4. Действие стремится к относительному фазовому пределу. Сюда относятся глаголы с направленностью на результат, способный варьировать степень признака. Это означает, что действие по достижении результата может продолжаться в том же направлении, то есть степень признака, отражённого на предмете, может ещё изменяться. Такая предельность является относительной: *стареть, повышаться, убыстряться, взростеть* и т.п. [2].

5. К предельным глаголам особого типа А.В. Бондарко относит такие, как *проститься, советовать, хвалить, благодарить, клясться, лгать* и т.п., характеризуя их как глаголы «непрерывного эффекта». По наблюдениям Ю.С. Маслова, эти глаголы обозначают такие действия, которые «ни при каких обстоятельствах не могут мыслиться как оставшиеся “неэффективными”, “безуспешными”» [5, с. 7]. В то же время А.В. Бондарко полагает, что глаголы этого типа вступают в видовые пары «не для выражения соотношения направленность на предел – его достижение», а для иных целей [1, с. 22].

6. Значительная часть глаголов НСВ содержит эксплицитное значение повторяемости (многоактности) действия. В сущности, значением повторяемости обладают и глаголы предыдущей группы, о чём пишет А.В. Бондарко, ссылаясь на мнение Ю.С. Маслова. Ср. также: *закашливаться, засматриваться, появляться, удивляться* и т.п. Во многих случаях многоактность выражается определёнными морфологическими средствами: суффиксами и префиксами. Конкретное семантическое наполнение многоактности может быть разнообразным и требует специального описания; возможны действия, ослабленные в своём проявлении: *приплясывать, пританцовывать*; действия, состоящие из мгновенных разрозненных актов: *шагать, прыгать, колоть* и т.п.; действия, совершаемые многими предметами: *капли стучат по стеклу* и т.п. В принципе многоактные глаголы не исключают и направленности действия на достижение предела (*шагать к дому, грести к берегу* и др.).

7. К выражению фазовости в русском языке непосредственное отношение имеют и неопредельные глаголы. Неопредельность в глаголе русского языка часто выступает как следствие предельности, то есть детерминируется предельностью и, следовательно, отражает поступательное развитие. Правда, при этом сама неопредельность не носит явного признака развития, хотя и не исключает его. В связи с этим можно различать разные виды неопредельности: а) неопредельное значение, которое неявно связывается с накоплением какого-либо признака, с потенциальным усилением интенсивности: *бушевать, кудахтать, волноваться, болтать, шуметь* и т.п.; б) неопредельность, которая связывается с результатом предварительного действия (*болеть, зеленеть, голубеть* и т.п.); в) неопредельность, близкая к абсолютной, то есть не предполагающая проявления признака, в большей или меньшей степени (в основном глаголы отношения: *относиться, являться, находиться, называться* и т.п.). Заслуживает внимания то, что промежуточный фазовый глагол *продолжать* (в отличие от начинательных и комплетивных) является неопредельным и легко взаимозаменяемым с глаголом СВ *продолжить*; г) важно обратить также внимание и на то, что любой предельный глагол может быть представлен и как неопредельный (*Он славно пишет, переводит; Читает без словаря* и т.п.). Это глаголы с погашенной семой предельности, которая легко восстанавливается. Таким образом, в отношении глаголов НСВ можно утверждать, что фазовая динамика во многом определяется соотношением неопредельности и предельности. Предельность может предварять неопредельность, детерминируя её: *сидиться – сидеть, вставать – стоять, ложиться – лежать, увидеть – видеть, тонуть (погружаться) – тонуть (быть в погруженном состоянии), чернеть (становиться) – чернеть (казаться), узнавать – знать, оккупировать (постепенно) – оккупировать (удерживать), располагаться (постепенно) – располагаться (находиться), цементировать (покрывать цементом) – цементировать (соединять), соединять (сваркой) – соединять (прочно), оттенять (кисточкой узоры) – оттенять (выделять), выделяться (постепенно) – выделяться (отличаться), окружать (группировку) – горы окружают долину* и т.п. Фазовая детерминация здесь отражает последовательность событий – от становления признака (его

аккумуляции) до появления признака (его генерации). Общим членом (посредником) служит здесь глагол совершенного вида, совмещающий функции результата и начала. Фазовая детерминация может носить и иной характер, также, впрочем, основанный на соотносительности предельных и непредельных значений глаголов НСВ. Это связывается с более конкретной и более отвлечённой семантикой некоторых глаголов. В конкретном употреблении такие глаголы, как *писать*, *читать*, *учить* (кого или что...) являются переходными и предельными. Однако конкретные действия, подвергаясь обобщению, могут обозначать свойство производителя действия (*он прекрасно читает*, *он учит*, *что..*, *он хорошо говорит* и т.п.). Обобщённое действие является в этом случае как бы следствием конкретных действий. Предпосылки для построения фазовых циклов следует искать также в семантике глаголов СВ. Все эти глаголы предельны. Однако предел, который эксплицируется в этих глаголах, может быть различным и в фазовом отношении переменным.

1. Выделяются глаголы СВ со значением реализованного начала действия, выступающего как результат предшествующего развития: *начинать* – *начать*, *приниматься* – *приняться*, *запевать* – *запеть*, *закуривать* – *закурить*, *загнивать* – *загнить*, *задувать* – *задуть*, *закипать* (*вскипать*) – *закипеть* (*вскипеть*), *трогаться* – *тронуться*.

2. Существует группа глаголов со значением достигнутого результата, на основе которого возможно последующее устойчивое проявление действия во времени: *потонуть* – *тонуть*, *повиснуть* – *висеть*, *повисать*, *поместиться* – *меститься*, *окружить* – *окружать*, *расположиться* – *располагаться*, *спроектироваться* – *проектироваться* и т.п.

3. Существует группа глаголов со значением начинательности, не подготовленной предшествующим развитием: *хлынуть*, *броситься*, *рвануться*, *двинуться*, *повалить* (*о снеге*), *поверить*, *уверовать*, *помчаться*, *брызнуть*, *услышать*, *забормотать*, *заострить*, *закружиться*, *поехать*, *пойти*, *поплестись*, *потоптаться* и т.п.

4. Группа глаголов со значением исчерпанности действия, то есть со значением результата, по достижении которого действие как таковое прекращается: *поступить в вуз*, *умереть*, *уничтожиться*, *сфотографироваться*, *зарегистрироваться*, *пожениться*, *поместить*, *взобраться*, *приехать*, *отслужить*, *отбыть*, *отпасть*, *перебить всю посуду*, *рухнуть* и др. Такие глаголы можно отнести к глаголам абсолютной предельности.

5. Группа глаголов со значением относительной завершённости (предельности): *пожелтеть*, *покраснеть*, *подешеветь*, *потяжелеть*, *устать*, *умориться*, *нажиться*, *пропитаться* (*чем-то*), *разбушеваться*, где продолжение процесса является «принудительным».

6. К этой группе примыкают глаголы ограничительного значения: *попахать*, *посидеть*, *погулять*, *прождать*, *просидеть*, *проговорить*, *поработать* и т.п. Порция времени, которая и манифестирует фазовый предел, в данном случае не исчерпывает потенциальных возможностей действия к продолжению. В то же время последующее действие не является принудительным, его возобновление не обязательно (*поработали и ушли*). Поэтому такие глаголы не являются показателями начальной фазы действия.

7. В особую группу выделяются глаголы одноактного и единичного значения: *мигнуть*, *махнуть*, *мелькнуть*, *звякнуть*, *шагнуть*, *словчить*, *сгруппить*, *сострить*, *схитрить*, *побеспокоиться*, *побояться*, *пожадничать*, *пожертвовать*, *посодействовать*, *побояться*, *наведаться*, *навестить*, *подчиниться*, *посетить* и т.п. Одни из этих глаголов могут обозначать действия, выполняемые в один прием, другие – кратковременность, однократность и т.п. В сущности, почти любой глагол СВ может выражать целостное в своей завершённости действие, соотношенное с его регулярной повторяемостью: *заговорить* – *заговаривать*, *прочитать* – *прочитывать* и др. Для такого осознания достаточно иметь соответствие в виде глагола многократного значения или соответствующие контекстуальные условия. Фаза действия в парадигматике устанавливается на основе сопоставления глаголов НСВ и СВ с учётом их потенциальных семантических особенностей. При этом часто оказывается, что один и тот же глагол совершенного вида соотносится с двумя глаголами

НСВ; в этом случае он может обозначать две различные фазы, а морфемы, определяющие реализованную предельность, обладают одновременно различными фазовыми функциями (чаще всего завершительная фаза оказывается в то же время и начальной). Ср.: *взгромождаться – взгромоздиться – громоздиться, тонуть – утонуть – утонать, размещаться – разместиться – меститься, ложиться – лечь – лежать, вставать – стать – стоять, садиться – сесть – сидеть* и др. Вступление действия в какую-либо фазу может передаваться и через последовательно соотнесённые глаголы СВ: *заслышать* (начало) – *услышать* (результат – начало) – *слышать* (процесс, детерминированный результатом). В целом наиболее регулярными являются следующие типы фазовой предельности.

1. Глагол СВ выполняет двустороннюю функцию показателя фазовых пределов: завершительного и начинательного. При этом разграничиваются следующие разновидности соотносительности: а) двусторонняя функция показателя начальной и завершительной фаз является облигаторной: *загнивать – загнуть – гнуть; бушевать – разбушеваться – бушевать; нависать – нависнуть – висеть*; б) облигаторной является лишь одна из фаз (завершительная), возможность продолжения действия является лишь потенциальной: *ускорить, повзрослеть, разбогатеть* и др.; г) допускается потенциальное предварительное действие до зафиксированного начала: *зарумяниться* и др.

2. Глагол СВ выполняет функцию показателя одной из фаз – начинательной или завершительной: а) абсолютный фазовый предел находится в начале процесса (*двинуться, ринуться, хлынуть* и др.); б) абсолютный фазовый предел находится в конце действия: *умереть, отпасть, разбиться* и т.п. Конечно, мера исчерпанности действия окончательно выявляется только в контексте. Эти отношения и составляют основу для моделирования фазовой цикличности. Цикличность предполагает выделение тех процессов, которые тяготеют к началу (I) (*начинать – начать*), продолжению (II) (*продолжить – продолжать*) и к завершённости (III) (*заканчивать – закончить, завершить*).

Несомненно, фазовые значения с отражающей функцией языка связаны более непосредственно и тесно, нежели категория вида, которая отражает ситуацию опосредованно. Поэтому фазовая семантика, распространяющаяся не только на глагол, но и на имена с процессуальным значением, должна учитываться при изучении русского языка в коммуникативном аспекте.

Значительное разнообразие фазовых значений в глаголах НСВ и СВ объединяется в сравнительно немногочисленные основные типы. Для глаголов НСВ их три: предельные, непредельные и серийно повторяющиеся (многофазовые). Три основных типа фазовых значений различаются и в глаголах СВ: начинательная фаза, завершительность и целостное синхронизированное фазовое значение. Нетрудно заметить, что основные значения НСВ коррелируют с основными значениями глаголов СВ (хотя возможна декорреляция). Так, предельность коррелирует с завершёностью. На основе этих отношений чаще всего и возникают видовые пары глаголов. Непредельность коррелирует с начинательностью, что подтверждается хорошо известными языковыми тенденциями, в соответствии с которыми непредельные глаголы легко сочетаются с начинательными значениями префиксов, и даже результативность при непредельных глаголах начинает осознаваться как начальная стадия состояния (процесса). Столь же взаимообусловленными оказываются отношения, которые складываются между повторяемостью и целостностью единичного действия. Повторяемость предполагает отдельность. Функциональная сторона фазовости представляет собой особую исследовательскую тему. Фазовая парадигматика позволяет определить общие характерные признаки лексико-грамматической категории, но не даёт ответа на вопрос о взаимодействии её с контекстом. Фазовые значения в контексте подчиняются особым закономерностям реализации, определяемым и тем, что показатели фазового предела могут содержаться в контексте в виде наречных и именных детерминантов. Значительное влияние на фазовую характеристику глагола оказывает тип контекста, что связывается обычно с понятием частного видового значения: общефактическое, обобщённо-фактическое, ограниченно-кратное, потенциальное, неограниченно-кратное, наглядно-примерное, постоянно-

непрерывное, конкретно-процессное, конкретно-фактическое и другие значения [2]. Однако заметим, что в том случае, когда действует комплекс причин, корректирующих фазовую константу в контексте, это связывается с общими семными процессами, известными под названием процессов актуализации, погашения, нейтрализации, наведения, поддержания, модификации и т.п. [15]. Актуализация фазовой семы в контексте может быть связана с тем пределом, который определяется контекстуальными лексическими единицами и соотносит действие либо с его началом, либо с концом. Например, во фразе «Уже год, как она работает в нашей организации» фазовая отнесённость не связана с совершенным видом, но ориентирована на соотнесённость процесса с его началом. Однако во фразе «Она ещё работает в нашей организации» можно отметить приближенность к завершительной фазе. С результативно-завершительной фазой связывается употребление глаголов в следующих контекстах: «Пройдя ещё немного, Захар остановился, земля *окончательно* уплывала из-под ног» (П. Проскурин); «Он быстро сел, просыпаясь *окончательно*» (П. Проскурин). Наречие «полностью», которое в некоторых контекстах обозначает приближенность к завершительному результативному пределу, может выполнять и функцию показателя вступления в начальную устойчивую стадию состояния (обозначает достигнутый результат, послуживший точкой отсчёта для последующего состояния): «Не волнуйся, мать! Жизнью владею *полностью*» (Г. Калиновский) [10]. По-видимому, значение результативной предельности, которое отмечается в определённых употреблениях глагола «писал» («Кто *писал* эту картину?»), актуализируется вследствие того, что в ситуации присутствует результат действия, выполненного в прошлом, – картина, книга и т.д. Регулярны случаи актуализации предельного значения как потенциальной направленности действия. Это употребление характерно для так называемой конкретно-процессной ситуации. Ср.: «Что вы *мастерите?*»; «*Объяснял*, да *не объяснил* ничего» и т.п. Значение достигнутого предела – результата может актуализироваться и при наведении семы повторяемости (повторяющейся ситуации). Однако реализованность предела касается здесь не действия в его серийной повторяемости, а отдельных актов, из которых складывается повторяемость (каждый акт – завершённая фаза, но совокупность актов завершённости не образует). Ср.: «Он уже *несколько раз увольнялся с работы*»; «Посетитель уже *несколько раз приходил* на приём, но вопрос не решался» и др. Контекстуальное употребление глагола может связываться с погашением некоторых фазовых сем. Так, регулярно в глаголах НСВ погашается сема предельности. Этому способствуют характерные ситуативные контексты постоянно-непрерывного, обобщённо-фактического, потенциального значения. Ср.: «Река *вытекала* из пруда и *впадала* в другой»; «Он хорошо *плавал, играл* в футбол» и т.п. Погашение семы предельности зачастую вызывает отношения видовой нейтрализации различий между НСВ и СВ. Так, нейтрализованными являются различия в контексте: «Сквозь гимнастёрку *проступила (проступала)* кровь» [8].

Погашение семы начинательности может сопровождаться актуализацией семы результативности и завершительности. Это становится ясным при сопоставлении глаголов «*погнать* стадо на водопой» и «*погнать* с работы» (начинательность и результативность). Регулярно в определённых контекстах наводится сема повторяемости, что характерно для наглядно-примерного, неограниченно-кратного, ограниченно-кратного значений. Обычно в этих случаях в формировании фазовых значений принимают участие наречия: *по временам, несколько раз, два раза, часто* и т.п. Сема повторяемости, как было отмечено, имплицитно предполагает актуализацию семы предельности, которая порождает соответствующее значение отдельности целостного действия, и это находит своё представительство в соответствующем глаголе совершенного вида. На этом основана нейтрализация видовых различий. Ср.: «Случалось ли вам *забредать (забрести)* в лесную глушь?» (Серафимович) [3]. Функционально-речевые проявления фазовости отличаются от тех фазовых значений, которые фиксируются парадигматически и отражены словарями, однако эти отличия не носят типологического характера. Контекстуально обусловленная фазовая семантика отражает комбинаторику сем начинательности, завершённости,

длительности, ограничительности, результативности, исчерпанности, предельности, неопределённости, повторяемости. Однако актуализация или погашение этих значений зависит от коммуникативных установок.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Семантика предела // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1. – С. 14–25.
2. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). – М. : Просвещение, 1971. – 239 с.
3. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. – М. : Наука, 1982. – 155 с.
4. Королькова З.А. Префиксальная валентность глаголов, входящих во фразеологические обороты // Исследования лексической и грамматической семантики современного русского языка. – Симферополь, 1983. – С. 66–72.
5. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 263 с.
6. Падучева Е.В. Семантика вида и точки отсчёта (в поисках инварианта видового значения) // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1986. – Т. 45. – № 5. – С. 413–424.
7. Первакова И. Способы выражения начальной фазы действия в русском языке (в сопоставлении с польским) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание, теория перевода». – М., 1987. – 16 с.
8. Попова Э.М. Нейтрализация акциональных противопоставлений в многоактном способе действия // Исследования лексической и грамматической семантики современного русского языка. – Симферополь, 1983. – С. 39–47.
9. Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. – М. : Русский язык. 1980. – 182 с.
10. Соколов О.М. Некоторые функции именных актантов в связи с семантикой русских глаголов // Исследования лексической и грамматической семантики современного русского языка. – Симферополь, 1983. – С. 3–17.
11. Соколов О.М. Семантика и парадигматики категории фазисности русского глагола // Проблемы лексической и категориальной семантики. – Симферополь, 1982. – С. 3–18.
12. Соколов О.М. Фазовость как лексико-грамматическая категория русского глагола // Русское языкознание. – № 10. – Киев, 1985. – С. 51–58.
13. Соколов О.М. Фазовое варьирование в видовых оппозициях русских глаголов // Филологические науки. – 1985. – № 4. – С. 46–52.
14. Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. – М. : Высш. школа, 1981.
15. Стернин И.А. Лексическое значение слова и речи. – Воронеж : Изд-во Воронежск. ун-та, 1985. – 138 с.
16. Теория функциональной грамматики. Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / отв. ред. А.В. Бондарко. – Л. : Наука, 1987. – 348 с.
17. Шведова Н.Ю. О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения» // Мысли о современном русском языке : сб. ст. – М. : Просвещение, 1969. – С. 67–80.
18. Шведова Н.Ю. Вопросы описания структурных схем простого предложения // Вопросы языкознания. – 1973. – № 4. – С. 25–36.

Статья впервые была опубликована в «Известиях АН СССР. Серия литературы и языка». – Т. 47. – № 6. – М., 1988. – С. 539–549.

В.Н. Мигирин

КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ ИЛИ БЕССУБЪЕКТНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ?

В статье делается попытка показать возможность интерпретации большей части грамматических форм, включаемых в так называемую категорию состояния, как бессубъектных прилагательных.

Вначале сделаем несколько замечаний терминологического характера. Термину *безличность* даже по отношению к глаголам предпочитаем слово *бессубъектность*. Ведь в качестве субъекта процесса или пассивного признака выступает не только лицо, но и животное, и неодушевлённый предмет. Поэтому процесс и пассивный признак могут

называться не просто вне отношения к лицу, а вне отношения к лицу, животному и неодушевлённому предмету. Общим обозначением для этих трёх категорий предметов может служить слово *субъект*. Так как на современном этапе развития лингвистической концепции мира качество, как и процесс, может мыслиться независимо от предмета, то возникают бессубъектные прилагательные, подобно тому как некогда появились и продолжают возникать бессубъектные глаголы. Бессубъектность вышла за рамки глагольности и проникла в сферу прилагательных и частично наречий. Рассмотрим следующие серии фактов: *Ветер дует – Здесь дует. День светает – Светает. Слово сказано – дело сделано. Сказано – сделано. Поле зелено – Всё в поле зелено. – Весной в поле зелено.*

В первой серии предложений употребляются субъектные и бессубъектные глаголы. Они заметно отличаются друг от друга по составу грамматических категорий. Бессубъектный глагол, выражающий процесс безотносительно к предмету, лишён согласовательных грамматических категорий лица, числа, рода, а также для многих случаев и императивности.

Во второй серии примеров употребляются субъектные и бессубъектные причастия. Последние, выражая окачествленный процесс безотносительно к предмету, лишены согласовательных грамматических категорий рода и числа.

В третьей серии примеров мы видим употребление субъектных и бессубъектных кратких прилагательных. Краткие прилагательные, развившие бессубъектность, то есть выражающие пассивный признак безотносительно к предмету, утрачивают согласовательные грамматические формы рода и числа, но сохраняют формы степеней сравнения и субъективной оценки: *Чем выше над землёй, тем безопаснее; Но в жизни гораздо сложнее, чем на бумаге; Бывает, конечно, и хуже; В кафе было пусто; Скучновато здесь.*

Мы проявим непоследовательность в наших теоретических рассуждениях, если бессубъектные глаголы, утратившие согласовательные грамматические категории, посчитаем глаголами, а бессубъектные прилагательные, лишённые также своих согласовательных грамматических категорий, исключим из состава прилагательных и объявим особой частью речи – категорией состояния.

Ссылаются на то, что так называемая категория состояния имеет аналитические формы времени, например, *было жарко, будет жарче*. Однако в работах А.Б. Шапиро, В.Н. Мигирова, В.М. Панфилова приводятся веские аргументы в пользу того, что выделение у этого разряда форм времени основано на смешении уровней аналитизма: аналитизм члена предложения принят за аналитизм части речи. Как в предложении *Сын будет учителем* нет оснований выражение *будет учителем* считать формой будущего времени существительного, так и во фразе *Сегодня будет жарко* тоже нет оснований словосочетание *будет жарко* считать аналитической формой времени слова *жарко*. В обоих случаях мы видим составные сказуемые, где в роли присвяточных частей выступают существительное и краткое бессубъектное прилагательное.

Не замечают существования бессубъектных прилагательных и те лингвисты, которые отрицают наличие категории состояния в русском языке. Слова, которые мы считаем бессубъектными прилагательными, включаются этими лингвистами в разряд безлично-наречных форм. Ссылаются на то, что эти слова морфологически совпадают с наречиями. Но ведь с равным основанием можно утверждать, что эти слова морфологически совпадают и с краткими прилагательными, тем более что они имеют степени сравнения и формы субъективной оценки. Между тем подавляющая масса наречий, морфологически отличная от кратких прилагательных среднего рода, не имеет ни степеней сравнения, ни форм субъективной оценки: *налегке, навеселе, наедине, по-летнему, по-русски, по-волчьи* и др. Наречия, морфологически отличающиеся от кратких прилагательных среднего рода, обычно не способны выступать в позиции главного члена односоставного предложения. Таким образом, в позиции главного члена односоставного предложения выступают те формы,

которые омонимичны и кратким прилагательным, и наречиям на -о, -е: *легко, тяжело, весело, далеко, тихо*. Эти формы, как мы пытаемся доказать, нельзя считать ни наречиями, ни категорией состояния. Они представляют собою разряд бессубъектных прилагательных.

Сопоставим и другие свойства типичных наречий и прилагательных, чтобы лучше убедиться в правильности сформулированного тезиса. Основная функция наречия – выражать обстоятельство, основная функция краткого прилагательного – выражать сказуемое. Многие прилагательные обладают способностью управлять падежами, для наречий управление падежами нетипично. Прилагательные могут сочетаться с субъектным инфинитивом, наречия – нет. Среди бессубъектных прилагательных есть слова, которые имеют параллели только в прилагательных, но лишены этих параллелей в наречиях. Это бессубъектные прилагательные типа *известно, невероятно, возможно, безопасно, свойственно, досадно, скользко, готово* и др. *Днище лодки скользко – Под ногами скользко – нет наречия скользко; Расписание известно – Мне обо всем известно – нет наречия известно; Полотенце мокро – Сверху – мокро, под ногами – мокро, кругом – тьма. Мокро* как наречие обычно не употребляется. Среди бессубъектных прилагательных нет таких слов, которые, имея параллели среди наречий, не имели бы их среди прилагательных: *Море спокойно – На душе спокойно – Говорил спокойно. Дитя весело – На душе весело – Говорил весело*. Таким образом, те формы, которые выступают в позиции главного члена односоставного предложения и которые омонимичны и кратким прилагательным и наречиям на -о, -е, стоят ближе по своим признакам к кратким прилагательным, чем к наречиям.

Появление дательного падежа субъекта при бессубъектных прилагательных необходимо связывать с развитием безличности у этих слов, подобно тому как это произошло и у глаголов: *Он грустен – Ему грустно. Он грустит – Ему взгрустнулось*. Значит, собранные исследователями факты допускают возможность другой интерпретации. Те слова, что обычно называют категорией состояния, предикативами, предикативными наречиями, безличными наречиями, следует считать бессубъектными прилагательными. Новая точка зрения располагает более сильными доказательствами, чем старая. В составе предикативов окажется только небольшое число слов типа *лень, жаль, недосуг, пора* и др.

Из тех фактов, которые приводятся в работах В.В. Бабайцевой видно, что безличные предложения с бессубъектными прилагательными могли возникнуть на основе регулярного эллипсиса подлежащего, выражающего неопределённость, обобщённость или формальность субъекта. Эти значения благоприятствуют эллипсису подлежащего. Ясность речи не пострадает от того, что неопределённый, обобщённый или формальный субъект не будет назван. Согласовательные грамматические категории прилагательного при подлежащем со значением обобщённого, неопределённого или формального субъекта являются неяркими и легче утрачиваются при регулярном эллипсисе подлежащего, благодаря чему происходит разрыв парадигматических связей между исходной и производной конструкциями. Исходные конструкции продолжают устойчиво употребляться в современном русском языке: *Пока всё спокойно. Никакого движения; Но во дворе большого дома всё спокойно*.

В приведённых примерах подлежащее кажется лишним. Более привычной является фраза *В Швеции всегда спокойно, чем в Швеции всегда всё спокойно*.

Если мы правильно понимаем В.В. Бабайцеву, появление безлично-предикативных слов (согласно нашей точке зрения, бессубъектных прилагательных) она связывает с перерождением двусоставных предложений. Идея о преобразовании двусоставных предложений в односоставные ещё раньше развивалась другими лингвистами. Теперь необходимо сделать новый шаг в изучении явлений переходности на уровнях членов предложения, частей речи и синтаксических конструкций. Учёт этих процессов дополнительно подкрепляет нашу точку зрения, что на морфологическом уровне возникают бессубъектные прилагательные. Рассмотрим три выражения, представляющие собой реализацию разных стадий формирования синтаксической модели: *Всё весною зелено – Весною зелено – Весною повсюду зелено*. Эллипсис подлежащего (процесс на уровне членов предложения и синтаксических конструкций) приводит к возникновению комплектного и

эллиптированного вариантов конструкции. При регулярном эллипсисе изменяется значение бывшего сказуемого, которое превращается в главный член, уже не связанный с подлежащим; формирующийся главный член развивающегося односоставного предложения утрачивает согласовательные грамматические категории (процесс на уровне частей речи). Морфологическая деформация слова, выступающего в позиции формирующегося члена односоставного предложения, приводит к разрыву парадигматических связей между комплектным и эллиптированным вариантом конструкции, вследствие чего эллиптированная двусоставная структура перерождается в односоставную (процесс на уровне синтаксических структур). В первом предложении краткое прилагательное имеет субъектный характер и сохраняет согласовательные грамматические категории, правда, несколько ослабленные при подлежащем со значением обобщённого субъекта. Во втором предложении прилагательное утратило эти признаки, однако ещё возможна вставка подлежащего со значением обобщённого субъекта. При такой вставке утраченные категории восстанавливаются вместе с субъектностью. В третьем предложении уже невозможна интерпозиция подлежащего и восстановление утраченной субъектности и согласовательных грамматических категорий рода и числа. Но бессубъектное краткое прилагательное сохраняет формы степеней сравнения и субъективной оценки. Значит, учёт того, что новая форма, генетически связанная с субъектным кратким прилагательным, сохраняет все несогласовательные грамматические категории своей части речи, подобно тому, как сохраняют безличный глагол и причастие, даёт основание признать эту новую форму не особой частью речи, а новым образованием в парадигме имени прилагательного.

Прогресс бессубъектности, наблюдаемый у кратких прилагательных, находится в тесной связи со сферой лексических значений этих слов. В сфере лексических значений кратких прилагательных есть такие, которые не создают трудностей для бессубъектного использования адъективов. Дадим примеры в контексте: *Надпись на пакете гласила: «Осторожно, стекло!»; Изредка, на секунду, вспыхивает свет электрического фонарика: осторожно!; Опасно: тигры!* Обратим внимание на то, что бессубъектные прилагательные, выступающие как императивы, сближаются даже с инфинитивами: *Осторожно! – Остерегаться! Опасно! – Опасаться!*

Среди кратких прилагательных есть и такие, которые в силу лексического значения настолько тесно связаны с субъектом, что их бессубъектное употребление кажется невозможным. Это прилагательные типа *гневно, сердито, страстно* и др.

Среди глаголов известны формы, которые характеризуются только бессубъектным употреблением: *стемнело, тошнит, рвёт* и др. Прилагательных, которые характеризовались бы только безличным функционированием, почти нет, даже прилагательное *можно* до сих пор встречается в сочетании с местоимением *это*:

- *Если можно – потише.*
- *Потише – это можно.*
- *Вы хотите побывать в освобождённом районе? – спросили меня.*
- *Что ж, это можно.*

Сопоставим слово *можно* с прилагательным *возможно* с точки зрения степени развития бессубъектности: *Возможно – можно; Это возможно – Это можно; Наступление возможно – Наступление...* Сопоставления показывают, что в слове *можно* бессубъектность развилась в большей степени, чем в прилагательном *возможно*: первое прилагательное уже не сочетается с существительным-подлежащим, второе же сочетается. По-видимому, полную бессубъектность приобрели прилагательные *стыдно* и *довольно*. В литературном языке полное прилагательное *стыдный* уже утрачено. Прилагательное *довольный* сохраняется, однако краткое прилагательное среднего рода семантически разошлось с полным и употребляется как безличное выражение.

Как показывают факты, бессубъектность развилась у прилагательных на основе субъектности. Сходный путь развития обнаруживают и бессубъектные глаголы. До сих пор в русской речи используются параллельно бессубъектным конструкциям субъектные, где

подлежащее имеет значение обобщённого, неопределённого или формального субъекта: *Дело кончилось тем, что зубного техника ... уложили в постель; С первого же заброса я вытащил хорошую плотвичку. Потом ещё одну и ещё, и дело пошло.*

Эти факты свидетельствуют о том, что некоторые бессубъектные глагольные предложения обнаруживают родство с субъектными, в которых подлежащее имеет значение обобщённого, неопределённого или формального субъекта. Подлежащее с таким значением легко эллиптируется, и в конечном счёте из личного глагола развивается безличный, выражающий процесс безотносительно к деятелю. Возникновение безличного глагола как морфологической категории было связано с трансформацией сказуемого в главный член односоставного предложения. Процесс начался на уровне членов предложения и синтаксических конструкций, продолжался на уровне частей речи и закончился разрывом парадигматических связей между эллиптированным и комплектным вариантом структуры.

Бессубъектность развивается и в наречиях в том смысле, что некоторые наречия начинают употребляться вне отношения к лексическим глаголам, выражая беспроцессуальную циркумстантивность при связках. В сферу выражения беспроцессуальной циркумстантивности втягиваются наречия *по-разному, по-иному, иначе, наоборот, так, по-своему* и нек. др.: *Действительно, по-разному ведь бывает на рыбалке; Некоторым из них наше правительство давало такую возможность. Но бывало и по-иному; Ну что ж, у всех ведь бывает по-своему; ...бывало и наоборот – вчерашние недруги начинали благожелательно улыбаться (И. Эренбург. Люди, годы, жизнь); У меня же случилось наоборот..; Вы думаете, он болен? Ничуть не бывало; В лукошке у встречного – полным-полно; А по-твоему не вышло; Прости, хотел поговорить, а вышло нехорошо; Одним подлецом будет меньше.*

В сферу выражения беспроцессуальной циркумстантивности втягиваются прежде всего те наречия, которые в силу лексического значения могут легко отрываться от своих глаголов. Многие наречия продолжают сохранять тесную связь со своими лексическими глаголами и не способны выражать беспроцессуальную циркумстантивность. В русском языке невозможны пока выражения *бывает быстро, случается медленно.*

Если есть все основания утверждать, что в русском языке сформировались конструкции, выражающие безличное действие и бессубъектное качество, что подтверждается появлением безличных глаголов и бессубъектных прилагательных, то нет оснований думать, что уже закончилось формирование конструкции, выражающей беспроцессуальную циркумстантивность. Кроме того, к этому значению могут примешиваться в разных выражениях оттенки субъектности, объектности и процессуальной циркумстантивности. Кроме того, беспроцессуальная циркумстантивность выявляется у наречия синтаксически, а не морфологически.

Статья впервые была опубликована в сборнике, посвящённом памяти проф. Е.М. Галкиной-Федорук, «Исследования по современному русскому языку». – М.: Изд-во Московского университета, 1970. – С. 150–157.

Е.Н. Сидоренко

О ВИКТОРЕ НИКОЛАЕВИЧЕ МИГИРИНЕ

Духовный потенциал и научную базу нашего вуза создавали многие его представители, работающие в разных научных направлениях. Достаточно назвать такие имена, как Владимир Иванович Вернадский, Георгий Владимирович Вернадский, Николай Иванович Андрусов, Владимир Афанасьевич Обручев, Игорь Евгеньевич Тамм, Владимир Иванович Палладин, Игорь Васильевич Курчатов, Кирилл Иванович Щёлкин, Николай Калинникович Гудзий, Евгений Вячеславович Петухов, Виктор Иосифович Филоненко, Виктор Николаевич Мигирин, Александр Иларинович Германович, Олег Михайлович Соколов. Уже простое перечисление фамилий учёных даёт основание предположить, что для творческой личности в вузе в разное время были созданы определённые условия,

позволяющие реализовать потенциальные способности каждого, желающего это сделать. И ещё: профессионально удачливы те, кому выпало счастье учиться у этих людей, работать с ними, близко знать их. Мне хочется верить, что рано или поздно у одного человека или у нескольких появится желание узнать, кем были наши предшественники и какими они были, чем они помогли нам в познании мира и улучшении его. А значит, нам надо сейчас преодолеть свою усталость, недомогания, свою лень или необходимость срочно выполнить какую-то работу, для того чтобы отставить всё, сесть за компьютер, собраться с мыслями и окунуться в тот мир, о котором ты обязан рассказать.

Разговор о моём учителе профессоре Викторе Николаевиче Мигирине начну с краткой его биографии. Родился он 17 января 1921 года в с. Ярошивка Сумской области в семье рабочего (завершил свой трудовой путь его отец, по рассказам Александра Павловича Сазонова, директором главного госбанка Крыма в Симферополе). В 1938 году Виктор окончил среднюю школу имени С.М. Кирова (школа № 1) в г. Феодосии и в 1939 году поступил в Крымский педагогический институт на отделение русского языка и литературы. В 1942 году Виктор Николаевич с отличием окончил педагогический институт в г. Куйбышеве, куда эвакуировался вместе с семьёй в начале войны (у него были проблемы со зрением, поэтому он не был призван в армию), получил специальность учителя русского языка и литературы. С 1942 по 1945 год был аспирантом профессора В.А. Малаховского, в 1946 году успешно защитил кандидатскую диссертацию.

В 1948 году В.Н. Мигирин становится доцентом кафедры русского языка Крымского пединститута, через 10 лет блестяще защищает в Московском университете докторскую диссертацию на тему «Эволюция придаточного предложения и разные трансформации главного и придаточного предложений в русском языке», а с 1956 года назначается заведующим кафедры русского языка и до 1970 года плодотворно работает в Симферополе. Публикует статьи в журналах «Филологические науки», «Русский язык в школе» и в различных сборниках, готовит монографии. По личным причинам Виктор Николаевич переезжает в Молдавию, где у него уже было несколько аспирантов, и становится заведующим кафедрой русского и общего языкознания Бельцкого педагогического института имени А. Руссо. Под его научным руководством было защищено 36 диссертаций аспирантов и соискателей.

21 января 1981 года после короткой, но тяжёлой болезни его не стало.

Такова основная канва биографии Виктора Николаевича.

Внешне Виктор Николаевич полностью соответствовал образу учёного, сформировавшемуся в то время в умах людей: это был интеллигент, скорее – рафинированный интеллигент, с умным лицом, хорошими манерами, немногословный, чёткий и быстрый в движениях и в реакции на чьё-либо поведение, скромный, с застенчивой улыбкой, несуетливый, с чувством собственного достоинства и в то же время уважения к другим людям. При всём этом он без всяких стараний «держал дистанцию» с остальным миром. Студенты и аспиранты побаивались его: он мог высмеять аспиранта, не сумевшего чётко сформулировать вопрос по теме собственной диссертации; был строг к лентяям и халтурщикам. Если студент пытался в пустословии «выплыть» и получить заветную тройку, Виктор Николаевич, слушая его, морщился, как от зубной боли, отворачивал лицо в сторону и в конечном счёте отправлял незадачливого бездельника добывать знания, хотя бы минимальные. Правда, с годами Виктор Николаевич «мягчел» и на некоторые вещи переставал обращать внимание. Он был ироничен и с юмором вспоминал, например, студентку-заочницу, которая вместо генеалогической классификации языков пыталась рассказать ему о гинекологической классификации; другая студентка на вопрос о том, какие законы двигают развитие языка, чётко доложила: политика партии и правительства.

Как-то при мне он мягко отчитывал за большое количество выставленных на экзамене двоек коллегу Л. С. П., а я не удержалась и сказала ему: «Виктор Николаевич, ведь и Вы, по легенде, идущей от Вашего первого выпуска, на экзамене по грамматике русского языка выставили двойки всей первой пятёрке и отправили группу доучивать и прийти через два

дня, да и потом не очень щедро ставили оценки». Виктор Николаевич улыбнулся и отшутился: «Так ведь то было в молодости».

Мне не посчастливилось прослушать курс лекций Виктора Николаевича Мигирова в мои студенческие годы, но я имела возможность посещать его лекции в аспирантские годы, и, признаюсь, это было замечательно. Лекции профессора Мигирова были чёткими, логичными, выверенными до каждого слова, даже, на первый взгляд, немного суховатыми. Да и голос у него был не актёрский, иногда немного резкий, без богатства интонаций, свойственных обычно филологам. Такая манера чтения лекций была бы более подходящей для математика. Но завораживала сама подача, выстроенность материала, заставляющая думать и рассуждать одновременно с лектором. Виктор Николаевич сообщал слушателям об имеющихся по данному вопросу мнениях в лингвистической литературе, затем анализировал основные из них, определял слабые места, выражал несогласие с некоторыми из них и выделял убедительные и наиболее важные моменты, после чего подавал собственную точку зрения и аргументировал её правильность. Это была разумная, научная методика подачи материала, и она требовала хорошей предварительной подготовки слушателей. Надо признаться, что аудитория была не всегда готова легко понимать его, принимать сказанное: и в объёме излагаемого материала, и в терминологии, да и в самом его содержании он значительно опережал современников и существующую теорию. Мы пользовались только что появившимся учебником А.М. Финкеля и Н.М. Баженова, очень радовались ему, а Виктор Николаевич уже говорил студентам о номинативных единицах, более сложных, чем слово, о переходных явлениях в области морфологии и синтаксиса, о математической лингвистике и возможностях машинного перевода, а также о многих других вещах, о которых только задумывалась наука о языке и которых, возможно, не было в вузовских программах. Но конфликтов у Виктора Николаевича не было: всё как-то постепенно понималось, доучивалось, укладывалось.

Подготовленные лекции Виктор Николаевич записывал на четвертушках листков из школьных тетрадей и стопками раскладывал по конвертам. Использованным конвертам – замечу, с написанными на них адресами: время было «экономное» – послевоенные годы. А небольшие листочки давали возможность при доработке лекций без особых усилий заменять их, дополнять, выбрасывать, частично – переписывать. Такой прагматичный вариант увлекал многих, и часть кафедры перешла на запись лекций по-мигирински, хотя и тогда мы оформляли всё по-разному.

Наиболее плодотворный в научном отношении период жизни В.Н. Мигирова пришёлся на 50-е–70-е годы XX столетия. Это был период расцвета советской лингвистики. Исследователи обратились к семантике языка, появились академические Грамматики–1960 и 1970, готовилась к выходу академическая Грамматика–1980, печатались содержательные материалы в журналах, статьях, монографиях; проводились многолюдные конференции с интереснейшими дискуссиями. Количество профессоров в вузах было небольшим, и это, как правило, были люди, увлечённые своей профессией, успешно работающие в ней, интеллигентные и ответственные. Сопоставляя состояние дел в то и нынешнее время, думаю о том, как дискомфортно чувствовал бы себя Виктор Николаевич Мигиров в современных коррумпированных «стоях», умеющих делать деньги, преимущественно «зелёные», но очень далёких от науки и воспитания профессионалов.

Виктор Николаевич и коллеги по кафедре охотно оказывали помощь аспирантам. Прежде всего они рекомендовали позаботиться о материале, с которым придётся работать, то есть о наборе примеров. Их количество и содержание определялись темой, целью и задачами диссертации. Так как моя тема и темы моих коллег разрабатывались на материале современного русского языка, нам было рекомендовано выписывать примеры из произведений последних 80-ти лет, которые обладают художественной ценностью и высокими нравственными достоинствами. В своих работах разных лет я использовала примеры из художественных произведений М. Шолохова, К. Симонова, К. Паустовского, Л. Леонова, Ю. Бондарева, Д. Гранина, В. Солоухина, П. Проскурина, Ф. Абрамова,

Л. Улицкой, Л. Петрушевской и многих других писателей. Почему я вспомнила вроде бы о такой «мелочи»? Не случайно. Несколько лет назад одна из членов совета по защите диссертаций с каким-то озлоблением (как отличался от таких «докторесс» сдержанный и принципиальный Виктор Николаевич!) требовала не рассматривать примеры, выписанные из произведений К. Паустовского, М. Шолохова и подобных писателей, а использовать только произведения современных авторов последнего десятилетия, мотивируя это тем, что язык очень сильно меняется (в одной из своих работ она уверяла даже, что в языке происходит революция!?).

Да, язык не остаётся неизменным, и это обстоятельство должно обязательно учитываться, но рассматриваются эти изменения в специально посвящённых данной проблеме работах и лишь попутно – во всех остальных работах, написанных на материале современного русского языка. Признавать же современным русским только язык Э. Лимонова и подобных ему – абсурд.

При необходимости велись записи устной речи. Кстати, теоретические положения, предлагаемые в лекциях, Виктор Николаевич всегда подтверждал большим количеством примеров. Иногда – «хулиганил», например, в лекции приводил шуточные примеры: *Спасайся, кто может! Кто повыше, достаньте шляпу.*

Обратим внимание ещё на одну «мелочь». В работе одного из только что «испечённых» кандидатов я заметила, что русский язык исследуется у него на англоязычных текстах, переведённых на русский язык. Мне стоило больших усилий убедить кандидата в том, что он изучает не современный русский язык, а средства, особенности перевода, что тоже актуально, но это уже другая тема. Из сказанного следует, что не все современные научные руководители уделяют внимание своим подопечным, если, конечно, они сами при этом «владеют ситуацией».

Темой моей диссертации стали местоимения. Исследовать их было непросто. Виктор Николаевич предупредил меня, что предлагал их изучение нескольким аспирантам и соискателям, но они отказались из-за теоретической сложности. «Почитайте о том, что сделано в этой области, подумайте над тем, какой аспект Вам будет наиболее интересен, и приходите со своими предложениями», – сказал он. Я согласилась и выбрала вопросительные местоимения. Изучение их было подобно разгадке ходов лингвистического детектива и вывело меня в глубины работы механизма языка, а позже – в ономастиологию, теорию языковых смыслов и другие проблемы. В этой теме был заложен огромный творческий потенциал.

Профессор много трудился сам и этого же требовал от своих подопечных. Он утверждал, что ежедневно нужно работать за столом (изучать литературу, писать) не менее двух часов и что на начальном этапе это только «вхождение в тему».

Виктор Николаевич очень уважительно относился к мнению других лингвистов и требовал объективно отражать их вклад в решаемую проблему. Я стараюсь свято соблюдать это правило, хотя, к сожалению, часто встречаюсь с его нарушением.

Надо сказать, что чиновники при науке в ту пору ещё не развернули свою бурную деятельность, официальных бумаг для оформления было мало, и мы могли в полную меру использовать время для научной работы. Литературы было недостаточно, поэтому мы часто обращались к МБА – межбиблиотечному абонементу, всё конспектировали (не было принтеров, ксероксов и т.п., ещё не изобрели их). Много работали в библиотеке. Виктор Николаевич по субботам перечитывал не только лингвистические журналы, но и такие, как «Наука и жизнь», «Знание – сила», «Вокруг света» и многие другие, и оттуда черпал идеи, которые можно было использовать в языкознании (например, создание прогнозирующих классификаций).

Если бы меня спросили, какими качествами должен обладать настоящий учёный, я сказала бы следующее.

Во-первых, обладать даром Божьим творить новые идеи. Учёный не может быть бескрылым.

Во-вторых, быть трудолюбивым. Работать интенсивно, не жалея себя. Увлекаться.

Не бояться рутинной работы. У нас, языковедов, она может проявляться в сборе примеров, поиске работ по проблеме, написании черновых материалов. Сейчас огромную экономию времени дают технические средства: ксерокс, сканер, Интернет. Они ускоряют выход научной продукции.

Быть честным. Никогда не подтасовывать факты, не подгонять под них ожидаемые результаты.

Уметь о сложном говорить просто.

Вырабатывать в себе способность «не растекаться мыслию по древу», говорить о проблеме лапидарно, чётко, конкретно.

Д. Лихачёв на встрече в Останкино в 1986 году говорил: «Научный труд требует общей интеллигентности человека... Лысец может притворяться искренним, злой – добрым, жадный – щедрым, но *притвориться интеллигентным нельзя* (выделено нами – Е. С.). Невозможно. Вот, между прочим, почему интеллигентность вызывает такую злобу в неинтеллигентных людях... Каждый человек должен оценить свои способности и силы и не пытаться занять место выше своих возможностей». Лучше не скажешь. Таким, по-моему, был и Виктор Николаевич.

Он дружил с коллегами, работающими на других факультетах. Среди них были математики, биологи, в том числе и выдающийся учёный Семён Людвигович Делямуре. С аспирантами он часто совершал прогулки на Симферопольское водохранилище. Собирались группой и, разговаривая, обсуждая научные и ненаучные проблемы, шли по улице Ленина, переходили Студенческую, спускались мимо Неаполя Скифского вниз, проходили по тем местам, где ныне располагается главный корпус университета, добирались до Салгира и строящейся плотины, бродили по тропинкам, отдыхали. Увлечённый творчеством, Виктор Николаевич использовал такое общение для проверки новых идей, для поиска аргументов в наиболее спорных разработках, а это значит, что он выходил далеко за пределы традиционно изучаемых проблем и щедро дарил новые идеи. Кстати, способ такого общения известен ещё со времён Аристотеля, который читал лекции не только в «закрытых помещениях», но и во время прогулок по аллеям сада, крытым галереям, за что его философскую школу называли перипатетической (от греч. peripatio – гуляю). Естественно, что, кроме интеллектуального удовлетворения, гуляющие получали радость общения, возможность дышать свежим воздухом, наслаждаться природой.

Виктор Николаевич не любил участвовать «в общественной жизни», на собраниях выступал лишь в случае необходимости, на вступительных экзаменах работал потому, что требовалось участие в них профессоров. Я помню, как он договаривался в приёмной комиссии, чтобы вторым принимающим экзамены была я, брал в руки газету (их он перечитывал несколько), а я выслушивала абитуриента, задавала вопросы, потом просила Виктора Николаевича сообщить его мнение и выставляла общую оценку.

Он выглядел несколько отстранённым от нашего в общем-то суетного мира, от его материальных ценностей. Казалось, что он жил своей внутренней жизнью и пускал в него далеко не всех. Мне было легко общаться с Виктором Николаевичем, но многие, знаю, побаивались его. Он быстро включался в сложившуюся ситуацию, решал любые вопросы, любил научные дискуссии, но не чурался и кафедральных посиделок. Обычно мы собирались перед праздниками, женская половина готовила всякие вкусности, соревнуясь в оригинальности и кулинарном искусстве; было весело, но без пошлости, свойственной многим современным корпоративам, междусобойчикам. Вспоминали стихи, независимо от их тематики, просто любимые стихи. Я помню, как Афиноген Ефимович Киселёв перед каким-то большим официальным праздником негромким голосом, душевно вдруг начал читать: *О доблестях, о подвигах, о славе Я забывал на горестной земле, Когда твоё лицо в простой оправе Передо мной сияло на столе...* Заслушались, затихли, задумались... Владимир Михайлович Ронгинский не устал удивлять своей хорошей памятью, читая наизусть на немецком языке большие отрывки из произведений Гёте. Я любила слушать

Александра Павловича Сазонова, мудрого, точно и ёмко выражающего свою мысль; было интересно общаться со Всеволодом Николаевичем Михайловым и другими. Особое место в моей жизни занимал Александр Илариевич Германович, которому я посвятила отдельную работу.

В те годы на праздники, да и просто в выходные, было принято выезжать «на природу» за город, в Джалман (ныне Второе Лозовое). Сохранились милые фотографии тех лет с группами преподавателей вуза и Виктором Николаевичем в их числе. Он был непритязательным в быту, хотя и очень требовательным к чистоте. Александра Алексеевна Соловьёва, доцент кафедры русского языка, рассказывает в своих воспоминаниях о смешном случае, произошедшем с Виктором Николаевичем. Видимо устав от шума компании, Виктор Николаевич ушёл на соседнюю поляну и, надышавшись лесного воздуха, обогретый теплом наступающего лета, прилёг отдохнуть. И уснул. Александра Алексеевна, выполняя роль шофёра собственной машины, отвезла в город первую группу друзей, вернулась за второй и ... не нашла коллегу. Правда, тут же обнаружили его коллективно, а Виктор Николаевич шутил, что нигде ему так сладко не спалось, как на соседней с компанией поляне.

Виктор Николаевич высоко ценил неспешность и несуетность своей жизни в Симферополе, возможность работать всласть и не отрываться на борьбу за место под солнцем, не терять время в многочисленных заседаниях всяких комиссий. Поэтому он отказался даже от приглашения на работу в МГУ и большой квартиры в центре столицы, которую предложил ему (по слухам) академик Виктор Владимирович Виноградов после защиты Виктором Николаевичем докторской диссертации. Защита вызвала оживлённый интерес и много комментариев. Молодого учёного ждали на конференциях, читали его новые работы. Кафедра русского языка Крымского пединститута (потом – Симферопольского университета) благодаря прежде всего трудам его заведующего считалась одной из лучших в Советском Союзе. Я не раз была свидетелем проявления уважения к Виктору Николаевичу. В то время я один-два раза в год выезжала на конференции в Центрально-Чернозёмный район (кажется, так называлось объединение десятка городов, включающих Москву, Воронеж, Тулу, Орёл, Иваново, Калугу, Тамбов и др.). На конференции приезжало не менее полутора сотен учёных из разных областей СССР: с Дальнего Востока, Сибири, Украины, Белоруссии, Мурманска и др. Присутствовал весь столичный лингвистический бомонд. Особенно запомнился 1971 год, Калуга. Виктор Николаевич должен был читать доклад на пленарном заседании (доклад был представлен двумя авторами: В.Н. Мигириным и Н.И. Пельтихиной), но сам он не поехал, доклад читала аспирантка Нина Иосифовна. Всё прошло хорошо, но нас буквально атаковали коллеги: почему не приехал Виктор Николаевич? Его очень ждали. Честно говоря, при всём местническом эгоизме (нежелании расставаться с Виктором Николаевичем) я всё-таки очень жалею, что он не перебрался в Москву. Всё равно ведь уехал, только ... куда. И это не позволило бы мелкой пакости (что, к сожалению, имело место в Интернете, когда некий administrator, в роли которого выступал мблodeц из музыкальной сферы знаний, «припечатал» Виктора Николаевича именем «провинциального учёного», в его понимании – пятистепенного, неспособного создать что-либо серьёзное). Ну да это далеко не главное, просто профессор Мигирин имел бы возможность более широко пропагандировать свои взгляды. А может, и это не главное? Ведь идеи Виктора Николаевича востребованы в современной лингвистике, его имя активно упоминается в работах языковедов разных направлений, теория расчленённых единиц именования только набирает свою силу в ономасиологии, теория переходных явлений – в грамматике и т.д.

Я не хочу касаться личной жизни Виктора Николаевича, не имею на это морального права. Скажу только, что он ушёл из первой семьи и, как я думаю, был счастлив с Ниной Иосифовной Пельтихиной. Мне в этой истории только обидно за детей, которые оказались как-то отторгнутыми от отца (одного из них, к сожалению, уже не стало). И жаль, что Виктор Николаевич был вынужден покинуть alma-mater.

Я тяжело пережила его отъезд. Поток анонимок (кому-то из нашей «серости» очень хотелось избавиться от значимого и самостоятельного в своих поступках профессора Мигирина) не иссякал. Мы, его ученики, уговаривали его остаться, с ним долго разговаривал по этому поводу ректор. На заседании парткома университета, членом которого я была, нужно было голосовать за его отъезд или против него (Виктор Николаевич был членом партии). Я разрывалась между просьбой любимого учителя отпустить его и огромным желанием удержать его – и ничего не могла сделать (от голосования воздержалась, но это абсолютно ни на что не влияло). Недавно нашла небольшую скромную открытку, присланную после отъезда Виктором Николаевичем: «Наша дорогая и хорошая Евдокия Николаевна! Сердечно поздравляем с днём рождения. Желаем счастья, здоровья и полного благополучия на многие десятилетия. Обнимаем. Ваши Мигирины» (думаю, что подтолкнула к идее послать открытку Нина, потому что он не любил тратить на них время). Спасибо ему за понимание. До сих пор, когда мне хочется поделиться новой идеей, а обратиться профессионально не к кому, думаю: вот был бы жив Виктор Николаевич...

Профессор Мигирин был прежде всего крупным учёным. Поэтому, познакомив читателя с его биографией, хочу обратиться к теоретическому наследию, оставленному им. Широкий был круг его научных интересов: от фонологии до грамматики, семасиологии и ономазиологии, общих проблем языкознания.

Главные научные достижения Виктора Николаевича отражены в его монографиях:

Очерки по теории переходности в русском языке (1971).

Язык как система категорий отображения (1973).

Марксистско-ленинская методология и лингвистика (1974).

Гносеологические проблемы знаковой теории языка, философии и грамматики (1978).

Грамматика, логика, философия в их связях и взаимодействиях (2002).

Последняя книга Виктора Николаевича, объединяющая материалы СМОГ («Строгая модель отображающей грамматики») и некоторые теоретические положения, высказанные ранее, вышла, кажется, в Кишинёве, но, к сожалению, мои попытки обрести её для нашей библиотеки не завершились успехом. Я посылала письма в Бельцы, просила помочь коллегу Л.И. Демченко, бывшую аспирантку В.Н. Мигирина, но ответа не получила.

Какие основные особенности можно назвать, характеризуя научную работу Виктора Николаевича в целом?

Прежде всего – актуальность рассматриваемых проблем, обращение к спорным вопросам лингвистики, смелость и нестандартность их решения, оригинальность мысли. Он обладал, если можно так сказать, объёмным научным мышлением. В огромном материале, используемом для исследования, автор видел и чётко определял место каждого языкового факта, демонстрировал его связи, включал элементы исторического развития.

Профессор Мигирин не только систематизировал языковой материал, но и предлагал новые классификации, при этом опирался на принципы создания соответствующих классификаций в других науках. Так, создавая прогнозирующую классификацию местоимений, учитывающую семантические и некоторые грамматические характеристики прономинативов современного русского языка, Виктор Николаевич ориентировался на известную таблицу химических элементов Д.И. Менделеева. «Прогнозирующей силой обладают и классификации, объединяющие сведения о типах номинации, о типах словообразовательных парадигм и реализации их», – пишет автор в книге «Язык как система категорий отображения», с. 222. Заметим, кстати, что эта плодотворная идея остаётся пока не реализованной и ждёт своих исследователей.

Активная фаза развития науки о русском языке насчитывает, как известно, не так много лет (может быть, двести-триста), но написано и произнесено за это время очень много. Нужно ли всё это до подробностей знать каждому новому поколению исследователей? Или пора учиться определять главное и второстепенное, отделять злаки от плевел? Предложен

нестандартный и довольно неожиданный подход, я ничего подобного в современной лингвистике не встречала.

Виктор Николаевич поднял этот вопрос в лингвистике. Он пишет: «Мы должны знать о вещах не меньше, чем это нужно для практических целей. Нередко мы знаем больше и расширяем наши сведения. Часть информации, выходящая за пределы практических потребностей, остаётся не только мёртвым знанием, но и захламляет теорию, мешая её нормальному развитию... Применительно к лингвистике, очевидно, нужно считать хламом ту часть избыточной информации, которая представляет собой переформулирование, нарушавшее стройность сложившегося терминологического аппарата; положения, противоречащие принятым аксиомам и постулатам; бесполезные классификации; понятия о выдуманных объектах и ряд других проявлений дурного теоретизирования [Мигирин В.Н. Гносеологические проблемы..., с. 92]. В этой же работе Виктор Николаевич делает попытку начать разговор о «лингвистическом хламе» на конкретных примерах. Например, ничего не даёт, по его мнению, понятие сильного и слабого примыкания, бесполезно понятие «нулевой» формы при том содержании, которое в то время в него вкладывали; лишена теоретической ценности классификация косвенных падежей, которые подразделялись на абстрактные и конкретные, и т.д. Интересно? Мне – очень. Честно говоря, я раньше не задумывалась над этим. Но, наверное, пришло время задуматься нам всем. В связи с этим вспоминаю ещё один случай. В 1955 году я была студенткой второго курса. Во время одного из разговоров со студентом другого факультета я неожиданно для себя услышала вопрос: «А чем ты объяснишь, что в наше время нет таких масштабных учёных, как Ломоносов, которые бы делали открытия в разных науках?». Сейчас, наверное, любой двоечник ответил бы на этот вопрос не задумываясь. За последние 60 лет в каждой из наук произошло такое «углубление», что для познания его и выведения новых законов не хватает одной жизни. Поэтому открытия происходят преимущественно на стыке двух и более наук. И это все понимают.

Вопрос, поднятый Виктором Николаевичем, застал меня врасплох. Я, как, наверное, и мои коллеги, пока не осознала его значимости. Но он поставлен, и ответы на него рано или поздно нужно будет искать каждой науке, каждому вузовскому преподавателю.

Профессор Мигирин обращал внимание на «слабую разработанность методологических основ языкознания», много работал над этой проблемой, опубликовал монографию «Марксистско-ленинская методология и лингвистика» (1974). Тематически она делится на несколько частей:

- методологические аспекты советской лингвистики;
- проявление законов и категорий диалектического материализма в развитии языка;
- типичные случаи нарушения методологических требований в некоторых учебных пособиях и научных трудах по русскому языкознанию.

Эта работа имеет спорные моменты, но она, безусловно, приближает к пониманию важности проблемы методологии в современной лингвистике.

Виктор Николаевич вводит в научный обиход понятие «методологический уровень определения и описания языкового объекта». Этот уровень должен строго соответствовать уровню наших знаний о нём. Теоретические сведения автор подтверждает интереснейшими фактами из истории языка. Примером могут служить рассуждения об изменчивости языка и движущих силах его развития, связи синхронии и диахронии.

Литературный язык изменяется очень медленно (об этом мы можем судить, с увлечением читая, например, произведения А.С. Пушкина, отстоящего от нас во времени на 200 лет). Причиной этого является социальная роль языка, так как резкие сдвиги в нём затруднили бы его использование. Языковая система в целом проникнута принципом взаимосвязи. Анализируя положение о взаимосвязи явлений, Виктор Николаевич представляет интереснейшие факты связи языка и мышления, работы его на отдельных участках и тем самым как бы превращает монографию в интересный лингвистический

детектив с показом взаимосвязи и специфики языковых явлений, установления причин их возникновения, выяснения закономерностей, управляющих их развитием.

На примерах применения законов логики Виктор Николаевич показывает качественные и количественные изменения в языке, эволюцию внутренней формы слов и придаточных предложений (!), борьбу старой формы и новых средств её выражения, развитие тенденции к экономному использованию грамматических форм.

Профессор Мигирин очень остро ставит вопрос о необходимости соблюдения методологической строгости мышления во многих языковедческих трудах, особенно – учебных пособиях. Он анализирует школьный учебник русского языка и находит в определениях терминов огромное количество ошибок. Он не просто констатирует факты, а призывает учёных активно работать над исправлением сложившегося положения. Мы с большим сожалением отмечаем, что нарушение элементарных правил логики – крупный методологический недостаток многих современных учебных пособий и научных трудов по русскому языкознанию. В лингвистике по-прежнему идёт подмена научных доказательств безапелляционными декларациями, только борцов с этим стало ещё меньше, и тревога Виктора Николаевича остаётся сверхактуальной.

В работе «Гносеологические проблемы знаковой теории языка» В.Н. Мигирин анализирует состояние современной ему фонологии и рассматривает ряд гносеологических проблем, связанных с ней. Гносеологический подход он выбирает потому, что познание на этом уровне опирается на сознательно избираемые признаки и связи. Рассмотрев основные проблемы фонологии, автор отмечает, что она развивается односторонне, научный аппарат усложняется, создаются модные теории, придумываются модные термины вроде гиперфонемы, а реально фонетическая теория вполне может обойтись без понятия фонемы, лингвистика без фонологии при наличии фонетики – науки о звуках и их функциональных особенностях. В качестве исходных понятий, по мнению Виктора Николаевича, следует использовать звукотип и звукопредставление.

В этой же работе он писал: «Законность борьбы мнений в науке не означает того, что наука должна представлять совокупность мнений, а не строго организованную систему истин. Вместе с тем существуют дисциплины, где мнений не меньше, чем истин. Одной из них является лингвистика. В языкознании мнений столько, сколько языковедов, и истины теряются в перечне различных точек зрения» (с. 3). Абсолютно согласна с Виктором Николаевичем, но причину этого явления вижу не только в том, что «арсенал критериев истины и способов доказательства беден», но и в самой специфике лингвистики: в отсутствии обязательной проверки теории практикой (как, например, в самолётостроении, медицине и т.д.), а также в попытке строить теорию на принципе «толерантности идей», вседозволенности, то есть принимать на веру всё, что написано, только потому, что на это затрачены определённые усилия. Толерантность необходима в отношениях людей, а в науке, по моему глубокому убеждению, для утверждения истины необходимы дискуссии. К сожалению, в этом плане в науке о языке и в настоящее время мало что изменилось. Названная выше работа Виктора Николаевича заставляет над этим задуматься.

В 60-е годы прошлого века советские лингвисты обратились к теории переходности. Параллельно формировались две научных школы: Виктора Николаевича Мигирина и Веры Васильевны Бабайцевой. Виктор Николаевич рассматривал проблему переходности в языке широко и многоаспектно. Автор идёт от диахронических непрограммированных процессов развития языка к структурам разных уровней, где эти процессы возможны. Изучение элементарных процессов помогает создать всеобъемлющую классификацию элементарных процессов.

Трансформацию В.Н. Мигирин понимает как «любое преобразование в языке, программированное или непрограммированное, диахроническое или синхроническое». Учёный рекомендует выделить в самостоятельный раздел морфологии «трансформациологию», изучающую процессы переходности в области частей речи;

впервые вводит термины «иммиграционная» и «эмиграционная трансформация» в системе частей речи; «синтаксическая» и «морфологическая трансформация»; использует термин «диахронная трансформация» как синоним термина «переходность».

Привлекает стремление автора показать направление диахронической трансформации, в частности, переход от трёхчленного предложения (подлежащее, дополнение, сказуемое) к пятичленному (с добавлением определения и обстоятельства), обогащение синтаксических моделей предложения. Использован содержательный материал, представлены интересные наблюдения, но в целом переходность в области синтаксиса, по нашему мнению, подменена рассмотрением развития синтаксических конструкций, в основе которых лежат другие механизмы работы языка, а не переходность (точнее – не только переходность). Возможно, поэтому переходность в области синтаксических конструкций не получила дальнейшего развития как в работах аспирантов Виктора Николаевича, так и в работах других авторов. В то же время перспектива изучения процессов переходности, предложенная профессором Мигириным, может быть рассчитана на сотню лет вперёд. Автор перечисляет важнейшие проблемы учения о переходности в области частей речи; к ним относятся:

- классификация всех случаев переходности в области частей речи;
- словарь слов, возникших на базе диахронной трансформации;
- условия, благоприятные трансформации и затрудняющие её;
- эмиграционная и иммиграционная трансформация;
- переход в области частей речи как источник обогащения словарного состава языка.

Как много во всём этом интересного и неисследованного!

Несомненный интерес представляет теория лингвистической стратификации, изложенная Виктором Николаевичем в монографии «Язык как система категорий отображения» и других работах. Она позволяет связывать конкретный язык с уровнем мышления, который соответствует определённой ступени познания мира. Один из разделов этой теории (номинация и её типы) коррелирует с ономаσιологической теорией языковых смыслов в той её части, где рассматриваются единицы именования, обслуживающие языковые смыслы.

Современная лингвистика активно разрабатывает проблемы ономаσιологии. С уверенностью можно сказать, что Виктор Николаевич стоял у истоков этого направления при разработке учения о расчленённых единицах именования (добавлю: вместе с В.М. Никитевичем, М.В. Фёдоровой и др.). В своих статьях и в докторской диссертации он выделял и характеризовал единицы именования типа *неведомо кто, что хочешь, сколько угодно* и под., то есть так называемые «составные слова». Выход за пределы словоцентризма был важнейшим этапом развития науки о языке. Виктор Николаевич Мигирин выделил три типа номинации в русском языке: лексическую, синтагматическую и фразовую. Проблемам фразовой номинации была посвящена кандидатская диссертация Н.И. Пельтихиной, докторская диссертация А.А. Бурова, а в настоящее время её интересно и плодотворно разрабатывают ученики А.А. Бурова.

Последнее десятилетие Виктор Николаевич активно работал над проблемой «Строгой модели отображающей грамматики».

В 60 лет Виктора Николаевича Мигирина после короткой тяжёлой болезни и операции не стало. Он ушёл в расцвете творческих, да и физических сил. Остались ненаписанные книги, незавершённая «Строгая модель отображающей грамматики», осиротевшие ученики и идеи, к которым, как к свежей струе воды в прохладный день, можно припадать и получать новые силы. Очень хочется, чтобы этот источник был востребованным и не иссякал ещё многие годы.

К. Бюлер в «Предисловии автора» к «Теории языка» писал: «Всякий научный работник обычно в наибольшей степени обязан тем учёным, которые в отличие от ныне живущих уже не услышат слова благодарности». Думаю, что слова благодарности в адрес

учителей нужны не столько ушедшим, сколько топчущим ещё нашу грешную землю, а потому:

Спасибо, дорогой Виктор Николаевич, за то, что Вы были в нашей аспирантской и преподавательской жизни, что из Ваших рук мы получили путёвку в науку, что Вы были и остаётесь в наших воспоминаниях образцом честного и бескомпромиссного служения избранному пути.

Л.А. Орехова

ПРОФЕССОР В.Н. МИГИРИН В ПОСЛЕВОЕННОЙ ИСТОРИИ КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

Представляемые в статье архивные материалы дают нам редкую возможность реконструировать документальную историю научной и преподавательской деятельности одного из ярких лингвистов 1960–1970-х годов Виктора Николаевича Мигирова, ставшего научным руководителем тех замечательных преподавателей, которые учили целый ряд поколений студентов филологического факультета. С благодарностью вспоминаем мы наших учителей и их учителя – В.Н. Мигирова.

Архивные документы могут показаться кому-то «сухим» фактажом. Но за ними стоят этапы жизни человека, его достижения, надежды, разочарования, новые и новые стремления. В этом их объективная сила и значение. Кроме того, они несут нам «стилистику» своего времени, дают представление об эпохе, которая не должна быть забыта. В этих документах мы радостно встречаем фамилии людей, много сделавших для нашего факультета и нашего вуза. Так, частные, на первый взгляд, документы постепенно составляют ту «базу данных», на основании которых пишется история нашего университета.

13 апреля 1944 г. советские войска выбили фашистов из Симферополя, закончилась 865-дневная оккупация города. Москва салютовала победителям. 9 мая 1944 г. был освобождён Севастополь. И хотя боевые операции по освобождению Крыма ещё продолжались, 10 мая 1944 г. в газете «Красный Крым» (№ 40) была опубликована присланная из Махачкалы (куда в сентябре 1941 г. эвакуировался Крымский педагогический институт) заметка А.И. Германовича «Привет родному городу!». Понятно, что этот номер газеты представляет собой исторический раритет, потому приведём заметку полностью: «Дни подъёма и огромной радости переживают сейчас преподаватели и студенты Крымского педагогического института им. Фрунзе, работающие в Махач-Кала. В общезнании преподавателей и студентов пединститута по прослушании сообщений Советского информбюро об освобождении городов Крыма стихийно возникают своеобразные митинги. Все хотели выразить волнующие их чувства: восхищение силой Красной Армии и мудростью командования, искреннюю радость по поводу освобождения родного Крыма, горячее негодование против проклятых палачей, терзавших наших братьев и сестёр. Все страстно стремятся вернуться в родной город, чтобы отжаться работе для восстановления в кратчайший срок своего родного вуза.

Увидеть живыми и здоровыми своих товарищей по работе, своих руководителей, свои родные города и улицы – мечта каждого.

Всё в Крыму нам теперь ещё ближе, роднее, дороже, как дитя, перенесшее смертельную болезнь, вдвое дороже для родной матери.

До скорого свидания, родной наш город! Мы все силы напряжём, чтобы заплатить своему народу за твоё освобождение!

А. Германович, доцент Крымского пединститута».

Доцент А.И. Германович был заведующим кафедрой русского языка Крымского пединститута, а в эвакуации в Махачкале, когда Крымский пединститут был слит

с Дагестанским пединститутом, возглавил кафедру русского языка и там. В августе 1944 г. Наркомпрос принял решение о возвращении педагогического института в Крым. А.И. Германович был награждён медалью «За оборону Кавказа». 21 августа эшелон с преподавателями, студентами и имуществом Крымского пединститута выехал из Махачкалы¹³. Несмотря на большие трудности, в сентябре вузу удалось организовать в Симферополе начало нового, 1944–1945 учебного года.

Немногочисленные сохранившиеся документы в Государственном архиве Республики Крым несут нам информацию о людях и событиях той эпохи. По отчёту пединститута на 11 декабря 1945 г., всего в пединституте было 6 факультетов и 16 кафедр. На кафедре русского языка, с заведующим доцентом А.И. Германовичем, работало 8 преподавателей; на кафедре литературы – 6, заведующий кафедрой – профессор Е.В. Петухов¹⁴. Кафедры обеспечивали обучение на литературном факультете и в учительском институте. Студенческий набор 1946 года был значительно увеличен в сравнении с 1944 и 1945 годами. Причём на литературный факультет, несмотря на военное и послевоенное время, поступило несколько юношей. Так, по данным на 1946–47 уч. год, на 1 курсе литературного факультета обучались 51 студентка и 4 студента; на втором – 29 студенток и 3 студента, на 3-м – 27 студенток и 5 студентов. 4-го курса, по понятным причинам, пока не было. В учительском институте с двухгодичным обучением на первом курсе историко-литературного отделения числилось 10 студенток и 2 студента, на 2-ом – 16 студенток и 2 студента [Ф. Р-21, оп. 3, ед. хр. 25, л. 26].

По сути дела, приходилось восстанавливать достигнутые в довоенные годы высокие показатели образовательной системы Крыма. Сегодня есть смысл привести некоторые статистические данные (тоже взятые из архивных документов), которые помогают нам представить грандиозную работу, совершённую в сфере образования в довоенные советские годы. Обратим внимание: если в 1927 г. в вузах Крыма обучалось 507 студентов и в 12 средних специальных учебных заведениях – 1857 учащихся, то, по данным на ноябрь 1939 г., количество студентов в 5-ти вузах достигло 3334 человек, а количество учащихся – теперь уже в 37-ми училищах и техникумах – составило 7857 человек [Ф. Р-21, оп. 1, ед. хр. 1825, л. 157]. Это при том, что, по статистическим сведениям 1931 года, население в Крыму составляло 358871 человек [Ф. Р-114, оп. 5, ед. хр. 62, л. 3]. То есть, по самым грубым подсчётам, студентом высших и специальных средних учебных заведений в довоенном Крыму был каждый 40-й житель. Количество учеников средних школ мы сейчас в расчёт не берём.

В этой общей статистике выделим показатели Крымского пединститута на 1939–1940 уч. год и тогда заметим, что факультет русского языка и литературы имел самый высокий набор студентов, поскольку в 1940 г. здесь на всех курсах обучалось 238 человек (для сравнения: на историческом факультете – 151 чел., на географическом – 145, физическом – 174, математическом – 56, естествознания – 122, на факультете татарского языка и литературы, открытом в 1938 году, – 74 студента) [Ф. Р-21, оп. 1, ед. хр. 1826, л. 1]. Для современного читателя поясним, что учителя татарского языка и литературы для школ готовились также Ялтинским педагогическим училищем (ул. Кирова, 25), на котором в 1939 г. на всех курсах обучалось 397 студентов, из них женщин 227, членов ВЛКСМ – 138 [Ф. Р-21, оп. 1, ед. хр. 1826, л. 11].

В 1940 г. на I курс факультета русского языка и литературы поступило 62 студента, на II курсе обучалось 70 человек, на III-ем – 73, на IV курсе готовилось к выпуску 33 будущих учителя [Ф. Р-21, оп. 1, ед. хр. 1826, л. 1]. При этом высоким был процент отчисления студентов по неуспеваемости; строгий подход к назначению стипендий. Так, в 1940 г. из 714 студентов Пединститута стипендии получали 126 человек. Более 50 % студентов – 362 человека – жило в общежитиях Пединститута [Ф. Р-21, оп. 1, ед. хр. 1826, л. 177]. Хорошо была поставлена работа с обучением в аспирантуре. В 1940 г. в очной (трёхгодичной)

¹³ История Таврического университета / под общ. ред. Н.В. Багрова. – Киев, 2003. – С. 101.

¹⁴ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-21. оп. 3, ед. хр. 25, л. 6 об. Далее ссылки на материалы ГАРК в тексте в скобках.

аспирантуре кафедры русского языка было пять аспирантов второго и третьего годов обучения (научный руководитель – зав. кафедрой А.И. Германович), на кафедре русской литературы – семь. Для сравнения: на кафедрах зоологии, математики, физической географии – по 2 аспиранта; на кафедре истории – 3, на кафедре татарского языка и литературы – 1 аспирант второго года обучения. Кроме того, кафедры русской литературы и истории имели по одному аспиранту-заочнику [Ф. Р-21, оп. 1, ед. хр. 1826, л. 188 об.].

В 1944–1945 гг. разрушенную войной систему народного образования в Крыму приходилось восстанавливать практически с нуля. Научная и преподавательская деятельность В.Н. Мигирова началась в эти, особенно трудные для нашего вуза, годы. Сохранилась телеграмма с грифом «Правительственная» в Куйбышевский пединститут (копия – в Крымнаркомпрос), датированная 31 июля 1945 года и подписанная замнаркомпросом Котляровым, в которой, в частности, содержался приказ «направить аспиранта Куйбышевского пединститута Мигирова в распоряжение Крымнаркомпроса» (Р-21, оп. 6., ед. хр. 95, л. 6). Приказом № 253 директора института доцента Я.А. Чубукова¹⁵ В.Н. Мигиринов зачислен старшим преподавателем по кафедре русского языка с 1 сентября 1945 г. [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 9]. Он стал девятым по счёту преподавателем кафедры, причём самым молодым.

У нас есть уникальная возможность познакомиться с составом кафедры в 1945–1946 гг. Вот список членов кафедры в директорском отчёте:

1. Германович Александр Иларинович, зав. кафедрой, к. филол. н., доцент; род. в 1896 г., белорус, беспартийный; стаж педагогической работы 11 лет, в Крымском пединституте – 7 лет (с 1938 г.). Закончил филологический факультет Нежинского пединститута в 1921 г. и аспирантуру при Ленинградском университете (Институт языковедения) в 1934 г.

2. Лапатухин Михаил Семёнович, доцент, к. пед. н.; род. в 1905 г., еврей, член ВКП (б); стаж педагогической работы 12 лет, в Крымском пединституте – 1 год (с 1945 г.). Закончил филологический факультет Среднеазиатского университета; прибыл из педагогического института г. Алма-Ата. (Впоследствии, с 1947 г., преподавал в Калининском педагогическом институте им. М.С. Калинина, стал доктором педагогических наук, профессором. Умер в 1999 г.)

3. Мигиринов Виктор Николаевич, ст. преподаватель; род. в 1920 г., украинец, беспартийный; стаж педагогической работы 1 год, в Крымском пединституте – 1 год (с 1945 г.). Закончил Куйбышевский пединститут и аспирантуру там же.

4. Назарова Антонина Михайловна, ст. преподаватель; род. в 1898 г., русская, беспартийная; стаж педагогической работы 11 лет, в Крымском пединституте – 2 года (с 1944 г.). В 1930 г. закончила Крымский педагогический институт и аспирантуру там же – в 1938 г. (К 1949 году – кандидат филологических наук. – Л. О.)

5. Кефели Елена Ильинична, преподаватель; род. в 1901 г., русская, беспартийная; стаж педагогической работы 2 года, в Крымском пединституте – 2 года (с 1944 г.). Закончила Крымский педагогический институт. (Е.И. Кефели имела большой опыт работы в средней школе, являлась автором учебника: Е.И. Кефели, А.М. Кара. Учебник русского языка для татарской начальной школы : 3-й год обучения рус. яз. Симферополь : Гос. изд-во Крым. АССР, 1933).

6. Уткина Вероника Петровна, ассистент; род. в 1911 г., русская, беспартийная; стаж педагогической работы 2 года, в Крымском пединституте – 2 года (с 1944 г.). Закончила Крымский пединститут в 1932 г.; аспирантка 2-го года обучения. (В 1949 г. В.П. Уткина защитила в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А.И. Герцена кандидатскую диссертацию «Лексика ранних повестей Н.М. Карамзина».)

7. Баккал Анна Исааковна, ст. преподаватель; род. в 1894 г., караимка, член ВКП (б); стаж педагогической работы 6 лет, в Крымском пединституте – 2 года (прибыла из средней

¹⁵ Яков Арсеньевич Чубуков родился в 1910 г., историк, выпускник Ленинградского государственного университета; в Крымском пединституте работал 5 лет // Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-21, оп. 3, ед. хр. 11, л. 3. Далее ссылки на материалы ГАРК в тексте в скобках.

Азии в 1944 г.). Закончила Крымский пединститут; аспирантка кафедры русского языка. (В предвоенные годы А.И. Баккал в соавторстве с Е.И. Кефели и С.Л. Лазаревой издала «Учебник русского языка. Ч. 2. Синтаксис. Для 7-го класса : Для неполной сред. и сред. школы. Симферополь : Гос. изд. Крым. АССР, 1940.)

8. Василевская Ксения Дмитриевна, преподаватель; род. в 1900 г., русская, беспартийная; закончила высшие женские историко-филологические курсы в Петербурге; специальность – литература; стажа педагогической работы не имела, в Крымском пединституте с 1945 г.; по совместительству работала на кафедре русской литературы.

9. Ефетов Семён Борисович, преподаватель латинского языка; род. в 1872 г., караим, беспартийный; закончил Петербургский университет; стаж педагогической работы 20 лет, из них все 20 – в Крымском пединституте [Ф. Р-21, оп. 3, ед. хр. 5, л. 46 об.; ф. Р-21, оп. 3, ед. хр. 11, л. 4; ф. Р-21, оп. 3, ед. хр. 27, л. 9].

Учебная нагрузка преподавателей составляла для профессоров и доцентов 660 часов, для преподавателей – 720 [Ф. Р-21, оп. 3, ед. хр. 11, л. 4]. Но в реальности она была большей; работать было очень трудно, так как научная библиотека пединститута частично была разграблена и уничтожена, учебников и пособий было чрезвычайно мало, для знакомства с научной литературой необходимо было ехать в Москву, необходимы были командировки. Вуз крайне нуждался в квалифицированных и «остепенённых» преподавателях, потому в научный план кафедры на 1945–1946 учебный год включалась подготовка к защите докторских и кандидатских диссертаций. В частности, в 1945 г. А.И. Германович планировал продолжение работы над докторской диссертацией «О междометиях русского языка» и, в частности, дописать главу «Глаголы типа “глядь” и “хвать”». Доцент М.С. Лопатухин под руководством чл.-корреспондента АН СССР Истриной Евгении Самсоновны писал докторскую диссертацию «Лингвистические взгляды Н.А. Некрасова». Ассистент В.П. Уткина начала работу над кандидатской диссертацией «Язык художественных произведений Н.М. Карамзина». В.Н. Мигирин готовился в конце 1945 г. защищать кандидатскую диссертацию «Сложное предложение сказок А. Новопольцева, записанных Д.И. Садовниковым». Предполагались научные командировки для подготовки диссертаций: А.И. Германовичу – в библиотеку имени В.И. Ленина; М.С. Лопатухину – в Москву на 2–3 месяца для консультаций с научным руководителем и работы над архивными материалами; В.Н. Мигирину – в Куйбышевский пединститут. В Плане научной работы, составленном А.И. Германовичем (сохранился в рукописи), называлась и примерная сумма предстоящих командировочных расходов преподавателей – 9700 руб. [Ф. Р-21, оп. 3, ед. хр. 18, л. 2].

Одним из аспектов научной работы кафедры являлось изучение говоров в Крыму, чему способствовала студенческая диалектологическая практика. Руководителем диалектологической практики являлся заведующий кафедрой.

Вообще следует сказать, что краеведческая тематика предусматривалась в планах работы всех кафедр Пединститута, причём называлось это не так, как сегодня, – «региональный аспект», а «краеведением», и, я уверена, в наши дни уважение к этому слову должно быть заслуженно возвращено. Итак, в «Докладной записке о краеведческой работе со студентами за 1946–1949 годы» кафедра русского языка в 1949 г. отчитывалась следующим образом: «В предшествующие годы кафедра приступила к описанию говоров коренного населения Крыма (судя по всему, “коренным” называли оставшееся в Крыму довоенное население. – Л. О.). Описано десять селений разных районов Крыма (селения: Грушовка, Почтовое, Партизаны и др.).

В текущем году описано ещё около десяти селений с коренным населением в районах Евпаторийском, Бахчисарайском, Симферопольском.

Руководит работой преподаватель диалектологии кандидат филологических наук А.М. Назарова. В помощь ей выделен кандидат филологических наук В.Н. Мигирин» [Ф. Р-21, оп. 3, ед. хр. 27, л. 9].

В Крымском архиве сохранилось личное дело В.Н. Мигирова (Р-21, оп. 6, ед. хр. 95), и благодаря этому сегодня восстанавливается документальная история его педагогической и

научной деятельности в Крымском пединституте. Дело начато 1 сентября 1945 г.; окончено 27 сентября 1971 г.; состоит из 67-ми брошюрованных листов; надпись на папке «Хранить постоянно». Мы располагаем несколькими характеристиками В.Н. Мигирина, составленными в разные годы и дающими представление не только о научном росте преподавателя, но и о том времени; Личным листком по учёту кадров и некоторыми иными документами Крымского пединститута, важными для понимания ряда обстоятельств жизни и академического роста талантливого лингвиста.

Так, в характеристике, подписанной 28 июня 1946 г. директором Крымского пединститута имени М.В. Фрунзе Я.А. Чубуковым и парторгом института Лазукиным, и, судя по всему, подготовленной для получения В.Н. Мигириным учёного звания доцента (поскольку весной 1946 г. он защитил кандидатскую диссертацию), читаем: «О высокой работоспособности (В.Н. Мигирин. – Л. О.) и серьёзности отношения к делу свидетельствует полностью написанный им курс лекций и составляемая с большим вкусом и старанием картотека по современному русскому языку, имеющая практическое и научное значение» [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 11]. Кандидатская диссертация В.Н. Мигирин была защищена 15 марта 1946 г. в Куйбышевском государственном пединституте; утверждена 19 августа 1947 г. [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 7]. В учёном звании доцента В.Н. Мигирин был утверждён 3 июня 1950 г. [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 16].

Сохранившаяся характеристика, датированная 5 апреля 1950 г. и подписанная зам. директора Пединститута доцентом И.А. Лебедевым и секретарём парторганизации В.М. Воробкало, связана, видимо, с утверждением Мигирин в звании доцента. Отмечается среди прочего, что «тов. Мигирин на высоком научном уровне читает курс “Современный русский язык” и спецкурс “История русской грамматики”»; «систематически занимается научной работой и внимательно следит за развитием советского языкознания»; в плане самообразовательной работы «изучает труды акад. Н.Я. Марра и И.И. Мещанинова». Сказано также, что В.Н. Мигирин принимает участие в общественной жизни института: «редактирует стенгазету “Советский педагог” и является профоргом кафедры русского языка»; «во время предвыборной кампании тов. Мигирин вёл агитационную работу среди населения»; «наряду с другими преподавателями, принимал участие в черкасовских бригадах и выезжал для работы в колхоз»; «выполнял отдельные поручения общественных организаций (горкома ВКП (б), профкома Крымского пединститута)». Особо оговорено, что «в последние годы тов. В.Н. Мигирин выступал с докладами, пропагандирующими Новое учение о языке, перед преподавателями-словесниками Крыма» [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 20].

Упомянутые в характеристике «труды акад. Н.Я. Марра и И.И. Мещанинова» доносят до нас «эхо эпохи» – популярность в языкознании и философии 1930–1950 гг. яфетической теории Н.Я. Марра о происхождении языков; она была фактически развенчана летом 1950 г. в статье И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Заметим, однако, что характеристика В.Н. Мигирин подписана 5 апреля 1950 г., то есть до этих событий. Необходимо комментировать ещё одно явление послевоенного времени – «Черкасовские бригады». Это было общественное движение по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства; названо оно в 1943 г. по имени инициатора движения – женщины-строителя Александры Максимовны Черкасовой, которая ежедневно в свободное от работы время добровольно выходила со своей женской бригадой на восстановление разрушенного войной Сталинграда. Традиции этого движения, как видим, были продолжены, и «черкасовские бригады» студентов были востребованы и работали в сельском хозяйстве Крыма.

Сохранилась в архиве Автобиография В.Н. Мигирин, написанная и подписанная им 4 ноября 1958 г. Приведём её полностью: «Я, Виктор Николаевич Мигирин, родился в семье рабочего в 1920 г. В 1928 г. поступил в школу в г. Севастополе, куда переехали мои родители с Украины. Среднюю школу окончил в 1938 г. в г. Феодосии. В 1939 г. поступил в Крымпединститут, на отделение русского языка и литературы. В том же году призывался

в армию, но был освобождён от воинской обязанности по состоянию здоровья. В 1941 г. эвакуировался в г. Куйбышев, где в 1942 г. окончил Куйбышевский педагогический институт. С 1942 по 1945 г. находился в аспирантуре по русскому языку при Куйбышевском пединституте. В 1945 г. поступил на работу в Крымский пединститут в качестве старшего преподавателя. С 1950 г. работаю доцентом в том же институте, а с 1958 г. – и.о. профессора» [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 47].

Как уже было сказано, в личном деле В.Н. Мигирова сохранился Личный листок по учёту кадров, оформленный В.Н. Мигириным 22 ноября 1966 г. Этот документ принадлежит к более «поздним» в сравнении с теми, которые мы ниже представим читателю. Но именно эти анкетные сведения и даты следует признать точными и, отталкиваясь от них, будет легче провести дальнейшие документальные ретроспекции о научной и преподавательской деятельности В.Н. Мигирова 1950-х годов. Итак, в Личном листке В.Н. Мигирин записал: родился 17 января 1920 г. в селе Ярошевка Глинского района Сумской области УССР; по национальности украинец, по социальному происхождению – из рабочих. С марта 1956 г. – член КПСС, партбилет № 07038146; партвызваний не имел. Военнообязанный, рядовой. Имеет орден Трудового Красного Знамени. В 1939–1941 гг. учился (до 3 курса) на литфаке Крымского пединститута; с началом Великой Отечественной войны в 1941 г. учился в Куйбышевском пединституте, закончив его в 1942 г. с квалификацией «учитель русского языка и литературы». В 1942–1945 гг. прошёл аспирантуру при Куйбышевском пединституте, закончив её по специальности «История русского языка» [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 8]. Владел немецким, польским, украинским языками; с французского и немецкого языков переводил со словарём. По состоянию на 1966 год семейное положение таково: жена, Галина Давыдовна Мигирова, и 2 сына – Владимир 19-ти лет и Евгений 14-ти лет. Семья проживала в Симферополе на ул. Ленина, дом 11, кв. 3 [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, лл.1, 3-3 об.].

На момент заполнения Личного листка 1966 г. В.Н. Мигирин был уже доктором филологических наук, профессором. Но путь этот, как увидим, был не столь прост. Обратимся сейчас к характеристике 1952 г., подписанной 27 июня директором пединститута А.Н. Киселёвым: «<...> В.Н. Мигирин успешно ведёт курс “современный русский язык” и специальный курс, проявляет высокий интерес к вопросам методологии и методики. Он наиболее активный участник лингвистического семинара преподавателей кафедр русского, немецкого, французского и английского языков. В.Н. Мигирин после выхода в свет исторической работы тов. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания” перестроил свою работу и коренным образом перестроил курс своих лекций. Постоянно ведёт работу с учительством области, выступая с лекциями и докладами на объединениях словесников и на различных курсовых мероприятиях. В настоящее время он завершает докторскую диссертацию» [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 22].

16 апреля 1956 г. в совете Московского ордена Ленина и ордена Трудового Красного знамени государственного университета имени М.В. Ломоносова 36-летний В.Н. Мигирин защитил докторскую диссертацию «Эволюция придаточного и разные виды трансформации главного и придаточного предложений в русском языке» (Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 29). 26 сентября 1956 г. на заседании Совета Крымского пединститута В.Н. Мигирин был представлен к учёному званию профессора. Однако докторская диссертация была утверждена несколько позже – на заседании ВАК 1 декабря 1956 г. (протокол № 22). Конечно, можно понять, что руководству Крымского пединститута хотелось ускорить процесс утверждения В.Н. Мигирова в учёном звании профессора. Но строгие нормы ВАК не позволяли этого сделать. Секретарь Крымского обкома КП Украины И. Чирва написал в ВАК ходатайство, из которого следовало, что В.Н. Мигирин имеет большой преподавательский стаж, заслуги перед вузом и заслуживает учёного звания профессора; «им уже написаны 22 научные работы общим объёмом в 80 печатных листов, большинство из которых опубликовано»: «Только после защиты докторской диссертации В.Н. Мигирин написал 12 научных работ, в том числе учебное пособие “Диалектический материализм, логика, лингвистика”, которое

получило положительные отзывы многих научных работников и институтов» [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, лл. 32-33].

9 июня 1957 г. на заседании Учёного совета пединститута (протокол № 4) В.Н. Мигирин прошёл по конкурсу на должность профессора кафедры русского языка. Но и теперь, в связи с тем, что В.Н. Мигирин проработал «в должности профессора только с 16 октября 1957 г.», секретариат Высшей Аттестационной комиссии 4 декабря 1957 г. возвратил его «дело» в институт «без рассмотрения» [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 35]. 30 июня 1958 г. В.Н. Мигирин вновь проходит на Учёном совете КГПИ баллотировку на звание профессора, и вновь документы посланы в ВАК [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, лл. 41-42, 45-46]. Однако поступившие в летний период документы оставались без рассмотрения [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 44]. Осенью, 28 ноября 1958 г., директор института В.К. Новиков пишет в ВАК и просит сообщить, «почему задерживается рассмотрение дела и. о. профессора В.Н. Мигирина»: «Педагогическая, научная и общественная деятельность и. о. профессора В.Н. Мигирина характеризуется с положительной стороны. Его научные труды используются в Советском Союзе и странах народной демократии (институт может представить все необходимые сведения). По предложенной им проблематике два аспиранта А.П. Сазонов и А.Е. Киселёв уже защитили диссертации и получили степень кандидата наук. Три его аспиранта в этом году подготовили диссертации, которые обсуждены и рекомендованы к защите Учёным советом Крымпединститута» [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 40]. В ответ 24 декабря 1958 г. из Секретариата ВАК сообщалось, что «Президиум ВАК воздержался от решения вопроса об утверждении В.Н. Мигирина в учёном звании профессора до дальнейшего опубликования им научных работ, выполненных им после защиты докторской диссертации» [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 38]. Приведённые нами документы, хотя и отражают затянувшийся процесс присвоения доктору наук В.Н. Мигирину звания профессора, свидетельствуют о неукоснительном соблюдении ВАК всех пунктов закона, а вовсе не о сомнениях в научном потенциале В.Н. Мигирина.

Несомненно, однако, что в институте В.Н. Мигирин пользовался авторитетом и поддержкой, так что, несмотря на отрицательный ответ из ВАК (а он получен в Симферополе 7 января 1959 г.), приказом проректора пединститута А.Ф. Перехода от 10 января 1959 г. (Протокол № 3) В.Н. Мигирин был утверждён в должности заведующего кафедрой русского языка [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 39].

В учёном звании профессора доктор филологических наук В.Н. Мигирин был утверждён ВАК 7 февраля 1961 г. [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, лл. 51, 56].

В личном деле сохранилось несколько благодарностей, объявленных руководством пединститута. Приведём некоторые из них:

13 апреля 1948 года приказом директора пединститута И.Г. Попова объявлена благодарность В.Н. Мигирину «за большие успехи, достигнутые в области учебной и научно-исследовательской работы, активное участие в общественной жизни института, добросовестное выполнение обязанностей по обслуживанию учебного процесса» [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 14].

26 октября 1965 г. приказом ректора по КГПИ им. М.В. Фрунзе «за большие успехи в учебной и научной работе и принимая во внимание более чем 20-летнюю безупречную работу в институте» В.Н. Мигирин награждался Почётной грамотой [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 58].

4 ноября 1967 г. профессор В.Н. Мигирин награждён приказом ректора Почётной грамотой [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 61].

25 марта 1969 г. приказом ректора А.Ф. Перехода профессору В.Н. Мигирину объявлена благодарность «за успехи в развитии взаимосвязей института с органами народного образования и оказание помощи учителям» [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 63].

20 января 1970 г. В.Н. Мигирин награждён Почётной грамотой «за многолетнюю успешную учебную и научную работу и в связи с 50-летием со дня рождения» [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 64].

Особенно значимой для нас является характеристика В.Н. Мигирова, подписанная 14 мая 1968 г. дорогими нашей памяти людьми: ректором Крымского пединститута А.Ф. Переходом, секретарём парторганизации Н.В. Багровым (впоследствии – ректор Таврического национального университета имени В.И. Вернадского) и председателем месткома В.М. Ронгинским (впоследствии – заведующий кафедрой русского языка, декан филологического факультета). Приведём выдержки из этой характеристики: «<...> Научные работы В.Н. Мигирова нашли всеобщее признание среди советских лингвистов. Ряд его выводов вошёл в вузовские учебники по современному русскому языку. Под руководством В.Н. Мигирова ведут успешную работу аспиранты и ассистенты. Некоторые из них уже защитили кандидатские диссертации. Лекции В.Н. Мигирова отличаются логической стройностью, точностью языка и стоят на современном уровне развития науки.

В.Н. Мигирин ведёт общественную работу, являясь руководителем студенческого научного общества института, выступал в качестве оппонента и рецензента по ряду кандидатских диссертаций. <...> Им написаны 24 научные работы. За плодотворную научную работу и успешную подготовку научных кадров в 1962 году награждён орденом Трудового Красного Знамени. Среди преподавателей, сотрудников и студентов пользуется заслуженным авторитетом» [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 62].

Последний документ, составленный В.Н. Мигириным в Крымском пединституте, – датированное 24 июля 1971 г. заявление об очередном трудовом отпуске и последующем «освобождении с 1 сентября 1971 г. от занимаемой должности в Крымпединституте» [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 65].

С 1971 г. В.Н. Мигирин работал в Бельцком пединституте. Но как консультант он предполагал и дальше работать в нашем вузе. Среди последних документов в деле В.Н. Мигирова – выписка из приказа № 568 от 30 ноября 1971 г. по Крымскому государственному педагогическому институту имени М.В. Фрунзе, подписанного ректором института А.Ф. Переходом: «Мигирину В.Н., профессору кафедры русского языка Бельцкого пединститута, поручить руководство научной работой аспирантов кафедры русского языка Крымского пединститута имени М.В. Фрунзе Колесникова А.А., Демченко Л.И., Луцкая В.В., Каленкович Р.А., Бородиной А.В. на условиях почасовой оплаты в объёме 240 часов с 20 ноября 1971 года.

Основание: заявление проф. Мигирова В.Н., разрешение Бельцкого пединститута и представление научной части» [Ф. Р-21, оп. 6, ед. хр. 95, л. 67].

Имя профессора Виктора Николаевича Мигирова с кратким перечислением его научных заслуг внесено в справочник «Профессора Таврического национального университета имени В.И. Вернадского» (Киев, 2000. С. 73–74), но не все сообщённые в книге сведения точны. Приведённые нами документы позволят устранить неточности и пробелы.

ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК

по учету кадров

Фамилия Мигирин

Виктор отчество Николаевич

Пол муж. 3. Год, число и м-ц рождения 17 января 1920г.

Место рождения село Ершовка УССР
(село, деревня, город, район, область)

Национальность украинец 6. Социальное происхождение рабочий

Партийность член КПС партстаж март 1956г. партбилет № 07038146
месяц и год вступления к/карточка

Я состою ли членом ВЛКСМ, с какого времени и № билета —

Образование высшее

Название учебного заведения и его местонахождение	Факультет или отделение	Год поступления	Год окончания или ухода	Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую специальность получил в результате окончания учебного заведения, указать № диплома или удостоверения
Кремлевский институт	литфак	1939	1941	3 курс	
Кубовицкий педагогич.	литфак	1941	1942	окончил	учитель русского языка
Каптуровская школа по русскому языку при Кубовицком пед-институте		1942	1945	окончил	и литературовед преподаватель русского языка

Какими иностранными языками и языками народов СССР владеете немецким, польским,

украинским. Переводчу со словарей с французского и немецкого
(читаете и переводите со словарем, читаете и можете объясняться, владеете свободно)

Ученая степень, ученое звание профессор, доктор филологических наук

Какие имеете научные труды и изобретения Имею 20 научных трудов

КОПИЯ

ДИПЛОМ — № 698674

с отличием

Предъявитель сего тов.

Мигирин
Виктор Николаевич

в 19 41 г. поступил и в 19 42 г. окончил — полный курс —

Кузбывшевского Государственного
Педагогического Института имени В.В. Кузбывшева

по специальности русский язык и
литература

и решением Государственной
Экзаменационной комиссии

23 июля 19 42 г. ему присвоена квалификация
и звание учителя средней школы
по русскому языку и литературе

Директор Государственной

Экзаменационной Комиссии — подпись

Директор подпись

Секретарь подпись

гербовая печать
учреждения
выдавшего
подлинник

г. Кузбывшев 7/- 19 42 г.

регистрационный № 1344

г. Великий

11/12 10

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А

Виктор Николаевич МИГИРИН, работающий старшим преподавателем кафедры русского языка Крымского Педагогического Института с 1-го сентября 1948г., зарекомендовал себя как хороший преподаватель и увлекающийся своей специальностью научный работник. В феврале 1948г. он защитил кандидатскую диссертацию и сейчас настойчиво и продуктивно продолжает работать над проблемами синтаксиса сложного предложения.

Он успешно провел курс "Современный русский язык" в педагогическом и учительском институте.

О высокой работоспособности и серьезности отношения к делу свидетельствует полностью написанный им курс лекций и составляемая с большим вкусом и старанием карта-тека по современному русскому языку, имеющая практическое и научное значение. Т.Мигирин проявил высокий интерес и к вопросам методической работы. Он всегда принимал участие в обсуждении открытых лекций и семинаров, выступал на заседаниях кафедры, посвященных вопросам организации учебной и воспитательной работы студенчества.

Зав. кафедрой русского языка

Перманович /ПЕРМАНОВИЧ/

передать в ред. изд.

ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ

ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
Москва, ул. Жданова, д. 11

ВЫПИСКА

из протокола № 22 от I декабря 1956 г.

(Подлинник протокола находится в делах Высшей аттестационной комиссии)

Слушали:

§ II. Об утверждении МИГИРИНА Виктора Николаевича в ученой степени доктора филологических наук на основании защиты 16 апреля 1956г. в совете Московского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. М.В. Ломоносова. диссертации: "Эволюция придаточного и разные виды трансформации главного и придаточного предложений в русском языке".
/Крымский педагогический институт им. М.В. Фрунзе/.

Постановили:

Утвердить МИГИРИНА Виктора Николаевича в ученой степени доктора филологических наук.

Председатель Высшей аттестационной комиссии - В.Елютин

Ученый секретарь - И.Горшков

Зам.ученого секретаря Высшей аттестационной комиссии

[Подпись]
А.Сергеев

29 декабря 1956 г.

1041-3000

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

В.П. Забродченко

ЗАВИСИМОСТЬ ПРИЧАСТНОЙ ЧАСТИ СО СКРЕПОЙ *КОГДА* ОТ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ОПОРНОГО СЛОВА

Структурные ярусы языка должны изучаться в тесной взаимосвязи. По мнению Г.Н. Акимовой, «на современном этапе развития грамматической теории всё больше проявляется и уточняется связь лексики и грамматики» [1, с. 94]. Значительный интерес представляют закономерности взаимодействия синтаксических структур с конкретными классами лексики. Общность значения слов одной лексико-семантической группы часто сопровождается однотипностью их синтаксических свойств.

Более наглядно можно определить значение семантических групп слов, если рассматривать сложноподчинённые предложения, сближающиеся в структурном плане. Как известно, к важнейшим структурным средствам сложноподчинённых предложений принадлежат скрепы. Проведены наблюдения над сложноподчинёнными предложениями со скрепой **когда**, которая в качестве средства связи придаточной части с главной выступает как **союз** (временной, условный) и как **союзное слово** – наречие времени. Омонимичность креп в различных сложноподчинённых предложениях усиливает роль других средств, дифференцирующих семантику этих предложений.

Наиболее специфична структура сложноподчинённых предложений с придаточными определительными. В них союзное слово **когда** присоединяет придаточную часть к имени существительному (или к существительному в сочетании с указательным словом) определённой семантики: это в основном слова с временным значением (*миг, секунда, минута, мгновение, час, день, ночь, утро, вечер, зима, лето, весна, осень, пора, время, эпоха*), реже абстрактные существительные типа: *событие, положение, случай*. Например: *И. Кузнецов понял: Касымов был убит осколками в грудь, видимо, в тот момент, когда он ещё хотел подняться, когда последний снаряд разорвался на бруствере...* (Ю. Бондарев); *Приходится этот час на раннюю пору летнего рассвета, когда ещё не взошло солнце и не растопило, не смыло горячей волной настоявшиеся за ночь, взятые из недр своих запахи...* (В. Распутин); *Но ни Бессонов, ни кто другой не способен был предвидеть, как сложится переменчивое положение через час, через два, то есть то положение для всей армии, когда уже представлялось бы невозможным исправить что-либо* (Ю. Бондарев).

Временные и условные придаточные, присоединяемые союзом **когда**, в структурном плане очень близки, в них отсутствуют лексические разграничения. Условные значения отличаются большей обобщённостью, а временная семантика более конкретна, ситуативно ограничена; нередко наблюдается синкретизм условно-временных значений. Например: *Ягоды хватит, когда бы по-людски её брать* (В. Распутин); *Когда нет таких, как лейтенант Княжко, то нет и настоящих друзей, и вообще многое в мире тускнеет* (Ю. Бондарев); *Когда насилуют и извращают саму природу, она заболевает и гибнет, и вместе с ней, конечно, человек* (Ю. Бондарев).

Некоторые придаточные предложения, присоединяемые союзом **когда**, выполняют функцию уточнения, пояснения к обстоятельству времени в главной части сложного предложения. Эти обстоятельства в основном выражаются наречиями времени (*теперь, потом, всегда, иногда, утром, вечером, летом, зимой* и под.). Например: *Теперь, когда немного отдохнули и вязкая горечь из горла ушла, давала знать себя глубокая, требовательная жажда* (В. Распутин); *Утром, когда поднялись, Михеич даже обрадовался тому, что Настёне выпала эта поездка* (В. Распутин).

Среди предложений со скрепой **когда** наибольший интерес представляют сближающиеся в структурном отношении сложноподчинённые предложения с придаточными изъяснительными и временными, распространяющими предикат. Сходство

структур этих типов предложений основано на утверждении, что придаточные времени, как и изъяснительные, относятся к опорному слову в главной части, а не ко всей главной части в целом. Мнение лингвистов, полагающих, что расчленённые придаточные предложения (к которым принадлежат и временные) «не имеют опорного компонента в виде отдельной лексемы в составе главной части и соотнесены с главной частью в целом» [3, с. 539], опровергается языковыми фактами: придаточная часть времени может относиться как к предикату, так и к другим членам предложения: определению, выраженному причастием, обстоятельству, выраженному деепричастием или наречием, подлежащему и дополнению, выраженным инфинитивом. Например: *Это выражение дерзости особенно придавал ему стальной передний зуб, холодно сверкающий, когда старший сержант говорил или улыбался* (Ю. Бондарев); *Приехать сюда, когда захотите, – ваше право* (Е. Пермитин).

Сходство структур сложноподчинённых предложений с придаточными времени и изъяснительными будет более наглядным, если представить их в схемах. Существуют различные мнения по поводу возможности передать в структурных схемах сложные предложения [2, с. 161]. Мы поддерживаем точку зрения В.А. Белошапковой, которая считает целесообразными попытки разработать схемы сложных предложений, предлагает символику для этих схем и определяет требования к ним [4, с. 515, 517]. Приведём несколько примеров омонимичных структур с временной и изъяснительной семантикой. При соотнесении схем сложных предложений ограничиваемся обозначением предикативных единиц минимальными структурными схемами, как это принято многими лингвистами при описании простых предложений [3, с. 92–136].

1. *Славка окликнул его, когда Виктор подходил со своей драгоценной водой к дому* (В. Распутин); *Настёна ждала, когда свёкор вернётся с работы...* (В. Распутин). Омонимичная структура этих предложений может быть передана схемой: $N_1V_f < \text{когда } N_1V_f$ (имя в именительном падеже и согласованная с ним спрягаемая форма глагола). Она передаёт минимальную структурную схему главной и придаточной частей сложного предложения; $<$ означает гибкость структуры.

2. *Однако, когда говорили ему о некоторой стилиевой перегруженности, он держался за каждое слово...* (Ю. Бондарев); *Не знаю, когда отправили их в медсанбат...* (Ю. Бондарев). Схема этих предложений: $N_1V_f < \text{когда } V_{\text{Зрп}}$.

Различный характер синтаксической природы сложноподчинённых предложений, имеющих одинаковые или сходные структурные схемы (изъяснительная и временная семантика, обязательность изъяснительной и факультативность временной придаточной части, нерасчленённость и расчленённость структур), определяется семантико-синтаксическими свойствами опорных слов в главной предикативной единице и реализацией их валентности.

Изъяснительная придаточная часть присоединяется к опорным словам релятивной семантики. Круг глаголов, допускающих прикрепление союзным словом **когда** придаточных изъяснительных (в том числе и косвенного вопроса), узок. Это глаголы восприятия, чувства (*любить, нравиться, чувствовать, радоваться, огорчаться, бояться ...*), речи, передачи и получения информации (*сказать, спросить, ответить, передать, доложить, донести, объяснить, интересоваться, узнать...*), волеунаправленного действия (*определить, наметить, назначить*), умственной деятельности (*понимать, соображать, осознавать, помнить...*) и др., например, большей частотностью характеризуются глаголы *ждать, ожидать*. Придаточные изъяснительные занимают при опорных глаголах позицию обязательного объектного распространителя, главная часть без придаточной отличается семантической и структурной неполнотой. Например: *Не знаю, когда ещё увидимся, – война, сын* (Ю. Бондарев); *Митяй сразу назначал, когда и чем он может вернуть долг* (В. Распутин); *Я уж и не помню, когда мылся* (В. Распутин); *Потом кто-то остановился надо мной и стал ждать, когда я очнусь* (В. Распутин).

Придаточные времени присоединяются союзом **когда** к глаголам самой разнообразной семантики (практически неограниченной), в том числе и глаголам, при

которых могут быть придаточные изъяснительные. Но при этом временные придаточные выступают как факультативные распространители, допускаемые опорным словом только при условии его релятивной насыщенности в пределах главной части. Этим, вероятно, и объясняется утверждение лингвистов, будто бы придаточные времени относятся ко всей главной части в целом [5, с. 632]. Например, в предложении *Я ждал **тебя**, когда зашло солнце* придаточная часть времени относится к релятивному опорному слову *ждал* с замещённой объектной позицией в пределах главной части (*тебя*). В примере *Я ждал, когда зайдёт солнце* при этом же глаголе позицию объектного распространителя занимает придаточная изъяснительная часть. Аналогичны примеры: *Неужели ты можешь точно объяснить, когда это начинается и когда заканчивается?* (Ю. Бондарев); *Неужели ты можешь **всё** объяснить, когда к тебе обращаться с вопросами сын?*

Союз **когда** присоединяет придаточные временные и изъяснительные к словам на -о с оценочным значением (в лингвистической литературе они квалифицируются по-разному: как наречия, слова категории состояния, прилагательные): *хорошо, приятно, неприятно, ужасно, интересно, обидно, удачно, простительно, боязно, непривычно, смешно, некрасиво...* Главная предикативная единица в сложноподчинённых изъяснительных и временных может иметь одинаковую модель, но в предложениях с придаточными изъяснительными характеризуется структурной и семантической неполнотой. В ней выражено только оценочное значение, а событие, подвергаемое оценке, передано придаточной частью, которая и занимает позицию второго компонента двухкомпонентной минимальной структурной схемы главной предикативной единицы. В главной части сложных предложений с придаточными времени выражены и оценка, и предмет или событие, действие, к которым эта оценка относится, то есть схема двухкомпонентного предложения полностью реализована, поэтому придаточное временное выступает как факультативный распространитель. Ср.:

Хорошо, когда молод. Хорошо мечтать, когда молод.

...Боязно, когда глаза ничего не различают в темноте (В. Распутин). Боязно бродить по лесу, когда глаза ничего не различают в темноте.

Некрасиво и смешно, когда плачет немолодая женщина (Ю. Бондарев). Некрасиво смеяться, когда кто-то плачет.

Голод, когда есть чем лечить его, лечить не трудно (В. Распутин).

Если в главной предикативной единице слово на -о выполняет функцию главного члена безличного (однокомпонентного) предложения, то союз **когда** присоединяет придаточные: *Однако, когда Никитин и Княжко добежали до дома, в батарее было тоже беспокойно* (Ю. Бондарев); *Было уже совсем темно, когда я подошёл к своей избушке* (В. Распутин); *Здесь, в дальнбойной артиллерии, когда пошли в наступление, стало полегче* (В. Распутин).

Союз **когда** может присоединять придаточные временные к предикату двухкомпонентных подлежащно-сказуемых предложений, выраженному прилагательными самой различной семантики в полной и краткой форме. Например: *И когда вытирал лицо, снег на рукаве ватника был горячим от его слёз* (Ю. Бондарев); *Когда арtpолк вечером входил в городок, угрожающе нарушая сон его соединённым гулом «студебеккеров», улочки были безлюдны...* (Ю. Бондарев). Придаточные изъяснительные возможны только при нескольких прилагательных со значением чувства: *рад, доволен, счастлив*: *Мы рады, когда вы приходите к нам, Галя* (Ю. Бондарев). Но при этих же прилагательных могут быть и придаточные временные, если валентность прилагательных реализована в главной предикативной единице, например: *Мы рады **вам**, когда вы приходите в хорошем настроении* (Е. Пермитин).

Таким образом, анализ сложноподчинённых предложений со скрепой **когда** даёт основание сделать следующие выводы.

1. Придаточные временные, как и изъяснительные, относятся к опорному слову, а не ко всей главной части в целом, но при этом обязательная сочетаемость опорного слова должна быть реализована в пределах главной части сложного предложения.

2. Семантика придаточных частей регламентируется морфолого-синтаксическими свойствами опорных слов и принадлежностью их к различным лексико-семантическим группам: придаточные определительные присоединяются к существительным в основном с временным значением; придаточные времени уточняющей разновидности – к временным наречиям, реже к предложно-именным группам в функции обстоятельства времени; придаточные времени, распространяющие предикат, относятся к глаголам, прилагательным и предикативным наречиям самой разнообразной семантики, а изъяснительные придаточные – к ограниченным лексико-семантическим группам тех же частей.

3. При незначительном количестве общих опорных слов употребление временных и изъяснительных придаточных связано с характером реализации обязательного объектного распространителя или второго компонента минимальной двухкомпонентной структурной схемы главной части сложного предложения: придаточные изъяснительные выступают как обязательный восполнитель релятивного опорного слова, а придаточные времени – как факультативный распространитель, допускаемый опорным словом только при условии его релятивной насыщенности.

Список литературы

1. Акимов Г.Н. Роль лексической семантики при описании грамматического строя русского языка // Синтаксис русского предложения. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – С. 87–95.
2. Белошапкова А.А. О понятии «формула предложения» на уровне синтаксиса сложного предложения // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М. : Наука, 1969. – С. 206–212.
3. Русская грамматика : в 2 т. – Т. 2. Синтаксис / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М. : Наука, 1990. – 709 с.
4. Современный русский язык / под ред В.А. Белошапковой. – М. : Высш. школа, 1981. – 560 с.
5. Современный русский язык / под ред. Д.Э. Розенталя. – 4-е изд. – М. : Высш. школа, 1984. – 735 с.

Статья впервые была опубликована в сборнике «Исследования по семантике». – Симферополь, 1987. – С. 69–74.

18 февраля 2018 года исполнилось 90 лет со дня рождения кандидата филологических наук, доцента Всеволода Николаевича Михайлова.

В.М. Калинин,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского и латинского языков
Донецкого медицинского университета

РАЗМЫШЛЯЯ О ЮБИЛЕЕ

У библиографии как направления интеллектуальной деятельности есть качества монументального характера – размах и основательность, тщательность и скрупулёзность. Параллельно и в определённом смысле независимо от неё функционирует область научной рефлексии и аксиологии. Вместе же они совершают беспримерный подвиг сохранения памяти о мире научных идей.

Доскональность, с которой осуществлено описание всех опубликованных работ Всеволода Николаевича Михайлова, впечатляет внутренним содержанием и скрупулёзностью сделанного. Вместе с тем, беспристрастная объективность библиографического списка, увы, не различает характер публикаций. Поэтому важную роль в персональных библиографиях могут выполнять не только указания на рецензии, но и другие сведения, позволяющие осмыслить сделанное учёным. Появление РИНЦ,

в некотором смысле, эту задачу решает, но проблему существования библиографии и индекса научного цитирования в «разных измерениях» не снимает.

Поскольку далеко не каждый учёный удостоивается персонального библиографического указателя, очевидно, что для этой акции существуют веские основания. Его появление всегда является фактом высокой оценки сделанного, а в случае, когда он издаётся в связи с юбилеем уже ушедшего, – знаком признательности благодарных потомков выдающемуся представителю науки. Предполагал ли Всеволод Николаевич, что когда-нибудь его труды станут «золотым фондом» поэтонимологии (науки о собственных именах в художественной литературе)? Думаю, что нет. Он просто честно и самоотверженно выполнял свою работу.

Начало научной деятельности В.Н. Михайлова, приходящееся на пятидесятые годы прошлого столетия, ознаменовано редкой удачей: пытливость филологической мысли привела молодого учёного в область дотоле малоизведанную и проторённых троп не имеющую. Вся история изучения онимии литературных произведений к тому времени уместилась на нескольких страницах диссертации Всеволода Николаевича. С 1954 года В.Н. Михайлов начинает публиковать свои пионерские работы. А в мае 1956 года защищает первую в Славии и, не исключено, что вообще в мире, диссертацию о литературной ономастике «Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX вв., их функции и словообразование». Эта работа стала подлинным началом литературной ономастики, теперь именуемой «поэтонимология», как научной дисциплины не только в Советском Союзе, но и в других странах.

Начиная с первой литературно-ономастической статьи «Роль собственных имён в произведениях Н.В. Гоголя» (1954 г.), определилась имплицитно присутствующая в большинстве научных разработок Всеволода Николаевича лингвометодическая направленность. Они предназначались (без «чиновничьих» коннотаций, свойственных этому слову) тем, для кого основным видом деятельности было либо изучение художественного произведения, либо преподавание литературы, то есть школьникам, студентам, аспирантам, учителям-словесникам. Отсюда изысканная строгость формулировок, ясность мыслей, простота изложения и множество рекомендаций тем, кто пожелал бы самостоятельно выполнить аналогичные исследования.

В конце пятидесятых – начале шестидесятых годов Всеволод Николаевич занимался неустанной популяризацией избранного им научного направления. Выступал с научными сообщениями на лингвистических конференциях в Одессе (1958 г.), Харькове (1960 г.), Киеве (1962 г.). В течение 1952–1966 гг. опубликовал ряд своих работ в Москве, Симферополе, Киеве, Харькове, Луцке. Следуя уже сложившейся творческой традиции, В.Н. Михайлов завершил этот этап своей деятельности изданием в 1965 году в Луцке сравнительно небольшой (54 с.), но знаковой брошюры «Собственные имена как стилистическая категория в русской литературе». С одной стороны, в ней содержалось обобщение предшествующего опыта конкретных исследований поэтики и стилистики собственных имён, с другой, – она так же, как и многие другие работы, имела педагогический уклон.

Кроме значительной по объёму диссертационной работы (591 с.) Всеволод Николаевич опубликовал сравнительно немного статей и несколько брошюр, посвящённых онимии литературно-художественных текстов. Но, как известно, качество и количество – категории, пребывающие, чаще всего, в зависимости обратно пропорциональной. Неизменный интерес к научно-педагогической деятельности у В.Н. Михайлова оформился в стремление «привлечь в союзники» как можно больше студентов. Отсюда спецкурс «Русская литературно-художественная ономастика» и спецсеминары «Вопросы русской ономастики», «Собственные имена русской художественной литературы», многие годы читавшиеся им в Крымском педагогическом институте, ставшем впоследствии Таврическим национальным университетом имени В.И. Вернадского.

В.Н. Михайлов всегда тщательно готовил результаты своих наблюдений и анализов к публикации, считал поспешность в работе крайне вредной в любом деле, особенно же – в науке. Именно поэтому в своих трудах он с удивительной прозорливостью сумел высказать так много принципиальных и проницательных суждений, что его работы не только сохраняют непреходящую научную ценность, но и, что особенно важно, теоретическую актуальность. Этим и объясняется глубокий интерес поэтонимологов к наследию Всеволода Николаевича Михайлова.

С того времени, когда В.Н. Михайлов начал «торить» путь в литературную ономастику, произошли важные перемены в представлениях учёных о функционировании проприальных единиц в художественной литературе. Но и сегодня исследователя, уже более чем на шесть десятилетий отстоящего от опытов В.Н. Михайлова и, главное, от его диссертации, в буквальном смысле слова поражает современность многих его взглядов. Ведь случалось, Всеволод Николаевич как бы вскользь, не акцентируя внимание специально, высказывал исключительно глубокие и прозорливые замечания именно общетеоретического характера.

Говоря о теоретической составляющей той части научного наследия В.Н. Михайлова, которая посвящена исследованию собственных имён в художественных произведениях, важно отметить, что в ней прослеживается стремление, с одной стороны, не упустить ничего из немногочисленных, но всё же имевших место попыток учёных-филологов описать тот или иной онимный материал литературных текстов; с другой стороны, проявляется не декларируемое специально желание по возможности обобщить накопленный опыт анализа онимии художественной литературы. Так, например, учёный в ряде работ указывал на некоторые специфические свойства собственных имён в художественных произведениях и, по нашему мнению, внёс существенный вклад в формирование поэтонимологии как самостоятельной дисциплины. Он сделал очень много для становления лингвистических методов исследования поэтики языковых единиц. Принято считать самостоятельной ту науку, которая обладает рядом признаков и, прежде всего, способностью описывать, объяснять и предсказывать процессы и явления, составляющие предмет её изучения на основе открываемых ею законов. Всеволод Николаевич творчески аккумулировал прошлые достижения, в переосмысленном виде включил их в собственные исследования и, что особенно важно, предложил методику лингвистического анализа поэтики собственных имён.

Жизнь научных идей драматична и во многом, увы, кратковременна. Научным идеям В.Н. Михайлова и практическим воплощениям их в конкретных научных исследованиях и научно-методических разработках дарована и суждена долгая жизнь.

Заканчивая одну из своих работ о вкладе В.Н. Михайлова в развитие поэтонимологии, я написал: «У восточных славян есть прекрасное, хоть и звучащее по-разному слово: у русских – *родник*, у украинцев – *джерело*, у белорусов – *крыница*. А значит оно – ‘источник’. Очень хочется, чтобы мы не просто собрались вокруг родника, поговорили, похвалили воду и разошлись. Поэтонимологическое наследие В.Н. Михайлова – не только вдохновляющий пример трепетного отношения к Имени, но и неисчерпаемый изобильный источник будущих открытий». Всесторонняя оценка вклада В.Н. Михайлова в поэтонимологию всё ещё впереди. Она будет возможна только на фоне истории поэтонимологии как науки. А эта история пока ещё не написана.

18 февраля 2018 г.

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОБСТВЕННЫХ ИМЁН В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Несмотря на ряд исследований, затрагивающих данную проблему – в ономастике – с позиций специфики собственного имени (см., например, [7; 8; 10; 15; 18] в грамматике – в ряду словообразовательных процессов (см., например, [4; 5; 14]), – последняя продолжает оставаться актуальной. Свидетельством тому, в частности, служит неоднозначная либо спорная трактовка ряда словообразовательных особенностей ономастических фактов.

При рассмотрении вопроса следует учитывать такие факторы, как: 1) семантическая специфика собственных имён (СИ) как особой языковой категории и принадлежность СИ к определённому лексико-семантическому классу; 2) строго синхронный подход к ономастическим единицам; 3) отношение данного СИ к системе языка (то есть к «общему» или «поэтическому» языку); 4) денотативный и коннотативный аспекты (уровни) его семантики.

Наблюдения показывают, что словообразовательная структура собственного имени (СИ) в языковой системе («общем» языке) прежде всего определяется его семантической спецификой как индивидуализирующего знака, отличающего один объект от другого и на экстралингвистической основе развивающего своё семантическое содержание независимо от внутренней формы. Для наиболее ортодоксальных с обнажённой денотативностью «собственных имён в узком смысле слова» [14, § 1124] (большая часть антропонимов, топонимов, астрономов, зоонимов) характерна неактуальность их мотивировки – семантической и формальной – и постепенная утрата её. Конечно, прежде всего здесь речь идёт о СИ, складывавшихся исторически (Борис, Иван, Чегодаев, Псков и т.д.).

Вместе с тем следует учитывать, во-первых, степень «молодости» (точнее сказать, «зрелости») и исторически обусловленной «модельности» такой ортодоксальной разновидности СИ, как топонимы, неоднородность их лексических групп; во-вторых, специфику так называемых «наименований» (см. [14, § 1124, 1125]) – названий учреждений, произведений духовной и материальной культуры и т.д. Последние по существу представляют факты «полуономастики» [13, с. 20], являются «не вполне ономастическими» [10, с. 125] образованиями (часто – дескрипциями), задача которых – выразить во внутренней форме намёк на суть именуемого объекта или даже стать его своеобразной аннотацией. Именно поэтому в их роли или их составе используются не только ресурсы общей лексики, но и уже известные СИ как обозначения объектов характеристики, как посвящения и т.п. Ср. названия литературных произведений: «Герой нашего времени», «Гамлет Щигровского уезда», «Пётр Первый», «Иван Грозный»; учебных заведений: Военная академия имени М.В. Фрунзе, Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева и т.д. Понятийная информация здесь часто необходима как существенный компонент основной – дифференцирующей и идентифицирующей – функции СИ.

Нарушают единство этой основной, «сверхзнаковой» функции также многие из числа ортодоксальных СИ: прозвищ (Лисичка, Очкарик и т.д.), кличек животных (Воронко, Пеструха, Белянка и т.д.), микротопонимов, (парк Салгирка, улицы Феодосийская, Нижнегоспитальная и т.д. в г. Симферополе), астрономов (нередко переводного характера): Южный крест, Полярная звезда и т.д.

Во всех подобных случаях семантическая мотивировка имён, «лежащая на поверхности» как часть их синхронной семантической структуры, обуславливает не только прозрачность морфемного состава, но и словообразовательную мотивацию данных фактов (естественно, если таковая налицо): «*Наши современник*» (журнал), «*Решительный*» (эсминец), *Воронко* (кличка лошади) и т.д.

Таким образом, если для «наименований» (эргонимов, идеонимов, хрононимов, прагматонимов и др. [12]) вопрос об их словообразовательной мотивированности и морфемной членимости принципиально решается утвердительно и если к СИ в «узком

смысле слова» надо подходить дифференцированно, то в отношении личных имён (ЛИ), в их основной, паспортно-документальной форме, и фамилий может быть дан лишь один ответ: и те и другие принципиально не мотивированы (непроизводны)¹⁶ и нечленимы¹⁷. В противном случае неизбежно следует признать коммуникативно значимой актуализацию «производящих основ» типа *Баран*-(Баранов), *Ванюш*-(Ванюшин), *Мокрец*-(Мокрецов), *Владимир*, *Всеволод* и т.д. Наряду с этим необходимо заметить, что эта характеристика не касается демиинутивов и иных форм субъективной оценки ЛИ (Валька, Валечка, Валюха), а также отчеств. В отношении производности оговорка должна быть сделана и для женских безаффиксных соответствий мужским ЛИ и фамилиям: Александра (< Александр), Петрова (< Петров) и т.п.

Закономерно, что автор раздела «Словообразование имён существительных» в [5; 14] В.В. Лопатин, последовательно соблюдая синхронный подход к фактам, вовсе не говорит о словообразовании русских фамилий. В [14, § 1124] (автор В.А. Плотникова) читаем: «Русские фамилии, как правило, образованы от различных именных основ при помощи суффиксов -ов (-ёв) и -ин (-ын), реже -ск(ой), -ск(ий), -цк(ой), -цк(ий): Королёв, Пушкин, Бородин, Куницын, Луговской, Маяковский, Трубецкой». Данный тезис мог бы быть справедливым лишь в плане генезиса русских фамилий, между тем в данном контексте в связи с предшествующим изложением (о мотивации отчеств: Владимирович и др.) фактически характеризуется синхронная мотивированность фамилий. Однако исторические производящие основы этих фамилий, игравшие роль мирских имён-прозвищ или определявшие владельческую принадлежность, уже давно скрыты «под корнями генеалогического древа» [13, с. 96] носителей, а патронимический характер русских фамильных прозваний на -ов(-ев), -ин(-ын) ныне неощутим, в том числе и в формах, восходящих к христианским ЛИ (Гришин, Львов, Мамонтов, Сидоров). Соотносительность компонентов таких фамилий с каким-либо знаменательным словом и суффиксом чисто формальна и не поддерживается семантически. Лишь позднее завершение исторического процесса формирования корпуса русских фамилий обуславливает во многих случаях отчётливость их (диахронически) производящих основ. Тем же объясняется высокая степень «схематизации» (Б.О. Унбегаун), достигаемая частотностью использования (в прошлом) соответствующих суффиксов, создавших специальную русскую фамильную модель и «стандартные», «формализованные» фамилии типа Смирнов, Горемыкин, а также Петровский, Вяземский и др. Повторяемость финального компонента – генетического суффикса, омонимичного суффиксам прилагательных (-ов/-ев,-ин/-ын, -ск-ий), конечно, обуславливает его обособленное положение, сегментацию в составе фамильной основы, но не на уровне синхронного словообразования. Былые мотивационно-словообразовательные отношения в слове, трансформировавшемся в фамилию, прекращают своё существование, так сказать, сдаются в архив, и на месте «прафамилий» выступают их внешние, «формальные» двойники – немотивированные номинативно-индивидуализирующие знаки. Нередко при этом производящие основы полностью деэтимологизируются, хотя фамилии, бесспорно, сохраняют облик специфически русских национальных образований благодаря их «модельно-стандартному» характеру (ср.: Кирсанов, Легостаев, Чаадаев, Тургенев и т.д.). Сюда же, кстати, вполне можно отнести и приведённую в [14] фамилию «Трубецкой». «Субморфный» характер финального компонента здесь особенно явствен.

Необходимы специальное коммуникативное задание, установка на актуализацию этимологических компонентов фамилии, чтобы вновь привести их в отношения словообразовательной обусловленности (ср. стихотворение С. Михалкова «Смешная фамилия»¹⁸), однако уже лишь на коннотативном (притом интралингвистическом [3, с. 23]) уровне его семантической структуры, что представляет совершенно особый, поэтический аспект функционирования СИ (см. далее).

¹⁶ Термины «мотивированный» и «производный» употребляем здесь как синонимы.

¹⁷ В трактовке словообразовательной структуры слова мы примыкаем к концепции Г.О. Винокура.

¹⁸ «Смешные» и «неблагозвучные» фамилии потому и обращают на себя внимание, что являются исключением, а не правилом.

Ныне сравнительно редкие в быту новообразования в области фамилий, по своей лингвистической сути противоречащие синхронному функционированию русской языковой системы, представляют или результат выбора фамилий (например, в случае её замены) из числа существующих, или произвольное заполнение названной модели. Однако такое «свежее» образование, выполняя на первых порах функцию прозвища, вскоре приобретает уже охарактеризованные свойства настоящей фамилии, превращается в семейный, наследственный номинатив (Октябрьский, Первомайский, Партизанов, Найдёнов...). Словообразовательная характеристика фамилий приложима и к псевдонимам. И хотя интралингвистические коннотации их часто ощутимы (ср. следующие коннотативно неоднородные факты: Д. Бедный, П. Беспощадный, Л. Каменев, Б. Полевой, С. Киров), тем не менее денотативная функция семантики здесь является основной.

Можно, правда, сослаться на признаваемую авторами [14] членимость фактов типа брусника с «ягодным» суффиксом -ик- (ср.: *черника*, *земляника* и т.п. – «Русская грамматика», § 188) и «остаточным» уникальным радикасом, но такая параллель рискованна, так как семантика суффикса -ик- реально и синхронно обусловлена характером семантики производящих основ определённой серии слов (черн-, землян- и т.д.), чего нет в современных фамилиях как языковой категории в целом (имеем в виду «общий» язык; о новообразованиях уже было сказано).

Отсюда следует, что традиционная квалификация финальных формальных сегментов основ русских фамилий (-ов/-ев, -ин/-ын, -ск-ий, -ово, -аго, -их/-ых) как суффиксов в синхронном плане условна, и это необходимо учитывать при характеристике современных фамилий в общеязыковом употреблении. В строгом смысле вместо термина «суффикс» по отношению к фамилиям следует употреблять такие более точные обозначения, как «русская фамильная финаль» – «русский фамильный (генетический) формант», «субморф».

Характеристика отношения русских фамилий к словообразовательной производности и морфемной членимости, естественно, касается и «неформализованных» (нестандартных), то есть «своевременно» не оформленных патронимическими суффиксами русских фамилий (Кузнец, Каменщик и т.п.), потенциальные коннотативные возможности которых, однако, большие в силу «обнажённости» внутренней формы.

В ЛИ-неологизмах, возникающих по моделям существующих имён (Илина < Ил-18, Карина < Карское море, Марксина; ср.: Галина, Екатерина, Марина), путём «семантического словообразования» (Эра, Новелла), аббревиации (Владлен, Ким) и т.д., актом словопроизводства словообразовательная мотивировка имени завершается, превращаясь в рефлекс диахронии. В дальнейшей своей судьбе внутренняя форма таких ЛИ или вовсе затухает, или приобретает латентный характер, подобный внутренней форме фамилий. К тому же основная часть подобных имён, приобретая определённую традиционность и коннотативную окраску, представляет *уже сформировавшийся* именослов советского времени, из которого и черпаются *готовые* имена для наречения.

Обильный топонимический материал, как уже было сказано, неоднороден в рассматриваемом аспекте. Особого внимания заслуживают названия населённых пунктов и других территорий. Дело в том, что они представляют разряд лексических единиц, постоянно растущий и обновляющийся, с актуальной в этом последнем качестве для современников мотивировкой. Поэтому здесь могут быть отчётливо видны живые следы синхронного словообразования (и морфемной членимости). Разумеется, это касается в основном новообразований или старых названий, но входящих в регулярные ряды, соответствующие и современным моделям. Таковы, например, многие топонимы с формантами -ск, -горск, -град, -город, -ин-о, -ов-о/-ев-о, -и/-ы, -к-а, -щин-а, -ье, при-/пред-/... -ье, -ое, аббревиатуры и т.д., отражающие разные способы и стадии современной словообразовательной мотивировки данных явлений¹⁹. Примеры: Ангарск, Дивногорск, Целиноград, Новгород (ср. совр. Славгород), Клепинино, Федьково, Текстильщики, Шахты,

¹⁹ См. [7, с. 30–40], а также [14] (раздел «Словообразование имён существительных»).

Сосновка, Таганка, Тамбовщина, Нечерноземье, Присивашье, Предуралье, Пионерское, НКАО и т.д. В их число входят и так называемые меморативы (Калининград, Ворошиловград, Кировск, Урицк и т.п.), словообразовательная структура и коннотативная внутренняя форма которых легко актуализируются, о чём свидетельствуют современные дискуссии и законодательные акты переименования объектов с названиями, становящимися одиозными.

Среди топонимов более давнего происхождения существует целая градация форм с полным и неполным опрошением (ср., например: Брянск, Углич, Феодосия; Киев, Путивль, Ярославль; Славянок, Торжок и т.п.).

Такова картина словообразовательной структуры многообразного ономастического материала в системе «общего» языка, в повседневной практике, в официальном общении. Однако уже из сказанного выше (см. эпизод со «смешной фамилией») видно, что эта картина существенно меняется, когда СИ (пусть даже самое ортодоксальное) попадает в орбиту творческого использования языка, то есть становится фактом «поэтического языка» (ПЯ) [6, с. 76–78]. Известно, что репрезентантами ПЯ могут быть не только художественная литература (в первую очередь), но и разговорная речь, и другие контексты, где имеет место нестандартное, образное начало и СИ в соответствии с прагматической установкой коммуникантов начинает играть «всеми красками, на которые оно только способно» [17, с. 27]²⁰. (Хорошо об этом экспрессивно-эстетическом потенциале русских СИ сказано, в частности, в стихотворениях А. Вознесенского «Имена».) Так как наиболее чувствительным звеном ономастической системы являются имена, отнесённые к ч е л о в е к у, остановимся, в рамках темы настоящей работы, прежде всего на фамилиях. Приводимая таблица даёт представление о словообразовательной специфике этого ономастического класса в художественной речи как основной сфере проявления ПЯ. В качестве образца нами избраны «Записки охотника» И.С. Тургенева как глубоко национальное произведение, реалистически воспроизводящее картины русской жизни, в том числе ономастическую ситуацию своего времени [2, с. 281–295; 16, с. 534, 548 и др.]. Здесь фамилии типизируемых лиц, созданные или отобранные и воспроизведённые писателем, имеют явную тенденцию к актуализации своей словообразовательной структуры, а также слагающих их морфемных и морфемоидных сегментов, причём «оживать» и работать в контексте может как внутренняя форма производящей основы в целом, так и любой из этих сегментов. Внимательному читателю вполне доступна семантическая корреляция между всеми данными антропонимами и контекстом соответствующих очерков Тургенева, возникающая как бы совершенно естественно и ненавязчиво. Опыт описания такой корреляции частично представлен в приведённых иллюстрациях. В частности, в первом случае производящее слово – «пеночка», что может быть связано с «пенкой» (кстати, носителя СИ мужик Анпадист именуется Пенкиным), снимаемой «культурным» помещиком-эпикурейцем с жизни. Эмоциональный компонент семантики ассоциативной основы (ср. также *пеночка – певчая птичка*), привносимый уменьшительно-ласкательным суффиксом²¹, явно диссонирует с обликом носителя, и тонко подобранная, отнюдь не «прямолинейная» фамилия превращается в важную деталь образа. Второй факт достаточно ясен, внутренняя форма введённого СИ «совпадает» с авторской позицией. В третьем примере системный подход к ономастическому пространству «Записок охотника» даёт возможность особенно отчётливо увидеть адекватность ономастического рисунка не только личности носителя, но и реальному ономастикону (в произведении сохранена фамилия прототипа). В словообразовательной модели антропонима и её наполнении (слово «овсяник», основное значение которого, по В.И. Далю, – ‘хлеб, испечённый из овсяной муки’, имеет широкий круг старинных «земледельческих» фразеологических связей) отражено традиционное,

²⁰ Полагаем, что эти слова Ю.Н. Тынянова, отнесённые им к художественному произведению, вполне применимы к ПЯ в целом.

²¹ Не исключена здесь и полемическая перекличка с знаменитой карамзинской фразой о предмете, достойном внимания сентиментального писателя, – «Пичужечке»: малиновке или *пеночке* (в отличие от «грубого» – парень).

русское национальное начало, прочная связь носителя фамилии с землёй, народной почвой.

Наконец, в СИ Недопюскин звуковой отрезок *недо-* может восприниматься как префиксальная морфема (ср. в тексте «недоедал», «недосыпал»), семантически соответствующая социальной и моральной ущербности носителей (отца и сына), хотя эквивалент корня – радикалоид *-пюск* – в фамилии прочно связан и её формально нельзя признать производной.

Словообразовательная характеристика СИ реальных (исторических объектов и иных узусных ономастических единиц (ср. личные имена и отчества) в составе художественного произведения в основном определяется действующими общезыковыми закономерностями функционирования ономастической системы. Однако в силу специфики ПЯ (прежде всего в стихотворной речи) поэтическая (шире – художественная) этимология нередко затрагивает и фамилии реальных лиц, и практически все разновидности СИ как вымышленных, так и реальных объектов. Ср.: Дождичек *весенний* Окропил наш сад. *Песенник Есенин*, Синеглазый брат (П. Орешин. Сергей Есенин), *Росинка россыпь* на полях В твоём названии, *Россия...* (И. Шаферан. Земля родная, помни нас...).

Разумеется, степень актуализации словообразовательной структуры ономастического материала в системно организованном художественном тексте неодинакова, что определяется как особенностями лексико-семантических разрядов СИ, так и авторским замыслом, условиями их употребления, жанровой спецификой речи, а также тезаурусом «получателя» текста.

Важно, таким образом, подчеркнуть, что в ПЯ очевидна принципиально противоположная системе «общего», «стандартного» языка тенденция: отношения всей ономастической лексики к словообразовательной мотивированности. Здесь, так сказать, осуществляется скачок из «языкового» царства необходимости в речевое царство свободы (разумеется, в пределах языковой компетенции коммуникантов).

Надеемся, что представленные соображения будут способствовать обсуждению и уточнению поставленных вопросов.

Список литературы

1. Андреев В.Д. Передача болгарских имён собственных в русском языке // Топономастика и транскрипция. – М., 1964. – С. 125–127.
2. Богданов Б.В. Орловский край в «Записках охотника» И.С. Тургенева // «Записки охотника» И.С. Тургенева (1852–1952): сб. статей и материалов. – Орёл, 1955. – С. 281–295.
3. Буштян Л.М. Словообразовательная основа ономастической коннотации (На материале русской поэзии) // Актуальные вопросы русской ономастики. – Киев, 1988. – С. 22–29.
4. Грамматика русского языка. – Т. I. – М., 1960.
5. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
6. Григорьев В.П. Поэтика слова: На материале рус. сов. поэзии. – М.: Наука, 1979. – 343 с.
7. Лопатин В.В. Словообразовательная структура названий населённых пунктов в современном русском языке // Ономастика и грамматика. – М.: Наука, 1981. – С. 30–40.
8. Михайлов В.Н. О статусе антропонимов в системе современного русского литературного языка // Русское языкознание. – Вып. 2. – Киев, 1981. – С. 71–80.
9. Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. – М.: Прогресс, 1982. – 460 с.
10. Ольшанский О.Е. Заметки о морфемной структуре собственных имён // Труды Самаркандск. гос. ун-та имени А. Навои. Нов. серия. – Вып. 264. Вопр. ономастики II. – Самарканд, 1974.
11. Пеньковский А.Б. Русские личные именованья, построенные по двухкомпонентной модели «имя + отчество» // Ономастика и норма. – М., 1976. – С. 79–107.
12. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – 187 с.
13. Реформатский А.А. Топономастика как лингвистический факт // Топономастика и транскрипция. – М.: Наука, 1964. – С. 9–34.
14. Русская грамматика. – Т. I. / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980.

15. Суперанская А.В. Структура имени собственного (Фонология и морфология). – М. : Наука, 1969. – 206 с.
16. Тургенев И.С. Полное собр. сочинений и писем : в 30-ти т. Сочинения. – Т. IV. Записки охотника. – М.; Л., 1963.
17. Тянянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. – Л. : Прибой, 1929. – 596 с.
18. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. – М. : Прогресс, 1989. – 443 с.

Статья впервые была опубликована в «Известиях АН СССР. Серия литературы и языка». – Т. 50. – № 5. – М., 1991. – С. 467–473.

Н.Н. Ничик

СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ СЛОВА И ФРАЗЕОЛОГИЗМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

(на материале романа М.А. Шолохова «Они сражались за Родину»)

Слова и фразеологические единицы исследуются в аспекте их функционирования в речевой композиции художественного романа М. Шолохова «Они сражались за Родину» [10]. Наблюдения над использованием фразеологизма в авторской, несобственно-авторской речи и речи персонажей обнаруживают их зависимость от степени активности слова и определяющей линии словоупотребления, что позволяет говорить о семантико-стилистической системности художественного текста.

Роман М.А. Шолохова «Они сражались за Родину» отражает события периода подготовки и созревания в народе «великого перелома», когда ужас, растерянность и отчаяние, вызванные нашествием фашистских захватчиков, переплавлялись в энергию противостояния и твёрдую веру в победу. Отчётливо выраженное в романе неприятие войны, её бесчеловечной сущности, составляют основу авторской позиции, «приобщая к великой доброте, борьбе, великому милосердию и великой человечности русского народа» [2, с. 17].

Слово и фразеологизм – две номинативные единицы, наиболее активно используемые при создании художественного произведения, поэтому «именно в их выборе и употреблении прежде всего проявляется своеобразие и мастерство автора» [5]. Исследователи, изучившие поэтический мир романа и его язык, отмечали лексическое и фразеологическое богатство, разнообразие средств словесной образности [1; 3; 9]. Семантико-стилистическое своеобразие использования слова и фразеологизма находится, по нашему мнению, в определённой связи со способом изложения в художественном тексте.

1. Авторская речь, своеобразный «экспозиционный фон» [3, с. 18], элемент вертикального членения художественного текста в романе М.А. Шолохова отличается слово- и фразеологическим употреблением от других способов изложения.

1.1. Необходимость достоверного и объективного рассказа о трагических событиях военного времени связана с широким применением слов в прямом значении. Вместе с тем прямые значения слов в творческом контексте романа получают эстетическую значимость, передавая контраст жизни и смерти, войны и мира.

Прямые значения используются в художественном произведении для показа явлений, воспринимаемых параллельно «как два основных речевых потока» [3, с. 133]: автором (объективное, достоверное изображение) и персонажем (коннотативно-оценочное).

Описывая момент затишья после «шести ожесточённых атак» [10, с. 138–139], М.А. Шолохов прямыми значениями слов рисует неброскую прелесть уцелевшей мирной жизни, используя цветовые наименования в сочетании со звукописью: «оранжевый шмель с жужжанием, похожим на вибрирующий стон низко опущенной струны», «упруго качавшаяся запылённая ромашка», «чистый и звонкий крик перепела» [10, с. 139]. Параллельно автор воспроизводит тот же мир, увиденный глазами Звягинцева, отбившего очередную атаку фашистов: «Как будто и боя никакого не было, вот диковинные дела! - - Только что кругом смерть ревела на все голоса, и вот тебе, изволь радоваться, перепел

выстукивает, как при мирной обстановке» [10, с. 139]. Жестокая сущность войны определена метафорическим гиперболизированным комплексом «смерть ревела на все голоса» с напряжённой отрицательной коннотацией. Речевой образ войны-смерти противопоставлен общему компоненту авторского и персонажного описания с прямой номинацией реалий – мирно выстукивающий перепел. Ему предшествуют оценочные характеристики персонажа: «диловинные дела!», «изволь радоваться» (с оживлением исходного значения), создающие положительный коннотативный ореол, и именно это делает компонент доминантой высказывания, эстетической приметой концепта мир. Так создаётся перспектива основных событий романа, а в наметившейся антиномии война – мир речевой образ мира вытесняет страшный лик войны, тем самым определяя общую мысль романа о торжестве мира. Возникает ощущение перспективы событий, воссоздаётся дистанция между войной и миром.

Прямое авторское повествование о событиях по-разному отражается в сознании персонажей, и их оценки, накладываясь одна на другую, создают параллельность речевых образов, речевое многоголосие, в котором каждый из героев существует в своём видении мира. Отступающие солдаты Николай Стрельцов и Пётр Лопахин видят одно: «тончайшую сиреневую дымку тумана», «дремотно склонившиеся кисти белой медвянки», «розовые цветы шиповника», «как блёстки рассыпанной радуги, - - капельки росы» [10, с. 179]. И если контуженный, опалённый дыханием войны Стрельцов воспринимает эту гармонию как контраст мира войне, с эстетических позиций красоты и непобедимости мира – «Красота-то какая, а?» [1, с. 179], – то для Лопахина это источник иного видения – с позиций неприятия войны. За этими предметами конкретной обстановки он ощущает огромные пространства поруганной Родины: «Там, на западе, в сияющих степях Придонья, полегли его убитые в боях товарищи, далеко на западе остались его родной город, семья, крохотный отцовский домик - -. Всё, что было в жизни» [10, с. 180]. Для Лопахина это источник новых переживаний: «И снова, в который уже раз во время войны, Лопахин ощутил вдруг - - удушающий приступ ненависти к врагу - -» [10, с. 180]. Сопоставление рядов лексем в прямых значениях воссоздаёт перспективу духовного развития героев: от умиления перед красотой родной земли и жалости к её страданиям до глубокой ненависти к захватчикам – основы противостояния.

В условиях широкого контекста прямые значения слов, поддержанные антонимическим противопоставлением, получают символический смысл. Такова картина погубленного боем молодого цветущего сада: «Когда подходили к месту, где утром сиял зелёной листвой, и полнился звонкими голосами сад, а теперь чернели одни обугленные пни и, словно размётанные бурей невиданной силы, в диком беспорядке лежали вырванные с корнем, изуродованные и поломанные деревья с иссечёнными осколками ветвями» [10, с. 96]. Не заслоняя сюжетного движения, осложнение семантики прямых значений придаёт возвышенную значительность трагическим событиям.

1.2. Разнообразные средства словесной образности использованы М. Шолоховым для пластичного и достоверного изображения действительности. Динамичны в художественной речи романа олицетворения и анимализации, построенные на глагольной основе: «тонко скулил ветер» [10, с. 57], «грозно вздыбленный ствол - - орудия доверчиво обнимала широкая ветка яблони» [10, с. 67]. Однако значительно чаще М. Шолохов использует в качестве средства персонификации общеязыковые метафоры (имена существительные, наречия и имена прилагательные), обновлённые в художественном контексте: «За палисадником сонно склоняли головки ярко-красные мальвы» [10, с. 67]. Такое построение образа делает его более тонким, ненавязчивым, близким к полуприёму. В основе метафор и сравнений – картины мирной жизни, явления природы, мир обиходных представлений: «пресный запах оттаявшей земли» [10, с. 59], «хлынул ветер» [10, с. 67], «зелёные разливы проса» [10, с. 103], «земля была тверда, как камень» [10, с. 93], «облачко, похожее на раковину и отливающее нежнейшим перламутром» [10, с. 98], «лес, окутанный туманом, казалось, омывается вскипающими струями, словно весной в половодье» [10, с. 4], «капельки росы, как блёстки

рассыпанной радуги» [10, с. 179]. Такие зарисовки создают живописный образ Родины. Однако применение лексики мирного обихода, природы к явлениям войны – способ дискредитации войны подчёркиванием её противоестественного, антигуманного характера. Речевые образы войны создаются развёрнутыми метафорами и сравнениями, при этом отрицательная коннотация вносится определениями (цветовыми и оценочными) и самим контрастом сопоставляемых явлений: «поднялся столб земли, словно неведомая огромная птица взмахнула **чёрным** крылом» [10, с. 97], «в окопе стояла духота неподвижная, **мёртвая**, как в жарко натопленной бане» [10, с. 178], «а тишина стояла насторожённая, недобрая, как перед грозой» [10, с. 140]. Неразвёрнутость метафор, близких к общеязыковым типам, компенсируется в образном строе художественной речи романа развёрнутыми сравнениями. Поскольку развёрнутые сравнения представляют собой цепи сопоставляемых рядов прямых значений слов, то, учитывая особенности использования прямых значений, можно считать, что авторская речь М. Шолохова характеризуется единым принципом словоупотребления: высокая степень образности его художественного повествования создаётся не редкими, останавливающими внимание образными средствами, а внутренней координацией их.

1.3. Фразеологические обороты, включённые в авторскую речь, называют: а) предметы и явления военного обихода – «огневые точки», «вступить в дело» [10, с. 65], «пробить брешь (в обороне)» [10, с. 36]; б) психологическое и интеллектуальное состояние – «(быть) в добром духе» [10, с. 131], «на ум пришла мысль» [1, с. 134]; в) жесты и движения – «камнем упасть» [10, с. 4]. Как правило, это непреобразованные фразеологизмы. Необходимость выразить позицию автора создаёт в нескольких точках авторской речи тот уровень эмоционального напряжения, когда в образную корреляцию вступают слово и фразеологизм. Так, единый образный комплекс создают развёрнутая метафора «ливень пулемётного огня...» и преобразованные фразеологизмы «смести с лица земли» и «сравнять с землёй» (контаминация фразеологизмов): «Казалось бы, что всё живое здесь давно уже сметено и сравнено с землёй огнём вражеских батарей, но уцелевшие огневые точки дружно вступили в дело, и по немецкой пехоте хлестнул косой смертельный ливень пулемётного фразеологизмами делают авторскую речь гармоническим художественным целым, в котором нет резкого разрыва между прямой и образной номинацией.

2. В речи персонажей романа преобладает стихия живой разговорной речи, характерной приметой которой является большая активность слова и фразеологизма. Злая и страшная сила войны вызвала яростное противодействие народа, поэтому так эмоциональна речь каждого из них. Общая эмоциональная напряжённость речи персонажей не лишает индивидуальности манеру каждого. Словесные образные средства, приёмы использования фразеологизмов определяются особенностями характера персонажа и его жизненными обстоятельствами.

2.1. Немногословный характер Николая Стрельцова проявляется и в речевом поведении. В его высказываниях встречаем образные средства, оценочную лексику, фразеологизмы, обычно непреобразованные, например: «До чего же *обнаглели*, проклятые [немцы]! Идут, как на параде. Ну, мы вам сейчас устроим встречу!» [10, с. 95]. Развитие в фразеологизме «устроить встречу» отрицательного значения («встретить» – ‘дать яростный бой’) создаёт представление о высоком накале ненависти к захватчикам. Болезненно воспринимает он шутки Петра Лопехина, кажущиеся ему пустыми: картины войны вызывают у него трагическое мироощущение – «Ото всего этого душа с телом расстается, а ты проповедуешь – живой, мол, и радуйся, солнце, кувшинки плавают» [10, с. 88]. Фразеологизм «душа с телом расстается» и метафора «проповедовать» книжного происхождения составляют органический сплав. Николай Стрельцов воспринимает войну как суровое испытание, которое надо выдержать с достоинством и мужеством: «Война – это вроде подъёма на крутую гору: победа там на вершине, вот и идут, не рассуждая по-пустому о неизбежных трудностях пути, не мудрствуя лукаво...» [10, с. 88]. Фразеологизмы в его применении не нарушают структуру, но получают новую сферу использования, что создаёт

условия для семантического сдвига: «душа с телом расстаётся» *исл.* ‘умирать, кончаться’ – здесь ‘приходить в отчаяние»; «не мудрствуя лукаво» ‘по простоте’ – здесь ‘без лишних разговоров»; «устроить встречу» ‘встретить’ – здесь ‘дать яростный бой’. Слово- и фразеопотребление в речи Стрельцова составляют семантико-стилистическое единство. И когда вследствие контузии Николай Стрельцов утрачивает способность изъясняться отчётливо (автор воспроизводит только его внешнюю реакцию на события и людей да короткие реплики-записи в разговорном блокноте), читатель продолжает слышать его точную, мужественную речь.

2.2. Быстро откликающемуся на все события Звягинцеву свойственно более эмоциональное речевое поведение. Образное мышление его проявляется в широком и разнообразном использовании словесных средств выразительности: метафора – «в них [детях] самый корень жизни», «пропущенная жизнь» [10, с. 69], «я-то должен же выскочить» (= «выжить» [10, с. 175]); уподобление, рождённое условиями войны, – «Вот так свяжись с этими бабами, ты по ней одиночный выстрел, а она по тебе длинную очередь» [10, с. 176], «А жена у меня - - *вроде немецкого автоматчика*: если зарядит что-то – не кончит, пока обоймы не расстреляет» [10, с. 69]. Особенно активно в его речи сравнение как наиболее яркое, живописное средство словесной образности: «я в пехоте землю, как крот, ковыряю» [1, с. 108], «молчит, как герой» (о тяжелораненом) [10, с. 175]. Потрясённый зрелищем горящих хлебов, он обращается к колосу, как к живому: «Дымом-то от тебя воняет, как от цыгана...» [10, с. 102]. В его речи особенно продуктивна форма отрицательного сравнения: «Это не земля, а увечье для народа!» [10, с. 93], «Сухое дерево ты, а не человек! Даже не дерево ты, а гнилой пенёк!» (санитару, разрезавшему сапоги на раненых ногах персонажа) [10, с. 48].

Образность слова в речи Звягинцева сочетается с активным использованием фразеологизмов: «шутки шутить», «грех один», «висеть на хвосте», «ясное дело», «разбить вдребезги», «дойти до точки», «через пень колоду», «полегче на поворотах», «попадётся мне под руку» и др. Среди фразеологизмов обращают на себя внимание обороты со структурой сравнения: «хмель с меня как рукой сняло», «дети бегают - -, как беспризорники» [8, с. 72], «днём ходит [жена], как овца кружевная» (там же), «воротила нос, как чёрт от ладана», «ей художественную литературу подавай, да такую, чтобы любовь лезла, как опара из горшка» [10, с. 73], «ты всю жизнь шутки шутишь и языком, как на балалайке, играешь» (о Лопухине) [10, с. 106]. Так компаративные фразеологизмы составляют семантико-стилистическое единство со сравнениями. Творческое начало характера Звягинцева проявляется в разнообразии способов перестройки фразеологизмов, получающих развитие в его речи: а) семантический сдвиг – «ругается так, что муха не пролетит» [10, с. 109]; в *лит. яз.* ‘об абсолютной тишине’, *здесь* – ‘довести до оцепенения криком, руганью»; б) обновление лексического состава – «Понимаешь, что там было? И смех и слёзы!» [10, с. 108], в *лит. яз.* – «смех и грех»; в) развёртывание (распространение) фразеологизма – «Смотрю на неё, люблюсь, и никакой у меня насчёт её ни задней, ни передней мысли нет» [10, с. 69], в *лит. яз.* – «без задних мыслей»; г) разобщение компонентов – «Разбили наш полк вдребезги» [10, с. 80], «дошла баба до точки» [10, с. 74]; д) обновление сочетаемости – «А дети и на самом деле пришли в запустение, бегают, как беспризорники» [10, с. 72], в *лит. яз.* фразеологизм сочетается со словом дом, хозяйство, город, *здесь* – со словом дети; е) обновление моделей фразеологизма – «Иногда командиры такие попадают вроде тебя [Лопухина] с ветродуем в голове» [10, с. 199], ср. «ветер в голове у кого-л.» – ‘о легковесном и легкомысленном человеке’, в его речи и другие вариации: «с ветерком в голове» [10, с. 106], «со сквозняком в голове» [10, с. 108]. Яркая примета речи Звягинцева – нанизывание фразеологизмов, делающее её неразложимым образным единством: «Сейчас ты, немец, в окопах сидя, на губных гармошках играешь, а тогда и про гармошку забудешь, подымешь ты тогда морду кверху, будешь глядеть вот на этот ясный месяц и выть дурным собачьим голосом, потому что погибель твоя будет к этому времени у тебя на воротнике висеть и ты это дело нюхом

почуешь!» [10, с. 103–104]. Совокупность фразеологизмов не только выражает ненависть и презрение к злобному врагу, но и создаёт его карикатурно-гротескный пластический образ.

Активное использование слово- и фразеопотребления дополнено фразеотворчеством этого персонажа, что является логическим следствием системности его речевого поведения. Недоумение перед взбалмошным характером его жены он выражает фразеологизмом «завязаться в три узла» ‘упрямо добиваться своего’ [10, с. 69]. Ненависть к врагу он вкладывает в индивидуально-авторский фразеологизм «окостенелая душа» ‘о том, кто бездушен и бесчеловечно жесток’: «Вот что с тобой [колосом] проклятый немец, окостенелая его душа, сделал!» [10, с. 102]. «Привык, ты, вредный гад, всю жизнь на чужой земле топтаться и нахальничать, а вот как на твою землю перейдём с войной, тогда что? - - Тогда запоешь ты, немец, окостенелая твоя душа, на другой лад!» [10, с. 103].

3. **Несобственно-авторская речь** (термин Л.А. Соколовой [8, с. 149]) представляет собой внесение в речь автора элементов речи персонажа. Их включение создаёт смысловой и стилистический контраст или гармонию авторскому повествованию, воспроизводит способ мышления и мироощущения персонажа, подготавливает или завершает его речевое проявление. Эти функциональные свойства несобственно-авторской речи помогают передать «мировидение» героев романа. Перед нами явление реальной действительности, которое показано М. Шолоховым в конкретном столкновении жизни и смерти: это – «убитый пулемётчик, откинутый взрывом, лежащий навзничь и весь *усеянный золотистыми лепестками подсолнуха, причудливо и страшно окроплёнными кровью*» [10, с. 66]. Он увиден колхозным агрономом Николаем Стрельцовым в тех ассоциациях, которые свойственны для его мышления, через детали его жизненного опыта, названные лексемами в прямом значении и фразеологизмами: «не прополотый с весны подсолнух», «не хватало рабочих рук» (устойчивое сочетание официально-делового характера), а также индивидуально-авторскими образными средствами. Это лексемы, создающие близкий к фольклорному персонифицированный образ солдатской смерти, которая «смиловилась, не изуродовала его [убитого]» [10, с. 66], а также персонифицированный образ цветущего растения – «и молодой подсолнуховый цвет коснулся его [пулемётчика] лица, как последняя земная ласка» [там же]. Речевая манера Николая Стрельцова, сдержанная, лиричная, возвышенная, обнаруживается не только в его прямой речи (см. раздел 2.1), но и в несобственно-авторской речи, отражающей поэтичность и грустную наблюдательность человека, знающего землю, работающего на ней. Так складывается стилистическое единство элементов несобственно-авторской речи персонажа.

Слова и фразеологизмы, рассмотренные со стороны их участия в речевой композиции романа М. Шолохова «Они сражались за Родину», обнаруживают определённые закономерности участия в художественном тексте, которые могут быть определены как проявление системности. По мнению Д.М. Поцепни, «система мыслей писателя об основах бытия, цельность развиваемой художественной идеи формирует семантико-стилистическое единство используемых словесных единств» [6, с. 29]. Характер применения фразеологических единиц в каждом виде речевой композиции – авторской, несобственно-авторской, персонажной речи – зависит от степени активности слова, от определяющей линии авторского словоупотребления. Составляя органическое единство, они имеют свои отличительные особенности, определяемые авторскими задачами для каждого из видов речевой композиции и идеей произведения в целом. Эмоциональная напряжённость речи персонажей, особенно заметная на фоне приглушённо-образной речи автора, помогает показать, как складывалось противостояние тех, кто сражался за Родину. К этому роману могут быть отнесены слова проф. Б.А. Ларина, характеризующие творчество М.А. Шолохова: «Непогрешимо жизненные образы создавал он верным, упоительно богатым своим языком» [4, с. 10].

Список литературы

1. Бекедин П.В. О языке Шолохова (на материале глав из романа «Они сражались за Родину») // Шолохов в современном мире / под ред. Л.Ф. Ершова и В.А. Ковалёва. – Л. : ЛГУ, 1977. – С. 139–154.
2. Ершов Л.Ф. Эпос Шолохова и традиции мирового эпического искусства // Шолохов в современном мире / под ред. Л.Ф. Ершова и В.А. Ковалёва. – Л. : ЛГУ, 1977. – С. 10–17.
3. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.
4. Ларин Б.А. Слово о Шолохове // Михаил Шолохов / под ред. проф. Б.А. Ларина. – Л. : ЛГУ, 1956. – С. 3–18.
5. Ничик Н.Н. Фразеологические единицы в системе поэтического словоупотребления В.В. Маяковского (на материале поэм 1914–1924 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Киевский гос. ун-т. – Киев, 1983. – 26 с.
6. Поцепня Д.М. Образ мира в слове писателя. – СПб., 1997. – 262 с.
7. Привалова М.И. Стилистические функции пейзажа в произведениях Шолохова // Шолохов в современном мире / под ред. Л.Ф. Ершова и В.А. Ковалёва. – Л. : ЛГУ, 1977. – С. 164–178.
8. Соколова Л.А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория. – Томск : ТГУ, 1968. – 290 с.
9. Хватов А. На стержне века (Художественный мир Шолохова). – М. : Современник, 1975. – 478 с.

Источник

10. Шолохов М.А. Они сражались за Родину // Собр. соч. : в 8-ми т. – М. : Правда, 1962. – Т. 8. – С. 55–229.

Статья впервые была опубликована в «Учёных записках Крымского государственного инженерно-педагогического института». – Вып. 2. – Симферополь, 2001. – С. 108–113.

Л.С. Пастухова

ПОРЯДОК КОМПОНЕНТОВ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

Современная лингвистическая теория описывает линейное расположение компонентов разных уровней членения текста по следующим основным параметрам словопорядка: стабильный / подвижный; прямой / обратный; контактный / дистантный. В научной литературе известна классификация признаков по градации, предложенная В.Н. Мигириным [3, с. 116; 4, с. 28]. Она учитывает степень распространённости в пределах класса замеченных у «индивидуумов» особенностей. Эти признаки могут быть всеобщими неспецифическими (то есть выходит за пределы класса), всеобщими специфическими (то есть замыкается в пределах класса), распространёнными, редкими, единичными.

До недавнего времени языковеды в числе всеобщих специфических признаков фразеологической единицы называли неподвижность составляющих её компонентов. Утверждалось, что в устойчивом обороте всегда постоянный порядок слов, что фразеологизм образуется благодаря сочетанию определённых слов в определённом порядке, а перемещение составляющих фразеологический оборот компонентов приводит к бессмыслице [2].

Исследования последнего времени (работы В.Л. Архангельского, В.П. Жукова, А.В. Кунина, О.А. Лаптевой, А.И. Молоткова, Р.Н. Попова и др.), касающиеся категориальных признаков фразеологизма, его формы, лексического значения, стилистических функций, свидетельствуют о том, что фразеологические единицы можно изучать не только как статическую структуру. Многими лингвистами уже осознана необходимость исследования устойчивого сочетания как структуры динамической.

Проследим, какие из названных свойств словопорядка проявляются во фразеологической единице. Подобно свободным, устойчивые сочетания могут иметь как стабильный, так и подвижный порядок компонентов. А это значит, что в системе русского языка функционируют фразеологизмы **негибкой** и **гибкой структуры**.

В устойчивых сочетаниях **негибкой структуры** позиция компонентов строго закреплена, слова, составляющие фразеологизм расположены в одном определённом порядке. Перестановка частей оборота невозможна, так как она его разрушает. При этом в одних случаях перемещение соотносительных компонентов превращает фразеологизм в сочетание слов, лишённое всякого смысла: *шутка сказать* – *сказать шутка*; *откуда ни возьмись* – *ни возьмись откуда*; *час пик* – *пик час*; *бог помощь* – *помощь бог*; *разлюли малина* – *малина разлюли* и т.п. В других случаях изменение порядка следования компонентов фразеологической единицы вызывает к жизни новое («переменное») сочетание слов. Обобщённо-переносный смысл фразеологизма исчезает, возвращается прямое (буквальное) значение составных элементов сочетания. Изменение словопорядка нередко сопровождается преобразованием и в структуре сочетания – компоненты обретают живые синтаксические связи: *кровь с молоком* – *с молоком кровь*; *дух вон* – *вон дух*; *ничего себе* – *себе ничего*; *будь что будет* – *что будет, будь*; *ни пуха ни пера* – *ни пера, ни пуха* и др.

Негибкость структуры отмечается далеко не у всех фразеологизмов. По предварительным наблюдениям, около 40% устойчивых единиц (предложений и словосочетаний), зафиксированных «Фразеологическим словарём русского языка» под редакцией А.И. Молоткова [3], имеет закреплённую позицию компонентов. Это преимущественно сращения: *не занимать статью*; *наобум Лазаря*; *через пень колоду*; *темна вода во облацех*; *ни синь пороха*. Фразеологические единства и фразеологические сочетания значительно реже имеют словопорядковые ограничения. Здесь и далее знаком * отмечены фразеологические единицы, не зафиксированные во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А.И. Молоткова: *только меня* [его, её, нас, вас, их] *и видели*; *между двух огней*; *дом отдыха*; *дом учителя**. Примеры из художественных произведений: *В дверь постучался кто-то. «Кой чёрт ещё там», – подумал он...* (Л. Толстой. Фальшивый купон). *И его [Чацкого] противоречие смешно, потому что оно – буря в стакане воды, тогда как противоречие Алеко – страшная буря в океане* (В. Белинский. Горе от ума. Сочинение А.С. Грибоедова).

Во фразеологической единице **гибкой структуры** компоненты относительно друг друга могут менять порядок следования, допускают варианты размещения. При этом основное содержание фразеологизма, его лексико-грамматическая характеристика не меняются: *сбивать с толку* – *с толку сбивать*; *очертя голову* – *голову очертя*; *нечист на руку* – *на руку не чист*; *сходить с ума* – *с ума сходить*; *свой в доску* – *в доску свой* и др. В данной статье анализируются только потенциальные словопорядковые возможности фразеологической единицы. Явления коммуникативного плана – тема отдельного исследования.

Собранные данные свидетельствуют о том, что большая часть фразеологизмов имеет модель с незакреплённой позицией компонентов. Фразеологические единицы с подвижным словопорядком представлены:

сращениями: *бить баклуши* – *баклуши бить*; *перемывать [мыть] косточки* – *косточки перемывать [мыть]*; *точить лясы [балясы]* – *лясы [балясы] точить*;

единствами: *тянуть ляжку* – *ляжку тянуть*; *зарывать талант в землю* – *талант зарывать в землю*; *высасывать из пальца* – *из пальца высасывать*; *стереть в порошок* – *в порошок стереть*; *положить зубы на полку* – *зубы на полку положить*;

сочетаниями: *кромешний ад* – *ад кромешний*; *скалить зубы* – *зубы скалить*; *закадычный друг* – *друг закадычный*; *насупить брови* – *брови насупить*; *кромешина тьма* – *тьма кромешина*; *трескучий мороз* – *мороз трескучий*. Примеры из художественных текстов: «Ну, хочешь, **побьёмся об заклад!**» – сказал Ноздрёв. **Об заклад** зять не хотел **биться** (Н. Гоголь. Мёртвые души). *Я же им недолго глаза мозолить буду* (И. Тургенев. Степной король Лир). *И уходи! **Не мозоль ты мне глаза*** (Н. Боборыкин. Китай-город); *Ей-ей, будет добрый полковник, да ещё такой, что и батька **за пояс заткнёт!*** (Н. Гоголь. Тарас Бульба). *Исай Фомич сам чувствует, что в эту минуту он выше всех и **заткнул всех за пояс*** (Ф. Достоевский. Записки из Мёртвого дома).

Гибкая структура устойчивого сочетания предполагает варианты словоупорядка. В двучленных фразеологических единицах возможны только две модели размещения соотносительных компонентов. Так, устойчивое сочетание *обливаться* [умываться] *слезами* представлено во «Фразеологическом словаре русского языка» обоими вариантами словорасположения: *слезами обливаться* и *обливаться слезами*, ср.: «А в поле зайчики бегают», – причитывала Ефимья, **обливаясь слезами**, целуя своего мальчика (А. Чехов. На святках). ...**Слезами обливался**, Я помню, бедный он, Как с вами расставался (А. Грибоедов. Горе от ума).

Многочленные фразеологизмы **гибкой структуры** могут иметь два и более способов размещения компонентов. Например, устойчивое сочетание *вот где* [в чём] *собака зарыта* в названном словаре выступает в двух вариантах: *вот где зарыта собака* и *вот где собака зарыта*, а фразеологическая единица *бросать* [кидать, пускать] *камешки* [камень] *в огород* [чей] – в трёх. Помимо словоупорядка, представленного в толкуемом фразеологизме, зафиксированы ещё и другие модели: *Дорожу мнением истинно умных людей, а не каких-нибудь проблематических умников...* **Камень был пущен прямо в мой огород** (Ф. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели). Эге, знаем, голубчик, **в чей огород камешки бросают!** (Н. Гоголь. Ревизор).

Там, где возможны варианты размещения компонентов, есть **обычный** (прямой) и **необычный** (инверсивный) порядок их следования. Различие прямого и инверсивного словоупорядка, как правило, базируется не на количественном преобладании одного из противостоящих друг другу вариантов, а на обычном расположении компонентов в условиях максимальной изоляции от воздействия контекста и ситуации. Из сказанного следует, что подвижность словоупорядка в неразложимой единице гибкой структуры предполагает существование в ней, как и в свободном сочетании слов, прямого и инверсивного размещения составляющих единицу компонентов. Прямой словоупорядок – это наиболее обычное расположение соотносительных частей, инверсивный – нарушение такого порядка их следования.

Выборочный просмотр под избранным углом зрения словарных статей во «Фразеологическом словаре русского языка» позволил обратить внимание на такие особенности лексикографического описания (иллюстрации к указанным трём пунктам воспроизводятся по «Фразеологическому словарю русского языка» [5]).

1. Порядок компонентов в толкуемом фразеологизме полностью совпадает с порядком компонентов в иллюстрациях к нему. При этом во всех иллюстрациях фразеологизм имеет одну и ту же словоупорядковую модель, ср.: *замыкаться в* [самом] *себе*, *замкнуться в* [самом] *себе*: *В их присутствии я окончательно замыкался в себе*, говорил мало и весь сосредоточивался в слухе (Н. Морозов. Повести моей жизни). *Ещё больше замкнулась в себе Маша*. Даже среди людей ходила как по лесу. Некоторые наблюдатели догадывались, что Марья Бубенцова всё ещё своего мужика ждёт (Ю. Лаптев. Заря); ...*Напрасно Алексей так замкнулся в себе* – одному труднее справиться с горем (В. Ажаев. Далеко от Москвы). См. также словарные статьи к фразеологизмам *честь имею* [кланяться]; *к шапочному разбору*; *места не столь отдалённые* и многие другие.

2. Порядок компонентов в толкуемом фразеологизме и их порядок в иллюстрациях к нему совпадают частично, то есть фразеологизм не во всех иллюстрациях имеет один и тот же словоупорядок. Ср.: *ад кромешный*: *Бывают в «тёмном царстве» и такие случаи, что неразумные бедняки женятся на бедных девушках... И тут-то начинается ад кромешный* (Н. Добролюбов. Тёмное царство). *В пичугинской семье воцарился кромешный ад* (Д. Мамин-Сибиряк. Наследник).

Фразеологизм *брать* [забирать] *силу*, *взять* [забрать] *силу* иллюстрируется четырьмя примерами, три из них – с изменённым порядком компонентов; из пяти иллюстраций к устойчивому сочетанию *петь Лазаря* четыре имеют словоупорядок *Лазаря петь*; в шести примерах (из семи), иллюстрирующих фразеологизм *точить лясы*, наблюдаются словоупорядковые расхождения с отправной моделью толкуемого оборота.

Порядок компонентов в толкуемом фразеологизме и порядок компонентов в иллюстрациях к нему не совпадают, то есть фразеологическая единица во всех иллюстрациях имеет иную словопорядковую модель, ср.: *брать всем, взять всем: ...Ты всем-то взяла, всем-то хороша! Лица красотой, умом-разумом, Лебединою походочкой, Соловьиной поговорочкой* (А. Пушкин. Русалка). *Ну, правду же мне сказали: хороша ты собою! И лицом, и станом – всем взяла* (М. Загоскин. Аскольдова могила). *Князя Курбского я, как отца родного, люблю, – произнёс он после некоторого молчания. – Велик он и умён, и дороден, и воинской доблестью украшен – всем взял* (В. Костылев. Иван Грозный).

Подобные несовпадения наблюдаются также в словарных статьях к фразеологизмам *бить поклон, класть зубы на полку, не брать в рот* и многим другим.

На наш взгляд, отмеченные факты нарушают строгость лексикографической характеристики неразложимых сочетаний. Опираясь на материалы «Фразеологического словаря русского языка», затруднительно ответить на вопросы: какой порядок компонентов является исходным толкуемой фразеологической единицы гибкой структуры, какой словопорядок в устойчивом сочетании квалифицируется как прямой (обычный), каковы критерии разграничения прямого и инверсивного словопорядка фразеологизма.

Одна из задач словаря – непротиворечивое описание формы неразложимого сочетания (в том числе и его словопорядковых возможностей). Это значит, что в каждом толкуемом фразеологизме гибкой структуры должен быть представлен прямой порядок следования компонентов, а иллюстративный материал обязан достаточно полно знакомить с узуальными [1] позиционными вариантами этого фразеологизма. Такой подход к описанию устойчивых сочетаний более адекватен.

Фразеологические единицы, как и свободные сочетания, функционируя в речи, получают возможность размещать строевые компоненты как **контактно**, так и **дистантно**. **Контактное** размещение – это расположение компонентов фразеологизма в непосредственной близости друг от друга, **дистантное** – на расстоянии. Например: *И при всём том вы мне всякий день колете глаза либеральничеством* (Н. Гоголь. Отрывок). *...Колоть беспрестанно мне глаза цыганской жизнью или глупо, или безжалостно* (А. Островский. Беспреданница).

Названная особенность отмечается не у всех устойчивых сочетаний. Не все фразеологизмы обладают свойством проницаемости. Так, фразеологические единицы *разлюли малина, кровь с молоком, не ахти как, рука об руку, хлеб да соль* и другие не допускают расчленения, избегают вклинивания слов контекста в их состав.

Однако значительная часть фразеологических единиц обладает способностью к дистантному расположению компонентов, которые могут быть к тому же инверсивными: *брать на пушку: В общем, берёт интендант товарища Алексеенко на пушку* (С. Антонов. На военных дорогах); *точить лясы: Ходил сюда целое лето, ел, пил, обнадёживал, балясы тут с девчонками от зари до зари точил, и вдруг на тебе, уезжаю!* (А. Чехов. Жених и папенька).

Примечательно, что дистанция между компонентами расчленённого фразеологизма может быть значительной. Вклиниваются во фразеологическую единицу не только слова, непосредственно её распространяющие, но и те, с которыми фразеологизм связан: *Вообще, я смотрю, на лаврах вы стали почивать, товарищ Ершов. И воспитательную работу завалили* (С. Антонов. На военных дорогах). *Миллионщик какой! Бросил шесть рублей так, здорово живёшь, на ветер* (А. Чехов. Припадок).

Подвижность / стабильность компонентов фразеологической единицы, **дистантность / контактность** их расположения – основания для реальных словопорядковых вариаций, которые наблюдаются в конкретных актах общения. Названные особенности расположения компонентов в устойчивых сочетаниях позволили наметить следующие позиционные типы фразеологизмов:

1. Фразеологические единицы со стабильным контактным порядком компонентов (модель «АБ»): *сам не свой; увы и ах; к чёртовой бабушке* и т.п.

2. Фразеологические единицы со стабильным дистантным / контактным порядком компонентов (модель «АБ → А...Б») [6]: *не во гнев будь сказано – не во гнев тебе будь сказано; чтоб пусто было – чтоб тебе пусто было* и т.д. Возможность дистантного расположения компонентов фразеологизма получила, на наш взгляд, отражение уже в форме устойчивого сочетания – в существовании факультативных распространителей: *трещать по [всем] швам; пускать [красного] петуха; садиться на своего [любимого] конька* и т.д.

3. Фразеологические единицы с подвижным дистантным / контактным порядком компонентов (модели «АБ → А...Б» и «БА → Б...А»), например, *чесать* [трепать, мозолить] язык: *Да я с тобой и язык-то даром не стану мозолить!* – отвечал Стёпка (Ф. Достоевский. Записки из Мёртвого дома). *Тюфяев знал своих гостей насквозь, презирал их, показывал им иногда когти...* (А. Герцен. Былое и думы).

Итак, в речевой деятельности фразеологические единицы допускают многочисленные и многообразные варианты. В числе средств, создающих возможности варьирования, – порядок слов фразеологизма.

Порядок компонентов в устойчивых сочетаниях проявляет те же свойства, что и порядок компонентов в свободных сочетаниях. Он может быть **стабильным** и **подвижным**, **прямым** и **инверсивным**, **контактным** и **дистантным**. Значительная часть фразеологизмов располагает реальными позиционными вариантами.

Есть все основания квалифицировать порядок компонентов в устойчивом сочетании как распространённое, а не всеобщее специфическое свойство. Не являясь всеобщим специфическим признаком, отличающим фразеологизм от других единиц языка, определённая последовательность компонентов, однако, – существенная особенность её структуры, неодинаково проявляющаяся во фразеологизмах разных грамматических типов.

Из сказанного следует, что характеристика словопорядка во фразеологических единицах далеко не однозначна. Изучение закономерностей размещения компонентов в устойчивых сочетаниях – одна из задач современной фразеологии.

Список литературы и примечания

1. Архангельский В.Л. О порядке слов во фразеологических единицах русского языка // Вопросы изучения русского языка. – Ростов-н/Д., 1962. – С. 49–52.

В работе различаются узуальные и окказиональные перестановки. Первые традиционны и воспроизводятся всеми говорящими, вторые – более или менее случайны, они рождаются в процессе развёртывания речи.

2. Демесинова Н.Х. К вопросу о функциях порядка слов в простых предложениях русского и казахского языков // Изв. АН Каз. ССР. Серия филологии и искусства, 1957, вып. 1. – С. 3–13.

3. Мигирин В.Н. Язык как система категорий отображения. – Кишинёв : Штиинца, 1973. – 237 с.

4. Мигирин В.Н. Марксистско-ленинская методология и лингвистика. – Кишинёв : Штиинца, 1974. – 148 с.

5. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – 3-е изд. – М. : Русский язык, 1978. – 543 с.

6. В связи с этим возникает вопрос, можно ли модель, обладающую способностью к дистантному расположению компонентов, относить к фразеологическим единицам с фиксированным порядком слов? Или такие устойчивые сочетания следует относить к фразеологизмам с вариативным словопорядком?

Статья впервые была опубликована в журнале «Русское языкознание». – № 10. – Киев, 1985. – С. 21–27.

ЯЗЫКОВЫЕ СМЫСЛЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ТИПОЛОГИЯ, СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ

На рубеже веков и – тем более – тысячелетий, как правило, подвергается критическому пересмотру всё, что было сделано ранее. Не избежала этого и наука о языке.

В конце XX века активно развивались такие разделы лингвистики, как семантика, прагматика, когнитология и др. Но достигнутые успехи не могли снять тревогу учёных о будущем языкознания, что получило отражение в ряде заголовков статей, например: «Куда ж нам плыть?» (Р.М. Фрумкина), «“Камо грядеши?” (О возможных путях развития российской лингвистики)» (Ю.Л. Воротников) и др. Для тревоги, по нашему мнению, остаются достаточные основания. На десятки лет из числа актуальных проблем были исключены вопросы морфологии, синтаксиса, истории языка, его философское осмысление. Лингвистика стала в значительной мере описательной, а не объяснительной. Поэтому неизбежными стали поиски новых идей. Одним из интересных направлений современной русистики признана теория языковых смыслов, предложенная Н.Ю. Шведовой, активно пропагандируемая в работах Ю.Л. Воротникова и др. лингвистов. Эта теория ведёт свою историю от древнегреческих философов, и прежде всего – от Аристотеля, выделившего в «Главе четвёртой» трактата «Категории» 10 категорий: 1) сущность, 2) количество, 3) качество, 4) отношение, 5) место, 6) время, 7) положение, 8) обладание, 9) действие, 10) претерпевание [1].

В средние века эта идея возродилась во «Всеобщей и рациональной грамматике Пор-Рояля» А. Арно и К. Лансло (1660 г.). В ней делалась попытка доказать, что структура языка имеет логическую основу, которая вариативно представлена в разных языках. В каждом языке логическая структура наполняется конкретным речевым содержанием.

Позже эта идея развивалась в работах В. Гумбольдта, О. Есперсена, И.И. Мещанинова, С.Д. Кацнельсона, А. Вежбицкой, А.В. Бондарко, Ю.Д. Апресяна, И.А. Мельчука, Е.С. Кубряковой, Н.Ю. Шведовой, Ю.Л. Воротникова и др.

В наиболее концентрированном виде теория языковых смыслов была рассмотрена в двух работах Н.Ю. Шведовой: «Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий» (1995 г., совместно с А.С. Белоусовой) и «Местоимение и смысл: Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства» (1998 г.). Автор очертила контуры теории языковых смыслов; кратко охарактеризовала историю появления теории языковых смыслов; предложила дефиницию языкового смысла; выделила важнейший дифференциальный признак языкового смысла – местоименный категоризатор.

К сожалению, Наталия Юльевна не успела углубить отдельные положения. Границы теории языковых смыслов нуждаются в уточнении, отдельные положения – в дополнительной аргументации; совершенно не представлена типология средств выражения языковых смыслов. Поэтому работа в этом направлении должна быть продолжена. Учёным предстоит определить место теории языковых смыслов в системе разделов языкознания, представить её методологические основы, назвать и охарактеризовать основные языковые смыслы и ономаσιологические средства их выражения.

Нами впервые предложена система ономаσιологических единиц, обслуживающих языковые смыслы; определён объём вербального оснащения каждого из них и высказаны предположения о конкурентоспособности единиц именования при выражении того или иного языкового смысла; названы дифференциальные признаки языковых смыслов и уточнены объём и содержание одного из важнейших из них – местоимений – как категоризаторов языковых смыслов.

Языковой смысл: дефиниция, количественный состав. Н.Ю. Шведова даёт следующее определение языкового смысла: «Это самое общее понятие, первично обозначенное местоименным исходом ... и материализуемое при помощи таких языковых единиц, семантика (языковое значение) которых включает в себя соответствующее понятие и

объединяет все эти единицы в некое семантическое множество» [11, с. 32]. В нашем понимании языковой смысл – это самое общее, универсальное понятие, выраженное системой разноуровневых ономаσιологических единиц, объединённых в семантическое целое, и категоризируемое одним или несколькими вопросительными местоимениями (в случае их отсутствия – соответствующими функциональными заменителями – лексиями). Его можно представить как своеобразный гипероним, не способный выступать гипонимом. Например, языковой смысл «предметность» может иметь гипонимы «одушевлённый предмет» и «неодушевлённый предмет». В свою очередь, одушевлённый предмет включает гипонимы «человек» и «животное»; каждый из них делится на следующие подразряды. Такое деление иерархично: на более низкой ступени возможно последующее, более детальное разбиение объектов до самого минимального.

Поиск языкового смысла ведётся путём объединения значения именования в самую крупную семантическую общность. Основываясь на сказанном, в составе нашей рабочей классификации мы выделяем следующие языковые смыслы: 1) предметность, 2) признак предмета, 3) количество и число, 4) процесс, 5) качественную характеристику процесса, признака; способ и образ действия, 6) меру и степень, 7) место и направление (пространство), 8) время, 9) причину и следствие, 10) цель, 11) условие, 12) уступку, 13) состояние [9]. Н.Ю. Шведова не называет это количество конкретно, но отсылает читателя к таблице №1 [Шведова Н.Ю., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий (1995 г.), вклейка между страницами 10–11], в которой представлено 20 рубрик, заполненных вопросительными местоимениями, «указывающими на глобальные понятия бытия», причём в четырёх из них дано по два местоимения: 1) *насколько, сколь*, 2) *откуда, отколе*; 3) *делать / сделать*; 4) *делаться / сделаться*. На этом основании Ю.Л. Воротников приводит цифру 24: «При сравнении системы логических категорий Аристотеля и 24 категорий у Н.Ю. Шведовой бросается в глаза факт гораздо большей дробности второй системы: 10 категорий у Аристотеля и 24 категории у Н.Ю. Шведовой» [2]. Ю.Л. Воротников считает, что такая детализация уместна и оправдана. С этим, по нашему мнению, нельзя согласиться, ибо выделение языковых смыслов в этом случае превращается по сути в выделение местоименных рядов. Раскроем это положение.

Одним из важнейших достижений в теории языковых смыслов мы считаем квалификацию местоимений как естественных категоризаторов этих смыслов, специально предназначенных для обозначения таких глобальных понятий физического и ментального мира, как предметность, признак предмета, действие, состояние, место, время и т.д. [11]. Правда, предлагая эту точку зрения, Н.Ю. Шведова не указала, выступают ли в этой роли только вопросительные прономинативы или местоимения всех семантических разрядов, то есть указательные, неопределённые, отрицательные и т.д.; поэтому представляется необходимым уточнение соответствующих сведений.

Вопросительные местоимения структурируют всю «ответную» (термин А.Х. Востокова) прономинальную лексику, распределяясь «поперечно» всем знаменательным частям речи, кроме глаголов, не имеющих соответствующих однословных прономинативов. Местоимения представляют собой совмещение 1) **категориального значения**, одинакового с именами существительными (предметность), именами прилагательными (признак предмета), числительными (количество и число), наречиями (признак признака), безлично-предикативными словами (состояние и его оценка), и 2) **разрядового значения** вопроса, указания, неопределённости, обобщения с выделением, отрицания. На этом основании нами было сформулировано понятие о местоименном ряде: местоименный ряд представляет собой совокупность прономинативов разных семантических разрядов, объединённых общей денотативной основой, с условным началом, выраженным вопросительным прономинативом. Например, местоименный ряд с условным началом *что* включает в себя следующие прономинативы: вопросительный *что?* и «ответные формы»: *то, это, ничто, что-то, что-либо, что-нибудь, нечто, кое-что, всякое, всё, иное, любое,*

другое. В случае отсутствия нужного местоимения используются особого рода сочетания – **функциональные заменители**, названные нами в более поздних работах **лексиями**. Была выдвинута следующая гипотеза: «...сформировавшиеся категории объективной действительности, получившие отражение в синтаксических категориях, должны иметь свой собственный местоименный ряд, состоящий из местоимений разных семантических разрядов и их функциональных заменителей. Другими словами, наличие собственного местоименного ряда и ряда функциональных заменителей является ярким свидетельством того, что данная синтаксическая функция в языке сформировалась» [10].

Уровень развития лингвистики в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого столетия ещё не давал возможности перейти от «сформировавшихся категорий объективной действительности» к языковым смыслам, но сам материал объективно подтверждает правильность идеи, высказанной в конце 90-х годов Н.Ю. Шведовой о местоимениях – категоризаторах языковых смыслов. Более того, теория языковых смыслов теснейшим образом связана с синтаксисом, функциональной нагрузкой слова в предложении. Поскольку речевые смыслы реализованы в речевом потоке, они аккумулируют в себе самые общие *синтаксические смыслы*. Проблема взаимосвязи языкового смысла и его реализации на синтаксическом уровне пока не имеет решения. На наш взгляд, в настоящее время актуальными остаются следующие вопросы: как языковые смыслы «сегментируют» действительность и отражают категории мышления? Как синтаксис «сотрудничает» с семантикой рассматриваемых единиц и какое проявление находит в категориальном значении языковых смыслов? Эти вопросы чрезвычайно важны, так как слово исторически оформилось в часть речи в предложении, поэтому его функционирование в определённой степени направляется диахронией. Одновременно его участие в выражении того или иного языкового смысла зависит от синтаксического оформления, окружения, то есть определяется синхронией. Соотношение синхронии и диахронии в категориальном значении языковых смыслов уходит в проблему соотношения категорий языка и мышления и представляется чрезвычайно важным. С опорой на полученные знания могут быть рассмотрены не только слова, выраженные знаменательными частями речи, но и появившиеся в более поздний период расчленённые единицы именования (лексии; предложно-падежные сочетания; словосочетания особого типа, эквивалентные слову; фразовые номинанты).

В качестве языковых категоризаторов следует, по нашему мнению, рассматривать *вопросительные* местоимения, аккумулирующие в себе информационную энергетику ответных местоимений и всех средств, выражающих данный языковой смысл. Поэтому в наиболее чистом виде они выражают семантику языкового смысла. Местоимения других семантических разрядов получают дополнительную семантику неопределённости, указания, отрицания, обобщения с выделением, которая «размывает» значение, затрудняет его выделение. При этом каждому языковому смыслу не обязательно соответствует один категоризатор, их может быть несколько. Так, языковой смысл «предметность» категоризируется двумя вопросительными местоимениями (*кто?* и *что?*), пространство (место и время) – тремя (*где?*, *куда?*, *откуда?*) и т.д. У категории уступки отсутствует вопросительный однословный местоименный категоризатор и «ответные» прономинативы остальных семантических разрядов, то есть этот языковой смысл не выражен на уровне словных ономаσιологических единиц (в русском языке нет наречий уступки). Особый характер выражения в системе ономаσιологических единиц имеет также языковой смысл «процесс».

Языковые смыслы представлены системой ономаσιологических средств и в случае отсутствия вопросительного местоименного конкретизатора (и всего местоименного ряда) выражаются расчленёнными единицами именования. Объясняется это тем, что языковые смыслы формируются прежде всего на уровне синтаксиса (словосочетаний и придаточных предикативных частей сложноподчинённых предложений) и только по мере «созревания» языкового смысла переходят на морфологический уровень (вырабатывают соответствующие наречия и ... вопросительные местоимения). Поэтому вопросительные местоимения, будучи

условным началом местоименного ряда и категоризатором языкового смысла, на самом деле представляют собой не «исход», как утверждает Н.Ю. Шведова, а являются свидетельством того, что данная смысловая категория осознана человеком и вербализована в языке расчленёнными единицами именования. Это положение хорошо подтверждают следующие слова В.В. Виноградова: «Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике. История морфологических элементов и категорий – это история смещения синтаксических границ, история превращения синтаксических пород в морфологические. Это смещение непрерывно. Морфологические категории неразрывно связаны с синтаксическими. В морфологических категориях происходят постоянные изменения соотношений, и импульсы, толчки к этим преобразованиям, идут от синтаксиса» [3, с. 31].

Дифференциальными признаками языковых смыслов, по нашему мнению, являются следующие: 1) именование определённого фрагмента действительности, понятие о котором сформировалось у носителей языка; 2) ономазиологический характер представления определённого понятийного содержания, рассмотрение его в направлении от значения к средствам выражения; 3) наличие у каждого языкового смысла собственного, индивидуального категориального (обобщённого семантико-функционального) значения; 4) возможность использования вопросительного местоимения (или его функционального заменителя) как категоризатора языкового смысла; 5) наличие у каждого языкового смысла комплекса языковых средств его выражения, в число которых входит слово; предложно-падежная форма; словосочетание особого типа, эквивалентное по значению слову; лексия; фразовый номинант; 6) универсальный характер представления в разных языках, всеобщность, полнота отображения.

Некоторые лингвисты считают важными признаками языкового смысла глобальность и тоталитарность, но в силу политизации и проявившегося в последние годы негативного оттенка в их значениях употребление названных терминов нельзя признать удачным. Ономазиологические средства выражения языковых смыслов. Чрезвычайно важным вопросом теории языковых смыслов является проблема качественного и количественного состава единиц именования, выражающих эти смыслы. Выявление типологии ономазиологических единиц, их содержания определяет сущность лингвистического подхода к именованию. В русском языке мы выделяем 5 типов ономазиологических единиц, выражающих языковые смыслы: 1) слово; 2) предложно-падежную форму; 3) словосочетание особого типа, семантически эквивалентное слову; 4) лексию («составное слово»); 5) фразовый номинант, выраженный придаточной частью сложноподчинённого предложения с синтаксическим артиклем или без него. Слово можно назвать синтетической ономазиологической единицей; остальные ономазиологические единицы – расчленёнными. Кратко охарактеризуем каждую единицу именования.

Слово является основной единицей именования. Оно наличествует в каждом языке, являясь одной из самых ярких универсалий. Не случайно поэтому слово оказалось в центре внимания языковедов; оно изучается в лексике, словообразовании, морфологии и даже синтаксисе. В связи с этим современную лингвистику вполне справедливо называют словоцентристской.

Абсолютное большинство знаменательных слов русского языка изменяется, имеет числовую, падежную, родовую парадигму, категории лица, числа, времени и т.д. Для исследователя важно определить подходы к слову как ономазиологической единице. Представляя его как единицу именования, лингвисты рассматривают его прежде всего как «словарное слово», то есть слово, выступающее в толковых словарях в качестве заголовочного в соответствующих словарных статьях. При этом изменяемое слово должно находиться в начальной форме (для имени существительного и категориально и грамматически соотносительного с ним местоимения это именительный падеж единственного числа, для глагола – инфинитив и т.д.). В то же время, как для изменяемого, так и для неизменяемого слова очень важным является употребление его в роли

морфологизованного члена предложения – закреплённой за ним первичной функции, когда категориальное значение слова совпадает с категориальным значением языкового смысла. Морфологизованными членами предложения для имени существительного являются подлежащее и дополнение, для имени прилагательного – согласованное определение, спрягаемых форм глагола – сказуемое, наречия – обстоятельство, безлично-предикативного слова – главный член односоставного безличного предложения. Необходимость использования термина «морфологизованный член предложения» возникла в связи с тем, что именно в этом случае знаменательное слово выполняет предназначенную ему роль основного выразителя того или иного языкового смысла. При использовании его во вторичной функции вместе с синтаксическим происходит семантический сдвиг и слово передвигается в другой языковой смысл, на его окраину, помогая выразить его в качестве функционального заменителя отсутствующей в данном языке ономаσιологической единицы или – при наличии таковой – выступая в качестве синонимичной ей, например, в сочетании *портфель брата* второе существительное выражает не предметность, а признак предмета, заменяя менее употребительное или по каким-либо причинам менее желательное использование притяжательного прилагательного *братова*. Другими словами: имена существительные используются в качестве основной части речи для выражения языкового смысла «предметность», но они могут быть использованы (реже – в словарной форме, чаще – в составе некоторых ономаσιологических единиц, например, предложно-падежных сочетаний) для оформления других языковых смыслов: пространства, времени, причины, цели и др. В современном русском языке слово как единица именования может выражать разные смыслы. Назовём основные из них.

1. **Предметность** выражают имена существительные и местоимения, категориально и грамматически соотносительные с ними, в форме именительного и косвенного падежей при условии выполнения ими функций подлежащего и дополнения. Они могут называть объект – адресат речи (*написал товарищу*), часть целого (*купишь молока и ещё чего-нибудь*), инструмент действия (*машет платком, чем-нибудь*), содержание речи, мысли (*обсуждали диссертацию, её*) и т.д.

2. Языковой смысл **признак предмета** передаётся системой словных ономаσιологических единиц: а) качественными, относительными, притяжательными, порядковыми прилагательными, а также местоимениями, категориально и грамматически соотносительными с ними (*высокий, наш дом, второй этаж*); б) причастиями (*работающий трактор*), в) именами существительными в родительном падеже “принадлежности” (*платье дочери*), г) наречиями (*рубашка навывпуск*).

3. **Количество и число** выражаются количественными числительными, некоторыми собирательными числительными и прономинативами местоименного ряда *-сколько-* (*девятьюстами томов, столько книг, из лесу вышли трое* и т.д.).

4. Языковой смысл **качество, образ и способ осуществления процесса** представлен преимущественно наречиями и соответствующими местоимениями (*весело, верхом, по-русски, как, так, никак* и под.), а также именами существительными в творительном падеже (*добираться вплавь, лететь самолётом* и т.п.).

5. Языковой смысл **и степень** выражается на словном уровне только небольшой группой наречий и прономинативами местоименного ряда *-насколько-* (*очень, настолько* и под.).

6. **Пространство** передаётся наречиями и местоимениями со значением места и направления (*впереди, вперёд, здесь, туда* и под.).

7. Языковой смысл **время** выражается на словном уровне наречиями и местоимениями с локальным значением (*сегодня, тогда* и др.).

8. Для выражения **причины и следствия** используются соответствующие наречия и категориально соотносительные с ними местоимения (*сгоряча, поэтому* и др.).

9. Примерно такое же количество наречий служит для называния **цели** (*нарочно, преднамеренно* и др.); по значению с ними коррелируют прономинативы местоименного ряда

с условным началом *зачем?* Этот же языковой смысл на словном уровне может быть выражен инфинитивом (*приехал учиться*).

10. Языковой смысл *условие* на словном уровне выражен только местоимениями *когда?* = *при каком условии?*, *тогда* = *при таком условии*. Они омонимичны вопросительному прономинативу *когда?* = *в какое время?* и указательному *тогда* = *в то (такое) время*. Соответствующие наречия в современном русском языке отсутствуют.

11. Языковой смысл *уступка* представлен расчленёнными ономасиологическими единицами; наречия и местоимения с подобным значением в русском языке не сформировались.

12. Языковой смысл *процесс* (или действие, состояние и отношение как процесс) на словном уровне передают спрягаемые глаголы при полном отсутствии соответствующих однословных местоимений или каких-либо других частей речи.

13. В современном русском языке сформировался лексико-грамматический класс слов, названный В.В. Виноградовым «словами категории состояния» (в современной терминологии известный более как «безлично-предикативные слова»). Большая часть этих слов выражает языковой смысл *состояние* (*ему грустно, на улице ветрено*). Этот языковой смысл передаётся также вопросительным местоимением *каково?* и указательным *таково*.

Сказанное позволяет утверждать, что знаменательные части речи «закреплены» за определёнными языковыми смыслами, но, вместе с тем, знаменательное слово может в зависимости от синтаксической нагрузки «уходить» в другой языковой смысл. Вопрос о причинах, законах и границах такого «ухода», к сожалению, не был поставлен в лингвистической литературе и поэтому не имеет ответа, но он безусловно актуален и нуждается в обстоятельном и глубоком изучении.

Кроме слова в качестве средства именованья выступают единицы, структурно более усложнённые по сравнению со словом, но выражающие разные языковые смыслы. К их числу мы относим предложно-падежную форму, лексику, словосочетание особого типа, эквивалентное по семантике слову; фразовый номинант. Кратко охарактеризуем каждый тип расчленённых ономасиологических единиц.

Предложно-падежные формы представляют собой одно из самых распространённых средств выражения языковых смыслов. Исторически сложившаяся система подобных средств позволяет в большинстве случаев определять характер выражаемых смысловых отношений без использования широкого контекста; например, носители языка без труда определяют отношения, выражаемые в предложно-падежных формах *в понедельник, через неделю* (временные), *на экскурсию, в Крым* (пространственные), *из-за дождя, благодаря друзьям* (причинные) и т.д. Это дало основание Е. Куриловичу рассматривать предложно-падежную форму имени как слово, в котором предлог выполняет роль морфемы [6]. В.М. Русановский называет «сочетаниями грамматических лексем с аналитическими морфемами» [8], а И.Р. Выхованец называет предлоги в таких сочетаниях «аналитическими синтаксическими морфемами» [4, с. 14].

Понимание предложно-падежной формы как носителя элементарного смысла возникло тогда, когда синтаксисты обратились к семантике. В 1980 году Г.А. Золотова заменяет термин «синтаксическая форма слова» «синтаксемой». В «Синтаксическом словаре» она пишет: «Синтаксемой названа минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических конструкций, характеризуемая, следовательно, определённым набором синтаксических функций» [5, с. 4]. Заслугой автора является, в частности, то, что объектом представления в словаре являются формы слов, которые поданы с учётом их лексического и синтаксического наполнения.

Развивая идею о предложно-падежной форме имени как синтаксически значимой единице, мы переводим её в плоскость теории языковых смыслов и рассматриваем как один из типов ономасиологических единиц – единиц именованья. В нашем понимании предложно-падежная форма – это семантически единое сочетание имени и предлога, предназначенное

для выражения определённых языковых смыслов. Таким образом, предложно-падежная форма – это не только синтаксема, но и ономаσιологическая единица, способствующая дифференциации оттенков передаваемой мысли. Особенно активно она применяется для выражения языковых смыслов «пространство», «время» и др.

Следующим типом расчленённых единиц именования можно назвать словосочетания, эквивалентные словным ономаσιологическим единицам, например: *житель Крыма* = *крымчанин*, *мостовая улица* = *мостовая*, *оказать содействие* = *содействовать*. В некоторых случаях эквивалент может отсутствовать, но сочетание слов должно передавать одно понятие: *железная дорога*.

В лингвистической литературе по отношению к рассматриваемому явлению используется большое количество терминов, синонимичных или смежных по содержанию: универбация, универбализация, семантическая конденсация, семантическая компрессия, сгущение, сжатие, включение, сокращение, эллиптизация, конкретизация, сорбция, синтаксическое сжатие и др. [7]. Данные словосочетания в теории языковых смыслов представляют интерес с точки зрения их семантической энергетике, способности конкурировать со словными единицами именования.

Небольшой, но чрезвычайно интересной группой в системе ономаσιологических единиц, выражающих разные смыслы, выступают лексии. Их лексический и грамматический статус до настоящего времени не определён лингвистикой. Речь идёт о так называемых «составных словах» (по терминологии Русской грамматики–80, многих вузовских и школьных грамматик), «эквивалентах слов» (Р.П. Рогожникова), «аналитических словах-скрепах, функтивах» (Т.А. Колосова, М.И. Черемисина), «сращениях» (Т.П. Язовик) и т.д. Мы используем термин Б. Потье и называем их лексиями (хотя наше понимание этого термина несколько отличается от исходного). Лексии – это семантические эквиваленты слов, но структурно более усложнённые: они состоят из двух и более слов, например: *неведомо кто, по какой причине?*, *редко что*, *мало где*, *девянсто девять*, *всё равно*, *несмотря на то что*, *в связи с* и др. В системе знаменательной лексики лексии представлены сравнительно небольшим количеством единиц, преимущественно прономинальных. Их «бедность» в современном русском языке вполне объяснима смысловым и грамматическим богатством знаменательных слов, что обеспечивает возможность полно и точно выразить любую мысль с помощью имеющегося арсенала языковых средств. Гораздо большее развитие лексии получили в системе служебной лексики. К основным вопросам, касающимся проблемы лексий, можно, по нашему мнению, отнести следующие:

1. Можно ли считать словами сочетания нескольких (двух и более) звуковых комплексов, объединённых общей семантикой, грамматическим назначением, коммуникативной заданностью?

2. Являются ли данные единицы аналитическими словами? При утвердительном ответе – в чём специфика аналитизма подобных сочетаний?

3. Каковы критерии разграничения аналитических слов и аналитических членов предложения? Как соотносятся понятия «аналитическое слово» и «фразеологическая единица»?

К ономаσιологическим номинативным единицам расчленённого типа (полилексемным единицам) относятся также фразовые номинанты (по терминологии В.Н. Мигирина, Н.И. Пельтихиной, Г.Е. Бойченко и др.) или синтаксические номинанты (по терминологии М.В. Фёдоровой, А.А. Букова, З.Д. Поповой и др.), предидирующая форма, выступающая в качестве компонента номинативного ряда (В.М. Никитевич и др.).

Проблема структурных типов номинации возникла в связи с выходом лингвистики за пределы изучения слова, то есть в связи с освобождением исследователя из плена словоцентризма. Но она в наибольшей степени связана с различием между языком и речью. Фразовый тип номинации остаётся в рамках речи, выражает её специфику, не регистрируется в словарях. Важнейшим качеством фразового номинанта является способность выражать

референт с помощью конструкций, имеющих строение предикативной части сложного предложения, например: *Читай, что написал. Придешь, когда завершишь работу.*

Фразовая номинация остаётся одной из важнейших и недостаточно изученных: расчленённых ономазиологических единиц. Она обладает большими возможностями именования по самым разнообразным стабильным и изменяющимся признакам и тем самым обеспечивает интересы коммуниканта.

Факты более чем тысячелетнего развития русского языка дают основание говорить об усложнении формы выражения мысли, что получило соответствующее отображение в средствах представления объективной действительности в языке, а позже вызвало необходимость рассматривать в лингвистике всю систему сложившихся ономазиологических средств.

Заключение. Учитывая достижения предшественников, представленные преимущественно в семасиологическом аспекте, наука о языке более пятидесяти лет назад стала активно использовать ономазиологический аспект исследования, направленный от значения к средствам его выражения. Главной целью современной лингвистики является **выявление механизма работы языка**, а не только описание отдельных его единиц. В этом плане теория языковых смыслов выходит на передовые позиции в языкознании. В настоящее время можно говорить об осознании феномена языкового смысла, выделении его дифференциальных признаков, определении количественного состава языковых смыслов и репертуара ономазиологических средств, обслуживающих каждый из них.

Но надо помнить, что учёными сделаны лишь первые шаги в изучении теории языковых смыслов. Представлен каркас теории, который в процессе его заполнения поставит новые вопросы, потребует новых решений, и некоторые из них могут оказаться весьма неожиданными. В настоящее время совершенно неисследованной остаётся область выражения некоторых языковых смыслов в сложносочинённом, бессоюзном предложениях; неясно, следует ли считать причастные и деепричастные обороты единицами именования и рассматривать сочетания типа *день недели накануне среды = вторник* ономазиологическими словосочетаниями, и т.д. В то же время выполненные исследования дают основание прогнозировать дальнейшие интересные разыскания в системе языковых смыслов и средств их выражения.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения : в четырёх томах. – Т. 2 / ред. З.Н. Микеладзе. – М. : Мысль, 1978. – 687 с.
2. Воротников Ю.Л. Языковой смысл – «вещь ли это настоящая?» // X конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Русское слово в мировой культуре (СПб., 30 июня – 5 июля 2003 г.). Пленарные заседания : сб. докладов. – Т. 1. – СПб., 2003. – С. 237.
3. Виноградов В.В. Русский язык : (грамматическое учение о слове). – Изд. 2-е. – М. : Высшая школа, 1972. – 616 с.
4. Вихованець І.Р. Прийменникова система української мови. – Київ : Наукова думка, 1980. – 286 с.
5. Золотова Г.А. Синтаксический словарь : Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М. : Наука, 1988. – 440 с.
6. Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1962. – 252 с.
7. Подробнее см. об этом: Устименко И.А. Вопрос о сущности явления семантической конденсации // Лексическая и грамматическая семантика. – Белгород, 1988. – С. 136–141; Смирнова А.Э. Сорбция как активный способ словообразования : автореф. дис. ... к. филол. н. : спец. 10.02.19 «Теория языка». – Минск, 2000. – 19 с.
8. Русанівський В.М. Поняття семантичного і стилістичного інваріанта // Мовознавство. – 1981. – № 3. – С. 9–20.
9. Сидоренко Е.Н. Языковые смыслы и ономазиологические средства их выражения : монография. – Симферополь, 2008. – 126 с.

10. Сидоренко Е.Н. Функциональные особенности вопросительных местоимений (в сравнении с функциональными особенностями морфологически соотносительных знаменательных частей речи) : автореф. дис. ... к. филол. н. : спец. 10.02.01 «Русский язык». – Ростов-на/Д., 1972. – 24 с.

11. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. – М., 1998. – 176 с.

12. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / РАН. Отд-ние лит. и яз. Ин-т рус. яз. имени В.В. Виноградова. – М., 1998. – 176 с.; Шведова Н.Ю. Русский язык : Избранные работы. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 639 с.; Шведова Н.Ю., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий / РАН. Отд-ние лит. и яз. Ин-т рус. яз. имени В.В. Виноградова. – М. : ИРЯ, 1995. – 120 с.

Статья впервые была опубликована в журнале «Русистика». – Вып. 11. – Киев, 2011. – С. 41–47.

А.М. Эмирова

ОБ ОБЪЕКТЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

Фразеологическая система современного русского языка представлена единицами различного структурно-грамматического и семантического типа. Однако бесспорным ядром этой подсистемы языка является идиоматика, относительно которой исследователи единодушны при решении сакраментального вопроса об объёме и границах фразеологии. Под идиомами понимаются устойчивые по форме, воспроизводимые, экспрессивные сочетания слов, обладающие целостным, как правило, переносным значением (в семантической классификации В.В. Виноградова – это фразеологические сращения и фразеологические единства).

Цель исследования – на материале русской идиоматики охарактеризовать объект фразеологической номинации, т.е. выявить те классы и разряды знаний об окружающем мире, которые вербализованы с помощью разного типа идиом.

Термин «номинация» относится к числу многозначных [3, с. 231–232]. Он может обозначать процесс наименования и результат этого процесса – само наименование. В данной работе термин «номинация» использован преимущественно в результативном значении.

Отмечается также узкое и широкое употребление термина «номинация». В первом случае номинация понимается как обозначение предмета с помощью отдельных слов или словосочетаний субстантивной семантики [11]. Широкое употребление термина предполагает его отнесение к более широкому кругу языковых средств, именующих несубстанциональные элементы действительности – отношения, качества, свойства, процессы, действия, психические состояния и чувства говорящего и др. В статье термин «номинация» используется в таком широком значении – как «обозначение всего отражаемого и познаваемого человеческим сознанием, всего сущего или мыслимого: предметов, лиц, действий, качеств, отношений и событий» [3, с. 234]. «Номинация есть закрепление за языковым знаком понятия – сигнификата, отражающего определённые признаки денотата – свойства, качества и отношения – предметов и процессов материальной и духовной сферы, благодаря чему языковые единицы образуют содержательные элементы вербальной коммуникации» [8, с. 101]. Следовательно, номинативная единица – это любая языковая единица, которая «имеет некоторое содержание, соотносимое с любым экстралингвистическим объектом» [7, с. 74]. Единицы номинации, по Д.Н. Шмелёву, это «языковые единицы, служащие для называния предметов и явлений окружающей действительности, их выделения и формирования соответствующих понятий» [17, с. 3].

При таком широком понимании номинации фразеологические единицы основных семантико-грамматических (частеречных) разрядов также относятся к номинативным

средствам языка. Изучение фразеологических единиц разных типов в номинативном аспекте в отечественном языкознании началось в 80-х гг., и здесь остаётся в силе мнение В.Н. Телия, наметившей в своих работах [12–14] основные контуры фразеологической номинации как особого раздела общей теории номинации: «Пока что феномен “фразеологической номинации” остаётся наименее исследованной областью номинативной деятельности» [12, с. 147]. Определение номинативной ценности фразеологических единиц в работе В.В. Виноградова и его последователей, по мнению В.Н. Телия, проводилось «скорее в семасиологическом, чем в ономасиологическом ракурсе: номинативная функция фразеологизмов определяется на основе отсутствия самостоятельной номинативной соотнесённости хотя бы одного из компонентов сочетания с элементами обозначаемой им действительности» [12, с. 146].

В научной литературе встречаются разные точки зрения относительно объекта фразеологической номинации: одни учёные считают, что идиомы соотносятся с событиями, ситуациями объективной действительности, по мнению других, – с их помощью именуются и характеризуются предметы и классы предметов (в широком смысле).

В зависимости от характера номината (обозначаемого объекта) В.Г. Гака предлагает делить номинации на два типа – элементные и событийные (ситуативные). «Элементная номинация обозначает определённый элемент действительности: предмет, качество, процесс, отношение, любой реальный или мыслимый объект» [3, с. 257]. Сочетание двух простых элементов даёт в результате сложный элемент ситуации, имеющий структуру предмет + признак, действие + предмет и др. Событийная же номинация обозначает микроситуацию, событие, объединяющее несколько элементов. Номинантом (языковой формой) элементной номинации является слово или словосочетание, событийная же номинация имеет внешнюю форму предложения, в связи с чем она иногда именуется «препозитивной номинацией» [Там же].

В цитированной выше работе В.Г. Гака, в которой представлена комплексная типология («типология типологий») лингвистических номинаций, идиомы как особый тип номинации специально не рассматриваются. Этим вызвана необходимость постановки и решения вопроса: каков объект фразеологической (идиоматической) номинации? Иными словами: что в реальной действительности соответствует идиомам – элементы или события? Идиоматика современного русского литературного языка, как уже говорилось выше, представлена преимущественно признаковыми именами, обозначающими признаки и свойства денотатов: глагольными фразеологическими единицами, конкретизирующими категорию признака в виде действия, состояния предмета; адverbiallyми, характеризующими действия и процессы; предикативными в таких разновидностях, как субстантивно-предикативные (субстантивные фразеологизмы с качественным значением), адъективно- и наречно-предикативные (наречные фразеологизмы с количественным значением). Следовательно, идиомы можно квалифицировать в качестве элементных номинаций. Обозначая признаки и свойства предметов, признаковые имена имеют в своем номинативном значении указание на эти предметы, которое реализуется в рамках синтагматического развертывания их семантики. Признаковые имена могут быть квалифицированы как «скрытые синтагмы» [16, с. 69].

Номинативное значение признаковых имён, как уже говорилось, облигаторно ориентировано относительно субъекта, носителя признака или производителя действия, причём такая субъектная ориентация может быть непосредственной (для глагольных и предикативных фразеологических единиц) или опосредованной – через глагол – для наречных фразеологизмов с качественно-обстоятельственными значениями. Указание на другие элементы ситуации в содержании идиоматических номинаций встречается реже. Так, глагольные фразеологические номинации построены по модели действие (состояние) + лицо (предмет), причём значение лица (предмета) актуализируется в минимальной синтагматической рамке, как правило, в позиции слева: кто *бряцает оружием*, кто *оседлал своего любимого конька*, кто *опустил крылья (крылышки)*, кто *вьёт веревки* из кого, что *бьёт*

по карману кого, что выбило из седла кого, кто-что гнёт в бараний рог кого, что накаляет атмосферу и др.

Именные (субстантивные, адъективные, наречные) идиоматические номинации построены по номинативной модели признак + лицо (предмет). Реже в структуре номинации имеется указание на другой элемент ситуации. Значение лица (предмета) вынесено в область синтагматических связей идиом и в эмоционально индифферентной речи актуализируется в препозиции: кто есть *коломенская верста*, кто есть *голь перекатная*, что есть *развесистая клюква*, что есть *бабьи сказки*, что есть *камень преткновения*, что есть *вчерашний день* чего, у кого *ни кожи ни рожи*, что есть *сказка про белого бычка*, кто-что есть *сбоку припёку*, чего *непочатый край*, кого-чего есть (*хоть*) *пруд пруди*, кого-чего есть *тьма тьмущая* и др.

Признаковая часть номинации состоит, как правило, не из одного, а нескольких признаков, переплетённых друг с другом и образующих сложный признак. Так, *голова садовая* – это ‘несообразительный и неловкий человек, разиня’; *коломенская верста* – ‘человек очень высокого роста; верзила’; *голь перекатная* – ‘человек, живущий в страшной нищете, опустившийся; босяк’; *гусь лапчатый* – ‘хитрый, ловкий человек; плут, пройдоха’; *волк в овечьей шкуре* – ‘человек, прикрывающий свои дурные намерения, действия маской добродетели; лицемер’ и др.

Словарные дефиниции (толкования значения) приведённых выше фразеологических единиц состоят из двух частей – развёрнутого определения со структурой субстантивного словосочетания и, после точки с запятой, его однословного эквивалента – имени существительного. Может показаться, что фразеологические единицы, имеющие однословные эквиваленты, называют один простой элемент действительности. На самом же деле значения таких существительных носят качественный характер: они обозначают (и одновременно оценивают) человека по какому-либо характерному для него признаку (или нескольким смежным признакам). Номинативное значение однословных эквивалентов фразеологизмов само имеет структуру признак + лицо: *разиня* – ‘рассеянный, невнимательный человек’; *верзила* – ‘высокий и нескладный человек’; *босяк* – ‘опустившийся человек из деклассированных слоев населения’; *лицемер* – ‘лицемерный человек’.

Признак, обозначаемый идиомой, как правило, не атомарен, а представляет собой переплетение нескольких смежных свойств и качеств: *воды не замутит* – ‘очень скромный, тих, кроток’; *остёр на язык* – ‘остроумен, язвительный’; *кровь с молоком* – ‘здоровый, цветущий, с хорошим цветом лица’; *себе на уме* – ‘скрытен, хитёр, не обнаруживает своих мыслей, намерений’; *семи пядей во лбу* – ‘очень умный, мудрый, выдающийся’; *пороха не выдумает* – ‘не отличается сообразительностью, не очень умён’; *не промах* – ‘ловкий, сообразителен, не упустит своего’ и др.

Особо следует оговорить объект фразеологических номинаций, структурно организованных как двусоставные предложения: *голова варит* у кого – ‘кто-либо сообразителен, догадлив, понятлив’; *молоко на губах не обсохло* – ‘кто-либо совсем ещё молод и неопытен’; *голова забита* у кого чем – ‘кто-либо полон забот, дум и т.п. о ком-либо или о чём-либо; кто-либо обременён какими-либо знаниями, сведениями и т.п., обычно ненужными’; *почва уходит из-под ног* кого, чьих, у кого – ‘чьё-либо положение становится ненадежным, неуверенным, шатким; кто-либо теряет уверенность в своем положении или в успехе какого-либо дела, начинания’; *карачун пришёл* кому – ‘кто-либо внезапно умер, скончался, погиб’; *руки коротки* у кого – ‘нет достаточной власти, права, возможности и т.п. (делать что-либо)’; *руки не доходят* у кого до кого-чего – ‘нет времени, возможности заняться кем-либо, сделать что-либо’; *язык заплетается* у кого – ‘кто-либо не может ясно, членораздельно сказать что-либо’ и др.

Как видно из примеров, такие фразеологические единицы обозначают синкретичный признак, состоящий из нескольких смежных признаков. Вне контекста они семантически и функционально иесамодостаточны: только при заполнении актантных позиций слева (для части идиом и справа) они способны образовать минимальный текст – преимущественно

безличное предложение: *У тебя язык заплетается; У меня теперь голова страшно забита кучей хлопот.* Следовательно, предикатные фразеологизмы, имеющие структуру двусоставного предложения, но функционирующие в качестве одного члена предложения – сказуемого, также должны быть квалифицированы в качестве элементарной номинации. Их следует чётко отграничивать от устойчивых словесных комплексов, структурно организованных как предложение, но образующих законченное высказывание-суждение, – пословиц, поговорок, афоризмов, цитат: *Сухая ложка рот дерет. Шила в мешке не утаишь. Мал золотник, да дорог. Сорок лет – бабий век. Уговор дороже денег. Человек – это звучит гордо!* и др. Такие сочетания слов имеют форму предложения (одно- или двусоставного), обозначают ряд элементов, сцепленных в ситуацию, событие, и, следовательно, должны квалифицироваться в качестве событийных номинаций. Они находятся за пределами идиоматики языка и относятся к фразеологии в широком смысле (паремиологии, афористике).

Следует отметить, однако, что дифференциация фразеологических номинаций на элементарные и событийные представляет некоторую трудность. И это связано прежде всего со сложностью, «тройственностью» природы фразеологических единиц, предполагающей наличие связей языковых явлений как с мыслительным содержанием, так и с предметами внеязыковой действительности. Трудности при определении объекта фразеологической номинации связаны также и с тем, что не совсем чётко дефинировано содержание самих понятий элемента и события, ситуации, лежащих в основе разграничения типов фразеологической номинации. Обратимся ещё раз к дефинициям.

Под элементом следует понимать «предметы, обладающие характеристиками пространственного порядка, связанные с ними процессы, события или состояния, характеризующиеся во временном плане, связывающие их отношения, признаки предметов и процессов» [3, с. 260]. Сочетание двух элементов образует сложный элемент ситуации, но, с другой стороны, микроситуация, событие, факт тоже образуются объединением ряда элементов – субъекта и его действия, состояния. Вспомним при этом, что действия и состояния входят в более широкую семантическую категорию – признака, и тогда различие между сложным элементом ситуации (например, со структурой предмет + признак) и ситуацией в целом становится ещё более неясным.

Если, наконец, учтём, что категории предмета (вещи), свойства и отношения (признака) взаимосвязаны друг с другом и могут взаимопереходить друг в друга (отношение как свойство, свойство как вещь, вещь как свойство и др.) [15, с. 54–56], тогда разграничение элемента и ситуации (следовательно, элементарных и событийных номинаций) может показаться вообще невыполнимым намерением. Думается, что решение вопроса может проясниться при обращении к некоторым логическим формам к категориям.

На логическом уровне элементы объективной действительности могут отражаться в форме конкретного понятия («понятие, в котором отображён определённый, данный предмет или класс предметов» [9, с. 223]) или абстрактного понятия («понятие, в котором отображён не данный предмет как таковой, а какое-либо свойство предметов, отвлечённое мысленно от самих предметов» [9, с. 11]).

Идиомы как признаковые имена выражают абстрактные понятия: они именуют процессы, состояния, признаки предметов и действий. Возражение может вызвать интерпретация логико-семантического содержания лишь субстантивных фразеологических единиц с предикатным значением. При формальном подходе к анализу их дефиниций может сложиться впечатление, что сигнификат субстантивной фразеологической единицы, например, *мокрая курица* ‘безвольный, бесхарактерный человек’, представляет собой сочетание конкретного понятия (человек) с абстрактным, отражающим свойство, признак человека (безвольный, бесхарактерный). Постараемся показать ошибочность такой интерпретации.

Обращает на себя внимание, что непременным компонентом дефиниций субстантивных фразеологизмов, характеризующих человека по его признакам – физическим,

психическим, социальным, является лексема *человек*, а в составе дефиниций субстантивных фразеологизмов со значением неодушевлённого предмета часто встречается указательное местоимение *то*. Ср.: *калиф на час* – ‘человек, наделённый или завладевший властью на короткое время’; *стреляный воробей* – ‘очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть’; *белая ворона* – ‘человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей, отличающийся чем-либо, не похожий на них’; *пробный камень* – ‘то, что выявляет свойства, качества, сущность чего-либо’; *ариаднина нить* – ‘то, что помогает найти выход из затруднительного положения’; *больное место* – ‘то, что более всего волнует, беспокоит и т.п.’ и др. Ср. также два значения одной фразеологической единицы *тяжёлая артиллерия*: 1) ‘неповоротливый (-ые), медлительный (-не) человек (люди)’; 2) ‘то, что придерживается на самый крайний случай как самое надёжное, действенное средство для достижения чего-либо’.

Дефиниции, построенные без указанных частотных слов *человек* и *то*, можно рассматривать как некорректные, вызванные недостаточной разработанностью в теории и практике лексикографии принципов построения словарных дефиниций. Случаи же однословных дефиниций могут быть квалифицированы как свёртки, которые легко развёртываются по типичной для субстантивных фразеологических единиц формуле словарного толкования. Например, фразеологическая единица *канцелярская крыса* толкуется как ‘чинуша, бюрократ, формалист’. Каждое из этих слов имеет признаковое значение и может быть семантизировано по формуле «человек + признак»: *чинуша* – ‘тот, кто ведёт свою работу с холодным равнодушием, без интереса’; *бюрократ* – ‘человек, который привержен к бюрократизму’; *формалист* – ‘человек, работа которого проникнута формализмом’. Подставив любое из этих толкований в дефиницию фразеологизма *канцелярская крыса*, мы получим типичную для субстантивных фразеологизмов со значением лица формулу семантизации.

Изофункциональность лексем *человек*, *тот* и *то* в составе дефиниций рассмотренного типа наводит на мысль об их семантической однородности: лексема *человек* выполняет здесь не номинативную функцию, а дейктическую, указательную, как местоимения *тот*, *то*. Наше предположение подтвердилось данными частотного словаря семантических множителей [Караулов Ю.Н. 1980]: лексема *человек* включена в список нулевых множителей, как обладающая очень широкой семантикой, семантически пустая. Семантический множитель *чел* (так называемая квазиоснова лексемы *человек*) имеет на дескрипторном множестве, т.е. в дефинициях дескрипторов, индекс частотности 59, на массиве словника – 91 и занимает 5-ую позицию в частотном словнике семантических множителей. Содержательную интерпретацию приведённых выше данных см. [6, с. 3–35]. Это даёт основание полагать, что лексема *человек* в составе дефиниций рассмотренного нами типа является формальным показателем класса предметов, которым приписывается данный признак. Следовательно, субстантивные фразеологические единицы могут квалифицироваться в качестве элементарных номинаций, отражающих не предмет, а признак предмета (resр. выражающих абстрактное понятие).

Дополнительную аргументацию данного положения мы усматриваем также в отсутствии чётких различий между дефинициями субстантивных и адъективных фразеологических единиц. Ср. дефиниции субстантивной единицы *сильные мира сего* ‘самые влиятельные, могущественные люди, занимающие высокое общественное положение’ и адъективной *не от мира сего* ‘отрешённый от реальной жизни, не приспособленный к жизни человек’. Адъективный тип семантики фразеологизма *не от мира сего* наглядно иллюстрируется в предложениях, в которых данная единица выполняет функцию несогласованного определения к слову *человек*: *Дядя этот был в полном смысле слова человек не от мира сего*; *Это был совсем не от мира сего человек*.

Дефиниции адъективных фразеологических единиц, как правило, строятся без включения лексем *человек* или *то*: *остёр на язык* – ‘остроумен, язвительный’; *не из трусливого десятка* – ‘смелый, не боязливый’; *сбоку припёку* – ‘лишний, ненужный, не имеющий

прямого отношения к кому-либо или к чему-либо'. Отсутствие компонентов *человек* или *то* в составе дефиниций адъективных фразеологических единиц можно отнести за счёт некорректности словарных дефиниций, о чём уже говорилось выше. Вставка компонента *человек*, как нам представляется, может способствовать адекватности передачи значения адъективных фразеологизмов (и одновременно отвечать требованию унификации словарных дефиниций), т.к. словосочетания-дефиниции, как это явствует из контекстов употребления таких фразеологизмов, представляют собой субстантивированные образования. Ср.: *о двух головах* 'неосмотрительно смелый, рискующий жизнью, не боящийся смерти, наказания, жестокой расправы' и 'неосмотрительно смелый человек...'; ср. также: *лёгок на ногу* 'очень быстро и много может ходить, не зная усталости' и 'человек, который очень быстро и много может ходить...'.

Фразеологическая идиоматика является специфическим номинативным средством языка, позволяющим именовать сложные элементы ситуации, объективно существующие в качестве целостных, недискретных объектов познания с «включёнными» в них атрибутами. Отражённые в логических формах и категориях, такие сложные элементы ситуации адекватно именуются с помощью фразеологических единиц, номинативное значение которых соответствует модели признак (действие, состояние, свойство, качество) + предмет (лицо, отвлечённый предмет) как носитель этого признака.

Изложенная выше характеристика объекта фразеологической номинации была связана с концептуальным ядром фразеологического значения. Однако, как уже говорилось, обязательным компонентом значения идиомы является и коннотативное (прагматическое) значение. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения коннотации в аспекте её соотносённости с элементами реальной действительности. Исходя из того, что основным компонентом прагматического значения является экспрессивно-оценочный компонент, можно при решении этого вопроса обратиться к анализу семантики оценочного рассуждения [5, с. 35–51]. Центральной проблемой здесь является проблема предмета оценки – «что выступает в качестве “собственного” предмета оценки» [5, с. 36], то есть каким сущностям объективной действительности приписываются ценности? В формальной аксиологии на этот счёт существуют разные мнения: 1) оценки не касаются внешних предметов, а лишь характеризуют психические состояния говорящего; 2) оценки не информируют ни о предметах, ни о психологических состояниях оценивающих; 3) ценность объявляется свойством самих вещей, не зависящим от оценивающего субъекта и др.

А.А. Ивин считает, что оценочные структуры выполняют преимущественно функции выражения и замещения. Функция выражения – это способность оценочных структур выражать определённое психологическое состояние говорящего. Например, утверждая о яблоке, что оно хорошее, говорящий подразумевает, что оно доставляет ему удовольствие своим вкусом. Функция замещения – это способность оценочных выражений замещать те или иные совокупности эмпирических свойств предмета оценки. Например, выражение «это хороший нож» означает, что нож обладает вполне определёнными свойствами (остротой), соответствующими стандарту, а именно: он может выполнять типичную функцию этого класса предметов (хорошо резать) [5, с. 36 и след.]. Как видно из вышесказанного, функция замещения соотносит значение с внеязыковой действительностью и, следовательно, может быть квалифицирована как разновидность номинативной функции (см. также [2, с. 3–34]).

Дополнительное основание для отождествления функции представления (номинации) и замещения мы находим и в определениях знака вообще, встречающихся в философской литературе; знак – это «...явление (материальная вещь, процесс, свойство, действие, психологический феномен), которое, не обладая структурным соответствием или сходством с другим каким-либо явлением, способно *представлять или замещать* (выделено нами. – А. Э.) его в определённых процессах» [4, с. 76].

Обе функции – функция выражения и функция замещения – в речевых актах обычно совмещаются, то есть оценочные структуры выражают определённое психическое состояние говорящего и одновременно замещают определённые эмпирические свойства объекта

оценки, которые входят в ассоциативно-смысловое поле оценочной структуры и, при необходимости, легко «проявляются» в памяти носителей языка.

Фразеологизмы можно отнести к таким оценочным структурам, которые содержат оценку в широком смысле – квалификацию, связанную с представлением субъекта оценки об отношении данного предмета к существующим в данном социуме нормам. Такая квалификация ориентирует на определённые дескриптивные (то есть описывающие то, что имеет место в действительности) признаки, которые приписываются предмету [1, с. 392].

Интересны также размышления о соотношении категории ценности и языковой оценки в работе А.В. Кунина [10]. Оценка определяется им как «объективно-субъективное или субъективно-объективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно» [10, с. 169]. Оценка носит объективный характер в той мере, в какой она детерминирована свойствами объекта внеязыковой действительности.

Фразеологические единицы основных семантико-грамматических разрядов являются, с нашей точки зрения, классическими оценочными структурами: они идентифицируют предметы, называют определённые свойства, объективно присущие предметам, и одновременно выражают оценки говорящего. Например, называя человека *белой вороной*, говорящий прежде всего обозначает (идентифицирует) его именно как человека, со всеми человеческими «атрибутами», отличающими его от других живых существ, и, сверх того, сообщает, что он отличается от других людей в каких-то своих характеристиках, не соответствующих существующим стандартам ('человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей, отличающийся чем-либо, не похожий на них'). Одновременно это же выражение *белая ворона* выражает осуждение, неодобрение двоякого рода – субъективное (говорящего) и объективное (группы людей, к которой причисляет себя говорящий и которой принадлежат нормы, стандарты оценок).

Функции выражения и замещения в оценочных структурах могут быть разведены. Собственно субъективное отношение к предмету оценки (функция выражения) может выступать на первый план в содержании некоторых фразеологических единиц с прагматическим значением – в модальных и междометных фразеологизмах, выражающих эмоциональную оценку предмета говорящим, не «подкреплённую» объективными свойствами предмета. Так, фразеологическая единица *чёрт побери!* выражает лишь эмоциональное состояние говорящего. Предмет оценки не включён в её содержание, он может быть назван и охарактеризован другими элементами высказывания (дискурса). Модальная рамка оценки [2, с. 11–12] в таких случаях является неполной: в ней представлены субъект оценки и оценочное отношение, но отсутствует объект оценки. Тем не менее такие фразеологические единицы можно квалифицировать в качестве номинаций – при условии допущения их номинативной специфичности: они соотносят высказывание с говорящим как «элементом» внеязыковой действительности. См. в этой связи мнение В.Г. Гака, считающего, что «модально-эмоциональные явления также получают языковое обозначение» [3, с. 234], и, следовательно, языковые единицы модального и междометного характера играют огромную роль в познавательной деятельности человека и отражающей деятельности его сознания, в связи с чем они могут быть квалифицированы в качестве номинаций в широком понимании термина.

Номинативная функция особенно отчётливо проявляется у субстантивных фразеологических единиц в силу особого положения субстантива в системе языковых номинаций. У фразеологизмов других семантико-грамматических разрядов номинативное предназначение несколько затуманено, что обусловлено спецификой обозначаемых ими денотатов. Объект фразеологической номинации – сфера психических процессов и состояний (волевых, эмоциональных и интеллектуальных) человека – настолько сложен и многогранен, что не всегда поддаётся чёткой стандартизации, нормализации с позиций логики, морали, эстетики, философии и др. По мнению А.А. Ивина, полная неисследованность понятия образца или стандарта (основания оценки) является одним из

следствий недооценки функции замещения оценочных выражений. По нашему мнению, посылку и следствие здесь следует поменять местами: недооценка номинативной функции несубстантивных фразеологизмов (глагольных, адъективных, наречных) объясняется именно трудностями выявления и унификации основания оценок – тех моральных, эстетических и прочих норм, которыми руководствуется говорящий при оценке предметов внеязыковой действительности.

Таким образом, обращение к понятиям и категориям формальной аксиологии подкрепляет квалификацию основных семантико-грамматических разрядов идиом (глагольных, субстантивных, адъективных, адverbиальных) как бифункциональных языковых знаков, способных соотноситься с предметами объективной действительности и одновременно приписывать им какие-то признаки, характеризовать их в каком-то отношении.

Список литературы

1. Вольф Е.М. О соотношении квалификативной и дескриптивной структур в семантике слова и высказывания // Изв. АН СССР. Серия лит. и языка. – Т. 40. – № 4. – М., 1981. – С. 391–397.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М. : Наука, 1985. – 228 с.
3. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация : (Общие вопросы). – М. : Наука, 1977. – С. 230–293.
4. Губанов Н.И. Проблема образного и знакового в чувственном отображении // Вопросы философии. – 1982. – № 5. – С. 76–84.
5. Ивин А.А. Основания логики оценок. – М. : Изд-во МГУ, 1970. – 230 с.
6. Караулов Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. – М. : Наука, 1980. – 207 с.
7. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М. : Наука, 1975. – 231 с.
8. Колшанский Г.В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация : (Общие вопросы). – М. : Наука, 1977. – С. 99 – 146.
9. Кондаков Н.И. Логический словарь. – М. : Наука, 1971. – 656 с.
10. Кунин А.В. Механизмы окказиональной фразеологической номинации и проблема оценки // Сб. научн. трудов МГПИИЯ имени М. Тореца. – Вып. 168. – 1980. – С. 158–185.
11. Никитевич В.М. Субстантивы в составе номинативных рядов : (К проблеме деривационной грамматики) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык». – М., 1983. – 56 с.
12. Телия В.Н. Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация: (Виды наименований). – М. : Наука, 1977. – С. 129–221.
13. Телия В.Н. О дополнительности слово- и фразообразовательных способов номинации в сфере обозначения непредметных сущностей // Вопросы словообразования и фразообразования в германских языках : сб. научн. трудов МГПИИЯ имени М. Тореца. – Вып. 164. – М., 1980. – С. 170–178.
14. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
15. Уёмов А.И. Вещи, свойства и отношения. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 184 с.
16. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация : (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 5–85.
17. Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М. : Просвещение, 1977. – 335 с.

Статья впервые была опубликована в сборнике «Фразеология и лексика в аспектах перевода и словаря». – Самарканд, 1992. – С. 102–107.

МЫ – ПРОДОЛЖАТЕЛИ

В.Н. Алиева

ВОПРОСЫ ТРАНСФОРМАЦИОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Язык, как и любое явление действительности, развивается в соответствии с законами диалектики. В нём наблюдается противодействие двух различных тенденций: стремление к устойчивости, постоянству – с одной стороны и к непрерывному изменению – с другой. Вторая тенденция находит своё выражение, в частности, в передвижении слов из одной части речи (категории, класса) в другую. В.В. Бабайцева замечает по этому поводу: «Какую бы область языковых явлений мы ни взяли, всюду обнаруживаются, наряду с категориями, обладающими чёткими семантико-грамматическими показателями, и переходные, промежуточные явления, делающие нечёткими даже самые детальные классификации синтаксических моделей и лексико-грамматических разрядов слов, традиционно выделяемых в русской грамматике... Стремление втиснуть промежуточные явления в эти категории наталкивается на упорное сопротивление языкового материала и ничего не даёт для выявления их подлинной сущности» [1, с. 14].

В лингвистике явления промежуточного характера были замечены уже давно, их разработка началась с изучением материальной стороны языка (звуков, основ, окончаний слов). Задолго до того, как появилась общая теория переходности, были разработаны некоторые частные случаи перехода; от Ф. де Соссюра и Л. Ельмслева шло понимание языка как идеальной системы, обладающей чётким набором выражения «квалифицированных форм». Однако многие исследователи отмечали «нечистоту» грамматических классов слов и существование синкретических единиц, свидетельствующих о происходящем в русском языке процессе взаимодействия и переходности. А.А. Шахматов дал название и описал явления субстантивации, адвербиализации, конъюнкционализации, прономинализации и др. [11].

Учёные по-разному понимали причины, условия и признаки переходных явлений. Различные мнения существуют и в современной русской лингвистике. В 1970–1980 годы появились работы, посвящённые теории процессов переходности: это монографии и статьи И.К. Зданевича, В.Н. Мигирова, Е.П. Калечиц, Н.А. Каламовой, Е.Н. Сидоренко, Т.С. Тихомировой, Е.Т. Черкасовой, В.В. Шигурова и др.

Для выражения новых явлений и их отношений в языке возникают специальные средства: новые слова, значения, синтаксические функции и т.д. Одним из способов «приспособления» языка к выполнению новых задач является переходность как свойство языковой системы в целом. Исследуя этот процесс, учёные предлагали различные термины для его обозначения: переход (Н.И. Греч), переходность (А.С. Бедняков, Н.А. Каламова, М.Ф. Лукин и др.), транспозиция (О.В. Скороглядова), конверсия (А.И. Смирницкий).

Разногласия среди учёных наблюдаются и в определении содержания и объёма понятия «переходность». В.В. Бабайцева переходностью считает «явление в языке, которое скрепляет языковые факты в целостную систему, отражая взаимосвязь и взаимодействие между ними и обуславливая возможность трансформации (диахронных преобразований)» [1, с. 23]. «Употребление слов одной части речи в значении другой» называет переходностью Е.П. Калечиц [5, с. 3]. Наряду с понятием «переходность» существует понятие «переход». Считаем необходимым указать на их разграничения, поскольку в данной работе переходность будет пониматься как свойство языковой системы в целом. У термина «переход», вслед за В.В. Бабайцевой, мы будем выделять два значения: 1) переход как процесс диахронной трансформации; 2) переход как «наличие соединительных звеньев между противопоставляющими типами классификации» [1, с. 23].

Применительно к материалу нашего исследования под переходом слов из одной части речи в другую мы будем понимать «словотворческий процесс изменения, нейтрализации или утраты трансформирующимся словом (словой формой) совокупности семантических, морфологических и синтаксических признаков, которые были присущи ему до перехода, и приобретение лексико-грамматических признаков той части речи, в которую она переходит» [7, с. 8]. Термины «переход» и «диахронная трансформация» употребляются нами в качестве синонимов.

Большая часть лингвистов рассматривает переход как диахронную трансформацию. Впервые подробное теоретическое обоснование двум явлениям переходности дала В.В. Бабайцева. Переход как диахронную трансформацию она противопоставила переходу как явлению синхронного плана. Промежуточные явления на синхронном срезе языка В.В. Бабайцева именует контаминационными, синкретичными, гибридными [1, с. 13]. В этом случае слово не переходит из одной части речи в другую как при диахронной трансформации, а объединяет в себе некоторые свойства, иногда в трансформированном виде, двух частей одновременно. Логично было бы, на наш взгляд, явления этого плана не рассматривать в переходности, а выделить им особое место в общей теории частей речи. Стремление к точной терминологической классификации языковых явлений мы считаем необходимым условием создания полной и реальной картины жизни языка, поэтому попытаемся уточнить некоторые термины, связанные с теорией переходности.

Контаминация характеризуется образованием новой языковой единицы третьего порядка при наличии двух родственных. К контаминантам в связи с этим следует отнести причастия, деепричастия, слов типа *негде* (совмещающие признаки местоимений и безлично-предикативных слов), так называемые относительные местоимения (объединяющие признаки местоимений и союзов) и т.д. [10].

Синкретичными следует считать слова, которые в данном контексте характеризуются совмещением синтаксических функций и морфологических признаков двух единиц и которые могут проявлять те или иные свойства в зависимости от последующего контекста. Например, в переложении «Как ты мог так поступить?» в вопросительном наречии **как** совмещаются синтаксические функции обстоятельства образа действия (как?) и причины (почему?). Расширение контекста позволяет разграничить значения слова **как**, например:

1. – **Как** ты мог так поступить?
– Очень **просто**!
2. – **Как** ты мог так поступить?
– **Потому что** ты солгал мне!

В первом примере ответная реплика раскрывает значение образа действия, во втором – причинное.

Гибридные факты языка совмещают в себе и контаминационные и синкретичные явления. Переходные явления синхронного плана интересуют нас в том отношении, что они могут в разной мере отражать этапы перехода. Диахронные процессы представляют собой проявление естественного развития языка, поэтому с их изучением возникает целый ряд дискуссионных вопросов. В рамках исследуемого нами явления ждут своего решения вопросы о соотношении понятий «трансформация», «словообразование», «конверсия», «транспозиция». Детальное изучение этих соотношений не является целью нашего исследования, поэтому мы ограничимся лишь некоторыми замечаниями по их поводу. Ближе всего к предмету нашего исследования находится явление, которое в лингвистике получило название «транспозиция». О.М. Ким считает, что вторичные предлоги образовались путём транспозиции материально-тождественных слов в «различные синтаксические позиции, характеризующие различные части речи» [6, с. 12]. Другие исследователи, такие, как Л.В. Бортэ [3], также характеризуют транспозицию как употребление слова в чуждых ему синтаксических условиях. При этом Л.В. Бортэ считает, что это «переводит его [слово] в новый грамматический класс» [3, с. 102]. Согласно такому мнению, транспозицию следовало бы считать начальным этапом или вообще причиной трансформации.

Наряду с вышеизложенным в современной лингвистике существует мнение, что употребление слова в чуждой ему синтаксической функции может быть проявлением разного рода трансформаций: на уровне членов предложения, иногда её называют окказиональной субстантивацией – см. М.Ф. Лукин [7, с. 18] и на уровне частей речи. Синтаксической трансформации подвергаются, если придерживаться этой точки зрения, слова, выступающие в позиции, свойственной имени существительному, но не меняющие свои качества и не приобретающие категориального значения имени существительного (в отличие от слов, трансформирующихся в этот разряд). Мы считаем, что следует чётко разграничивать морфологическую и синтаксическую трансформации, так как различными являются результаты этих процессов. Покажем это на примерах.

*Это будет достигнуто **путём** подъёма производственных фондов.*

*Важнейшим **путём** подъёма сельского хозяйства является его интенсификация.*

Во втором предложении слово «путём» является именем существительным в творительном падеже, в первом – предлогом. Оба этих слова находятся в отношении функциональной омонимии.

В предложении *Его «прости» звучало тихо и невнятно* глагольная форма не потеряла своих частеречных признаков, не перешла в имя существительное, а лишь заняла типичную для него синтаксическую позицию. Поэтому в этом случае учёные видят лишь синтаксическую трансформацию.

Приведённые выше определения понятий «переходность», «переход», «синтаксическая трансформация» не совпадают по объёму и содержанию, хотя во многом и пересекаются; отмеченные нами факты разногласий во мнениях лингвистов представляют далеко не полный перечень спорных вопросов трансформациологии (термин В.Н. Мигирова [8, с. 33]).

Трансформацию на уровне частей речи мы рассматриваем вслед за Е.Н. Сидоренко как «процесс, в результате которого исходная модель превращается в новую с особым комплексом морфологических, синтаксических и лексических признаков» [10].

Важным является вопрос о том, какое место занимает трансформация в развитии разрядов слов. Пополнение лексического состава современного русского литературного языка происходит путем словообразования, заимствования или перехода слов из одной части речи в другую. Словообразовательная система русского языка изучена достаточно широко и полно, чего нельзя сказать о переходности, роль которой недооценивается, так как удельный вес результатов явлений субстантивации, адъективации, прономинализации и других трансформационных процессов в развитии словарного состава русского языка велик. Более того, учёные давно уже доказали, что все служебные слова появились и появляются путём трансформации знаменательных слов. Такого мнения придерживаются, например, В.С. Бондаренко [2, с. 4], Н.А. Каламова [4, с. 52], В.Н. Мигирин [9, с. 135] и др.

Таким образом, трансформацию следует считать первичной по отношению к словообразованию, которое, кроме всего, охватывает только знаменательные части речи. Переходность же является средством развития большинства лексико-грамматических разрядов слов.

Список литературы

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматическом строе русского языка // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – № 3. – Воронеж, 1967. – С. 13–23.
2. Бондаренко В.С. Предлоги в современном русском языке. – М. : Учпедгиз, 1961. – 76 с.
3. Бортэ Л. В. Глубина взаимодействия частей речи в современном русском языке. – Кишинёв : Штиинца, 1977. – 108 с.
4. Каламова Н.А. К вопросу о переходности одних частей речи в другие // Русский язык в школе. – 1964. – № 6. – С. 61–63.
5. Калечиц Е.П. Переходные явления в области частей речи. – Свердловск, 1977. – 78 с.
6. Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. – Ташкент : Фан, 1978. – 210 с.

7. Лукин М.Ф. Трансформационные процессы в области частей речи // Проблемы словообразования русского и украинского языков. – Киев : Донецк, 1976. – С. 5–33.
8. Мигирин В.Н. Лингвистика естественных элементарных процессов // Граматичні та стилістичні студії з української і російської мов. – Київ : Наукова думка, 1965. – С. 56–69.
9. Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности. – Бельцы, 1971. – 199 с.
10. Сидоренко Е.Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка. – Киев ; Одесса : Лыбидь, 1990. – 148 с.
11. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941. – 420 с.

О.І. Андрейченко

СТРУКТУРА І ФУНКЦІЇ МЕТАФОРИ «ТЕАТРУ» В ПОЛІТИЧНОМУ ДИСКУРСІ КІНЦЯ ХХ – ПОЧАТКУ ХХІ СТОЛІТТЯ

Антропоцентричність давно є предметом дослідження національної культури, мови. Ще Д. Овсянико-Куликовський писав, що «мистецтво прагне до відтворення і пізнання всього людського, воно – антропоцентричне і всю суму відчуттів переробляє в норми людської психіки» [6, с. 343–344]. За постулатом В. фон Гумбольдта, «людина думає, відчуває й живе тільки в мові» [2, с. 378]. Антропологічна лінгвістика передбачає вивчення мови в тісному зв'язку з людиною, її свідомістю, мисленням, духовно-практичною діяльністю [12, с. 8]. В основі антропоцентричної парадигми – мовна особистість, яка створює різні типи дискурсів.

Важливим постулатом сучасної когнітивної лінгвістики є дискурсивний підхід до вивчення мовних фактів. Метафори, які функціонують у мові, повинні розглядатися в дискурсі, у тісній взаємодії з умовами їх виникнення й формування, з урахуванням авторських, прагматичних настанов. Сучасний політичний дискурс багатий на метафори, які в текстах є засобами оцінності, полемічності, маніпулятивності, метафоричні вислови також образно характеризують опонентів, їхні погляди, дії тощо.

Політичний дискурс, зокрема структура, функції політичної метафори, становить об'єкт вивчення у працях І. Філатенко [7], О. Чадюк [9], Х. Дацишин [4], А. Баранова, Ю. Караулова [1], А. Чудінова [10] та ін. Так, дослідники сучасної політичної комунікації виділяють аргументаційну функцію метафори (засіб переконання), евристичну функцію (осмислення політичної реальності й формування продуктивних метафоричних моделей). Як слушно зауважує О. Стоянова, метафора, яка виконує такі функції, в політичному дискурсі образно репрезентує суспільно-політичні й ідеологічні зміни в суспільстві [14, с. 60].

За своїм характером метафора універсальна й інтернаціональна. Водночас вона є глибоко національною, оскільки основу її становить система духовних, морально-етичних цінностей, що виробляються колективною свідомістю впродовж суспільного розвитку. Культура відіграє важливе значення у виборі й продукуванні певного типу метафоричних моделей [15, с. 183]. Таким чином, система метафор – це важлива частина національної мовної картини світу, національної ментальності. Тому важливо виявити в кожній мові продуктивні й актуальні метафоричні моделі, які «характеризують сприйняття етносом того чи іншого абстрактного поняття цієї сфери й політики взагалі» [13, с. 393].

Чільне місце у сучасному політичному дискурсі посідає метафора театру. Мета нашої розвідки – дослідити структуру та прагматичний потенціал метафоричної моделі *«Політична дійсність – театр»*.

Згідно з уявленням сучасної когнітивної семантики метафоричне моделювання – це засіб пізнання й оцінки певного фрагмента об'єктивної дійсності за допомогою сценаріїв, фреймів, які належать до іншої поняттєвої сфери. Щоразу, інтерпретуючи, сприймаючи метафору, адресат звертається до певного перетину поняттєвих сфер, з якими пов'язані усталені асоціації. Тобто метафорична модель характеризується прагматичною потенцією, закріпленою в національній свідомості оцінкою. Так, усвідомлення політичної дійсності як

театру оцінюється негативно, а відповідні метафори «характеризуються, як правило, пейоративною аксіологічною маркованістю» [5, с. 65].

На думку багатьох дослідників, метафора театру – це один із найактуалізованіших типів інтерпретації політики в публіцистиці [1; 10; 11, с. 62–66]. Метафорична модель «*Політична дійсність – театр*» часто допомагає журналістам знайти потрібне метафоричне позначення для змалювання політичного життя, оскільки концептуальна сфера ‘театр’ як вихідна для творення метафори є достатньо структурованою й добре відомою носієм мови. Політичні події відбуваються за певним сценарієм, у межах певного жанру й у відповідності із задумом, постановкою режисера, що здійснює розподіл ролей, установлює порядок виходу акторів на сцену, зміну декорацій тощо. Метафори театру увиразнюють, підкреслюють нещирість, театральність політичного дійства [14, с. 64]. Так, наприклад, Дж. Комбс розглядає виборчу кампанію як ритуальну драму. Кандидат та його команда обов’язково повинні розіграти певні сцени, висловити певні ідеї, на які очікують глядачі. Президентську кампанію у США автор умовно репрезентує як довготривалий процес, що проходить певні періоди, які нагадують епізоди театрального дійства [16, с. 53]. Метафора театру «трактує політику як розвагу для обмеженого кола людей, коли події розгортаються за підготованим сценарієм, а більшості відводиться роль спостерігачів» [3, с. 305]. Прагматичний потенціал метафоричної моделі «*Політична дійсність – театр*» реалізується за рахунок закріпленої за моделлю оцінки: політичні реалії – це театральне дійство, де тільки імітується життя. Тому відповідним метафорам властива негативна оцінка.

Метафоричну модель «*Політична дійсність – театр*» ілюструють такі фрейми:

Фрейм 1. Типи видовищ

Сучасне політичне життя часто метафорично репрезентується як певний різновид видовищ. Відповідно виділяються концепти *спектакль*, *комедія*, *драма*, *балет* тощо, пор.: *Звернення – це, так би мовити, щорічний спектакль* [ДУ, 02, 06]; *Українське суспільство, як глядач такої бюджетної опери не було допущено до дискусії* [ВЗ, 01, 06]; *Персонажі цієї політичної драми не могли збагнути, до чого приведуть їхні дії* [Д, 01, 06]; *У наступному абзаці своєї «патетичної сонати» С. Т. зазначає, що «дбати про інтереси України та українців, чесно й наполегливо служити їм» через банківську діяльність йому допомагає аполітичність. І тут починається ще більша комедія* [УМ, 04, 03]; *Країна погружається в шоу, водевілі, брехню, обіцянки, які ніколи не буде виконано* [ВЗ, 10, 09].

Фрейм 2. Люди, пов’язані з театром

Політичне життя – це театр, у якому кожному суб’єкту політичної дійсності відведена своя роль. Політичні актори виконують *арії*, *підспівують*. У театрі є свої *прими*, *солісти*, одні актори *грають роль першої скрипки*, інші – *роль масовки*, *статистів* тощо, пор.: *Леонід Кучма ще раз наголосив, що в процесі реформи головна дійова особа – Президент* [УК, 02, 04]; *Н. Вітренко має право називатися діючою особою вітчизняної політичної сцени* [КВ, 07, 05]; *Більшість політологів, опираючись на результати соціологічних досліджень, вважають, що реальними претендентами на «трон» є лише двоє: Юлія Тимошенко і Віктор Янукович. Усі інші – «масовка», яка бере участь у виборах, переслідуючи різні цілі* [ЛГ, 08, 09]; *Це, на мій погляд, зовсім не відповідає стратегічній політиці Партії регіонів, яка є надто потужною політичною силою, щоб бути «підтанцювкою» якоїсь політсили* [ЛГ, 12, 08]; *Щодо комуністів, які у парі з олігархами із неприхованим задоволенням топлять прем’єра, то їм у цьому процесі наразі відведено роль масовки, на фоні якої справжні актори добиваються жаданої головної ролі* [КС, 05, 02].

Політичні актори можуть виступати *соло*, однак часто, як свідчить матеріал, вони об’єднуються в *квартети*, *тріо*, *дуети*, *хори*, пор.: *Це геополітичне тріо здатне стати мотором трансатлантичної співпраці в Центрально-Східній Європі* [Д, 02, 06]; *Серед виборців зростає попит на «третю силу», яка може стати реальною альтернативою «дуету» Януковича – Тимошенко* [Д, 01, 10]; *До цього хору додав свій голос і міністр оборони...* [С, 12, 05].

У політичному житті розрізняються організатори та виконавці політичних п'єс. Відомо, що будь-яка політична подія, як і театральна прем'єра, готується з особливою ретельністю, тому й використовується для політичних номінацій театральна термінологія, зокрема: *автор тексту, диригент, режисер, продюсер, сценарист* тощо, пор.: *Хоча спікер парламенту, здається, децю недооцінив ситуацію. Насправді його не "підвісили" – його голова давно вже лежить під гільйотиною, яка опуститься саме тоді, коли це буде вигідно організаторам політичного шоу* [УТ, 08, 09].

Фрейм 3. Глядачі. Успіх спектаклю

Показовими для політичного дискурсу є метафори *глядачі, публіка, фіаско*, адже вибори для політиків, політичних партій – це прем'єра, яка, залежно від успіху в глядачів, може зазнати фіаско, провалу або, навпаки, мати довге театральне життя, пор.: ... *Надійшла вказівка від «перших глядачів» держави, тож значно вигідніше недоотримати якийсь рекламний мільйон від Тимошенко, аніж потім отримати на горіхи від тих самих К., С. чи П.* [УМ, 11, 01]; *Так, не можна не помітити, що всі політичні сили, чийми руками було повалено ющенківський Кабмін, зазнали на цих виборах **фіаско**, хто більше, хто менше* [УМ, 05, 02]. У разі успіху можна почути оплески від глядачів, які свідчитимуть про успіх вистави, пор.: *І всі нібито почули **рукоплескання** країни* [Д, 01, 06].

Не останню роль у житті театру відіграє репертуар, пор.: *Усе, тепер нема на кого скаржитися. І тут би їх усіх разом, всіх, укупі із Самим. Але ж Кучма не був би хитрим Кучмою, якби не махлював суто у своєму **репертуарі*** [УМ, 12, 02]; *Роками не виявляє зацікавленості кримська влада в дотриманні української **репертуарної** політики* [КС, 04, 03].

Фрейм 4. Приміщення театру. Театральний реквізит

Обстежений матеріал свідчить про використання політичними опонентами концепту *театр* для образної репрезентації сучасного політичного життя, пор.: ***Театр** одного регіону* [УМ, 08, 02]; *Під виглядом замаху **глядачеві** пропонують **театр*** [ДзС, 10, 04]; *Більшість тих партій **показали** своє **мистецтво на головній сцені** держави* [УК, 02, 04]; *Та ось настає «день Ікс» – день виборів президента, – і на **авансцену** політичного життя вириваються десятки мужніх і жертвних геніїв, готових урятувати приречену країну буквально за кілька днів чи тижнів, так би мовити, не відходячи від каси* [Д, 01, 10]. Для сприйняття політики як режисованого дійства властиве негативне емоційно-оцінне забарвлення.

Негацію у контекст вносять концепти, що позначають театральний реквізит, оскільки характеризують дії політиків, які ті приховують за красивими словами, пор.: ***Падінням театральної завіси** можна вважати заяви деяких урядовців* [Д, 01, 06]; *Зняти **політичні маски** з тих політиків, які в боротьбі за владу забувають про інтереси народу* [УМ, 04, 05]; *А до цього часу вибори є лише **декорацією** суспільної безвідповідальності, під прапором якої Україна існує з часу проголошення незалежності* [Д, 02, 10].

Результат виборів репрезентовано метафорою із негативною конотацією *розкуплені місця в партері*, пор.: *Голосуватимуть за «**розкуплені місця в партері**» обласних, міських і, що найсмішніше, – сільських рад* [КС, 02, 06].

Як і в театрі, в політиці керівництво процесом може здійснюватися приховано, тобто з-за *лаштунків*, пор.: *Леонід Кучма цілком може планувати призначити досить слабого спадкоємця – із тим, щоб надалі самому **керувати з-поза лаштунків** його руками* [УС, 08, 02]; *Народ знову стає заручником гри **за лаштунками*** [КС, 12, 05].

Фрейм 5. Сценарій політичної п'єси, її елементи

Відомо, що важливі політичні події готуються з особливою ретельністю: ціла команда спеціально підготовлених людей працює над написанням сценарію, пор.: *ВВП у 2004 році становитиме, за **оптимістичним сценарієм** – 10%, а за **песимістичним** 6,5%* [УК, 01, 04].

Політична діяльність, як і вистава, складається з окремих частин, елементів, етапів: *акту, антракту, картини, кульмінації, прелюдії, останнього акорду, реверансу, виходу на біс* тощо, пор.: *Громадянам країни цікаво, чим закінчився **перший акт вистави** під назвою*

«Політичні перегони» [УК, 12, 04]; *Художня частина* публічних маніфестацій чинної влади також пов'язана з ігровими елементами, але це вже інший **жанр** [ДзТ, 03, 01]; *Погоджувальна рада фракцій, скликана спікером, стала останнім акордом у протистоянні – депутатській «бузі»* було покладено край [УМ, 12, 05]; Від кожного з них не можна очікувати **реверансів** у бік комуністів [С, 12, 05].

Фрейм 6. Театр ляльок

Театральність, нещирість, маніпулятивність у політичному дискурсі досягається завдяки використанню метафор із сферою-джерелом *театр ляльок*. Ефект метафоричної моделі «Політична дійсність – це театр ляльок» зумовлений не стільки емотивністю, скільки прагматикою: щоразу, інтерпретуючи конкретні метафори, адресат звертається до репрезентованих у довготривалій пам'яті перетинів між концептосферами, тобто реципієнт апелює до більш загальної схеми (метафоричної моделі), сфера-джерело якої містить названі значення [8, с. 106]. Отже, осмислення політичної дійсності як театру ляльок оцінюється негативно: політики – це лялькові персонажі, якими керують, смикаючи за ниточки, пор.: *Хто б не смикав за ниточки «касєтного скандалу», під гасла «Україна без Кучми» люди йшли свідомо, за переконанням, а не за гроші. Ішли, навіть знаючи, що хтось ті ниточки таки смикає* [УМ, 03, 02]; *Бачу його справжнім лідером, гетьманом свого народу, а не маріонеткою, яку за мотузочки смикають* владні олігархи [С, 12, 05].

Специфічними для українського політичного дискурсу є метафори, що ґрунтуються на переосмисленні театральної міфології, зокрема імен персонажів, назв п'єс тощо, пор.: *Отже, городяни, ознайомившись з полемікою у таборі кандидата від влади, тепер зрозуміють, що голова НДП – не псевдолідер, і не казковий персонаж, який керує маріонетками, що справжній Карабас-Барабас сидить сьогодні зовсім не в нашої міськраді, і якщо вже й смикає за ниточки, так про це ж, мовляв, іще Ф. Ніцше казав: «Где борются, там борются за власть»* [КС, 10, 04]; *Вовки і вівці демократії* [СВ, 10, 04].

Фрейм 7. Цирк

Матеріал засвідчує, що для дискредитування політичного опонента, його діяльності використовують циркову метафору, репрезентуючи політичні події як *цирк, циркову виставу, клоунаду*, а політичних суб'єктів як *клоунів*, електорат – *глядачі, які уже не купуються на ефектні трюки*, пор.: *Клоунада у владі вийшла за всі пристойні межі. Про ефективність політика в нас уже судять із того, наскільки яскраве шоу він може влаштувати* [УТ, 05, 08]; *Клоун державного масштабу* [ДзС, 10, 04]; *Країна змінилася, електорат вже не купується на ефектні трюки* [СВ, 02, 06].

Фрейм 8. Шоу-бізнес

Продуктивними для сучасного політичного дискурсу є метафори з вихідною сферою *шоу-бізнес*. Вони інтерпретують політику як розважальну виставу, видовище, розраховане на привернення до себе уваги, політики – *діячі шоу-бізнесу* тощо, пор.: *Серед бютівців виявилося надто багато груп впливу, які не відмовили б собі в задоволенні влаштувати шоу взаємних обвинувачень* [ДТ, 12, 05]; *Вибори прем'єра можуть перетворитися на довгограюче шоу* [ГУ, 02, 06]; *Під час цього політичного «шоу» довелося наслухатися багато всього, від чого хотілося сміятися і плакати водночас* [КС, 04, 05]; *А от ваші опоненти, наприклад Партія регіонів, вже проводять активну розкрутку* [УМ, 01, 06]; *Діджей БЮТ Микола Томенко взяв участь в реалізації проекту компанії «УМС» та Чорнобайвської райадміністрації* [Д, 01, 06]; *У кардебалеті – Шуфрич і Стоян* [УС, 10, 05].

Отже, метафора театру в сучасній публіцистиці використовується для аргументування висловленої думки, для обстоювання власної позиції, як засіб маніпулювання свідомістю адресата політичного дискурсу. Через семантичну структуру метафор із вихідною сферою театр автори газетних матеріалів досягають іронічного звучання тексту, в якому висловлюють зневажливе ставлення до політичної події чи особи. Прагматичний зміст театральних метафор націлює реципієнта на оцінку важливості політичної реалії. Метафорична модель «Політична дійсність – театр» має специфічну фреймову організацію, прийнятну для аналізу саме політичного дискурсу України.

Список літератури

1. Баранов А., Караулов Ю. Очерк когнитивной теории метафоры // Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М. : Институт русского языка АН СССР, 1991. – 193 с.
2. Гумбольдт фон В. Язык и философия культуры. – М., 1985. – 450 с.
3. Дацишин Христина. Метафорична інтерпретація політичних реалій і проблема впливу на формування громадської думки // Пам'ять століть відтворена у слові. – К. : Планета, 2004. – С. 302–307.
4. Дацишин Х.П. Метафора в українському політичному дискурсі (за матеріалами сучасної періодики) : автореф. дис. ... к. філол. н. : спец. 10.01.08 «Журналістика». – Л., 2005. – 18 с.
5. Кудрявцева Л.О., Дядечко Л.П., Дорофієва О.М. та інш. Сучасні аспекти дослідження мас-медійного дискурсу : експресія – вплив – маніпуляція // Мовознавство. – 2005. – № 1. – С. 58–66.
6. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы в 2-ух т. / сост., подгот. текста, примеч. И. Михайловой ; вступ. ст. Ю. Манна. – М. : Худож. лит., 1989. – Т. 1. Статьи по теории литературы; Гоголь, Пушкин, Тургенев, Чехов. – М. : Худож. лит., 1989. – 541, [1] с.
7. Філатенко І.О. Сучасна політична метафора в російськомовній газетній комунікації України: когнітивно-прагматичний опис : автореф. дис. ... к. філол. н. : спец. 10.02.02 «Російська мова». – К., 2003. – 20 с.
8. Филатенко И.А. Метафорические модели современного политического дискурса Украины : прагматическая характеристика // Актуальные проблемы вербальной коммуникации. – Киев, 2004. – С. 123–127.
9. Чадюк О.М. Метафора у сфері сучасної української політичної комунікації : автореф. дис. ... к. філол. н. : спец. 10.02.01 «Українська мова». – Київ, 2005. – 20 с.
10. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.
11. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М. : Гнозис, 2004. – 326 с.
12. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 8–69.
13. Селіванова О.О. Лінгвістична енциклопедія. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.
14. Стоянова Е. Театральная метафора в политическом дискурсе (на материале языка российских и болгарских масс-медиа) // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. – Шумен, 2006 – С. 58–79.
15. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 180–204.
16. Combs J.E. Process Approach // Handbook of Political Communication. – London : Sage Publications, 1981. – P. 39–66.

Умовні скорочення

1. ВЗ – газета «Високий замок»;	9. ЛГ – газета «Львівська газета»;
2. ГУ – газета «Голос України»;	10. С – газета «Столиця»;
3. Д – газета «День»;	11. СВ – газета «Сільські вісті»;
4. ДТ – газета «Дзеркало тижня»;	12. УК – газета «Урядовий кур'єр»;
5. ДУ – газета «Демократична Україна»;	13. УМ – газета «Україна молода»;
6. ДзС – газета «Дзвін Севастополя»;	14. УС – газета «Українське слово»;
7. КВ – газета «Київ вечірній»;	15. УТ – журнал «Український тиждень».
8. КС – газета «Кримська світлиця»;	

Статья впервые была опубликована в журнале «Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия “Филологические науки”». – Том 1 (67), № 2. – Симферополь, 2015. – С. 110–116.

ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЛОВ

Проблема концептуального содержания лексических единиц как фактора и результата объективации мира в лингвистической науке начала XXI века является одной из актуальных, приоритетных и дискуссионных. Разнообразие мнений и направлений свидетельствуют о том, что концептуальный универсум картины мира весьма широк и для его моделирования необходим комплексный анализ языковых средств разных уровней. Неоспоримым фактом представляется утверждение о том, что именно в слове аккумулируются особенности восприятия мира, хранится и передаётся в поколениях исторический опыт, его генетическая память. Лингвисты отмечают, что в процессе познания действительности постоянно происходит стратификация новых понятийных единиц и их блоков, которые приобретают языковую форму, объёмно актуализирующую их субстанциональную и функциональную специфику.

Гносеологический характер представлений и понятий обуславливает деривационную актуализацию концептуального содержания слов в его тематических и смысловых модификациях. Это определяется, прежде всего, когнитивной деятельностью человека, которая тесно связана с языком как инструментом познания. Таким образом, изучение языковых единиц в рамках антропоцентрической парадигмы невозможно без учёта деривационного потенциала слова и, соответственно, без обращения к словообразовательному уровню языка: словообразовательный аспект позволяет раскрыть признаки и свойства денотативно связанных единиц, их связи и отношения, аксиологическую нагрузку, а также измерить коммуникативную значимость лексической единицы для языкового сознания носителя языка.

Комплексный анализ лексических единиц, раскрывающий механизмы образования и функционирования новых слов, позволяет устанавливать неоднолинейные отношения формы и содержания. Противопоставленность «языкового» и «концептуального» доказывает динамическую природу концептуальных структур, активность и креативность как ведущие свойства мотивированного знака. «Формирование номинации, – отмечает Е.А. Карпиловская, – можно представить, по крайней мере, как двухэтапный процесс. На первом этапе в результате мыслительной деятельности человека осуществляется концептуализация действительности, то есть выделение определённого объекта номинации и категоризация общего понятия о таком объекте [...]. Следствием этого этапа становится определённая логическая, когнитивная структура, требующая номинации – языкового обозначения. Второй этап заключается в собственно языковой категоризации сложившейся когнитивной структуры, в выработке содержания и формы её языкового обозначения – номинации» [4, с. 52].

Наиболее открытой и динамичной системой в концептуальном универсуме является политический лексикон, в котором иноязычные элементы всегда занимали значительное место, а основу формирования политической терминологии составляли процессы заимствования. Рассматривая временные рамки данного процесса, лингвисты отмечают, что расширение состава современного политического словаря за счёт иноязычных неологизмов не может рассматриваться как одно из ведущих направлений его развития. Более значимыми являются процессы детерминологизации и деидеологизации заимствованных ранее номинаций, процессы семантической трансформации адаптированных языком слов и создание на их основе новых словообразовательных производных, а также декорреляция политических терминов в связи с отсутствием чёткой денотативной соотнесённости [2; 3; 5; 6]. Активное употребление иноязычной политической лексики в речевой культуре общества, несомненный интерес и толерантное отношение к заимствованиям у носителей языка позволяет определить коммуникативно-прагматические механизмы актуализации широкого употребления интернационализмов.

Этим и объясняется выбор в качестве объекта исследования ключевых составляющих политического словаря рубежа XX–XXI веков – *консенсус* и *компромисс*. Закономерности их функционирования могут быть положены в основу концептуального описания, позволяющего установить, какие семантические признаки актуализируются в словообразовательном акте и на основе каких параметров происходит стратификация словарного состава. Анализ лексикографических источников показал, что во многих из них исследуемые единицы отсутствуют.

На наш взгляд, этот факт объясняется тем, что заимствованные слова *консенсус* и *компромисс* вошли в активный запас русского языка сравнительно недавно – в результате смены политического уклада постсоветского общества. Избирательное фиксирование рассматриваемых лексем в словарной практике в качестве оперируемых единиц является показателем того, что слово функционирует в определённых социальных сферах (политике, экономике, юриспруденции, социологии, конфликтологии и т.д.) и свойственно, прежде всего, публицистическому и официально-деловому стилям речи. Лексикографические интерпретации лексемы *консенсус* (лат. consensus – согласие, единодушие) показывают, что в современном обществе понятие *консенсус* развивается в двух направлениях: 1) способ принятия различных политических решений, при котором чётко выраженная политическая воля большинства участников уравнивается отсутствием возражений хотя бы одного из них; 2) существующее или формирующееся в обществе широкое гражданское согласие. В издании В.В. Бакеркиной, Л.Л. Шестаковой «Краткий словарь политического языка» *консенсус* – это ‘согласие значимого большинства любого сообщества относительно наиболее важных аспектов социального порядка’ [1, с. 126]. Принимая во внимание положение о том, что одним из показателей коммуникативной значимости и речевой адаптации заимствованного слова является его словообразовательная активность, при комплексном анализе данных лексем мы включили описание синтагматических моделей на уровне слова и морфемы.

Идея эпидигматической системы языка, принадлежащая Д.Н. Шмелёву, поддерживается и развивается в исследованиях, посвящённых учению о производности единиц разных уровней. Так, анализируя две линии деривационных отношений лексико-семантических единиц, их связи и отношения, Л.А. Кудрявцева подчёркивает значимость эпидигматической оси как особого («третьего») измерения в структуризации лексики: «Наряду с парадигматической (вертикальной) и синтагматической (горизонтальной), эпидигматическая («глубинная») ось выступает одним из способов структурной организации лексико-семантической системы языка. Новая единица, появившись в языке, занимает своё место в определённой лексико-семантической парадигме, образует свой синтагматический ряд и в зависимости от своего содержания поддерживает деривационные отношения с определёнными словообразовательными рядами» [7, с. 22].

Поскольку слова в качестве маркеров валентности требуют контекстных партнёров с определёнными семантическими признаками и исключают других контекстных партнёров с иными семантическими признаками, то анализ окружения сочетаемости лексических единиц является важным в выявлении сем, не зафиксированных в словарных формулировках. Такой подход позволяет рассмотреть слово на пересечении лексикологии, словообразования и синтаксиса и, следовательно, предоставляет наиболее полную информацию о лексической единице, реализующей семантико-когнитивные возможности ключевого слова в политическом дискурсе. Материалом контекстного анализа, необходимого для построения синтагматических моделей, послужили политические тексты, зафиксированные в украинских и российских газетных и журнальных изданиях, а также в «Национальном корпусе русского языка» за 2004–2009 гг.

Валентностный анализ лексемы *консенсус* выявил узкий круг сочетаемостных моделей, которые легко поддаются классификации по частотности и степени постоянства (закреплённости) лексического значения и сводятся к следующим позициям: а) лексема *консенсус* выступает в роли главного компонента словосочетания; б) лексема *консенсус*

выступает в роли зависимого компонента словосочетания в конструкциях свободного типа. Построение синтагматических рядов позволяет сделать вывод о том, что для лексемы *консенсус* как относительно нового элемента в лексической системе характерна, прежде всего, роль зависимого компонента в конструкциях свободного типа.

С учётом этой позиции в контекстах политической направленности выделяются модели глагольного и субстантивного типа: а) Verb + <Adj> + консенсус (-а) <Prep + Subst / Pronomen>; б) Prep + Subst (*на / по пути, в результате, на основе, при условии*) + <Adj> + консенсус (-а) + <Prep+Subst / Pronomen>. В модели, где позицию правого актанта занимает лексема *консенсус* при глаголе завершительного способа действия *достигать*, репрезентируется ситуация «достичь общего согласия в процессе переговоров по обсуждаемому или спорному вопросу», то есть *консенсус* является условием, выдвигаемым одной из политических сил для осуществления какого-либо действия. В украинской политической традиции согласие – не всегда единогласие, а лишь согласие по определённым вопросам, необходимое для осуществления конкретного взаимодействия. Этим, вероятно, и объясняется доминирование одной из сторон переговоров, где вопросы, рассматриваемые при помощи *консенсуса*, диктуются стороной, у которой больше полномочий и / или возможностей.

Отметим, что роль главного компонента для лексемы *консенсус* возможна, как правило, при согласовании с адъективом, который указывает на институт общественных отношений (*парламентский, межпартийный, общественный, внутривыборный, междепутатский консенсус*), реже – объективирует количественный признак (например, *максимальный / минимальный консенсус*). Малоупотребительной является конструкция с примыканием зависимого компонента: *консенсус по статусу, консенсус по выборной должности, консенсус по регионам*. Среди общих грамматических особенностей следует отметить, что в проанализированных контекстах глаголы в сочетаниях с лексемой *консенсус* в большинстве случаев употребляются в прошедшем времени; отмечено нечастотное употребление лексемы в форме множественного числа, хотя потенциально парадигма числа возможна: *консенсус – консенсусы*.

Близость значений слов *консенсус* и *компромисс* подтверждается их этимологией, отмеченной словарями различных типов. Если *консенсус* переводится с лат. consensus как «согласие, единодушие», то *компромисс* (с лат. compromissum) представляет собой «соглашение спорящих сторон». Несмотря на то, что в слове *компромисс* ядерной является сема ‘спор’, в семантике обеих единиц несомненно наличие общей семы ‘согласие (соглашение)’. На наш взгляд, данный признак обладает ценностными характеристиками, которые являются универсальными и для других языков.

В политической речи *консенсус* и *компромисс* функционируют чаще всего как взаимозаменяемые единицы, следовательно, можно говорить о синонимичности их значений с той лишь разницей, что *компромисс* замыкается на «результате процесса», а *консенсус* отражает «протяжённость процесса», «состояние сложившегося положения». Ср.: *Главное, чтобы политическая элита достигла консенсуса и начала процесс серьёзного информирования людей о том, что делает НАТО...* (День, № 96, 15.06.2007); *На пути к досрочным выборам мы достигли важных компромиссов* (Новая газета, № 51. 09.07.2008); *Поиск компромисса – это экзамен для политических сил, некоторые из них ставят целью национальные, а другие – конъюнктурные интересы* (2000, № 21. 25.05.2008); «Главное сегодня – **найти политический и социальный консенсус, иметь общее виденье**», – сказал Ющенко (ЗН, № 31. 24.08.2007); «Если стороны будут подходить к решению вопросов не как политики, а как государственные деятели, то **консенсус можно найти**», – отметил президент (<http://openbiz.com.ua/politics/news/> 27.02.09); *Главы государств Евросоюза начали консультации в попытке **достичь консенсуса** относительно кандидатуры первого в истории ЕС президента* (<http://newsanchor.ru/244.html> 07.10.09).

Проведённый компонентный анализ семной структуры слова *компромисс* позволил выделить следующие признаки: ‘приемлемый’, ‘для всех’, ‘результат’, ‘процесс спора’,

‘взаимная уступка’. Важно отметить закреплённость значения за ситуативной реализацией, что подтверждается наличием идиоматических единиц, фиксируемых словарями: *Войти (или пойти) на компромисс со своей совестью* – ‘поступить отчасти против совести’. *Гнилой компромисс* – перен. презр. Нечестный, беспринципный. Актуализация коннотативных сем ‘правильный’, ‘справедливый’, ‘хороший’ на аксиологическом уровне придаёт слову статус политической ценности.

Лексема *консенсус*, выявляя доминирующие семы ‘процессуальность’, ‘протяжённость (во времени)’, ‘общее’, способна закреплять их в определённом окружении при «пересечении» с контекстными партнёрами в лексической системе языка: *согласие, соглашение, сотрудничество, переговоры, гармония, взаимопонимание, договорённость, компромисс*. Общими для составляющих парадигматического ряда будут абстрактные семы ‘взаимонаправленность’, ‘завершившийся процесс’, ‘прямые переговоры’, ‘выгода’, ‘трудность’, которые могут являться дополнительными когнитивными признаками ключевого слова *консенсус*.

При исследовании парадигматических и синтагматических моделей нами установлено, что в семной структуре лексемы *консенсус* доминируют семы ‘процессуальность’, ‘протяжённость (во времени)’. Кроме них, в контекстах актуализируются семантические компоненты ‘согласие’, ‘единство’, ‘взаимопонимание’, ‘взаимодействие’. Сочетания *прийти к консенсусу, по пути к консенсусу, достигнуть консенсуса* объективируют всеобщее согласие как цель, до которой можно «дойти» или «не дойти», в результате чего выявляется метафорическая модель «консенсус – путь», базирующаяся на семах ‘направление’, ‘преодоление трудностей’. Необходимо отметить и значимость когнитивно-прагматических механизмов, обуславливающих коммуникативную реализацию моделей как глагольного, так и именного типов (фактор субъекта в коммуникативной ситуации). Например, *консенсус* между правящим центром и управляемыми кругами может отсутствовать, при этом он будет существовать внутри центра. Такое понимание лишает *консенсус* его значимости как источника демократии: *Указ Президента стал политическим консенсусом между Ющенко, премьер-министром Виктором Януковичем и председателем Верховной Рады Александром Морозом* (ЗН, № 21, 02.06.2007).

Всё это свидетельствует о становлении демократических начал в украинской политике, т.к. именно восприятие социальных и политических изменений как непрерывного движения обуславливает актуализацию сем ‘перемещение в пространстве’, ‘динамика’, ‘изменение’ или, наоборот, ‘замедленность действий’, ‘остановка’ в семантике языковых единиц. Можно также предположить преемственность идеологии коммунистического строя, когда понятие *консенсус* оставалось на периферии общественного движения. Концепт *консенсус* ещё не полностью осмыслен украинскими политиками, процесс активизации находится на завершающем этапе, о чём свидетельствует специфика функционирования в речи лексических единиц, объективирующих данный концепт.

Этот тезис подтверждается и частотностью употребления производных с основами *консенсус* и *компромисс* с заимствованными препозитивными элементами *псевдо-, макро-, микро-, мини-, супер-, анти-* и исконными *лже-, сверх-, полу-* и *недо-*.

Принимая во внимание идею о взаимосвязи процесса словообразования с динамикой смыслов текста, мы проанализировали тексты политического характера по трём типам: 1) тексты с представленными дефинициями производного слова (терминологические словари, учебные пособия); 2) тексты, в которых значение производного слова легко восстанавливается из рематической части предыдущего высказывания (тексты масс-медийного дискурса); 3) тексты, в которых значение производного слова обусловлено общей коннотацией высказывания (печатные тексты политической тематики, ресурсы Интернет-коммуникации: блоги, форумы, дневники).

Наблюдения над словообразовательной валентностью политических слов позволили выделить частотные префиксоиды с разной степенью активности употребления. Так,

производящие основы *консенсус*, *компромисс* активно вступают в словообразовательные связи с заимствованными префиксами и префиксоидами и гораздо менее активно с русскими. К частотным префиксоидам отнесены *псевдо*-, *макро*- и *микро*-, *мини*-, препозитивные элементы *полит*-, *евро*-, *супер*-, *анти*-, менее частотными являются исконные препозитивные элементы *лже*-, *сверх*-, *полу*-, *недо*-. При этом внутренняя связь с иноязычными элементами обуславливает и новые значения, например, *псевдоконсенсус* – это не просто «невыполнение обещаний», «ложный договор», но и «политическая интрига, игра». По значению он сближается с препозитивным элементом *квази*- ('якобы, как будто'), с которым, как показал анализ, лексема *консенсус* не взаимодействует. В семантике этих морфем имеются существенные различия: *псевдо*- содержит компонент 'обман, лживость', тогда как *квази*- указывает на 'мнимость', 'нереальность', что объясняет меньшую активность морфемы в словообразовательных процессах в русском языке.

Префиксоид *анти*- 'противоположный' добавляет в значение мотивирующей основы семы 'безрезультатный', 'решение, ухудшившее положение дел'. *Антиконсенсус*, *антикомпромисс* – это решение, которое не даёт положительных изменений в обсуждаемом вопросе: *Проблема у нас такая, что сокращение населения сопровождается обнищанием. Это не компромисс, это антикомпромисс* (АиФ-У, № 34, 23.08.2007).

Исконный препозитивный элемент *лже*- в сочетании с основой *компромисс* реализует то же значение, что и лексема *лжеконсенсус*. Синонимом для них является существительное *псевдокомпромисс*: все три единицы объединены общим значением «ложный, мнимый или намеренно выдаваемый за истинный», «выступающий как стратегия политической игры», их употребление в текстах политического характера ограничено. Ср.: *Им руководило стремление выработать лжекомпромисс с целью успокоить прибалтов, показать, что им идут навстречу, что демократический процесс пошёл* (ЗН, № 47, 20.11.2004). Среди производных единиц фактически отсутствуют такие, в семантике которых отражено взаимоотношение социальных систем, например, не зафиксированы употребления типа *сельхозконсенсус*, *партконсенсус*, *парламентконсенсус*, *дипкомпромисс* и т.д. Это свидетельствует о том, что этап освоения слова не завершён, но у понятий *консенсус*, *компромисс* есть потенциал стать не только базовой единицей политической сферы, но и главной моральной ценностью сообщества. Показателем того, что концепты успешно входят в наивную картину мира носителей русского языка, служит факт, что производные слова способны развивать несколько значений, которые, во-первых, обслуживают разные стили речи, во-вторых, мигрируют из политической сферы в бытовую.

Описание концептуальных признаков, выделенных на уровне внутренней и внешней валентности, показывает, что *компромисс* – ступень к *консенсусу*, *консенсус* – цель *компромисса*. *Консенсус* невозможен без *компромисса*, *компромисс* же возможен без *консенсуса*, если спор находится на определённом этапе (например, по трём необходимым вопросам *компромисс* может быть найден как минимум по одному). *Компромисс* всегда интенционален, то есть направлен на объект, в качестве которого в политическом дискурсе выступает власть, этические и моральные права, собственность и др., косвенно таким объектом является и *консенсус*.

Таким образом, в результате проведенного анализа установлено, что основа *компромисс* обладает большим деривационным потенциалом и более активно вступает в словообразовательные связи в сравнении с основой *консенсус*; производные с основой *компромисс* имеют разветвлённую систему значений и активно функционируют в текстах институционального дискурса. Это свидетельствует о том, что слово утратило ярлык политического термина, его концептуальное содержание содержит такой когнитивный сценарий, интенцией которого является предупреждение конфликта, что является характерным для современных социальных отношений. Лексема *компромисс* – в сравнении с лексемой *консенсус* – обладает большей коммуникативной ценностью для носителей русского языка.

Анализ внутренней и внешней валентности, деривационных особенностей политических иноязычных слов показал, что семантико-категориальный объём понятий репрезентирован широкой формантной системой, то есть функционально востребованы те форманты, которые достаточно полно дифференцируют фрагменты политического мира.

Список литературы

1. Бакеркина В.В., Шестакова Л.Л. Краткий словарь политического языка. – М. : ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Русские словари», 2002. – 288 с.
2. Загоровская О.В., Есмаеел С.А. Об иноязычных заимствованиях в политической лексике русского языка // Вестник ВГУ : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 3. – Воронеж, 2008. – С. 74–82.
3. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – 2-е изд. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 90–140.
4. Клименко Н.Ф. Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі : монографія / Н.Ф. Клименко, Є.А. Карпіловська, Л.П. Кислюк. – Київ : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2008. – 336 с.
5. Клименко Н.Ф. Словообразовательные средства интеллектуализации современного украинского языка // Междунар. научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире» : Труды и материалы. – М. : МАКС Пресс, 2009. – С.109–110.
6. Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
7. Кудрявцева Л.А. Моделирование динамики словарного состава языка : монография. – 2-е изд., испр. – Киев : ИПЦ «Киевский университет», 2004. – 208 с.

Статья впервые была опубликована в сборнике «Мови та культури у новій Європі : контакти і самобутність». – Київ : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2009. – С. 49–57.

Г.Ю. Богданович

ЯЗЫК И ТЕКСТ В СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Целостное представление о полилингвокультурном феномене можно получить лишь в результате комплексного подхода к проблеме – социо- и психолингвистического, когнитивного и прагматического, этнолингвистического и экзистенциального. Один аспект принципиально не может отрываться от другого. Только совместимость, целенаправленное (в соответствии с принятой исследовательской позицией) наложение одних признаков на другие, описание корреляционных связей даст возможность объяснить сущность проблемы. При этом совершенно невозможно отказаться от такого понятия, как «культура», под которой понимаются представления и понятия, сформировавшиеся в конкретных социальных, политических, экономических условиях, воспринимаемых и оцениваемых в связи с особенностями национального менталитета. Такого рода представления и понятия формируют *картину мира*, в которой отражены связи сознания с действительностью. Картина мира в форме языковых знаков, фиксированных в языке способов восприятия действительности предстаёт как *языковая картина мира*, то есть проявленное в формах речевой деятельности языковое сознание.

Например, феномен Крыма включает концептуальную картину мира всех населяющих его граждан, что делает языковую картину, а вместе с ней и языковую ситуацию, специфической и многомерной. Поэтому важным представляется влияние языка коммуникации в том или ином социальном контексте. Под социальной коммуникацией принято понимать как передачу информации, идей, эмоций посредством знаков, символов, как процесс, который связывает отдельные части социальных систем друг с другом, так и механизм, посредством которого реализуется власть как попытка определить поведение другого человека.

Культура также присваивается субъектом в процессе социализации, организуется в структурах сознания через языковые знаки. Рассмотрение культуры в таком аспекте

требует экспериментальной «поддержки» в виде прямых (через анкетирование, «включённое» наблюдение, опросы, интервьюирование и др.) информативных свидетельств. Комплексный подход к описанию поликультурной ситуации обязывает расширить источники информации, проводить её мониторинговое отслеживание (общегосударственные и местные законодательные документы, аналитическая газетно-журнальная публицистика, работа государственных и общественных комитетов, служб и т.д.) и – главное – осуществлять социолингвистический сбор материала для последующей интерпретации и обобщений.

Проблема соотношения языка, сознания и действительности – предмет постоянного интереса философов, психологов, лингвистов. Тем более это оказывается важным в полилингвокультурной ситуаций, где обязательно присутствует язык межнациональной коммуникации. Сознание в проекции на лингвистическую науку включает факторы вербализации мыслительного процесса, восприятия слова (семантика, коннотация, сфера употребления), диалогичности (автодиалог, общение с другом и людьми). Структуры сознания выражаются в знаковой форме, фиксируются в устойчивой системной организации языка. Языковая природа сознания сводит весь универсум культуры к набору дискурсивных практик, а порождаемые при этом тексты воспринимаются как коренные феномены человеческого существования.

Человек живёт в мире текстов. Тексты эти разнообразны по содержанию, по жанрам, тематическим сферам, объёму, необходимости многократного обращения к ним или разовому их использованию, а также по большому числу иных своих характеристик. Поэтому тексты понимаются нами не только как лингвистический, но и как социально-психологический и культурный феномен. Культура при этом рассматривается не просто как смежная с лингвистикой наука, а как феномен, без глубокого анализа которого нельзя постичь тайны языка и текста.

С коммуникативной и психологической точки зрения текст всегда создаётся для кого-то, и даже его создание, «с целью самовыражения», является текстом с коммуникативной направленностью. Повседневному общению так же, как и литературной коммуникации, «присущи такие прагматические параметры, как автор речи, его коммуникативная установка, адресат и связанный с ним перлокутивный эффект (эстетическое воздействие)» [1]. Таким образом, всякий текст нуждается в читателе (слушателе), и в этом сказывается диалогическая природа сознания как такового: «Чтобы работать, сознание нуждается в сознании, текст – в тексте, культура – в культуре» [1].

Коммуникация – это особая форма человеческой деятельности. Ключевым понятием коммуникативной лингвистики является понятие деятельности. Именно в коммуникации с наибольшей полнотой и глубиной раскрываются онтологические свойства языка и текста. Текст – это динамическое коммуникативное образование высшего порядка. В процессе коммуникации текст как бы раздваивается на текст автора и текст реципиента (воспринимающего), хотя материальная форма текста здесь едина. Отсюда и возможность двоякого его изучения. Интензионная составляющая понятия «текст» включает в себя такие необходимые метаединицы, как «целостность» (цельность) и «связанность» (Т.М. Николаева). Квалификация текста как художественного требует дополнительных характеристик. Это «динамика смыслообразования» (Ю.М. Лотман) и «интерпретативность» (Г.Г. Гадамер), рождающая «текст – чтение» (Р. Барт). Но и эти характеристики представляются производными от базового свойства художественного текста, которое можно назвать «автореферентностью» [2, с. 18–20].

Филологическая интерпретация, например, художественного текста отличается от собственно лингвистической и литературоведческой [3]. Интерпретация базируется на понимании текста и является вербализацией его толкования. Для построения теории понимания художественного текста важным является, с одной стороны, соблюдение герметичности текста, т.е. запрет на привнесение в текст тех смыслов, которые являются результатом не мотивированных единицами текста ассоциаций, с другой – признание текста

самодостаточным квантом дискурса.

Будучи принципом научного подхода к объекту анализа, дешифровка текста сосуществует с его интерпретацией читателем, подобно тому как в культуре, наряду с научной, существует и наивная, обыденная картина мира, которая не оценивается с позиций правильности, а описывается в режиме констатации. В качестве метода моделирования художественного текста может быть предложено построение текстовых парадигм, гипертекстовых (сверхфразовых) по своей сути, отражающих нелинейные ходы воспринимающего сознания по тексту и создающих семантическое пространство двух типов: с логическим и сублогическим основаниями. В основе сублогических текстовых парадигм лежат две формы подобия: «аналогия» и «симпатия» (М. Фуко). Эмоциональное переживание субъектом различных вещей позволяет построить текстовые парадигмы, центром которых является эмоционально-оценочный предикат (аксиологические парадигмы).

Текстовая деятельность всё более кристаллизуется в самостоятельный вид деятельности с «внутренними», реализуемыми в рамках знакового общения мотивами и целями коммуникативно-познавательного и эмоционального свойства. Реализация названных мотивов и целей той материально-практической деятельности, с которой текстовая деятельность соотносится, осуществляется порой не непосредственно, а в крайне опосредованной форме [4]. Текстовая деятельность, по И.Р. Гальперину, трёхфазна: 1) ориентировка, состоящая в специфической по содержанию и направленности интеллектуально-мыслительной активности, предполагающей осмысление проблемной ситуации общения, и предмета коммуникации – коммуникативного намерения (замысла общения), мотивирующего текстовую деятельность, диктующего содержание и структуру планируемой к реализации в тексте коммуникативно-познавательной программы.

Представляется разумеющимся, что такое осмысление включает в себя соответствующее эмоциональное переживание и оценку (таким образом, апроцессуальное содержание ориентировочного этапа текстовой деятельности не совпадает с процессуальным Содержанием аналогичного этапа речевой деятельности, которая, согласно психолингвистической теории, практически сводится к поиску речевых средств на послезамысловой фазе текстообразования). Сюда же входит поиск путей и способов наиболее адекватного воплощения коммуникативного замысла и отвечающей ему «аргументации»; 2) исполнение, состоящее в материализации общения с привлечением, средств той или иной семиотической системы (языка); 3) коррекция (контроль), состоящая в отработке как самого замысла общения, так и способа его материализации в тексте [5].

Предметом текстовой деятельности является коммуникативная интенция реципиента, а не смысловая информация, цементируемая замыслом, коммуникативно-познавательным намерением. В качестве мотива – цели текстовой деятельности может рассматриваться стремление к реализации определённого, то есть поддающегося содержательной интерпретации, коммуникативно-познавательного намерения (интенции, замысла), а в качестве действий могут рассматриваться конкретные акты осмысления и операции с применением средств памяти, с одной стороны, и средств предиктирования, то есть выражения с использованием того или иного конкретного языка, с другой.

Восприятие текста как речевой единицы (а также его тематической структуры) идёт через осознание его как комплексного речевого акта со всеми его компонентами: участниками текстовых событий, их мирами, взаимоотношениями и взаимосвязями. Косвенно к этому миру на самом верху его иерархической пирамиды относится автор и его мир. При восприятии текста, известно, выявляются такие компоненты речевого акта, как время и место событий. На заключительном этапе за вербальными оболочками осознаются иллокутивные смыслы – цели, которые ставятся, решаются и достигаются в рамках текстовой реальности, а также степень интенсивности их реализации в вербальной и просодических структурах. Современная теория текста выявила основные текстовые категории, реализующие указанные выше компоненты, это в первую очередь категория

антропоцентричности.

Язык как порождение этнического антропоцентрического диалога с бытием так же диалогизирует с коммуникантами, как и они с ним. Владение человека словесным и изобразительным языком и одновременное их использование в дискурсивной деятельности есть не что иное, как диалог с языковыми стереотипами, с чужим словом. По словам М.М. Бахтина [6], коммуникант пленён ими, ибо система языка есть знаковое хранилище человеческого опыта, знаний, культуры. Порождая текст, человек вступает в диалог словесного и изобразительного языков, которыми он владеет. Носителем общественного опыта, содержание которого может меняться, является слово. Значение слова может трансформироваться под влиянием экстралингвистических причин, может дополняться и обогащаться новым совокупным социальным опытом. В процессе общения между словами могут формироваться новые связи и отношения, ведущие к изменениям как синтагматического, так и парадигматического характера. Проблемы моделирования действительности в сознании и в языке, соотношения языковой и концептуальной картин мира в современной науке решаются неоднозначно, но факт существования обоснованных концепций природы языкомыслительной деятельности оказался весьма значимым для описания структуры языковой картины мира и её единиц. Важно, чтобы эти описания обозначились и в прикладных исследованиях, связанных с культурой общения, с обучением гуманитарным наукам, с изучением родного и неродного языков.

В признаковые характеристики мультикультуры входит представление о ментальности народа, этноса, референтной группы. Ментальность задает смысловые и эмоциональные контексты, определяет правила словоупотребления и дискурсивного поведения человека. Описание признаков ментальности сквозь призму единиц языка позволяет установить реальность человеческих представлений о ценностях мира, выявить отношение к истории, культуре, значимым для социума событиям общественной жизни.

В условиях геополитической и социальной общности, единого информационного пространства формируются когнитивные модели общекультурного значения, что позволяет говорить об общем ментальном пространстве как совокупности образов и символов общественного сознания. Эти образы и символы, переданные в соответствующих языковых знаках, преломляются в системе ценностей индивида, определяют его отношение к культуре и языку. Знания о мире влияют на интерпретацию языковых единиц, определяют направление этой интерпретации. Значение языковых единиц раскрывается в контекстах ментального пространства, сформированного а) в рамках традиций национальной культуры и б) в рамках социальной общности.

Такой предмет исследования, как полилингвокультурная ситуация, требует внимания к *языковой личности*, проявленной в парадигмах реального общения, то есть непосредственного обращения к референтному ряду. Социальное самосознание, языковые знания, межличностное общение – слагаемые языковой личности, определяющие уровень её *языковой компетенции*, который даёт возможность пребывать и адекватно ориентироваться в сложных условиях полилингвокультурной ситуации.

Языковая личность понимается как многоуровневая и многокомпонентная парадигма речевых личностей, проявляющих себя в режиме реального общения. Языковая компетенция – лингвистическая реалья, включающая особенности восприятия речи, речетворения, меру владения языком (умение перефразировать, выбирать синонимические средства, ощущать многозначность слова и т.д.), способности говорить и понимать собеседника, осознавать речевую и дискурсивную норму, отделять семантически и стилистически правильное от неправильного и многое другое.

По мнению Ю.М. Лотмана, «сущность личности можно трактовать как набор социально значимых кодов». Условием успешного, коммуникативно удачного общения в условиях полилингвокультурной ситуации является знакомство с определёнными культурологическими кодами, что даёт основание говорить о специфической когнитивно-языковой природе межличностного общения, способах и формах проявления адресата и

адресанта. *Лингвистика говорящего (адресата)* – это набор когнитивных и речевых моделей, актуализируемых в дискурсе через фреймы как базовые способы организации знаний, выступающие в роли когнитивного «путеводителя» при декодировании намерений говорящего, обработке получаемой информации и реакции на неё. Фреймы, в свою очередь, отражают особенности этнокультурного восприятия действительности, а также языка (слова), её презентующего, и специфику межкультурного взаимодействия.

Слово как языковой (речевой) знак соотносится с другими знаками в системе, с обозначаемым объектом и с интерпретатором. В этом синтезированном качестве слово лингвистически (социо- и психолингвистически) диагностирует личность. Коммуникативные цели всегда связаны с *другим*, на понимание которого рассчитывает говорящий. Идея диалогости как основного события человеческого общения разделяется многими отечественными и зарубежными исследователями (М. Бахтин, М. Бубер, Д. Мид, Д. Сёрль, Ч. Пирс, П. Грайс и др.). Языковая личность диалогична. Моделируя речевое поведение, человек прогнозирует и речемыслительные действия других. Это обстоятельство особо значимо в полилингвокультурном обществе. Поиск теорий развития личности в поликультурном обществе должен основываться на особом объяснительном модусе, учитывающем природу реальных межкультурных связей и предпочтений, в том числе (и прежде всего) языковых. Лингвистический параметр описания индивида связан с выявлением эквивалентных, противоположных, совмещаемых и т.д. языковых единиц, их роли и места в выражении мысли, социальных коннотациях, в способах коммуникативно-речевой ориентации социального человека, стремящегося соответствовать установленным в обществе правилам. Конвенции, закреплённые социальным опытом совместно живущих людей, соотносятся как с культурными национальными традициями, так и с межнациональными унифицированными моделями общения. По мысли Ф. де Соссюра, «язык, прежде чем он навязывается индивиду, должен получить санкцию коллектива» [7, с. 170].

Культурологический параметр предполагает установление уровня социокультурной компетентности, он связан с формированием толерантного отношения к объективно (реально) существующим культурно-языковым различиям через знакомство с социокультурным контекстом, в котором используется и изучается язык. Полилингвокультурное общество нуждается в гражданах, подготовленных в гуманитарном плане. Результатом изучения языка должно быть умение использовать его как материал эффективной речевой деятельности. Знания о системных, коммуникативных, функциональных, стилистических свойствах языковых единиц должны реализовываться в дискурсивной деятельности человека, соотноситься с реальными условиями общения (слово в словаре находится в состоянии экстенционала, слово в дискурсе – интенционал), так как в реальном общении акцентируется нужное значение, формируется личностно окрашенное коннотирование, происходит взаимовлияние и взаимоуточнение семантико-стилистических качеств соотносимых слов. Всё это создаёт общее перцептуальное пространство говорящих.

Производство речевых моделей, их дискурсивное освоение зависит от языкового ресурса личности, её тезауруса, привитых через функционально-коммуникативный подход навыков применения языковых единиц в речи, умения «разворачивать» язык в дискурс, быть диалогической личностью, то есть активным и ответственным говорящим и слушающим, уметь понять и принять позицию другого, вербализовать мысль в соответствии с собственными намерениями, спроектированными на намерения адресата. Языковое знание, языковая компетенция при этом оказываются следствием знаний о реальном взаимодействии культур и языков, для чего необходимо усвоение важнейших страноведческих, социокультурных и когнитивно-языковых понятий.

Таким образом, производство текстов различного типа напрямую зависит от экстралингвистических причин, связанных прежде всего с уровнем развития личности, желанием общества создавать и воспринимать специальные тексты информативного типа.

Существенным при этом следует считать степень владения языком социальной коммуникации.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Событие. Оценка. Факт. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
2. Чернейко Л.О. Художественный текст как объект филологической интерпретации // Текст. Интертекст. Культура : Материалы международной научной конференции / РАН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – М. : Азбуковник, 2001. – 192 с.
3. Маслова В.А. Филологический анализ художественного текста. – Минск, 2000. – 173 с.
4. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике (когнитивные аспекты). – Вып. XXIII. – М. : Прогресс, 1988. – С. 153–211.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М. : Наука, 1981. – 385 с.
6. Бахтин М.М. Автор и герой : К философским основам гуманитарных наук. – СПб. : Азбука, 2000. – 336 с.
7. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. – М., 1990. – С. 170.

Статья впервые была опубликована в сборнике «Учёные записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия “Филология”». – Т. 21(60), № 3. – Симферополь, 2008. – С. 3–9.

Л.В. Валеева

МОДАЛЬНЫЙ КОНТАКТ ЧТО-ВОПРОСА И ЧТО-ПРИДАТОЧНОГО ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОГО (ОПЫТ ВНУТРЕННЕЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ СОЮЗА)

Анализ семантической структуры союза необходимо предварить несколькими теоретическими положениями, являющимися базовыми для нашего исследования.

Во-первых, мы соглашаемся с теми учёными, которые считают служебные единицы носителями «индивидуального» лексического значения. Положение о служебных словах как о лишённых семантики и даже грамматикализованных единицах традиционно господствует в лингвистике. Союзы изначально рассматриваются в качестве синтаксических скреп [4]. М.Н. Преображенская пишет следующее о союзах: «Речь идёт о служебных средствах, вообще не специализирующихся для выражения каких-либо смысловых отношений, а функционирующих в качестве знаков, которые лишь сигнализируют о наличии синтаксической связи между конкретными предикативными единицами текста» [19, с. 94].

По другой существующей в современном языкознании точке зрения у союзов лексическое значение союзов совпадает с их грамматическим значением [5; 22]. И основным доводом в пользу данного утверждения остаётся всё та же формула – «связочные слова не “материальны”, а формальны» [5, с. 35].

Согласно третьему взгляду на служебные слова, союзы, как и полнозначные единицы, обладают лексическим и грамматическим значениями. Взятые вне контекста, они «несут в себе общую идею определённых отношений, заключающуюся в семантике каждого из них» [23, с. 6]. Учёные, защищающие «семантическую полноценность» союза, в качестве ядерной семы в семной структуре данных языковых единиц называют *о т н о ш е н и е*. Понятие *о т н о ш е н и е* имеет гетерогенную структуру и представлено многочисленными языковыми средствами. Лексические единицы, выражающие *о т н о ш е н и е*, могут обладать разной степенью абстрактности. И.А. Киселёв справедливо отмечает, что «если значения отношения не считать лексическими, то в таком случае логически последовательно было бы признать отсутствие лексического значения и у многих знаменательных слов, например, у существительных *отношение, соотношение, связь* и т.п., что, однако, не может быть принято, но тогда следует признать бесспорным и тот факт, что служебные слова имеют самостоятельное лексическое значение, хотя оно и находится на ином уровне

абстракции по сравнению со словами знаменательными» [10, с. 50]. Союзы, как и все лексико-грамматические классы русского языка, имеют общие лексические значения, «определяющие общий характер логико-смысловых отношений между соединяемыми ими синтаксическими единицами», и частные («индивидуальные»), «то есть те значения, которыми данный союз отличается от других союзов той же функционально-смысловой группы» [24, с. 8]. Необходимо отметить, что подобная точка зрения обязывает лексикографов включать союзы в качестве самостоятельных лексем в число объектов словарного описания.

Таким образом, мы в данной работе будем придерживаться следующей трактовки грамматического и лексического значений: во-первых, грамматическим признаком союза является указание на связь между синтаксическими единицами, а лексическим – выражение смысловых отношений определённого типа между синтаксическими единицами, выводимых как из контекстного окружения, так и без него.

Во-вторых, невозможно в семантической структуре слова изучать только денотативные свойства (разной степени обобщённости), не замечая прагматические, субъективные, экспрессивные, или «установочные», компоненты значения (как их называют Е.В. Падучева [17], И.М. Кобозева [11] и др.).

Когнитивный аспект исследования союзной лексики основывается на рассмотрении союзов как единиц, совмещающих в своей смысловой структуре отношение между соединяемыми фрагментами информации и отношение говорящего к этому отношению. Союзы в последние десятилетия анализируются как знаки коммуникативного переключения, по выражению Г.А. Золотовой. Союзные единицы служат средством взаимодействия внешней точки зрения и внутренней точки зрения говорящего, перехода от статики к динамике и, наоборот, перехода от информации о речевой или мыслительной деятельности к её конкретному содержанию [8, с. 361–362]. Следовательно, прагматический компонент участвует в формировании значений союза, особенно «индивидуального». Поэтому частные значения всегда гибки, зависимы от контекста. В то же время они обязательно отражают стандартное поведение слова, его типичные свойства, потому что прототипическое значение союза, относительно которого идентифицируются частные значения, регламентирует количество сценариев, в которых может участвовать данный союз, и, как следствие, контролирует число контекстно-обусловленных значений. Таким образом, анализ семантической структуры союза должен учитывать не только осмысление денотативных свойств языковой единицы, но и её когнитивный потенциал.

В-третьих, в настоящее время известны серьёзные исследования, сделанные в области внутренней семантической реконструкции служебных слов (можно назвать исследования по семантике предлога – Д. Пайар, О.Н. Селиверстова, Е.В. Рахилина и др. [9], исследования по семантике частиц – Т.М. Николаева [14], Г.Е. Крейдлин [12] и др.). Но до сих пор в семной структуре производной служебной единицы не было определено место компонента, объединяющего трансформант с материнской лексемой: в основном и в частных значениях каждой единицы; тем более такие компоненты не были описаны; не рассмотрены сети частных значений с позиции сохранения у них признаков «фамильного сходства». Поэтому тезис о существовании на «генном» уровне у служебных единиц (и вообще у любых функциональных омонимов) признаков исходных единиц будет следующим нашим базовым положением.

Таким образом, в ходе исследования мы будем придерживаться принципа, согласно которому все наблюдаемые контекстные проявления исследуемой языковой единицы (речь идёт о производной единице) могут быть выведены из единого абстрактного «сценария», базирующегося на семантическом своеобразии исходного слова.

Существующие теории языковой модальности концентрируются вокруг двух основных типов модального значения – «объективного» и «субъективного». Модальность в языке, по общему мнению, передаёт многочисленные значения, связанные и с отношением говорящего к содержанию высказывания и с характеристикой высказывания по его связи

с отображаемой действительностью. Между этими двумя типами невозможно провести чёткую границу, так как всё множество языковых средств, выражающих модальность, согласуется по замыслу автора только на уровне предложения.

В семантической структуре предложения выделяют языковые единицы, отвечающие за информационную полноту и воссоздающие определённые сегменты действительности. Существует и второй тип языковых элементов, способствующих обработке, организации и использованию представленной информации согласно внутренней картине мира говорящего. Эти слова приводят в соответствие психологический контекст с конкретной интерпретацией. Анализируемые нами единицы – и вопросительное местоимение, и союз – являются знаками, воссоздающими предметно-познавательную деятельность человека и выражающими релевантность выбора говорящим языковой формы в соответствии с конкретной ситуацией и замыслом субъекта речи. Так, «союзы существенны при ограничении интерпретационного процесса, то есть редуцируют множество допустимых интерпретаций» [13, с. 23].

Ш. Балли [3] ввёл для двух слагаемых значения предложения названия диктум (пропозиция) и модус. Пропозиция – способ представления какой-либо ситуации или положения дел. Модус – то, ради чего актуализирована информация о данном событии, а именно иллокутивное предназначение. Последнее предполагает воздействие на эмоции или воображение слушающего с определённой целью – экспрессивной, аппеллятивной, оценочной.

В вопросительных структурах отношение говорящего выражается посредством выбора «режима» речевой деятельности, а именно интеррогативности (а не ассертивности или императивности), и специальных грамматических средств. Таким образом, вопросительное местоимение эксплицирует модус даже в самой нейтральной речевой ситуации. Так как местоимения не только выполняют дейктическую функцию обозначения коммуникативного акта, но и обозначают особым, прономинальным, способом явления действительности [21], в семантической структуре прономинатива онтологические знания – о действительности – сосуществуют с интенциональными знаниями субъекта о мире.

В сложноподчинённых предложениях с *что*-придаточными главная часть содержит модус, а придаточная – диктум [3, с. 46]. Подобное мнение совпадает с выводами Г. Фреге. По теории Г. Фреге, определение истинностного значения сложноподчинённого предложения с глаголами пропозициональной установки возможно только при его интерпретации. Предложения типа *считать, что, видеть, что, говорить, что* и др. (аналогично с глаголами *радоваться, жалеть, порицать, бояться* и др.) представляют контексты пропозициональных установок. Связано это с эксплицитным раздельным выражением субъективного и объективного – субъекта пропозициональной установки и её объекта-содержания [25]. Знаком, соединяющим модусную часть предложения с его пропозицией, является союз. Сложноподчинённые конструкции называют «референциальными тёмными», или «интенциональными», потому что, по Г. Фреге, в них нарушается принцип подстановочности тождественного. Это обозначает, что предикат пропозициональной установки соответствует индивиду, существующему в одном из возможных миров, представленному в главной части, к интенционалу, а не в действительном мире, «как аргументы обычных предикатов» [3, с. 17]. Структуры с местоименным вопросительным средством, так называемые частные вопросы, в которых вопросительные прономинативы в соответствии с обычным правилом подстановки ясно указывают референт, называют «референциально прозрачными».

Необходимо добавить, что и диктумная и модусная части рассматриваемых структур могут быть осложнены модальными коннотациями (частицами, вводными словами и под.). Е.В. Падучева назвала их импликатурами дискурса [17, с. 225].

Вопросительное местоимение «что» предназначено для представления в языке всего, что может быть охвачено понятием «предметность», в том числе слово может обозначать глобальные понятия физического и ментального мира [26, с. 6]. Ср.: – Что за зверь? – Сорока; Что ты хочешь? – Погреться.; – Что случилось? – Свадьба закончилась

[Вампилов]. Оно актуализирует в процессе общения информацию о действительности – позитивную или негативную, если знания являются новыми для спрашивающего и интегрируются в его картину мира. Вопросительное местоимение в системе прономинальных единиц, как пишет Е.Н. Сидоренко, по своей природе противопоставлено всем ответным формам [21, с. 46]. Н.Ю. Шведова охарактеризовала смысловые сущности, к которым может обращаться спрашивающий, следующим образом: определённое, осознанное, познанное; неопределённое, не до конца познанное, сомнительное; непознанное, непредставленное или несуществующее. Совершенно естественно на вопрос *Что это?* услышать ответ *Понятия не имею* или *Всё*.

Широкий спектр функциональных «употреблений» прономинатива «что» позволяет в процессе порождения высказывания придавать его значению различные оттенки, поэтому «всякого рода переосмыслениям с соответствующим изменением в употреблении речи чаще всего подвергается именно *что?*» [1, с. 10]. Местоимение «что» «сталкивает» две действительности: момента речи, включающую место, время совершения речевого акта, интенции говорящего, и действительность пропозиции. Вопросительному слову свойствен сценарий, охватывающий модальное «пространство» от «способности» ... до «прогноза» относительно реальности описываемой ситуации [7, с. 117]. Адресант выбирает точку отсчёта для определения модального статуса предложения: побуждение к действию, существующему в том или ином времени, или установление условий выполнения действия. Местоимение «что» совместимо с любой типом модальных отношений, так как, реализуя конституирующий признак вопросительности, «что» может сосуществовать с дихотомией реальность / ирреальность. В ситуации общения говорящий с помощью «что» запрашивает информацию о каком-либо событии как факте и, следовательно, утверждает его истинность (*А что такое, разве не весело? – Могло быть и повеселее.* [Вампилов]). Поэтому местоимение может представлять смысловые области, определённые в содержании модальных конструкций собственным значением момента речи, и тогда они сопряжены только с действительностью. Напр.: *Что ты делаешь? – Так. Жгу одно послание.* [Вампилов]. Высказывание согласно требованиям текущего контекста общения может быть сведено с модальностью возможности (*–Всё-таки, может быть... – Что [может быть]? – Может, мы поедem вместе?* [Вампилов]) или с показателями необходимости, желания (*Что вам от него надо? – Что нам надо? Доверия.* [Вампилов]). Отметим, что отрицание не относится к сфере субъективной модальности. «...Отрицание – это обычный оператор, который строит пропозицию, способную быть сферой действия для многих других операторов...» [17, с. 310]. Напр.: *–Звонил в три квартиры. – Ну и что? – Никто не открывает* [Вампилов]. В данном случае отрицательная конструкция подтверждает, что знания спрашивающего истинны и что событие имело место.

Местоименное средство выражает соответствие речевого поведения говорящего со степенью достоверности высказывания и регулирует возможность использования других модальных компонентов с оценочной семантикой. Побуждение к речевому действию связано с оценкой говорящим статуса описываемой ситуации, что входит в сферу субъективной модальности. Но оценочная лексика согласуется с семантикой прономинатива и предиката. «Что» связан с когнитивным модусом²², и пропозициональный компонент предиката сочетается со значением прономинатива. Первичное значение предиката или накладывается на значение «что», или, как считает Т.Е. Янко [28], «паразитирует», если оно допускает эмфатический модус²³. Напр.: *–А что ты придумал? – осторожно осведомился старшина. ... –Всё будет согласно закона...* [Шолохов] – предикат, представленный ментальным глаголом полагания (мнения) соответствует когнитивной семантике вопросительного

²² Понятие когнитивности развивается и изменяется в тесной связи с быстро развивающейся когнитивной наукой. Мы будем понимать под когнитивностью представление в языке ментальных процессов, приводящих к пониманию (интерпретации) чего-либо.

²³ Под эмфатическим модусом понимаем модификацию значения вследствие выражения сильных чувств. Обычно эмфаза поддержана лексическими средствами (импликатурами дискурса) и интонацией.

прономинатива, что предопределяет нейтральный по модальной окраске ответ. В вопросительной конструкции: *Ладно. Что вы в этом смысле?* [Вампилов] – модусный компонент в сочетании с эмфатической семантикой предиката не только задаёт условия для поиска информации, но и имплицитно выражает суждение автора о происшедшем, тем самым указывая на имеющийся у субъекта «багаж знаний». Н.Д. Арутюнова считает, что «эмоции имеют под собой преимущественно когнитивную основу: они базируются на знаниях и предположениях. Когнитивный компонент в них первичен относительно эмотивного» [2, с. 415].

В соответствии с пропозициональной установкой могут вводиться модальные конкретизаторы, например вводные обороты. Вводные слова с категорической модальностью, т.е. утверждающие что-либо, невозможны в вопросительном предложении («к сожалению», «честно говоря», «несомненно», «бесспорно» и др.) из-за их семантики очевидности, несовместимой с семантикой вопроса. Вводные слова, предполагающие модальность, «когда говорящий не утверждает никакого факта, а только сообщает свою догадку» [17, с. 314]), так называемую модальность допущения, как бы служат оправданием включения в ответную реплику нефактической информации («может быть», «кажется», «по-видимому» и т. п.) [8, с. 424–425]. Они корректируют первичную истинностную семантику вопросительного слова, эксплицируя позицию говорящего в ситуации общения по отношению к действительности и собеседнику. Ср.: *Изволь объяснить? Что, интересно, тебе не нравится?* [Вампилов]. Для данного высказывания модальный план в ситуации – выяснение достоверности – устанавливается говорящим на основе своих знаний. Использование вводного слова мотивируется ожиданием конкретного ответа, подразумевающего, что ситуация имела место. При осложнении такой вопросительной структуры дополнительными модальными коннотациями неуверенности возникает оппозиция знания и предположения. Ср.: *Изволь объяснить? Что [возможно, кажется, наверное], тебе не нравится?* или – *Твой папа – его родной отец... – Что [возможно, кажется, наверное] с тобой? Что ты мелешь?* [Вампилов]. Некорректность появления показателей, отражающих недостаточную степень уверенности в истинности высказывания, подтверждается контекстным окружением. Утвердительные модели *Изволь объяснить? Что ты мелешь?*²⁴, сопровождающие вопросительные фразы, «не терпят» модальных маркеров ирреальности, так как утверждение как выражение реальности, что и отмечают представители функциональной грамматики, субкатегоризируется всегда по времени. Поэтому, анализируя различные типы вопросительных структур, Е.В. Падучева, И.М. Кобозева и др. отмечают ограничение на употребление вводных слов. В то же время указание на вероятность события – в контексте «сущего в возможности»²⁵ – позволяет использовать все члены модальной парадигмы «ирреальность». Напр.: *Что бы я сделал?.. Ну известное дело. Я бы тебя застрелил. Или бы задушил. Ты что предпочитаешь?* [Вампилов] В ситуацию «текущего» времени включена модель «возможного ретроспективного или проспективного действия», что определяет форму субъективного склонения предиката.

²⁴ Вопросы делят на два класса – стандартные и с нестандартной семантикой, то есть содержащие вопросительное слово, «но уже по синтаксической структуре не являющиеся вопросами, так как не имеют вопросительного смысла не только в предпочтительной, но и ни в какой интерпретации» [15, с. 82]. Нестандартная семантика предложения *Изволь объяснить?* заключается в том, что оно используется не с информативной функцией, а в функции управления. Вопросительное предложение задаёт предварительные условия осуществления ситуации, оно называет будущую ситуацию, и относится к вопросам – просьбам [26, с. 16]. *Что ты мелешь?* является риторическим вопросом. По Е.В. Падучевой, такая модель равнозначна утверждению, потому что вопросительное местоимение можно заменить «на отрицательное, при этом обязательно добавив *не* к сказуемому» [17, с. 306].

²⁵ А.В. Зеленщиков вводит понятия «креативность» и «дескриптивность». Под креативностью понимает такой смысл высказывания, который имеет отношение к определению возможности (или необходимости) реализации определённого положения дел. Дескриптивность предложения обозначает достоверность высказанной мысли, с установлением степени истинности сказанного относительно описываемой ситуации. Креативный смысл всегда образуется в контексте «сущего в возможности», а «дескриптивный» – в контексте «сущего в действительности» [7, с. 127].

Модальность возможности в таких структурах, по мнению В.Г. Гака, остаётся характеристикой субъекта предложения и принадлежит к модальности диктума, под которой понимается «отношение сообщаемого к действительности с точки зрения говорящего» [6, с. 558]. Ситуация общения может осложняться модальными операторами, допустимыми только в контексте данного диктума. Поэтому, используя классификацию Е.В. Падучевой, в подобных речевых действиях возможны эгоцентрические элементы не синтаксической, а семантической ориентации.

Структура *Что бы я сделал?.. Ну известное дело. Я бы тебя застрелил. Или бы задушил. Ты что предпочитаешь?* не согласуется с вводными словами модуса категорической достоверности (ср.: *Что бы (к счастью, безусловно, разумеется) я сделал?.. Ну известное дело. Я бы тебя застрелил. Или бы задушил. Ты что предпочитаешь?*), но зато употребляется с модальными операторами, оставляющими говорящему, по образному выражению Н.Д. Арутюновой, свободу «отречения» [28, с. 412]. Е.В. Падучева называет вводные слова типа «наверное», «по-видимому», «кажется» – словами нейтральной модальности [17, с. 314], Г.А. Золотова – словами со значением проблематической достоверности [8, с. 424], а Н.Д. Арутюнова – словами «парентетической позиции» [2].

Рассмотрев общее семантическое значение вопросительного местоимения «что», мы определили, что модальная характеристика значения предметности включает всё смысловое поле реальности (с познанным, не до конца познанным и непознанным или несуществующим) и формы ирреальности: гипотетичность, предположение, возможность. Прототипическое (базовое, первичное) значение местоимения отражает согласованность коммуникативного пространства с объективным миром. Частные значения местоимения «что» с категориальным значением предметности представляют все возможные миры, совместимые с пропозициональными установками субъекта речи. Напр.: *Что ты на этот счет думаешь, Микола? – Я бы хотел знать, а не строить догадки...* [Шолохов]; *Что тебе от меня надо? – Надо, чтобы ты не сходил с ума* [Вампилов] – объединены разные точки зрения относительно определённого положения дел в действительном мире: в первом случае, частное значение прономинатива репрезентирует в пропозицию вопроса существующее положение дел, в другом – нечто подлежащее осуществлению. Каждое из частных значений вопросительного прономинатива «что», как мы видим, базируется на отношениях соположения объективного и субъективного в семантике диктума и специфицирует использование модусных компонентов.

В нарративном тексте эксплицитный модус свидетельствует о «диалогизированности монолога» [2, с. 411; 8, с. 322]. Изъяснительные конструкции с союзом «что» вследствие раздельного вербального обозначения пропозиции и модуса максимально приближены к коммуникативному диалогическому режиму. Связано это, по нашему мнению, с тем, что союзное средство, являющееся пограничным знаком в семантической структуре предложения, восходит к языковой единице, чьё коммуникативное назначение – создавать пространство диалога. Как вопросительное местоимение «что» способствует накоплению знаний на основе основополагающих понятий физического и ментального мира, так союз связывает энциклопедические знания субъекта, представленные предикативным центром придаточной части предложения, с субъектной сферой (внутренней точкой зрения по Г.А. Золотовой) говорящего. Напр.: *Я не знал, что ты живой* [Вампилов] – существующее положение дел в конкретный момент бытия не соответствовало системе знаний субъекта речи. Союз не просто осуществляет переход от авторского незнания к реальному событию, но и постулирует отношение говорящего к содержанию высказывания. Н.Д. Арутюнова отмечает раздельное существование категорий модуса и пропозиционального отношения. Она называет функцией модуса – отношение содержания высказывания к действительности, а под пропозициональным отношением понимает прежде всего способность установить связь между говорящим субъектом и пропозицией [2, с. 408]. В синтаксическом поле предложения этой способностью, по нашему мнению, обладает союз. Выражение пропозиционального отношения и будет основным значением изъяснительного союза «что».

Таким образом, модус, представленный предикатной группой главной части предложения, и пропозициональное отношение, эксплицированное союзом «что», в сочетании с возможными модальными конкретизаторами создают субъектную сферу смыслового поля предложения. Мы наблюдаем первое проявление «фамильного сходства» трансформанта и исходного слова, а именно оба выступают выразителями коммуникативной стратегии говорящего.

На следующем этапе анализа семантической структуры союза «что» мы будем апеллировать к диктуму изъяснительных структур, таким образом представляя, с ориентацией на «материнскую лексему», смысловые сущности, осознанные человеком в процессе онтогенеза. Это могут быть события объективные, безальтернативные (*Поздно вечером он явился и объявил мне, что уезжает* [Вампилов]), могут быть персонализированные (*Ты не рад, что я пришла...* [Вампилов]). При этом союз вследствие генетической зависимости от исходного слова (контаминации в структуре прономинатива модусных и диктумных компонентов) требует при соединении частей сложноподчинённого предложения выполнения некоторых обязательств, нарушение которых ведёт к деформации семантико-синтаксической конструкции. Эти обязательства включают модальный паритет модуса и пропозиции.

По Дж. Сёрлю, каждый из основных категорий иллокутивных актов – ассертивы, директивы, декларации, комиссивы и экспрессивы – представляют условия их выполнимости в соответствии с представлением существующего положения дел в мире [20]. Ассертивы (к которым и относятся сложноподчинённые предложения с изъяснительным союзом «что») характеризуют утверждение как истинное или ложное. Выбор той или иной формы служит одной цели – идентичности сказанного и понятого. Говорящий в соответствии с «планом» (пропозициональным концептом) создаёт пропозицию [7]. Модальность используется как потенциальная характеристика субъекта и для характеристики описываемого положения дел. Так как одно и то же положение дел может быть представлено пропозицией в субъектной интерпретации, то можно говорить о семантическом инварианте пропозиции для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений [27, с. 401].

Если действительный мир является миром, совместимым с пропозициональной установкой знания говорящего, то это соответствует реальной модальности. Субъект речи отвечает за истинность своих слов. В таких случаях диктумная информация согласуется с помощью «что» с предикатами ментальных действий: мнения (*...считается, что инцидент исчерпан* [Вампилов]); знания (*Я знал, что ты не будешь упорствовать* [Вампилов]); общей аксиологической оценки (*Нехорошо, друзья мои, что других вы считаете глупее себя* [Вампилов]); истинностной оценки (*На свадьбе стало ясно, что не сошлись характерами* [Вампилов]) и др.; перцептивного плана (*А потом я почувствовала, что мне всё равно, женат ты или нет* [Вампилов]); эмотивного плана (*Жаль, что мой отец не академик...* [Вампилов]) (классификация Н.Д. Арутюновой). Утверждение описываемого положения дел допускает импликатуры дискурса категорической модальности. Напр.: *По крайней мере, он точно знает, что ему в жизни надо; Конечно, прискорбно, что в диссертации будет изъян, – скажут: мало фактов* [Гранин] – вводные единицы «по крайней мере», «конечно» отражают жизненный опыт, очевидную логику события и этим предвзвешивают возможные возражения. Как мы видим, союз не агрессивен, в отличие от исходного слова. Производная языковая форма относится к словам модальности категорической достоверности из-за преобразований в семантической структуре функционального омонима, в результате которых ядерная сема выражает пропозициональное отношение, а не запрашивает информацию.

Если в представлении говорящего сосуществуют несколько миров и с действительным миром сопоставим только один, то констатируют проблематичность, предположительность, отсутствие полной убеждённости в истинности пропозиции. В таких случаях вводится модальный компонент ирреальности. А.В. Зеленщиков понимает под

ирреальностью свободу выбора мира интерпретации, не ограниченную действительным миром [7, с. 129]. Ирреальность может быть представлена понятиями возможность и необходимость. Возможное – это обычно потенциально существующее или осуществимое в действительном мире. Оно предполагает сосуществование возможного и действительного. Ср.: *Но мне кажется, что мы с тобой ещё встретимся* [Вампилов] – ситуация не утверждается как статичная, а квалифицируется в соответствии со способом её осуществления: *ещё встретимся*. Таким образом, возможность существования данной ситуации в действительности – утверждение истинности каких-либо способов её реализации. Мы видим, что модальный статус предположения в сложноподчинённых изъяснительных конструкциях отражает функциональное родство исследуемых нами языковых единиц, так как сохраняет их способность представлять пропозицию-диктум с точки зрения возможности (вероятности) вследствие существования условий для экспликации истинного положения дел. По нашему мнению, модальность возможности выражается следующими формулами – «был в состоянии сделать», «хотел, но не стал».

Необходимость, наоборот, соответствует формуле «хотел, но не смог». Необходимость – и причина, и следствие. Поэтому причина может служить объяснением отклонения от истины. Модусная семантика необходимости в смысловом поле предложения модифицирует пропозицию, отлучая её от информативного ряда, созданного человеческим знанием. Ср.: *Необходимо, чтобы ты пришёл* – сообщается о существовании объективных препятствий, об отсутствии свободы выбора действий и тем самым отрицается реализация этих действий. Следовательно, субъектная категория желательности не может объективно отражать истинное положение дел, что нарушает условия, приемлемые для союза «что». Подобные нарушения связи между знаниями о мире говорящего и самим миром с его законами и установками не согласуются с семантикой союза «что», как мы считаем, из-за идентичности восприятия союзом и исходным прономинативом смыслового поля реальности.

Итак, конфигурации «индивидуальных» семантических значений союза «что» вокруг общего значения пропозиционального отношения регламентируются семным компонентом «материнской» лексемы, сохранившимся в семантической структуре трансформанта. Он обуславливает употребление союза только в структурах, представляющих непосредственную связь знаний говорящего с событиями действительного мира. Использование союза невозможно, если модус высказывания на разных основаниях допускает почти существование ситуации как принадлежности действительного мира.

Список литературы

1. Ардентов Б.П. «Что» в современном русском языке. – Кишинёв : Штиинца, 1973. – 90 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955. – 416 с.
4. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. – М. : Высш. шк., 1986. – 160 с.; Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // *Вопр. языкознания*. – 2000. – № 4. – С. 56–68; Современный русский язык : в 3-х ч. – Словообразование. Морфология / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. – М. : Просвещение, 1981. – Ч. 1. – 192 с.; Ч. 2. – 270 с.; Современный русский язык / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др. ; под ред. В.А. Белошапковой. – М. : Азбуковник, 1999. – 928 с.
5. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов / отв. ред. Г.А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1986. – 640 с.
6. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
7. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. – 244 с.
8. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М. : Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.
9. Исследования по семантике предлогов : сб. статей. – М. : Русские словари, 2000. – 376 с.
10. Киселёв И.А. Служебные слова в системе частей речи // *Исследования по лексике и грамматике*. – Минск, 1979. – С. 46–54.

11. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика : учеб. пособие. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
12. Крейдлин Г.Е. Лексема *даже* // Семиотика и информатика : сб. научных ст. – М. : Языки русской культуры; Русские словари, 1997. – Вып. 35. – С. 108–121.
13. Кубрякова Е.С. Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / под общей ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996. – 245 с.
14. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании на материале славянских языков / отв. ред. В.Н. Топоров. – М. : Наука, 1985. – 169 с.
15. Падучева Е.В. Вопросительные местоимения и семантика вопроса // Разработка формальной модели естественного языка. – Новосибирск, 1981. – С. 80–105.
16. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). – 2-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 288 с.
17. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
18. Почепцов Г.Г. (мл.) Коммуникативные аспекты семантики. – Киев : Изд-во при Киевском гос. ун-те изд. объединения «Вища школа», 1987. – 132 с.
19. Преображенская М.Н. Служебные средства в истории синтаксического строя русского языка XI–XVII вв. (сложноподчинённое предложение). – М. : Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991. – 300 с.
20. Сёрль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М. : Прогресс, 1986. – С. 195–222.
21. Сидоренко Е.Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка. – Киев ; Одесса : Лыбидь, 1990. – 148 с.
22. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. – М. : Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1959. – 440 с.
23. Рогожникова Р.П. Служебные слова и принципы их лексикографического описания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык». – М., 1974. – 25 с.
24. Черкасова Е.Т. Русские союзы неместоименного происхождения (пути и способы их образования). – М. : Наука, 1973. – 222 с.
25. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. – Вып. 35. – М. : Языки русской культуры ; Русские словари, 1997. – С. 351–380.
26. Шведова Н.Ю., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. – М. : Ин-т русского языка РАН, 1995. – 120 с.
27. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
28. Янко Т.Е. О понятиях коммуникативной структуры и коммуникативной стратегии (на материале русского языка) // Вопр. языкознания. – 1999. – № 4. – С. 28–55.

Статья впервые была опубликована в сборнике «Учёные записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия “Филология”». – Т. 14(53), №1. – Симферополь. – 2001. – С. 66–76.

А.К. Гадомский

ТЕОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ГЕНОЛОГИЯ

В славянской теолингвистике уделяется внимание изучению религиозного языка. Анализ современных исследований в этой области позволяет сделать вывод о том, что религиозный язык – это явление многомерное, многослойное и многоаспектное. В настоящей работе мы хотим сосредоточиться на жанровом подходе к изучению религиозного языка, поскольку религиозный язык можно понимать и как систему жанров, многие из которых совпадают с жанрами светского языка или являются прародителями жанров светского языка. В религиозном языке есть свои специфические жанры. При этом в языке отдельных религий могут быть жанры, свойственные только языку конкретной религии. Всё сказанное позволяет нам выдвинуть предположение о развитии нового направления теолингвистических исследований – теолингвистической генологии.

Целью работы является систематизация жанров религиозного языка и выделение нового направления славянской теолингвистики – теолингвистической генологии.

Ещё античные философы (Аристотель, Квинтилиан и другие) задумывались над формами высказываний и обращали внимание на стремление людей создавать тексты по определённым образцам, схемам.

В XX веке учёные попытались применить эти мысли ко всему языковому пространству. Это стало причиной возникновения нескольких теорий. В 20-х гг. XX века внутри Русской формальной школы (В. Шкловский, Р. Якобсон, Б. Эйхенбаум и др.) и Пражского лингвистического кружка в качестве эстетического структурализма (Я. Мукаржовский, Ф. Водичка и др.) откристаллизовывалась генология (термин П. ван Тигема) как научная дисциплина, которая поставила в центр исследования «литературные генеры» во всех их обликах и связях [10]. В их числе следует назвать одну из основных – теорию речевых жанров М. Бахтина. В русском языкознании о ней заговорили в 70–80-х годах XX столетия, благодаря работе М. Бахтина «Проблема речевых жанров» [1]. По замечанию М. Бахтина, «все многообразные области человеческой деятельности связаны с использованием языка. Вполне понятно, что характер и формы этого использования так же разнообразны, как и области человеческой деятельности, что, конечно, нисколько не противоречит общенародному единству языка. Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных и письменных) участников той или иной области человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но, прежде всего, своим композиционным построением. Все эти три момента – тематическое содержание, стиль и композиционное построение – неразрывно связаны в целом высказывании и одинаково определяются спецификой данной сферы общения. Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [1, с. 428].

М.М. Бахтин разделил все речевые жанры на две основные группы: первичные (простые) и вторичные (сложные). «Вторичные (сложные) речевые жанры, как считает названный автор, – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и тому подобные – возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного) – художественного, научного, общественно-политического и тому подобного» [1, с. 429–430].

В 80-х годах XX столетия, по мнению Ф.С. Бацевича, в отдельное направление языковедческих исследований выделилась лингвистическая генология [2, с. 35–37]. Лингвистическая генология (лат. *genos* – происхождение, род, вид) – раздел коммуникативной лингвистики, исследующий жанры речи; направление современного языкознания. Основными задачами лингвистической генологии является изучение природы речевых жанров, их типов, структуры, выяснения особенностей развития этих единиц, их взаимосвязей в дискурсе, специфики в различных языках и т.д. [2, с. 35].

В польском языкознании с 70-х годов функционирует термин «генология», которым обозначают проблему речевого жанра – разновидность языка (*gatunek mowy*). Основы современных генологических исследований в Польше заложены трудами Анны Вежицкой [2, с. 35–37]. Известны также работы С. Гайды, Е. Бартминского, Б. Витош и др. [15; 17; 26]. Термин «*gatunek* – жанр» (и равноценные ему термины, такие, например, как «*wzorzec gatunkowy* – жанровый образец», «*tekstem* – текстема» и др.) в настоящее время является широкоупотребительным [15; 26; 27]. С. Гайда понимает жанр как способ языковой коммуникации в определённой сфере человеческой деятельности, как образец организации текста [18, с. 71]. Е. Бартминский считает, что «жанр как набор конвенций, регулирующих высказывания, охватывает способы конструирования текстов, их семиотическую

организацию, интенциональное отношение адресанта к адресату и типичные употребления» [15, с. 15].

Предметом лингвистической генологии являются речевые жанры, а также их роль в процессах общения. Современный российский психолингвист К. Седов отмечает, что «сегодня генристика (лингвистическая генология) превратилась в самостоятельную научную сферу, которая, вторгаясь в многочисленные сферы языкознания, сама проверяет их теоретическую дееспособность» [9].

Одной из таких сфер языкознания является теолингвистика, основным объектом исследований которой является «религиозный язык», представляющий собой многомерное, многослойное и многоаспектное явление. Это и послужило причиной возникновения различных подходов к его изучению, одним из которых является генологический подход [4; 15], поскольку, как замечает П. Кладочны, «в религиозном языке, как во всём универсуме языка, прослеживается жанровая дифференциация текстов» [21].

По замечанию А. Вильконя, «значительная часть исследованных жанров имеет место как в религиозном, так и в светском языке» [25, с. 266–267].

Вклад в теорию жанров (и в том числе религиозного языка) внесла Д. Здункевич-Едынак. Анализируя песни паломников, как одного из жанров религиозного языка, исследовательница, ссылаясь на работы ряда польских лингвистов, выделила следующие четыре составляющих жанра: 1) структурный аспект: определённая композиция, разделение на сегменты и связь между ними; 2) прагматический аспект: коммуникативные особенности – цель (набор интенций), концепция адресата и (отношения адресат – адресант), контекст, коммуникативная цель; 3) когнитивный аспект: тематика и способ её представления (перспектива, точка отсчёта, иерархия ценностей и другие составляющие языковой картины мира); 4) стилистический аспект: определённая языковая форма» [28, с. 135].

«Подобно тому, как во всем универсуме языка, в религиозном языке прослеживается жанровая дифференциация текстов», – пишет П. Кладочны [21]. Поэтому теория жанров стала активно применяться для изучения религиозного языка. По мнению А. Вильконя, «значительная часть исследованных жанров имеет место как в религиозном, так и в светском языке» [25, с. 266–267].

Следует заметить, что многие исследования религиозного языка носят, прежде всего, жанровый характер. Изучается язык молитв, молитвенный дискурс, язык проповеди, язык притчи и так далее. Поэтому, например, в польском языкознании на определённом этапе изучения и описания религиозного языка даже высказывались мнения, что «такого самостоятельного феномена, как “религиозный язык” вообще не существует», ведь каждый религиозный жанр можно соотнести с каким-либо светским жанром. И в этом случае проповедь может быть рассмотрена как публичное выступление; церковные песнопения – как поэзия; а катехизис – всего лишь как текст дидактического содержания. Но постепенно утвердилась следующая точка зрения: религиозный язык обладает собственной спецификой, исходя из особого характера сферы применения [19, с. 77].

Подтверждением сказанному может служить терминология, используемая для описания жанров религиозного языка в современной русской и польской теолингвистике: *język kaznodziejski*; гомилия – *homilia*; жанр религиозного языка – *gatunek języka religijnego*; жанр сакральный; ирмос – *hirmos*; исповедь – *spowiedź*; календарь церковный – *kalendarz kościelny*; катехизис – *katechizm*; молитва – *modlitwa*; песня пилигримов – *piosenka pielgrzymkowa*; песня церковная – *pieśń kościelna*; духовное (епископское) послание – *list pasterski*; притча – *przypowieść*; проповедь – *kazanie*; пророчество – *prorocstwo*; стихира – *stychiera*, *kantyk*; тропарь – *troparion*; язык духовных посланий – *język listów pasterskich*; язык заговора; язык исповеди – *język spowiedzi*; язык катехизиса – *język katechezy*; язык магии – *język magii*; язык молитвы – *język modlitwy*; язык откровения; язык парафиальных объявлений – *język ogłoszeń parafialnych*; язык притчи – *język przypowieści*; язык проповеди – *język kazania*; язык пророчества – *język prorocstwa*; язык религиозных песнопений и гимнов –

język pieśni duchownych; язык ритуала – język rytuału, rytu, ceremonii, obrzędu и ряд других терминов.

Проблемам типологии жанров религиозного языка посвящены работы таких польских ученых, как И. Баерова, М. Карплюк, П. Кладочны, М. Макуховска, Я. Пузынина, Я. Самбор, А. Веруш-Ковальски, А. Вильконь, М. Войтак, Д. Здункевич-Едынак и других авторов [13, с. 21–44; 14, с. 19–20; 20; 21; 22; 24, с. 9–88; 25; 27, с. 90–97; 29].

В 1973 году религиовед А. Веруш-Ковальски отмечал отсутствие чётких критериев, позволяющих систематизировать жанры религиозного языка, и выделил две группы жанров на основании функций, выполняемых религиозным языком: 1. Теоретико-религиозные языки, используемые в текстах, в которых речь идет о религии как предмете практическом и теоретических исследованиях (в их числе теологический, апологетический, канцелярско-церковный язык); 2. Языки текстов, которые помимо коммуникативной функции выполняют функции несемантические (язык катехизиса, гомилетики и другие, прежде всего язык культа) [24, с. 9–10]. В той же работе автор выделил шесть жанров религиозного языка: 1) инъюнкции (повелительные высказывания типа «Приди, Господи!»); 2) молитвы; 3) описания мифов; 4) изъявления согласия, единодушные возгласы типа «Аминь! Аллилуйя!»; 5) тексты доктринального характера (отпущение грехов, признание веры и другие); 6) сопутствующие ритуальные тексты (жалобные песни типа «Плач Богородицы» и другие подобные им) [24, с. 88].

Ю. Мистрик разделил жанры религиозного языка на две группы с учётом их формы и выполняемой функции: 1) катехизисные – тексты, которые должны влиять на укрепление религиозных убеждений человека: тексты религиозной литературы, например, «Святое Писание», катехизис и различные высказывания проповеднического характера; 2) конфессиональные – тексты, манифестирующие веру: личные (например, молитвы), храмовые и тексты, сопутствующие процессиям [23, с. 82–89].

М. Карплюк, Я. Самбор, И. Баерова разделили жанры религиозного языка на три группы, связав их с различными сферами его функционирования: 1) проповедничество; 2) катехизис; 3) церковные документы [12, с. 21–44; 13, с. 11–17; 20].

А. Вильконь выделил восемь жанров библейского языка, функционирующих в христианской культуре:

- 1) произведения, имеющие отношение к «Новому Завету»: а) песни посвящённые Деве Марии; б) песни, посвящённые мукам Иисуса Христа; в) рождественские песни;
- 2) апокрифы и агиографические тексты;
- 3) краткие произведения, входящие в состав службы и других церемоний, например, секвенции в стиле «Богородицы»;
- 4) новые (по отношению к «Библии») молитвенные произведения: Богородичная литания, часы, гимн;
- 5) произведения, созданные на основании народных произведений: колядки, колыбельные песни и другие;
- 6) метафизическая и мистическая лирика, размышления;
- 7) прагматические тексты: исповедь и другие;
- 8) жанры, связанные с пасторской деятельностью Церкви: энциклики и другие [25, с. 266–273].

М. Макуховска, систематизируя библиографию по религиозному языку, составила список его жанров: 1) проповедь; 2) молитва; 3) религиозная песня; 4) библия (прежде всего проблема его перевода и богатство их жанров и стиля); 5) драматургические тексты религиозного содержания; 6) духовные послания [22, с. 454–456].

При этом внутри перечисленных религиозных жанров предполагается ещё более детальная дифференциация. Классификацию и список литературы М. Макуховской информацией о более новых направлениях и работах дополнил П. Кладочны. В итоге была составлена более полная система жанров с библиографией: 1) молитва; 2) всеобщая молитва; 3) проповедь; 4) папские энциклики; 5) пасторские (духовные) послания; 6) религиозная

песня; 7) приходское объявление; 8) пророчество; 9) другие профетические жанры: гороскоп, ясновидение и т. д.; 10) переводы текстов христианских религий (Библия и другие) [21, с. 38].

Взяв за основу классификации П. Кладочного, М. Макуховской и других авторов [21; 22, с. 449–473], мы дополнили список жанров польского религиозного языка и список польских источников по названной проблеме более поздними языковедческими работами. В итоге был получен следующий список жанров религиозного языка: 1) агиографические тексты (H. Fros, F. Sowa, S. Świeżawski, L. Zaręba); 2) духовное послание (I. Bajerowa, K. Skowronek, M. Wojtak); 3) молитва (S. Mikołajczak, K. Skowronek, A. Werzbicka, M. Wojtak, J. Wierusz-Kowalski); 4) папские энциклики (A. Ceglińska); 5) переводы текстов нехристианских религий (Коран и другие) (M. Kamińska, I. Kończak; Cz. Łapicz); 6) переводы текстов христианских религий (Библия и другие) (D. Beńkowska; J. Wierusz-Kowalski); 7) притча (A. Werzbicka); 8) приходское объявление (A. Majewska-Tworek, M. Zaśko-Zielińska); 9) проповедь (W. Przyczyna, M. Wojtak, D. Zdunkiewicz-Jedynak); 10) пророчество (P. Kładoczny); 11) другие профетические жанры (гороскоп, ясновидение, апокалипсис и другие) (P. Kładoczny); 12) религиозная песня (J. Bartmiński, T. Budrewicz, M. Kamińska, S. Koziara, J. Wierusz-Kowalski, D. Zdunkiewicz-Jedynak); 13) свидетельство (J. Majka, M. Nowak, H. Pagiewski).

Проблемам типологии религиозного языка посвящены работы русистов: И.В. Бугаевой, Н.Б. Мечковской, Н.И. Толстого и ряда других исследователей [3, с. 3–11; 7; 10, с. 69–70]. В 1988 году Н.И. Толстой в работе «История и структура славянских литературных языков» построил следующую иерархию жанров в средневековой православной книжности:

- 1) литургическая литература: Служебники, Требники, Часословы, Минеи, Октоихи, Триоди и т.п.;
- 2) каноническая литература: Священное Писание;
- 3) «Псалтирь» (книга из «Ветхого Завета»), «Апостол» (книга православной церкви, включающая новозаветные книги «Деяний святых апостолов» и Посланий апостолов);
- 4) евангелия, книги «Ветхого Завета»;
- 5) гомилетическая и проповедническая литература (включая толковые псалтири, учительные и толковые евангелия);
- 6) агиографическая литература: жития святых;
- 7) дидактическая литература: катехизисы [10, с. 69–70].

Н.Б. Мечковская, опираясь на теорию М. Бахтина, разделила религиозные жанры на первичные и вторичные. Первичные (несложные и негибридные) жанры систематизируются по преобладающей модальности, что позволяет выделить шесть первичных жанров:

- 1) просьбы-пожелания: заговоры, заклятия, заклинания, вызывания мёртвых, благословения, проклятия, церковные проклятия (анафема), экзорцизм (изгнание злых духов), некоторые виды молитв;
- 2) обещания: клятва, обет, присяга;
- 3) предсказания: ворожба, гадание, волхование, пророчество, прорицание, эсхатологические видения [5, с. 301] и тому подобное;

4) славословия (синоним греческого – доксология). При всем жанрово-коммуникативном разнообразии хвалебных молитв и фидеистической гимнографии, такие тексты обычно содержат, во-первых, возвеличивающие характеристики Бога (его могущества, мудрости, справедливости, красоты и т.п.) и, во-вторых, специальные формулы восхваления – такие, как возглас Аллилуйа! (древнееврейск. ‘Восхваляйте Господа!’) в ряде псалмов Ветхого Завета и в Откровении Иоанна Богослова (19, 1, 3–4, 6), а также в христианской литургии; возглас Осанна! – грецизированное древнееврейское восклицание со значением ‘Спаси же!’, позже ставшее «приветствием ликующего народа, равнозначное нашему “Да здравствует, ура!”» [6, с. 186];

- 5) «Заповеди Бога», адресованные человеку (народу в целом или его отдельным представителям), с характерными запретами-императивами: *Не убивай. Не*

прелюбодействуи. Не кради (Исход 20, 13–16) или императивами-предписаниями: Помни день субботний, чтобы святить его. Почитай отца твоего и мать твою... (Исход 20, 8, 12);

6) «Божественное Откровение» – прямая речь Бога, содержащая истины о мире, его будущем и путях спасения человека. Откровение дано самим Богом и записано для людей, «транслировано» через пророков [7].

Сложные (или вторичные) фидеистические и конфессиональные жанры представляют собой соединение или переплетение ряда элементарных жанровых структур. К ним исследовательница относит следующие жанры: 1) миф; 2) молитву; 3) проповедь; 4) Священное Писание; 5) Священное Предание; 6) Символ веры; 7) толкование священных книг; 8) учительную литературу [7].

Н.Б. Мечковская также предлагает общую типологию книжных жанров в религиях Писания и выделяет основные направления, по которым шло жанровое развитие конфессиональной литературы: 1) запись учения (первоначально распространявшегося устно); 2) религиозный канон и канонические книги и произведения, по хронологии, жанрам и темам, примыкающих к канону, но не включенных в него; 3) Священное Предание – корпус текстов, дающий развернутый комментарий к Писанию: в христианстве – это сочинения отцов церкви (патристика); в иудаизме – «Талмуд»; в исламе – «Сунна» и хадисы; 4) теологическая и богословская литература; 5) Символ веры и катехизис – краткое изложение вероучения; 6) мистико-эзотерические тексты; 7) проповедь; 8) толкования, пояснения сакрального текста; 9) тексты церковно-юридического характера; 10) литература конфессионально-светского характера: клерикальные сочинения по историографии религии и церкви (в христианстве эту традицию открывает 10-томная «Церковная история» Евсевия, епископа Кесарийского (ок. 260 – ок. 350), святоотеческие «Шестодневны» (популярнейшее чтение в средние века, представляли собой толкование трёх первых глав из библейской «Книги Бытия» о том, как Бог в шесть дней создал мир), мусульманские историко-биографические сочинения, церковно-светские полемические сочинения [7].

Попытку систематизации жанров религиозного языка предприняла И.В. Бугаева. Исследовательница выделяет шесть подстилей религиозного стиля и прослеживает связь между подстилями – разновидностями религиозного стиля, и жанрами религиозного языка:

1) подстиль богослужебных книг: Библия, Цветная и Постная Триоди, Октоих, Часослов, служебник. Месячная Минея, Ирмологион, Анфологион, Типикон, молитвослов, акафистник, требник;

2) молитвенный подстиль: священническая молитва, Ектеня (великая, малая, сугубая);

3) подстиль трудов отцов и учителей церкви: слово, полемическая беседа, учение, толкование, трактат;

4) гимнографический подстиль: акафист, тропарь, кондак, икос, стихира, канон;

5) проповеднический подстиль: поучение, духовная беседа, письма духовным чадам, цветники духовные, отечники, проповедь;

6) учительный подстиль: поучение, духовная беседа, письма духовным чадам, цветники духовные, отечники [3, с. 3–11].

Анализ русской лингвистической литературы позволил нам выделить следующие религиозные жанры, изучаемые русской теолингвистикой: 1) агиографические тексты (И.В. Бугаева, В.И. Супрун, Б.А. Успенский, П.А. Флоренский); 2) духовное (епископское) послание (И.В. Бугаева, Со Ын Ён; И.Ю. Ярмульская); 3) исповедь (Н.Б. Мечковская; Н.В. Орлова, Т.Г. Рабенко); 4) молитва (В. Горностаев, Иустин (Полянский), иеромонах Киприан (Керн), С.П. Лопушанская, Н.Л. Мухелишвили, О.А. Прохвятилова, П. Флоренский, Ю.А. Шрейдер); 5) обмирание (Н.И. Толстой, С.М. Толстая); 6) переводы текстов нехристианских религий (Коран и другие) (И.Ю. Крачковский, Э. Кулиев, М.-Н.О. Османов, В. Порохова); 7) переводы текстов христианских религий (Библия и другие) (Е.М. Верещагин); 8) письменная инструкция (Н.Н. Розанова); 9) притча (Н.Б. Мечковская);

10) проповедь (Н.Б. Мечковская, О.А. Прохватилова, Н.Н. Розанова); 11) пророчество (А.Я. Гуревич); 12) другие профетические жанры (А.Я. Гуревич); 13) протокол (И.В. Бугаева); 14) религиозные песнопения и гимны (архимандрит Киприан (Керн), И. Стеблин-Каменский, О.В. Чевела); 15) эротологические тексты (религиозные праздники, религиозный календарь) (И.В. Бугаева, С.М. Толстая, Б.А. Успенский).

В итоге была собрана информация о восемнадцати наиболее активно изучаемых жанрах религиозного языка, ставших объектом изучения русских и польских языковедов: агиографический текст, переводы текстов христианских религий (Библия и другие), переводы текстов нехристианских религий (Коран и другие), духовное (епископское) послание, исповедь, молитва, обмирание, папская энциклика, письменная инструкция, притча, приходское объявление, проповедь, пророчество и другие профетические жанры (гороскоп, ясновидение, апокалипсис и другие), протокол, религиозные песнопения и гимны, свидетельство, эротологический текст (религиозные праздники, религиозный календарь).

Однако в изучении религиозного языка как системы жанров в русской и польской теолингвистике прослеживаются некоторые отличия, что нашло отражение в составленной нами таблице.

Таким образом, изучение религиозных жанров в русской и польской теолингвистике ведётся как минимум по восемнадцати направлениям.

Отличительной чертой русских и польских работ в этой области, несмотря на преимущественно христианский характер, является их зависимость от православия, если речь идёт о русских исследованиях, и от католицизма, если речь идёт о польских исследованиях. В настоящий момент у нас нет информации о том, есть ли работы русских исследователей по таким жанрам, как приходское объявление, свидетельство, папские энциклики. В польской теолингвистике мы не нашли работ по таким жанрам, как протокол и исповедь, хотя об исповеди как жанре в своих работах упоминает А. Вильконь [25]. Исследователи русского религиозного языка, анализируя религиозные жанры, по мнению О.А. Прохватиловой, чаще опираются на работы священнослужителей [8].

Зафиксированные нами отличия в направлениях исследований жанров религиозного языка обусловлены, прежде всего, отличиями католицизма и православия. Генологические исследования религиозного языка позволяют представить религиозный язык как систему жанров, часть из которых имеет место как в светском, так и религиозном языках, и отчасти неповторимых жанров, свойственных только религиозному языку, свидетельствуют о новом направлении теолингвистики – теолингвистической генологии.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М. : Художественная литература, 1986. – С. 428–430.
2. Бацевич Ф.С. Вступ до лінгвістичної генології : навчальний посібник. – Київ : Видавничий центр «Академія», 2006. – 248 с.
3. Бугаева И.В. Стилистические особенности и жанры религиозной сферы // Стилистика текста : межвуз. сб. научных трудов / отв. ред. Е.В. Плисов. – Н. Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. – С. 3–11.
4. Гадомский А.К. О жанровом подходе к изучению религиозного языка // Культура народов Причерноморья, № 137. – Т. I. – Симферополь, 2008. – С. 89–92.
5. Гуревич А.Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. – М. : Искусство, 1990. – 396 с.
6. Мень А. Православное богослужение. Таинство, Слово и образ. – М. : Слово, 1991. – 192 с.
7. Мечковская Н.Б. Язык и религия : пособие для студентов гуманитарных вузов. – М. : Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.
8. Прохватилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи : монография. – Волгоград : Изд-во Волгоградск. гос. университета, 1999. – 364 с.
9. Седов К.Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика // Жанры речи. – Вып. 6. «Жанр и язык». – Саратов : Изд. центр «Наука», 2009. – С. 23–40.

10. Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. – М. : Наука, 1988. – 239 с.
11. Шмелёва Т.В. Жанроведение? Генристика? Генология? // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М. : Лабиринт, 2007. – С. 62–67.
12. Bajerowa I. Kilka problemów stylistyczno-leksykalnych współczesnego polskiego języka religijnego // O języku religijnym. Zagadnienia wybrane / red. M. Karpluk, J. Sambor. – Lublin : Redakcja Wydawnicza KUL, 1988. – S. 21–44.
13. Bajerowa I. Swoistość języka religijnego i niektóre problemy jego skuteczności, «Łódzkie Studia Teologiczne», nr 3. – Łódź, 1994. – S. 11–17.
14. Bajerowa I., Puzynina J. Hasło «Język religijny. Aspekt filologiczny» // Encyklopedia katolicka, t. VIII. – Lublin, 2000. – S. 19–20.
15. Bartmiński J. Tekst jako przedmiot tekstologii lingwistycznej // Tekst. Problemy teoretyczne / red. J. Bartmiński, B. Bonecka. – Lublin : Wydawnictwo UMCS, 1998. – S. 9–25.
16. Gadomski A. Teolingwistyka. O kierunkach badań języka religijnego // IV kongres Polonistyki Zagranicznej «Polonistyka bez granic», Uniwersytet Jagielloński, Kraków, 9–11 października 2008. – Kraków : Universitas, 2008. – S. 142–143.
17. Gajda S. Gatunkowe wzorce wypowiedzi // Współczesny język polski / red. J. Bartmiński. – Lublin : UMCS, 2001. – S. 255–268.
18. Gajda S. Gatunki wypowiedzi, [...] Sprawozdania Towarzystwa Przyjaciół nauk. Wydział II Języka i Literatury, seria B. – Opole : UO, 1990. – S. 71–83.
19. Greule A., Kucharska-Dreiß E., Makuchowska M. Neure Forschungen zur Sakralsprache im deutsch-polnische Vergleich. Erträge – Tendenzen – Aufgaben // Heiliger Dienst, Z. 2. – Salzburg, 2005. – S. 73–91.
20. Karpluk M., Sambor, J. (red.). O języku religijnym. Zagadnienia wybrane. – Lublin : Redakcja Wydawnictw KUL, 1988. – 170 s.
21. Kładoczny P. Proroctwa chrześcijańskie jako gatunek mowy na tle innych gatunków profetycznych. – Zielona Góra : Oficyna Wydawnicza Uniwersytetu Zielonogórskiego, 2004. – 251 s.
22. Makuchowska, M. Styl religijny // Pzewodnik po stylistyce polskiej / red. S. Gajda. – Opole : UO, 1995. – S. 449–459.
23. Mistrik J. Religiozny štýl // Stylistyka, I. – Opole : UO, 1992. – S. 82–89.
24. Wierusz-Kowalski J. Język a kult. Funkcja i struktura języka sakralnego // Studia religioznawcze PAN, t. IV. – Warszawa : PWN, 1973. – S. 9–88.
25. Wilkoń A. Spójność i struktura tekstu. Wstęp do lingwistyki tekstu. – Kraków : TaiWPN Universitas, 2002. – 304 s.
26. Witosz B. Genologia lingwistyczna. Zarys problematyki. – Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2005. – 258 s.
27. Wojtak M. O początkach stylu religijnego w polszczyźnie // Stylistyka, I. – Opole : UO, 1992. – S. 90–97.
28. Zdunkiewicz-Jedynak D. «Byśmy mogli iść do Pana razem». Piosenka pielgrzymkowa – wzorzec gatunkowy w aspekcie pragmatycznym, kognitywnym i stylistycznym // Poradnik Językowy, nr 10. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe Semper, 2006. – S. 134–141.
29. Zdunkiewicz-Jedynak D. Surfując po Internecie w poszukiwaniu Boga... Gatunki komunikacji religijnej na polskich katolickich stronach internetowych. – Tarnów : Biblos, 2006. – 320 s.

С.С. Дикарева

ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И СЦЕНАРИИ ЖАНРОВ ИНТЕРНЕТА

В настоящее время в различных сферах общественной жизни мира происходят изменения, которые свидетельствуют о ноосферном переходе к информационно-коммуникационным обществам знаний [10]. Как объективная характеристика информация связана с понятиями «энергия» и «знание». «По нашему мнению, – пишет В.А. Широков, – существует глубокая аналогия между определениями понятия информации, с одной стороны, и энергии, также являющейся некоей объективной характеристикой вещей, с другой» [10, с. 230]. Целенаправленные и многократные преобразования информации в социальных системах придают ей статус знания: «Именно такой процесс продуцирования и

целенаправленного многоразового преобразования и транспортирования информации и придаёт ей качества, позволяющие нам квалифицировать её как знания» [10, с. 240]. В инфраструктуре обществ знаний ключевое значение имеет не только доступ к новым информационным технологиям, но и к тому богатству знаний, которые создавались на протяжении всей истории цивилизации благодаря мыслительно-языковой энергии человека [5]. Как отмечает Л.М. Землянова, в работах коммуникативистов «бросается в глаза неослабевающий интерес к креативным возможностям дискурсивно-диалогических форм изложения информации и её осмысления в разных коммуникационных процессах в открытом дискуссионном режиме “диалогического пространства” со “множеством голосов” и пониманием “ожиданий людей и традиций”» [5, с. 9].

Особое внимание уделяется коммуникативному потенциалу языковых ресурсов, которые являются уникальными орудиями общения людей, средствами выражения их мыслей и чувств, интересов и опыта познания окружающего мира, передачи его другим поколениям вместе с опытом взаимопонимания и сотрудничества в разных социально-культурных ситуациях. Использование и развитие глобальной компьютерной сети Интернет существенно расширяет возможности открытого дискуссионного режима «диалогическое пространство» со множеством «голосов» и предпочтений. На каком языке или языках происходит общение в социальных сетях Интернета? Какой язык или языки используют создатели Web-сайтов? Каковы коммуникативные предпочтения участников Web-дискуссий? Ответы на эти вопросы связаны с жанровой организацией Интернет-коммуникации.

Когнитивная природа жанра

Жанр (англ. *genre*, франц. *le genre*, нем. *die Gattung*) – одно из понятий теоретической поэтики, в рамках которой обсуждается сущность жанра как центральной категории и роль жанров как классификационных единиц дискурса [6]. Наряду с термином жанр в литературоведении для обозначения близких явлений используются термины вид (*kind*), модус (*mode*), регистр (*register*), тип текста (*text type*), режим дискурса (*regime/type de discours, discourse type*), твёрдые формы (*formes poetiques fixes, fixed forms*), сфера применения (*domain*), стиль (*style*) и др.

В концепции речевых жанров М. Бахтина объектом изучения выступает высказывание (речевой акт) и «относительно устойчивые типы высказываний» в каждой сфере использования языка – речевые жанры: «каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [1, с. 428].

В лингвистике речевые жанры являются предметом изучения генологии. «Генологія (лат. *genos* – походження, рід, вид) лінгвістична – розділ комунікативної лінгвістики, який досліджує жанри мовлення; напрям сучасного мовознавства» [2, с. 223].

Новые перспективы для создания жанровых классификаций открывает теория семейного сходства, теория прототипов и нейронная теория метафоры. Для изучения когнитивной основы жанра целесообразно применить подходы и методы, основанные на аналогии между жанрами и другими структурами знаний, которые использует человек при взаимодействии с окружающим его миром (фреймы, сценарии, ментальные пространства). При этом жанр рассматривается как ментальная структура, организующий принцип коммуникативных подсистем мышления (ср. «память жанра» М. Бахтина).

В процессе коммуникации «речевая воля говорящего» (коммуникативный замысел) осуществляется в выборе определённого сценария речевого жанра. С другой стороны, идентификация жанра адресатом является необходимым условием понимания смысла текста. Таким образом, в жанре реализуется взаимная обусловленность общения, объединяющая знания адресанта и адресата высказывания о типовых сценариях коммуникации. В этом реализуется когнитивный принцип экономии. Координация (хореография) жанровых сценариев уточняется в процессе диалогического взаимодействия.

Креативной составляющей жанра выступает «форма авторства» (речевая, или коммуникативная маска). При нераспознавании речевой маски коммуникация терпит неудачу [3].

Жанры интернета

Для описания коммуникации в Интернете достаточно часто используется метафора Мак-Люэна «глобальная деревня» (<global village>). «На первый взгляд, – пишет Дэвид Кристалл, автор книги «Язык и Интернет», – выражение «global village» воспринимается как персуазивная метафора. Однако эта метафора поднимает ряд лингвистических вопросов. Деревня (village) – это закрытое сообщество, которое традиционно характеризуется местным диалектом, отличающим жителей этой местности от всех других. В связи с этим возникает вопрос, какой язык используют жители этой деревни? Является ли язык Интернета гомогенным лингвистическим образованием?» [11, с. 5–6].

Книга Д. Кристалла посвящена теоретическим проблемам лингвистики Интернета и анализу сетевой речи – Netspeak. Этот термин вводится в качестве альтернативы терминам «Netlish», «Weblish», «Internet language», «cyberspeak», «electronic discourse», «electronic language», «interactive written discourse», «computer-mediated communication (CMC)» и других терминологических словосочетаний [11, с. 17]. Каждый из приведённых терминов ограничен сферой использования. Например, термины «Netlish» и «Weblish», образованные от лексемы «English», в случае развития мультязычного Интернета утратят свою полезность, термин «electronic discourse» выделяет исключительно интерактивные и диалогические элементы, в то время как термин CMC фокусирует внимание только на медиа-коммуникации. Таким образом, «Netspeak» оптимальным образом соответствует сути нового лингвистического феномена.

Вариативность Netspeak зависит, по мнению Дэвида Кристалла, от разнообразия Интернет-ситуаций. В соответствии с типовой Интернет-ситуацией выделяется (на начало 2001 года) 5 жанровых форматов:

- 1) electronic mail (электронная почта);
- 2) chatgroups (чат-группы) в синхронном режиме реального времени (например, Internet Relay Chat);
- 3) чат-группы в асинхронном пост-временном режиме (bulletin boards, newsgroups, mailing list LISTSERV и др.);
- 4) virtual worlds (виртуальные миры) – имиджевые среды воспроизведения социального взаимодействия с помощью виртуальной текстовой фантазии;
- 5) World Wide Web (WWW).

В отдельных главах книги Д. Кристалла описаны типовые когнитивные и коммуникативные навыки, необходимые для реализации целей коммуникантов в конкретных Интернет-ситуациях. Отмечается, что выделенные Интернет-ситуации не являются взаимно эксклюзивными и допускают комбинацию элементов. Например, многие Web-сайты содержат дискуссионные группы и e-mail контакты, с другой стороны, e-mail сообщения могут содержать Web-attachment и т.п.

В целом, жанровая организация Интернета характеризуется исключительной гибкостью и вариативностью, что выражается в специфике графических, орфографических, грамматических, лексических и дискурсивных языковых средств [8; 9; 12].

Примером открытого диалогического пространства со множеством «голосов» является блогосфера, т.е. множество блогов (Интернет-дневников), связанных друг с другом. Диалоги происходят в процессе обмена репликами автора Интернет-дневника и его «друзей» (friends) при открытой Web-аудитории – «зрителях» онлайн-коммуникации. Популярность этого жанра Интернет-коммуникации представляет интерес для специалистов в области философии, психологии, социологии и лингвистики Интернета. Парадоксальным оказалось то, что результатом процессов глобализации стало появление новых видов персонификации коммуникации.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Литературно-критические статьи. – М. : Худож. лит., 1986. – С. 428–472.
2. Бацевич Ф.С. Вступ до лінгвістичної і генології : навчальний посібник. – Київ : Видавничий центр «Академія», 2006. – 247 с.
3. Дикарева С.С. Виртуальные диалоги как новые дискурсивные практики // Учёные записки ТНУ имени В.И. Вернадского. Серия «Филология». – Том 15 (54). – № 4. – Симферополь. 2002. – С. 60–67.
4. Дикарева С.С. Тенденции развития Web-коммуникации: ноогенез и электронная устность // Учёные записки ТНУ имени В.И. Вернадского. Серия «Филология». – Том. 17(56). – № 1. – Симферополь, 2004. – С. 296–304.
5. Землянова Л.М. Медиадискурсы и новостные фрейминги (исследования современных зарубежных коммуникативистов) // Вестник Московского университета. Серия 10 «Журналистика». – 2006. – № 2. – С. 8–19.
6. Лозинская Е.В. Жанр. Жанровые классификации // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. – М. : Intrada, 2004. – С. 145–150.
7. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры. – Киев : Ника-Центр, 2003.
8. Трофимова Г.Н. Языковой вкус Интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете : концептуально-сущностные доминанты. – М. : Изд-во РУДН, 2004. – 380 с.
9. Шаров С.А. Централизованное планирование vs. стихия рынка: сравнение лексического и жанрового разнообразия в Национальном Корпусе Русского Языка и Интернете // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : Труды международной конференции «Диалог 2007». – М., 2007. – С. 573–579.
10. Широков В.А. Ноосферные измерения информации и знания // Ноосферология : наука, образование, практика / под общей ред. О.А. Габриеляна. – Симферополь, 2008. – С. 229–247.
11. Crystal D. Language and the Internet. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2001.
12. Stein D. A web-site as a domain-specific genre/Language@Internet SY 1-6/2006 (<http://www.languageatinternet.de/>), win: nbn: de: 0 009-7-3749. ISSN 1860-2029.

Статья впервые была опубликована в сборнике «Прикладна лінгвістика та лінгвістичні технології. MEGALING-2007». – Київ, 2008. – С. 495–500.

О.В. Колесникова

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ И ИХ РОЛЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале русского и немецкого языков)

Одной из наиболее важных современных задач лингводидактики является обучение иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных культур и народов. Причём обучение считается эффективным только тогда, когда языки изучаются в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках.

Поскольку любая человеческая деятельность, в том числе и коммуникация, имеет в своей основе эмоциональные переживания, преподавание иностранных языков должно подразумевать наличие у учащихся обширных знаний об эмоциях, их функциях, знание эмотивного фонда родного и изучаемого иностранного языков, средств номинации, выражения и описания своих эмоциональных переживаний в контекстах конкретного языка и культуры.

Предметом исследования являются фразеологизмы со значением эмоционального состояния, обозначающие восхищение, восторг, радость, счастье (группа с положительным значением) и негодование, возмущение, гнев (группа с отрицательным значением). Общее количество исследуемых фразеологизмов составляет 130 единиц (77 – русских и 53 – немецких фразеологизма).

Цель работы – раскрыть природу фразеологизмов со значением эмоционального состояния человека в аспекте межкультурной коммуникации.

Материалом для исследования послужили следующие словари и справочники по фразеологии: Ю.Ф. Прадид «Краткий русско-украинский и украинско-русский тематический словарь: эмоции человека», Р.И. Яранцев «Словарь-справочник по русской фразеологии», Duden. In 12 Bänden. B.11. «Feste Redewendungen» и др.

Новизна работы заключается в том, что была предпринята попытка найти для группы русских фразеологизмов со значением эмоционального состояния, состоящей из 77 единиц, немецкие аналоги с целью выявления национальных особенностей в лингвокультурном опыте.

Вопрос о классификации фразеологизмов со значением эмоционального состояния человека является дискуссионным. Этой проблемой занимается целый ряд учёных: Ю.Ф. Прадид, А.М. Эмирова, Р.И. Яранцев и др. Наиболее подробную классификацию фразеологизмов со значением эмоционального состояния человека (которую мы примем в качестве рабочей) предлагает Ю.Ф. Прадид в «Кратком русско-украинском и украинско-русском тематическом словаре: эмоции человека». Учёный рассматривает следующие группы ФЕ (фразеологических единиц): 1. Отвращение, омерзение; 2. Удовольствие, радость; 3. Гнев, ярость; 4. Восторг, восхищение; 5. Любовь, страсть; 6. Стрдание, мука; 7. Беспокойство, тревога; 8. Удивление, изумление; 9. Презрение, пренебрежение; 10. Смушение, стыд; 11. Страх, ужас; 12. Грусть, печаль; 13. Отчаяние, безысходность [17, с. 11].

Фразеологизмы, являясь целостной единицей номинации, воспроизводимой в речи, отображают эмоции через свою образную основу. Тем самым они представляют собой некий «сгусток» психической жизни человека. Например: немецкое предложение *Sie hat ihm seinen Bären aufgebunden* (букв.: она привязала ему медведя, ср.: *она навешала ему лапши на уши*) непонятно, если пытаться понять значение буквально, то есть из комбинации значений всех слов. Но если известно, что группа слов *j-meinen Bären aufbinden* (букв.: вешать кому-л. медведя) в целом имеет определённое значение, и если это общее значение знакомо, то предложение понимается правильно: *она заставила его поверить во что-то невероятное*.

Несмотря на свою универсальность и общечеловечность, эмоции в различных языковых культурах не всегда совпадают по форме, объёму и качеству эмотивных смыслов. Всё множество фразеологизмов конкретного языка, обозначающих эмоции, передаёт национальную картину чувств. Поэтому эти фразеологизмы представляют собой значительные трудности в межкультурной коммуникации, особенно в том случае, если в языке одного из коммуникантов нет аналогичной по смыслу ФЕ. Например, русские фразеологизмы *рвать и метать* ‘раздражаться, неистововать, будучи в состоянии негодования, озлобления и т.п. на кого-л. или на что-л.’ [20]; *рыть (копать) яму кому, под кого* ‘строить козни, причинять неприятности, вредить’ [20]; *с сердцем* ‘в гневе, сердито’ [20]; *в сердцах* ‘в порыве гнева, раздражения (делать что-л.)’ [20]; *метать икру* ‘поднимать шум, ругаться, браниться, возмущаться и т.п. обычно по пустякам’; *стереть с лица земли* ‘жестоко расправиться с кем-л., совсем погубить кого-л.’ [20] и др. не имеют аналогов во фразеологии немецкого языка. Без объяснительного комментария смысл этих ФЕ остаётся для коммуниканта неясным.

Напрашивается вывод: коммуникативная значимость ФЕ обратно пропорциональна структурно-семантической эквивалентности немецких и русских фразеологизмов. Следовательно, чем ниже структурно-семантическая эквивалентность ФЕ, участвующих в межкультурной коммуникации, тем больше коммуникативная значимость фразеологизмов. Таким образом, в межкультурной коммуникации выявляется не только общее, универсальное, но и специфическое, национальное, самобытное в языке и культуре коммуникантов, что нередко приводит к коммуникативным неудачам или даже «конфликту культур» (по С.Г. Тер-Минасовой [13, с. 26]).

Как указывает В.И. Шаховский, «эмоциональное сознание говорящего субъекта требует национальной рефлексии и её вербализации во фразеологизмах» [15, с. 49]. При этом эти фразеологизмы не семантизируются вообще или семантизируются не полностью коммуникативным партнёром из другой культуры. Исследование русских и немецких фразеологизмов показывает, что лакунарными могут быть все семантические компоненты фразеологических единиц. Например: *сыт по горло* ‘вполне, сверх всякой меры удовлетворён, пресыщен чем-л.’ [20] – *j-ndhatdie Nasevoll* (букв.: у кого-л. полный нос); *надувать губы (губки) / надуть губы (губки)* ‘сердиться, обижаться, делая недовольное лицо; выражать недовольство, досаду и т. п.’ [20] – *diebeleidigte / gekränkte Leberwurstspielen* (букв.: играть обиженную колбасу); *Дальше ехать / идти некуда!* ‘хуже того, что есть, не может быть’ [20] – *aufkeine Kuhhautgehen* (букв.: не подходить под коровью кожу); *сжимать кулаки* ‘угрожать втайне, свою злость, обиду не выражать открыто’ [20] – *die Faust / die Fäusteinder Tascheballen* (букв.: сжимать кулак / кулаки в кармане) и др.

Расхождение в образах внутренней формы ФЕ приводит к смысловым различиям в их эмотивной семантике, которые варьируют общую денотативную семантику и вызывают у межкультурных коммуникантов различные эмоциональные ассоциации, эстетические переживания в пределах общего понимания денотативного смысла.

Используя фразеологизмы в межкультурной коммуникации, необходимо помнить о том, что часто для коммуникантов остаются неизвестными точные эмоционально-оценочные характеристики ФЕ. Поэтому фразеологизмы в речи коммуникантов оказываются порой неуместными в определённом контексте. Знание того, к какому эмоционально-экспрессивному ряду относится та или иная ФЕ в нужной ситуации, и оттенки тех или иных эмоций, с одной стороны, закрепляются в сознании коммуникантов в точных фразеологических эквивалентах, а с другой стороны, сама ФЕ в сознании коммуникантов получает дополнительную эмоционально-экспрессивную характеристику.

Важную роль в процессе межкультурной коммуникации играют национально-специфические элементы культуры. Если фразеологизм обладает культурно-национальной спецификой, то она должна, по нашему мнению, иметь своё средство воплощения в их знаковую организацию и свой способ указания на эту специфику. Таким средством воплощения культурно-национальной специфики ФЕ служит образное основание (в том числе включающее в себя культурно маркированные реалии), а способом указания на эту специфику является интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном «пространстве» данного языкового сообщества. Такого рода интерпретация составляет содержание национально-культурного компонента. Разные типы ФЕ по-разному отражают культуру. Проще всего понять и объяснить культурный аспект тех фразеологизмов, в значении которых большую роль играет денотативный аспект. Культурная информация таких ФЕ тесно связана с параметром денотации, именно денотат в них является носителем культурной информации. Однако при исследовании ФЕ в большинстве случаев обнаруживается иная прикреплённость культурной информации в большей части фразеологического массива. Здесь имеются в виду образно-эмотивные по своей сути ФЕ, то есть такие, в значении которых чрезвычайно важно образное основание. Именно к такого вида фразеологизмам мы относим ФЕ со значением эмоционального состояния. Для того, чтобы понять, что в таких ФЕ является носителем культурной информации, необходимо знать, как возникают эти ФЕ.

Возникновение ФЕ такого типа В.А. Маслова объясняет следующим образом: «Сначала в мире возникает некая прототипная ситуация, то есть ситуация, соответствующая “буквальному” значению фразеологизма. За ней закрепляется содержание, которое затем переосмысливается, то есть формируется образ фразеологической единицы на основе первичных значений слов в прототипной ситуации. Именно эти первичные слова как бы оставляют в образе своё значение» [6, с. 42]. Таким образом возникает внутренняя форма, в которой и содержится основная информация, связанная с культурой.

Как утверждают многие исследователи (В.Н. Телия, В.А. Маслова и др.), внутренние формы ФЕ образуют «промежуточный мир» [6, с. 43], который вбирает в себя все интерпретации образов, символов и т.д. Отсюда можно сделать вывод о том, что в самом формировании фразеологизмов, т.е. в отборе образов, прослеживается их связь с культурно-национальными стереотипами и эталонами. Эта информация затем снова как бы воскрешается в национально-культурных компонентах, которые отображают связь ассоциативно-образного основания с культурой (эталонами, символами, стереотипами). ФЕ, отображающие типовые ситуации и представления, начинают выполнять роль символов, эталонов, стереотипов культуры. Именно эта стереотипность, символичность и эталонизированность образного основания фразеологизмов обуславливает их культурно-национальную специфику.

В первую очередь, это относится к ФЕ, которые не имеют эквивалентов в другом языке. В таких случаях необходимо уделять большое внимание происхождению этих фразеологизмов. Например, русский фразеологизм *человек с большой буквы* ‘человек, достойный уважения, отличающийся высокими моральными качествами’ [20] возник, вероятно, под влиянием орфографического правила, действовавшего до революции, по которому все нарицательные названия христианского бога писались с большой буквы; ФЕ *точить зубы* ‘замышлять или говорить недоброе против кого-л.’ [20] восходит к сказкам о бабе-Яге, которая точила зубы перед тем, как кого-н. съесть. Немецкая ФЕ *aus dem Häuschengerauten / sein* (букв.: выйти из домика) имеет следующую этимологию: кто-л. или чей-л. разум не в своём доме, и он оттого больше неузнаваем; фразеологизм *auf keine Kuhhaut gehen* (букв.: не подходить под коровью кожу) восходит к средневековому представлению о том, что чёрт является тем умирающим, чей список долгов занесён на пергамент из коровьей кожи. Чёрт свидетельствует об особенно плохих поступках, которые не могут найти себе места даже на большой коровьей коже. По правилам для изготовления пергамента использовалась кожа телёнка и овцы.

Соотнесение с тем или иным культурным кодом составляет содержание национально-культурного компонента. Именно национально-культурный компонент придаёт культурно значимую маркированность не только значениям фразеологических единиц, но и смыслу всего текста, в котором они употребляются.

Выводы

1. Фразеологизмы со значением эмоционального состояния представляют собой одну из наиболее сложных аспектов межкультурной коммуникации.
2. Сфера фразеологизмов со значением эмоционального состояния в межкультурной коммуникации – это сфера лингвокультурных лакун за счёт специфики национально-культурных образов, варьирующих семантику универсальных эмоций.
3. Связь языка с национальной культурой во фразеологии реализуется через национально-культурный компонент. Средством воплощения культурно-национальной специфики фразеологизмов со значением эмоционального состояния служит внутренняя форма.

Список литературы

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Лингвострановедение и текст. – М. : Рус. яз., 1987. – С. 89–98.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение и преподавание русского языка как иностранного. – М. : Рус. яз., 1990. – 246 с.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М. : Международные отношения, 1980. – 396 с.
4. Гудков Д.Б., Клобукова Л.П., Михалкина И.В. Обучение русскому языку как иностранному в условиях современного социального контекста общения // Вестник Московского ун-та. Серия 9 «Филология». – № 6. – М., 2001. – С. 244–257.
5. Мальцева Д.Г. Страноведение через фразеологизмы. – М. : Высш. шк., 1991. – 173 с.
6. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М. : Наследие, 2001. – 267 с.

7. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. – М. : Высш. шк., 1990. – 159 с.
8. Мокиенко В.М. Образы русской речи : Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 277 с.
9. Петренко А.Д., Яценко Т.А. Сопоставительное изучение русских и немецких фразеологизмов с каузальным значением // Культура народов Причерноморья. – № 42. – Симферополь, 2003. – С. 27–31.
10. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М. : Высш. шк., 1980. – 141 с.
11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Школа “Языки русской культуры”, 1996. – 288 с.
12. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические исследования фразеологического состава языка // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 13–25.
13. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М. : Слово, 2000. – 260 с.
14. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987. – 190 с.
15. Шаховский В.И. Эмотивность фразеологии как межкультурный феномен // Культурные слои во фразеологии и дискурсивных практиках. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 46–52.
16. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. – Ташкент : Фан, 1988. – 90 с.

Словари

17. Прадид Ю.Ф. Краткий русско-украинский и украинско-русский фразеологический тематический словарь: эмоции человека. – Симферополь, 1994. – 242 с.
18. Тихонов А.Н., Ковалёва Н.А. Учебный фразеологический словарь. – М. : ООО “Изд-во АСТ”: ООО “Изд-во Астрель”, 2001. – 468 с.
19. Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русский фразеологический словарь. – М. : ЭКСМО-Пресс, 1999. – 400 с.
20. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М. : Рус. яз., 1986. – 1335 с.
21. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филлипов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М. : Рус. яз., 1987. – 240 с.
22. Шкляр В.Т., Эккерт Р., Энгельке Х. Краткий русско-немецкий фразеологический словарь. – М. : Рус. яз., 1997. – 567 с.
23. Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии. – М. : Рус. яз., 1985. – 436 с.
24. Duden. In 12 Bänden. B.11. Feste Redewendungen. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Bibliographisches Institut, 1984. – 867 S.

Статья впервые была опубликована в сборнике «Учёные записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия “Филология. Социальные коммуникации”». – Том 20 (59) №01. – Симферополь, 2007. – С. 319–324.

Л.А. Моря-Мицык

ЯЗЫКОВОЕ ПОНЯТИЕ «ПОЛЕ» И ЕГО РЕЧЕВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ (на материале «Записок охотника» И.С. Тургенева)

В лингвистической литературе существует значительный терминологический «разнобой», связанный как с выбором термина, обозначающего некую идеальную ментальную сущность, так и с трактовкой подобной сущности, особенно по отношению к системе языка. Такую сущность называют понятием, языковым понятием, концептом, сигнификатом и т.д.

Термин «сигнификат» адресует нас к так называемому семантическому, или семиотическому, треугольнику, построенному на основе сосюровского определения знака, который связывает понятие и акустический образ. Семантический треугольник представляет собой модель взаимосвязи трёх логико-лингвистических категорий: означающее (экспонент / сигнификант / план выражения), означаемое (сигнификат / значение / план содержания) и объект именованного (денотат).

Некоторые лингвисты считают, что было бы вернее говорить о «четырёхугольнике», вершинами которого являются денотат, понятие как мыслительная сущность, смысл, то есть лексическое значение как языковое воплощение понятия, и экспонент. Таким образом, под сигнификатом в лингвистике понимается или понятие как единица мышления, или значение языкового знака, смысл.

В функциональной лингвистике принципиальным считается рассмотрение сигнификата как языкового по сути явления и только в системе как составной части идеальной системы коллективного опыта: «Сигнификат есть отражение в общественном сознании той или иной реалии, того или иного элемента Универсума. По своему устройству сигнификат есть набор семантических признаков (сем). По своей уровневой принадлежности сигнификат есть сущность уровня языковой абстракции» [7, с. 66]. Итак, сигнификат принадлежит области сознания, но как принципиально языковая сущность, как компонент языковой картины мира, как «пучок», «узел» сем – дифференциальных семантических признаков. В таком понимании сигнификат может быть соотнесён с понятием и концептом.

Лингвисты используют термин «понятие» с достаточной осторожностью, оговаривая его принадлежность области логики и философии. В философском понимании понятие – «форма мышления, отражающая существенные свойства, связи и отношения предметов и явлений» [8, с. 1053]. В лингвистике принято определение понятия как единицы мышления, которая отражает существенные признаки предметов и явлений [5, с. 88]: «Понятие – это одна из основных форм мышления, с помощью которой реальная действительность обобщенно отражается в нашем сознании. Каждое понятие имеет две основные характеристики: объём и содержание. Объём понятия – это класс определённых явлений, обобщённых в нём, а содержание – совокупность существенных признаков этих явлений» [3, с. 21].

Термин «концепт» используют многие исследователи, но в лингвистической литературе он продолжает оставаться многозначным и не вполне определённым. По Е.С. Кубряковой, концепт – это «оперативная содержательная единица памяти, метального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [2].

З.Д. Попова и И.А. Стернин в работе «Понятие “концепт” в лингвистических исследованиях» называют концептом «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания» [6, с. 4]. «Концепты – это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека» [6, с. 4]. Концепт «состоит из компонентов (концептуальных признаков), то есть отдельных признаков объективной или субъективной действительности, дифференцированно отражённых в его содержании и различающихся по степени абстрактности...» [6, с. 17]. В основе концепта лежит первичный эмпирический образ, хотя далее он может подняться на более высокий уровень абстракции и из наглядного превратиться в собственно мыслительный [6, с. 15].

Ю.С. Степанов считает, что «концепт – это явление того же порядка, что и понятие» [9, с. 43], но чётко разграничивает термины, относя понятие к области логики и философии, а концепт – к области культурологии. Концепт и понятие пересекаются в том, что в структуру концепта входит содержание понятия как совокупность общих и существенных признаков, соответствующих определённому классу предметов [9, с. 44]. Однако структура концепта намного сложнее: в неё «входит всё то, что делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.» [9, с. 43]. Если понятия в собственном смысле слова мыслятся, то концепты и мыслятся, и переживаются: «Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [9, с. 43]. Именно поэтому понятия принадлежат только мышлению, а концепты – культуре: это «как бы сгустки культурной среды в сознании человека» [9, с. 42].

Подводя итог, отметим, что концепт должен быть отнесён к плану содержания языкового знака. Помимо предметной отнесённости, он включает в себя также

разнообразную коммуникативно значимую информацию. Наиболее существенным здесь оказывается культурно-этнический компонент. Таким образом, нет никаких методологических причин для принципиального разграничения понятия и концепта, следует лишь помнить о том, что в лингвистической литературе за термином «концепт» закреплено значение понятия, осложнённого психоментальными культурно-этническими представлениями.

Следовательно, мы можем признать, что за терминами «понятие», «концепт», «сигнификат» скрыт один и тот же феномен – мыслительный конструкт, с той лишь оговоркой, что эти термины характеризуются предпочтительным использованием в разных сферах знания: «понятие» – в философии и логике, «концепт» – в когнитологии и лингвокультурологии. «Сигнификат» (языковое понятие) выступает как термин наиболее «лингвистичный».

Язык является лишь одним из способов формирования языкового понятия в сознании человека, но при этом это самое наиболее эффективное средство раскрытия его содержания [6, с. 4]. По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, «слово своим значением всегда представляет в языке лишь часть концепта, поэтому и существуют многочисленные синонимы, дефиниции, высказывания, тексты, в своей совокупности раскрывающие содержание того или иного концепта» [6, с. 8].

В предлагаемой статье исследуется индивидуально-авторское речевое представление концепта «поле» в тексте «Записок охотника» И.С. Тургенева, его место в художественной системе автора.

Концепт «поле» относится к деятельностной сфере жизни человека и имеет два основных аспекта – собственно деятельностный и пространственный. Слово «поле», вербализующее в языке указанный концепт, является многозначным, то есть содержит несколько семем, объединённых семантической близостью значений – прежде всего пространственным компонентом, который является интегральным для всех значений слова.

В семантической структуре слова можно выделить такие компоненты, как ‘открытое’, ‘незамкнутое’, ‘достаточно обширное’, ‘плоское пространство’, ‘обработанное и / или приспособленное человеком для своей деятельности’.

Возглавляет лексическую структуру слова «поле» семема ‘безлесная равнина, пространство’, как обладающая достаточно широким, обобщающим значением. В результате компонентного анализа выявляем семную структуру соответствующего языкового понятия: ‘часть земной поверхности с «нулевым» рельефом’, таким образом, семема относится к лексической группе «рельеф».

В прямом значении слова «поле» (и некоторых других из этой микрогруппы) под влиянием контекста на уровне индивидуальной речи появляются добавочные элементы, реализуются новые смысловые аспекты.

Один пологий холм сменялся другим, поля бесконечно тянулись за полями (здесь и далее текст цитируется по [11]). В контексте значение ‘пространство’ с характеристикой «огромное» вербализовано с помощью разнообразных средств: 1) глаголов несовершенного вида, обозначающих длящееся, повторяющееся действие: «сменяться», «тянуться»; 2) значением слов «бесконечно» (‘без конца и предела в пространстве и времени’) и «тянуться» (‘располагаться на большом протяжении’); 3) лексического повтора слова «поле».

...От одного села до другого, через необозримые поля... долго, долго едете вы. В слове «поле» актуализируются семантические компоненты ‘большая протяжённость’ благодаря определению «необозримый» (‘огромный, беспредельный’) и, ассоциативно, обстоятельство «долго»: долгая езда предполагает большое расстояние, значение подчёркнуто лексическим повтором слова «долго».

Значение ‘безлесная равнина, пространство’ может также реализовываться в лексемах «степь», «равнина», «долина» и др.

Мы отмечаем характерную для «Записок охотника» Тургенева актуализацию в значении слова «поле» семантического компонента 'огромное, безграничное (пространство)', обусловленную контекстом. В произведении создаётся образ «поля» как бескрайнего пространства, причём пространственная широта является первичной эмпирической основой образного зрительного ядра концепта.

Второе значение слова «поле» – 'обрабатываемая под посев земля'. Семная структура языкового понятия, выявленная с помощью компонентного анализа, адресует данную семему к лексической группе «функциональное пространство»: 'функциональное земельное пространство, обработанное для получения продукции в сельском хозяйстве'. При сохранении интегральной части данного значения – 'пространство' – доминантой дифференциальной части значения является функциональный компонент 'обрабатываемая [человеком]'. Группа контекстов содержит такое лексическое окружение слова «поле», которое не только поддерживает значение 'обрабатываемое, используемое', но и вносит добавочные смысловые элементы, дифференцирующие функциональное предназначение «поля» как пространства.

Прямо перед нами, на другом берегу, желтело овсяное поле, кое-где поросшее полынью... Вижу я, будто стою я в поле, а кругом рожь, такая высокая, спелая, как золотая. Гречиха в поле зацветёт или липа в саду – мне и сказывать не надо: я первая сейчас слышу. В перечисленных контекстах лексемы «овсяный» ('засеянный овсом'), «рожь», «гречиха» называют культивируемые растения и определяют тем самым конкретную функциональную предназначенность пространства поля.

В контексте актуализируется не только результат обработки поля, но и способ этой обработки: *...Одни липы по-прежнему росли себе на славу и теперь, окружённые распаханymi полями...* Актуализация компонента 'обработанное' в слове «поле» происходит под влиянием лексемы «распаханный» ('взрыхлённый для посева').

Значение 'обрабатываемая под посев земля', помимо лексемы «поле», может быть реализовано в тексте в лексемах «пашня» ('вспаханное поле'), «пар» ('пашня, оставленная на одно лето без посева'), «жнивье» ('поле, на котором сжат хлеб') и под. Все они идентифицируются через лексему «поле» и выступают как реализация концепта «поле».

Третье значение слова «поле» представлено в семемах 'большая ровная площадка, пространство, специально оборудованное, предназначенное для чего-л.' и 'пространство, поверхность, используемые для чего-л., доступные для каких-л. действий'. В «Записках охотника» мы почти не находим реализаций данных семем. Указанные смыслы реализуются, например, в словосочетаниях: 1) «футбольное поле», «лётное поле»; 2) «поле обстрела», «поле минных заграждений». Различие данных семем, на наш взгляд, заключается в указании на степень функциональной пригодности пространства, то есть 'пространство, требующее дополнительной обработки' ('специально оборудованное') и 'пространство, не требующее дополнительной обработки' ('доступное'). В методических целях объединим эти понятия в семему 'пространство, используемое для чего-л.'.

Если в первом значении у слова «поле» с точки зрения прагматики доминирует пространственный компонент, во втором и в третьем – функциональный, причём по сравнению со вторым значением в более широком, общем аспекте. Семема 'обрабатываемая под посев земля' имеет семантический компонент 'в сельскохозяйственной сфере'. Семема 'пространство, используемое для чего-л.' такого указания на сферу деятельности не содержит.

Конкретизация понятия с точки зрения сферы происходит в устойчивых словосочетаниях «поле брани», «поле битвы», «поле сражения» – «в военной сфере»; «отъезжее поле» ('дальнее поле для охоты') – «в охотничьей сфере»: *Но вот вы собрались в отъезжее поле, в степь...* В контексте со словом «степь» ('обширное безлесное ровное пространство') актуализируется пространственный компонент значения у словосочетания «отъезжее поле», при этом оно сохраняет как смысловую доминанту компоненты 'приспособленное для человеческой деятельности'.

Таким образом, лексема «поле» в «Записках охотника» И.С. Тургенева регулярно выражает значение «объект земледельческой и другой деятельности человека».

Кроме отмеченных значений, слова, репрезентирующие концепт «поле», выражают в тексте произведения некоторые значения, имеющие национальную специфику, например, значение «типично русский пейзаж»: *Он шел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль.* Семантический компонент «большое пространство» в слове «степь» поддерживают слова со значением пространственной протяжённости: «необозримо», «широкий», «бесконечный», «даль». В контексте слову «степь» адресованы определения психологического характера «родной» и «знакомый». Слово «знакомый» («о котором имеется понятие, известный») в лексическом окружении слова «степь» приобретает значение «привычный, виденный много раз». Слово «родной» выступает в значении «близкий по рождению... связанный с местом рождения», передавая лексеме «степь» положительную эмоциональную коннотацию «дорогой, милый». В целом данные определения указывают на восприятие концепта автором.

То были раздольные, пространные, поёмные, травянистые луга, со множеством небольших лужаек, озёрец, ручейков, заводей... прямо русские, русским людям любимые места, подобные тем, куда езживали богатыри наших древних былин... Определение «русский» употреблено в значении «относящийся к Руси, России». Определение «любимый» («дорогой, близкий сердцу, излюбленный») со значением эмоционального отношения иррадирует в значение лексемы «место», контекстуального синонима слова «луг», положительную эмоциональную окраску. В результате внутритекстового взаимодействия определения «русский» и «любимый» формируют у слова «луг» значение «типично русский ландшафт». Лексемы «древний» и «былины», объединённые общей семантикой «давний, относящийся к прошлому», вносят в значение концепта семантические компоненты «исконный, исторически присущий Руси, России» – то, что узуально выражается устойчивым словосочетанием, имеющим фольклорное происхождение, с так называемым постоянным эпитетом «чистое поле».

Таким образом, благодаря семантическим компонентам «привычное, знакомое», «близкое, родное», «русское, исконное» концепт «поле» получает в художественном тексте национально-культурную коннотацию [10, с. 105], возникающую в контексте культуры [1, с. 38], который обуславливает этническое значение слова [4, с. 44]. В таком слове реализуются «национально-специфические черты концепта» [6, с. 9].

Итак, лексическая парадигма с доминантой «поле» в тексте «Записок охотника» И.С. Тургенева реализует комплекс значений «большое пространство», «используемое человеком для своей деятельности» и приобретает дополнительные индивидуальные семантические компоненты «привычное», «исконное», «любимое», «русское», причём все они обусловлены «национально-культурной спецификой членения мира» [10, с. 103], а также своеобразием авторского видения. В результате концепт «поле» участвует в создании речевого образа России.

Список литературы

1. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М. : Наука, 1980. – 149 с.
2. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996. – С. 90.
3. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 1989. – 215 с.
4. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.
5. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. – Киев : Знання, 2004. – 326 с.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 2000. – 30 с.
7. Рудяков А.Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. – Симферополь : Таврия-Плюс, 1998. – 224 с.
8. Советский энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1984.

9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М. : Академический Проект, 2001. – 989 с.

10. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц : монография. – М. : Наука, 1986. – 141 с.

Источник

11. Тургенев И.С. Записки охотника. Повести и рассказы. – М. : Худож. лит., 1979. – 607 с.

Статья впервые была опубликована в сборнике «Культура народов Причерноморья». – Т. 2. – № 82. – Симферополь, 2006. – С. 37–40.

А.В. Петров

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ПРЕФИКСАЛЬНЫХ АДЪЕКТИВНЫХ ПОВТОРОВ С ГЛАГОЛЬНОЙ ОСНОВОЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В лингвистике нет единого термина для выражения повторения, в качестве синонимов используются удвоение, повтор и редупликация. Под это понятие подводится неодинаковый круг явлений – от внутрисловных до межсловных удвоений. В исследованиях по русскому и славянскому языкознанию редупликация включает слоговые, аффиксальные, словные удвоения и повторения иного рода. Редупликация используется как древнейшая модель образования слов и «свойственна языкам различного строя». Так, А.А. Потебня писал, что «повторение (собственно удвоение, утроение, в отличие от анафоры и пр.) слова» является средством «синекдохического представления продолжительности действия, интенсивности качества, множества вещей» [10, с. 441]. Проблемы повтора неоднократно обсуждались в работах русских и зарубежных лингвистов преимущественно на материале языков азиатского юго-восточного региона (Н.Ф. Алиева, В.Д. Аракин, Л. Брюно, Н.К. Дмитриев, Э. Сепир и др.). Внутрисловные удвоения в русском языке, отмечает О.Ю. Крючкова, не были предметом системного изучения, чем обусловлено и неприменение в русистике термина «редупликация» относительно тех или иных случаев повтора компонентов, образующих слово [7, с. 69]. Отдельные типы или факты удвоения в русском языке представлены в работах А.В. Войновой, И.Г. Галенко, Л.П. Калакуцкой, А.Е. Киселёва и др. Повторения деривационных аффиксов традиционно не включаются в круг редупликационных моделей. Этот аспект разрабатывается в исследованиях В.А. Горпинича, Л.И. Ройзензона и О.Ю. Крючковой.

Повтор квалифицируется учёными как способ создания особых значений. Данный способ образования единиц словаря оценивается как простейший, элементарный, как одна из языковых универсалий. В.А. Виноградов отмечает, что «...чаще редупликация выступает как средство варьирования лексического значения, выражая интенсивность, дробность, уменьшительность и т.п.» [2, с. 408]. По мнению Э. Сепира, «этот процесс обычно используется с самоочевидным символизмом для обозначения таких понятий, как распределение, множественность, повторность, обычность действия, увеличение в объёме, повышенная интенсивность, длительность» [12, с. 59]. Таким образом, отмечает Н.Ф. Алиева, «способ удвоения и в плане содержания, и в плане выражения настолько богат разновидностями и вариантами, что, безусловно, заслуживает самостоятельного места в любой, даже наиболее общей схеме языковой структуры» [1, с. 7].

Актуальными для лингвистики являются исследования второй половины XX века о составе и классификации повторов. Как правило, внутри повтора выделяется компонент-основа, исходная неповторная единица. Для её обозначения будем использовать термин, применяемый лингвистами-востоковедами, «редупликант». Соотносительным термином «редупликатор», согласно установленной традиции, называется компонент повтора, присоединяемый к редупликанту. Лексико-грамматическая классификация повторов основывается на структурном соотношении компонентов повтора и включает в себя два основных типа: полный и вариативный повтор [4].

Полный повтор соответствует повторению редупликанта без каких-либо изменений, например: *еле-еле, низко-низко, синий-синий*. Вариативный повтор имеет несколько разновидностей, среди них Л.А. Голда и Т.В. Матвеева выделяют осложнённые повторы, в которых редупликатор по морфемному составу сложнее редупликанта. В зависимости от характера словообразовательного аффикса редупликатора учёные вычленяют: а) осложнённые префиксальные повторы, например: *крест-накрест, тёмный-претёмный, последний-распоследний, думаный-передуманый, отличница-разотличница*; б) осложнённые суффиксальные повторы, например: *давным-давно, рад-радёшенек, цел-целёхонький*, в) повторы с многоаффиксным осложнением, например: *крепко-накрепко, жить-поживать, веет-повевает* [4, с. 96].

В осложнённых префиксальных повторах имён прилагательных отмечается ограниченное количество префиксов (*пре-* и *раз-* / *рас-*): *добрый-предобрый, весёлый-развесёлый*. Периферию составляют повторы отглагольного происхождения типа *драный-предраный, зрелый-презрелый, пьяный-распьяный* и др. Редкими являются полипрефиксальные образования: *И Мирона Дмитриевна показала **штопаные** и **расперештопаные** перчатки*. [А.Ф. Писемский. Масоны. – НКРЯ]

Самостоятельным объектом исследования являются повторы, у которых и редупликант и редупликатор содержат в своей структуре префиксы (заложенный-перезаложенный, истолкованный-перетолкованный): *Роман А. Битова «Пушкинский дом», «читанный-перечитанный», как уже неоднократно повторили критики, и, конечно, **обсуждённый-переобсуждённый**...* [magazines.russ.ru]; *Это малоизвестный в России О. Розеншток-Хюсси и чуть более известный Й. Хейзинга. Наконец, **истолкованный-перетолкованный**, но так и непревзойдённый Сократ (в ранних диалогах). Каждому из этих и многих ещё не названных здесь мудрых людей мы обязаны великолепными образцами вопрошания-ответствования*. [www.portalus.ru]

В предлагаемой статье рассматриваются осложнённые префиксальные повторы страдательных причастий. В научной и научно-методической литературе учитываются в основном образования с префиксом *пере-*, однако наши наблюдения над разговорной речью свидетельствуют о том, что становятся активными и другие форманты: *из-(ис-)* (*раненый-израненый, хоженный-исхоженный*), *раз-(рас-)* (*ношенный-разношенный, писанный-расписанный*), *о-* (*писанный-описанный*), *не-* (*писанный-неписанный*) и *за-* (*езженный-заезженный, латанный-залатанный, пуганный-запуганный*). Ср.: *Как же мне тошно стало, когда нам сообщили, что ехать надо было не на кулички, а на проспект Руставели, **хоженный-исхоженный***. [http://kolobokos.livejournal.com/120801.html]; *СМИ уже, наверное, и сами не знают, чем нас ещё пугать, и без того **пуганые-запуганные** сообщениями о страшных цунами, вулканах и так далее*. [http://forum.dreamworlds.ru/topic/2627]

Цель статьи – изучить словообразовательную и семантическую структуру глагольно-адъективных гомогенных повторов в русском языке. Исследование проводилось на основе Интернет-ресурсов и «Национального корпуса русского языка».

Актуальность темы обусловлена недостаточной разработанностью вопроса о лексико-грамматической и семантической структуре повторов, их лексикографической кодификации. В качестве объекта избраны лексикализованные сочетания модели «отглагольное адъективное образование + префиксальный однокоренной адъектив».

В лингвистической литературе прежде всего анализировались глагольно-адъективные повторы типа *штопанный-перештопанный*. Это отчасти обусловлено варьирующейся орфографией, поскольку написание суффиксов *-нн-* и *-н-* в них не получило регламентации в «Правилах орфографии и пунктуации 1956 г.». А.В. Войнова зафиксировала 44 устойчивые пары, «которые нередко превращаются в афористические образцы художественной речи» [3, с. 68]. Наши наблюдения свидетельствуют о расширении сферы функционирования лексикализованных сочетаний, о частотности использования их в Интернет-пространстве – в блогах, форумах и чатах на различные темы. Повторы пополняются новообразованиями, но процесс этот протекает крайне медленно, ср. *хлёстаный-перехлёстаный*,

фотошопленный-перефотошопленный: Скособоченный домишко бабы Шуры стоял на отшибе деревеньки, его трудно и домишком-то назвать, потому как был он весь латаный-перелатаный, *хлёстаный-перехлёстаный* дождями и ветрами, но больше всего годами. [http://freeref.ru/wievjob.php?id=729419]; Смешно, однако, выставили *фотошопленное-перефотошопленное* фото оперированной-переоперированной Хюлии Авшар и ставите в пример, как хорошо она в 47 лет выглядит... [http://turkey-info.ru/forum/haydi.../ani-lorak-jdet-pervenca-t1970268-180.ht.]

В лингвистике предложены различные точки зрения, связанные с написанием повторов исследуемой модели. Рекомендация писать одно *н* в обеих словоформах принадлежит Л.П. Калакуцкой. Она полагает, что «эти лексикализованные сочетания представляют собой одно целое», поэтому нельзя «считать их двумя самостоятельными частями, из которых одна является причастием, а другая прилагательным». Эту разновидность целостного словосочетания исследователь квалифицирует как прилагательное и рекомендует и во втором префиксальном компоненте писать в суффиксе одно *н*. В подтверждение адъективного значения исследуемых единиц Л.П. Калакуцкая приводит языковые аналоги по лексическому значению и находит их в «близости» не к глагольным формам, их производящим, «типа *стреляный-перестреляный*, а к адъективным, типа *добрый-предобрый, глупый-преглупый* и т.п., поскольку они, как и последние, имеют значение признака с добавлением слова *очень*» [5, с. 210]. Эту позицию критикует А.В. Войнова, которая подчёркивает, что «повторение основы мотивирующего глагола придаёт словосочетанию оттенок процессуальности, характерной для категории причастия... Нередко к словосочетанию присоединяются зависимые слова обстоятельственного значения или формы косвенных дополнений, усиливающие глагольность оборота в целом» [3, с. 69]. Повторов, выражающих усиленное значение признака, к которым можно было бы добавить слово *очень*, зафиксировано крайне мало (например, *пуганый-перепуганный*). Это подтверждается и нашими материалами [9 с. 201–205]. Однако вывод Л.П. Калакуцкой является категоричным: «...орфографию этих сочетаний не следует менять даже и в том случае, если они выступают в качестве обособленного члена или при них есть зависимые слова. Таким образом, орфография этих сочетаний должна остаться одинаковой (*стреляный-перестреляный*), так как и в обособлении и при наличии зависимых слов они не меняют своего адъективного характера» [5, с. 211].

Последовательным представляется мнение В.В. Лопатина «писать во второй части столько же *н*, сколько в первой (например, *читанный-перечитанный*, но *реши́нный-перереши́нный*). Ведь приставка имеет здесь чисто усилительное значение, такое же, как, например, в случаях *умница-разумница* или *крепко-накрепко*» [8, с. 174]. Точка зрения В.В. Лопатина закрепляет, в частности, написание адъективных повторов на *-ованн(ый)*, не упоминаемых в учебных и справочных изданиях (*копированный-перекопированный, рисованный-перерисованный, фотографированный-перефотографированный, штампованный-перештампованный* и др.). Ср.: *Копированный-перекопированный* всеми стих. Но согласна с каждой строчкой. Пусть будет пройдена страница, И крови пролито пол-литра. [http://vk.com/wall56848376_5968]; Так что знаменитую японскую сосну, искривлённую ветрами, воспетую поэтами, *рисованную-перерисованную* художниками, увидеть когда-то было не так просто. Ещё в VIII веке про неё стихов не слагали, на картинах не рисовали. [http://k-tattoo.ru/kniga-yaponskikh-simvolov-str177.html]; *Фотографированная-перефотографированная* Шэрон Стоун чуть ли не «впервые увидела себя» на его фотографиях. [http://www.timeout.ru/msk/artwork/128364]; Фильм *штампованный-перештампованный* с предсказуемым финалом. Но весьма хорош для своего жанра. [http://kinopark.by/opinions673.html]. Однако предложенная точка зрения учёного не учитывает контекстуальное окружение (прилегающие зависимые слова) и синтаксическую позицию определений с причастным значением в постпозитивном положении.

А.В. Войнова отмечает, что лексикализованные сочетания, «отстоявшиеся в языке, образуются тремя способами: 1) путём словосложения с дефисным написанием (*стиранный-перестиранный*), 2) в виде закрепившихся словесных блоков, соединённых союзом «и» (*чиненные и перечиненные*), 3) как свободные словесные цепи, например производные от адъективных форм с частицей *не* (*нежданный, негаданный*). Употребляются они обычно в полной (реже в краткой – *латан-перелатан*) форме и лишь немногие – преимущественно в предикативном положении – только в краткой форме (*говорено-переговорено*) [3, с. 68–69].

Перечисленные способы характерны и для повторов с действительными причастиями. Ср.: *Писавший и переписавший* тысячи морей, Айвазовский достиг известного совершенства и лёгкости выполнения своих марин. [<http://www.artveik.ru>]; В.В. Розанов: *Знайτε, нет ничего труднее Вас для разбора, это говорю я, читавший и перечитавший* все Ваши статьи. [<https://books.google.com.ua/books?isbn=5998914325>]; *И даже нам, читавшим-перечитавшим Жадана, по-новому открывают глаза. Вот зачем существует этот зверь – правильная литературная критика.* [<http://sv-zhadan.livejournal.com>]; *Моё обращение к читателю может показаться наивным и бессодержательным. Тем более оно может показаться таким читателю искушённому и выдавшему-перевыдавшему* виды. – Режим доступа. [<http://lito.ru>avtor/fuji>]

Часть примеров составляют повторы причастий с суффиксом *-и-* и *-т-* (*битый-перебитый, гнутый-перегнутый, колотый-переколотый, мытый-перемытый, мятый-перемятый, петый-перепетый, рытый-перерытый, тёртый-перетёртый, шитый-перешитый* и *мокий-перемокий, сохий-пересохий*): *Ветер треплет моющую-перемоющую под дождями цирковую афишу.* [<https://carnaval.rusff.ru>]; *И был сильный ветер. Стояла она, уронив руки, и ветер трепал её волосы – белые, как лён, мокий-перемокий, сохий-пересохий* вековечный лён. [<http://m.litfile.net/read/115005/103701-104805?page=63>]; *Результат двух дней поиска по рытой-перерытой местности был превосходный. Я нашёл 25 допетровских монет.* [<http://xlt.narod.ru/texts/eagle.html>]; *Бампер весь колотый-переколотый, местами толщина шпаклёвки 5 мм.* [<http://mazda3.ru>]; *И мотив твой петый-перепетый* Не накличет на меня позор. [<http://zhurnal.lib.ru>]

Единичными контекстами представлены адъективные повторы с суффиксом *-л-* (*горелый-перегорелый, зрелый-перезрелый, лежалый-перележалый, мёрзлый-перемёрзлый, линялый-перелинялый, прелый-перепрелый, сохлый-пересохлый, спелый-переспелый*): *А ещё страшнее: в чёрном-пречёрном подвале по колено воды, в этой воде лежит горелый-перегорелый в восьми местах трёхфазный кабель.* [<http://cs-cs.net>]; *Спелый-переспелый, густой сочный плод манго.* [<http://kremchik.com.ua/24/164/4518.html>]; *Действительно, ужасная кухня! Выбора нет: шашлык сухой, селедка лежалая-перележалая* [<http://gmstar.ru/uln/1-917500-buhara-kafe-bar.html>]; *Вся внутренняя полость двери была заполнена сохлыми-пересохлыми початками невызревшей кукурузы.* [<http://www.oldtimer.ru>]; *Залез в какой-то давешний стог, прелый-перепрелый. Разворошил его, окунувшись в запах чистых, но уже порядком изношенных и невысушенных портянок.* [<http://samlib.ru>]

Исследователи Л.А. Голда и Т.В. Матвеева обращают внимание на то, что «префиксальные повторы страдательных причастий усиливают значение многократности или даже формируют его, одновременно в них возможно появление значения интенсивности» [4, с. 101]. В повторе представлены формы глаголов разного вида, «что, вероятно, делает невозможным усиление видовой семантики». И далее: «Многократность и интенсивность нельзя связать со значением префикса *пере-* в редупликаторе. Значение многократности в осложнённых повторах с префиксом *пере-* возникает при наложении значения этого префикса на значение длительности, в высшей степени свойственное повтору с редупликантом – глаголом несовершенного вида. Таким образом, повтор содержит специфическую трансформацию семантики редупликанта, не сводимую к простой сумме значений его компонентов» [4, с. 101]. В то же время, как показал проанализированный нами

фактический материал, сема интенсивности проявляется прежде всего в повторах с префиксом *пере-*.

Лексикализованные сочетания с глагольной основой реализуют не только значение многократности, но и

- значение длительного протекания процесса: *Растянувшиеся на несколько недель похороны... Копание могилы в мёрзлой-перемёрзлой земле...* [<http://www.gazeta-respublika.ru>];

- значение нежелательно длительного протекания действия, его чрезмерности: *Осётр оказался мороженный-перемороженный.* [<http://news.trk.net.ua>];

- значение чрезмерности действия: *Вообще индийская еда суперострая, всё перченое-переперченное, как и у нас в Средней Азии.* [<http://ogoa.ru>];

- значение многократности действия в сочетании с семой 'заново': *И что поразительно – открываешь старый давно читанный-перечитанный номер журнала и вдруг находишь что-то, пропущенное при прежнем прочтении, притом очень интересное или, как оказывается, нужное именно теперь, ответ на актуальную сегодняшнюю проблему.* [<http://www.nemerovsky.com>]

Таким образом, выкристаллизовавшаяся в языке модель префиксальных повторов страдательных причастий включает формант *пере-* со значением 'повторения действия заново, ещё раз или иначе', что обусловлено наибольшим соответствием значения префикса значению повтора в целом. Модели повторов с другими префиксами ещё не оформились в языке.

Зафиксированы префиксальные повторы *езженный-заезженный*, *дутый-передутый*, употребляющиеся только в образном значении: *В основе «Звездопляса» – езженный-заезженный приём, используемый теперь во всех ночных клубах, когда под фонограммы певцов-звёзд имитируются «номера».* [<http://tyz-golodovka.livejournal>]; *По качеству связи (ping-test) Эстония на 47 месте, оставив далеко впереди всех своих ближайших соседей. Жаль, что по остальным параметрам экономики нашей страны нельзя так чётко ранжировать показатели. Что-то мне подсказывает, что они все тоже дутые-передутые.* [<http://www.stena.ee/blog/estoniya-daleko-ne-lider-po-skorosti-internet>]

Фактический материал показал, что грань между повтором-словом и повтором-фразеологизмом является очень зыбкой. Отдельные повторы отражены во фразеологических словарях. Ср.: *Битый и перебитый (битый-перебитый) (разг.) 'многократно повторяющийся, надоевший (разговор, тема и т.п.)'*. Например: *...сюжет битый-перебитый, бородатый, как лунь...* [<http://www.litmir.net...>] Наблюдается встраивание редупликатора во фраземы с исходным или трансформированным редупликантом, в результате чего достигается эффект усиления семантики интенсивности, например:

- *стреляный воробей* 'о многоопытном человеке, которого трудно обмануть, провести': *Я, стреляный-перестрелянный воробей, а поскользнулся на обычной арбузной корке...* [<http://nonalco.ru/txt/index.php/t32-250.html>]; *Как старый, не то что «стреляный, а многократно перестрелянный в разных жизненных перипетиях воробей», вот что скажу вам, ребята, про оптимистов, пессимистов, реалистов: лучшие всего в любых обстоятельствах оставаться человеком.* [<https://it-it.facebook.com>];

- *перемывать косточки кому / перемыть косточки кому* (разг.) 'сплетничая, долго и с упоением судачить, злословить о ком-л.': *Гражданин, я не «из организации». В принципе про меня тут уже давно всё известно (т. е. все мои косточки абсолютно мытые-перемытые).* [<http://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama>];

- *жареные факты* (публ. ирон.) 'сенсационные негативные сведения о ком-, чём-л.': *По-моему, почти всё то, что печатается в СМИ нарушает наш пункт о неприкосновенности личной жизни. За исключением интервью в каких-нибудь больших и важных журналах, чаще всего разрешения они не получали, а публиковали жареные-пережареные факты, сплетни и фотографии папарацци.* [<https://jou.rfixe.com/forum>]

● *толочь воду в ступе* (разг. пренебр.) ‘занимаясь чем-л. бесполезным, напрасно тратить время’: *Есть гораздо более тонкая и интересная литература, и нечего тратить время на толчёного-перетолчёного в своей ступе Пелевина*. [<http://forum.lukianenko.ru>];

● *жареный петух* клюнул кого (разг. ирон.) ‘кто-либо испытал трудности, неприятности, оказался в затруднительном, тяжёлом положении’: *Но только когда петух очень жареный, пережареный, клюнет, тогда и будут приняты «дополнительные меры»*. [<http://www.forumavia.ru>];

● *жевать жвачку* (разг. презрит.) ‘надоедливо повторять одно и то же’: *А так – старая жёваная-пережёваная жвачка, музыка, вокалы, структура песни, даже раскадровка и расстановка персонажей в клипе*. [<http://forum.funkysouls.com>]; *Съёмки тянутся, как жёваная-пережёваная жвачка. Мартин впервые чувствует, что происходящее на съёмочной площадке его никоим образом не занимает*. [http://www.snapetales.com/index.php?ch_id=59796].

Встраивается редупликатор и в преобразованную пословицу *стреляного воробья на мякине не проведёшь* (шутл.): *Его на мякине не проведёшь, он стреляный-перестреляный воробей, не зря же «уехал из Якутии»*. [<http://dnevnik.ykt.ru/KoMuCCaP/520277>]

Образность префиксальных повторов может быть обусловлена аллюзией на фразеологизм:

● *битый и перебитый* (битый-перебитый): *Отношение к смерти: сто раз мытая-перемытая тема, в которой ныне преобладает американизм*. [<http://www.yaplakal.com>]; *Парни – вопрос не праздный, мытый-перемытый во всех курилках аэродромов*. [<http://www.forumavia.ru>]; *Тёртый-перетёртый образ Бабы-Яги вряд ли можно свести к одному источнику. Там, видимо, наложились представления не одного народа*. [<http://istorya.ru/forum>];

● *стреляный воробей*: – *Вы ещё не знаете нашего Польшаева, – говорили молодцы из финсчёта. – Он мытый-перемытый. Его на голое постановление не возьмёшь*. [<https://books.google.ru/books?isbn=5224036941>]; *Говорит своему Меиру: Этот стреляный-перестреляный Фёдор Иванович прав: долго нам в таком пёстром составе не протанцевать*. [<http://ModernLib.ru>];

● *тёртый калач* (разг. ирон.) ‘опытный, бывалый и хитрый человек, которого трудно провести, обмануть’: *Особенной напористостью отличался тёртый-перетёртый коммерсант с Горенского прииска, по имени Петер*. [<http://www.pseudology.org/byvaly>]; *Виталий Иванович, тёртый-перетёртый в аппаратных играх, всё, что нужно, понял сразу*. [<http://www.e-reading.link/bookreader.php>]; *Пришли гости: Андрюха Никитин, мятый-перемятый, тёртый-перетёртый жизнью человек, до костей обкатанный суровой действительностью, её буднями, пришла Оксанка Михайлова – Андрюхина зазноба, остальные были свои – Лилия с Таней и отец с матерью*. [В. Поволяев. Женская банда. – НКРЯ]; *Мой напарник был крученный-перекрученный, москвич. Я-то, что? Из глухой сибирской деревни*. [<http://www.forumavia.ru/forum>];

● *гнуть в дугу кого, гнуть в три погибели кого; гнуть в бараний рог кого* ‘принуждать, заставлять быть покорным; смирять строгостью, притеснениями’: *Что-то случилось с этим человеком, гнутый-перегнутый, он сломился. Быть может, Петру Валерьяновичу подумалось эдак вмиг, что полковник уже потонул и может потащить его за собой на дно, как и грозился*. [<http://sovam.com.ua>]; *Дядя Коля похож на чайный лист: сухой, тёмный, гнутый-перегнутый долгой несладкой жизнью*. [<http://maxss.livejournal.com>]

Таким образом, проведённое исследование показало, что осложнённые префиксальные повторы с глагольной основой имеют достаточно широкий набор формантов. Однако ядерной является модель «редупликант на -н(ый) + редупликатор с префиксом пере-», что обусловлено наибольшим соответствием значения префикса ‘повторение действия заново, ещё раз или иначе’ значению повтора в целом. Сферой функционирования удвоенных образований является разговорная речь, отражающая непринуждённую обстановку общения, активно представленную в Интернет-пространстве.

Стремлением к экспрессивности общения объясняется встраивание в речи собеседников редупликатора во фразему, трансформация устойчивых сочетаний и аллюзия префиксальных повторов на фразеологизм.

Список литературы

1. Алиева Н.Ф. Слова-повторы и их проблематика в языках Юго-Восточной Азии // Языки Юго-Восточной Азии: Проблемы повторов. – М., 1980.
2. Виноградов В.А. Редупликация // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия. – С. 408.
3. Войнова А.В. О правописании лексикализованных сочетаний типа *штопаный-перештопаный* // Русский язык в школе. – 1986. – № 3. – С. 68–72.
4. Голда Л.А., Матвеева Т.В. Структурно-семантическая классификация лексикализованных повторов // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. – Свердловск, 1986. – С. 95–104.
5. Калакуцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. – М. : Наука, 1971. – 227 с.
6. Киселёв А.Е. Лексическое повторение как грамматическое средство русского языка: автореф. дис. ... к. филол. н. : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Моск. гос. пед. ин-т имени В.И. Ленина. – М., 1954. – 15 с.
7. Крючкова О.Ю. Редупликация в аспекте языковой типологии // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 68–85.
8. Лопатин В.В. Новая редакция правил русского правописания: реальности и мифология // Общественные науки и современность. – 2002. – № 3. – С. 172–180.
9. Петров А.В. Префиксальные повторы страдательных причастий в русском языке // Мова. – № 21. – Одеса, 2014. – С. 201–205.
10. Потёбня А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1968. – Т. III. – 551 с.
11. Правила русской орфографии и пунктуации. – М. : Учпедгиз, 1956. – 176 с.
12. Сепир Э. / пер. с англ. / Э. Сепир. – М.–Л. : Соцэкгиз, 1934. – 223 с.
13. Языки Юго-Восточной Азии: проблемы повторов. – М., 1980. – 272 с.

Статья впервые была опубликована в сборнике «Филология и Человек». – № 4. – Барнаул, 2015. – С. 70–79.

Н.А. Сегал

КОГНИТИВНЫЕ ОППОЗИЦИИ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА, СТРУКТУРА

В лингвистических исследованиях последнего десятилетия уделяется большое внимание изучению базовых категорий, организующих языковую и концептуальную картину мира. Одной из таких категорий, является категория *пространство*, языковые единицы которой служат важным средством актуализации не только наивной картины мира, но и сферы политической коммуникации. При всём многообразии работ и подходов к исследованию *пространства* в современной лингвистической науке проблема языковой манифестации пространственных отношений по-прежнему остаётся дискуссионной. **Актуальность** предлагаемой статьи заключается в необходимости описания механизмов языковой репрезентации *пространства* и его переосмысления, в выявлении специфики функционирования слов с пространственной семантикой в политическом тексте.

В работах Н.Д. Арутюновой, Н.Н. Болдырева, Т.В. Булыгиной, В.Г. Гака, А.А. Зализняк, О.П. Ермаковой, И.М. Кобозевой, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, Е.А. Селивановой, Ю.С. Степанова, А.Д. Шмелёва, Г.М. Яворской и др. выдвигаются важные для лингвистики концепции: 1. *Пространство* имеет антропоцентрическую ориентацию, организуясь вокруг человека как центра микро- и макрокосмоса. 2. Пространственные отношения отражают координацию объектов, с которыми сталкивается человек, воспринимающий объективную реальность. 3. Пространственный фрагмент языковой картины мира представляет собой систему разноуровневых языковых средств как репрезентантов

локусных концептуальных оппозиций. Эти положения тесно связаны с известными научными идеями Ю.М. Лотмана о текстовом и семиотическом *пространстве*: всякая модель культуры и языка может быть описана в пространственных понятиях и терминах [9].

По мнению учёного, семиотика *пространства* имеет исключительно важное значение в создании картины мира той или иной культуры, а природа этого явления связана с самой спецификой *пространства*. Так, анализируя категорию *пространство*, исследователь приходит к выводу о необходимости разграничения двух аспектов: пространственной структуры картины мира и пространственных моделей как метаязыка описания типов культуры. В первом случае пространственные характеристики принадлежат описываемому объекту, во втором – метаязыку описания. Сама конструкция миропорядка неизбежно мыслится на основе некоторой пространственной структуры, организующей все другие её уровни [9, с. 389]. Развивая идеи Ю.М. Лотмана о значимости категории *пространство* в картине мира той или иной культуры, В.Г. Гак пишет: «Для того чтобы постичь пространство, достаточно открыть глаза, повернуть голову, протянуть руки и т.п. Пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком» [3, с. 130]. Отмечая безграничность концептуального *пространства*, Е.С. Кубрякова утверждает, что «взор человека может останавливаться как на том, что его непосредственно окружает, так и не ограничиваться этим, то есть быть устремлённым вдаль, до естественного “края земли” – горизонта, а это объясняет возможность приписать пространству самые разные размеры и масштабы, отождествляя его то со вселенной, то со всем миром, то, напротив, ограничивая его непосредственно видимым полем зрения и придавая ему смысл какого-либо очень небольшого, вместилища» [8, с. 26].

Рассматривая пространственные отношения в рамках мифологической модели, В.А. Ермакова отмечает, что именно они отражают координацию объектов, с которыми в первую очередь сталкивается человек, воспринимающий объективную реальность. Сам человек есть материальное тело, занимающее определённое место в пространстве и обладающее известными пространственными признаками (величина, форма, направление движения в пространстве) [5]. Таким образом, локативные отношения занимают большое место в языковой системе, отражая способы концептуализации внешнего мира.

Как показал анализ массмедийных текстов, категория *пространство* занимает значимое место и при структуризации политического дискурса. Определяя место политического дискурса в системе категорий коммуникации, Л.Е. Бессонова рассматривает когнитивные модели его организации, в основе которых лежит коммуникативное событие, порождающее политический текст. Политический текст представляется как динамичная знаковая структура, обусловленная спецификой коммуникативного события. Исследователь отмечает, что «дискурс утверждает свое место в системе категорий коммуникации, прежде всего, через понятие “текст” (хотя таковым текстом в чистом виде не является), также через понятие “речь”, через создание определённого коммуникативного пространства, где и происходит коммуникативное событие, порождающее текст» [2, с. 25]. Л.Н. Синельникова подчёркивает, что «коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса могут быть описаны прежде всего по признаку оценки, которая передаются с помощью специфических языковых средств и риторических приёмов. Семантика оценки (положительной или отрицательной) обнаруживает основные установки политической коммуникации: воздействие на ценностную картину мира и манипулирование общественным мнением» [11, с. 35].

С целью описания коммуникативно-прагматического содержания политического текста в данном исследовании рассматривается ряд бинарных оппозиций, обусловленных архетипическими представлениями человека о мире. Под оппозицией принято понимать объединение двух различных объектов, «связанных таким образом, что мысль не может представить один, не представив другой. Единство оппозитивных членов всегда формируется при помощи понятия, имплицитно содержащего оба противочлена и разлагающегося на эксплицитную оппозицию, когда оно относится к конкретной действительности» [10, с. 136]. Выявление содержания и структуры концептуальной

оппозиции *верх/низ* через систему средств её вербальной репрезентации в политических текстах и является **целью** работы.

Необходимо отметить, что при описании концептуальных оппозиций важным является не только исследование концептуального содержания слова, но и, что очень важно, его валентностного семантического потенциала. На наш взгляд, это обусловлено тем, что номинативное поле ключевого слова *пространство* объёмно и обладает высокой степенью номинативной плотности, а значит, вербализация данной единицы будет представлена разнообразными парадигмами. Этот факт свидетельствует о релевантности репрезентантов пространственных единиц в языковой картине мира. Анализ показал, что категория *пространство* является основой реализации в политическом тексте ассоциативно-прагматического потенциала ключевых слов, представляющих текст на основе горизонтального (*путь, дорога, тропа, тропинка, стезя, колея* и др.) и вертикального (*гора, вершина, пик, пропасть, обрыв* и др.) векторов. Механизмы актуализации концептуального содержания пространственных единиц в политических текстах определяются специфическими прагматическими установками языкового сознания носителя языка.

Как показал анализ словарных интерпретаций и контекстный анализ, семиотическая оппозиция *верх/низ* вербализуется с помощью языковых единиц с пространственной семантикой. По замечанию лингвистов, вторичность «отпространственных» значений в языке интерпретируется по-разному: как метафорическое преобразование семантики у предлогов, как развитие вторичных (непространственных) функций у пространственных моделей в языке, как система непространственных смыслов, формирующихся вокруг пространственного прототипа у полисемичного слова, как параллелизм пространственных и темпоральных отношений и задание когнитивных операций для преобразования членов разных категорий [6, с. 195–196]. Для характеристики явлений и отношений, принадлежащих не физическому, а политическому и социальному пространству, в текстах выявляются топологические оппозиции, построенные на основе горизонтального и вертикального векторов. Семное варьирование возможно в процессе контекстного противопоставления лексических единиц. Как показал анализ, бинарными оказываются не только *верх* и *низ* конкретного объекта вертикальной плоскости, но и конечные точки всей вертикальной оси, образуя при этом соответствующие оппозиции. Например, для политических текстов последних пяти лет наиболее активными являются такие конечные точки оси, как *гора, вершина, пропасть, яма, дно*: *В принципе, страна уже набрала хороший разбег, но этот разбег может привести как на гору, так и в пропасть. Если появится правильная стратегия и видение, если появится правильное лидерство, то страна серьёзно поднимется в гору* (Дайджест, 23.08.2007). *Мировая экономика медленно идёт ко дну* (<http://www.bagnet.org/news>, 25.09.2012). *Украина продолжает катиться в долговую яму* (<http://kontrakty.ua>, 25.02.2013). *Александр Аузан отмечает, что, упав на дно, российская экономика может просто не найти ресурсов, чтобы с этого дна подняться* (Эхо Москвы, 21.04.2010). *Власть тащит аграрный рынок на дно неумелым менеджментом* (Корреспондент.net., 5.11.2012). *Янукович рассказал, как Украина балансировала над пропастью* (Главред, 1.03.2013). При погашении архисемы 'пространство' в таких контекстах происходит значительная перестройка семной структуры рассматриваемых единиц. Политическая семантика лексической единицы «гора» возникает в результате актуализации сем 'цель', 'желаемый результат'. Прагматические смыслы позволяют лексеме «пропасть» актуализировать в тексте семы 'нежелательный результат', 'провал'. Таким образом, за счёт противопоставления лексических единиц «гора – пропасть» актуализируются оценочные компоненты: «гора» ('цель') – это хорошо, «пропасть» ('провал') – это плохо. Такие локусно ориентированные аксиологические характеристики весьма важны для осмысления внешнего мира человеком, прежде всего, его социального пространства. По убеждению Н.Д. Арутюновой, аксиологические характеристики в одно и то же время зависят от внешнего мира и независимы от него. Предметом оценивания может стать не всякое явление действительности, но лишь то, что нужно человеку и Человечеству: «Для того чтобы оценить объект, человек должен “пропустить” его через себя: природа оценки отвечает природе

человека [...]» [1, с. 181].

В политическом тексте *гора* может представляться как искусственно созданное препятствие, преодоление которого не приводит к желаемым результатам. Так, продвижение к вершине становится не способом достижения цели, а причиной возникновения новых проблем и общественных конфликтов: *Есть что-то несуразное в том, что «восьмерка» забирается всё выше в горы для того, чтобы решать проблемы глобального характера, а количество людей, возражающих против этого, становится всё больше* (<http://2007.kremlin.ru>). В таких контекстах наблюдается смысловая модификация семы 'высота', при которой происходит расщепление семы с появлением нового семного конкретизатора 'сложность при достижении вершины'. Наряду с локусной оппозицией «под горой» – «на вершине горы» в политическом тексте активно функционирует оппозиция «под горой – за горой». Так, в первом случае «гора» становится препятствием для **передвижения** в пространстве, а во втором – преградой для **обозрения** пространства. Видеть то, что происходит за горой, может только проницательный и заинтересованный субъект: *Прокуратура должна продемонстрировать, что это элита, которая смотрит не на то, что делается под горой, а на то, что делается за горой. Она дальше всех видит, у неё есть тот уникальный инструментарий, который может поставить точку в этих вопросах* (<http://2008.liga.net/news.asp?nid=181756>). Таким образом, «гора» как фрагмент пространственного мировосприятия становится важным объектом не только для динамического субъекта, но и для статического.

Украинский политический дискурс отличается спецификой интенционального содержания, многополярностью и многовекторностью. Изменение семантики слов проходит не только на денотативном, но и на коннотативном, прагматическом уровне, где лексемы с пространственной семантикой приобретают новые семантические признаки. Изучение метафорических значений, реализуемых на основе новых семантических признаков, является перспективой дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Бессонова Л.Е. Коммуникативные аспекты политического дискурса // Учёные записки ТНУ имени В.И. Вернадского. Серия «Филологические науки». – Т. 16 (55). – № 1. – Симферополь, 2004. – С. 22–27.
3. Гак В.Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств : сб. статей / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 127–135.
4. Демьянков В.З. Событийность в языке средств массовой информации // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования : Тезисы докладов Международной научной конференции. Москва, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 25–27 октября 2001 года. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С. 59–60.
5. Ермакова В.А. К вопросу о мифологической модели пространства [Электронный ресурс] – Режим доступа: // <http://www.ksu.kz/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=515>.
6. Королёва Ю.В. Категория пространства и способы её трансформации в языке (на материале русских глагольных префиксов) // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эммер и др. [отв. ред. – проф. З.И. Резанова]. – Томск : UFO-Plus, 2007. – С. 188–226.
7. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств : сб. статей / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 84–93.
8. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка // СЛЯ. – 1997. – Т. 56, № 3. – С. 22–31.
9. Лотман Ю.М. Семиотика пространства // Избранные статьи : в 3-х т. – Таллин, 1992. – Т. 1. – С. 386–472.
10. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М. : Высшая школа, 1982. – 272 с.
11. Синельникова Л.Н. Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2010. – № 1 (31). – С. 34–38.
12. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М. : Гнозис, 2004. – 326 с.

Е.И. Семиколонова

ВИДОВЫЕ ПАРЫ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМЫ, СОДЕРЖАНИЯ, ОБЪЁМА

Описание грамматики русского глагола, как и других частей речи, предполагает выделение и систематизацию грамматических форм и значений, характерных для этого класса слов. В традиционной грамматике это чаще всего осуществляется на основании тех же принципов, которые лежат в основе описания других частей речи, прежде всего имени существительного. С одной стороны, это понятно – грамматика всех частей речи должна строиться на одних основаниях. С другой стороны, имя и глагол имеют разную природу, что часто делает весьма затруднительным использование одинаковых критериев при их описании и систематизации. Как известно, семантическая структура глагола по сравнению с другими частями речи наиболее сложна и многоаспектна. «В семантике глагольных лексем превалирует синтагматическая значимость над номинативной», – отмечает А.А. Уфимцева [11, с. 172]. Глаголы в отличие от имен называют процессы, протекающие во времени и в пространстве. Природа любого действия такова, что оно обладает своей «внутренней» динамикой, развивается по своим «внутренним» законам. Любое действие объёмно, многомерно, оно неразрывно связано с обстоятельствами своего осуществления. Реальное значение глагола проявляется только в контексте, глагольная семантика по преимуществу носит функциональный характер. Поэтому при выделении и описании как лексической, так и грамматической семантики глагольного слова возникает ряд существенных трудностей. Это касается описания всех глагольных категорий, и в первую очередь – категории вида. Об этом пишет, например, Н.В. Перцов: «...вид самым существенным образом отличается по своей природе от классифицирующих категорий существительного» [4, с. 344]. Далее автор приводит ряд убедительных доказательств [4, с. 344–345]. Именно в этом, на наш взгляд, одна из причин того, что многие проблемы, ставшие уже классическими, не могут быть разрешены в рамках традиционных подходов. В частности, это касается проблем, связанных с понятием «видовая пара». Здесь можно выделить несколько аспектов, тесно связанных друг с другом:

- формальные отношения между членами видовой пары (формы одного слова или разные слова);
- количество видовых пар в кругу глагольной лексики;
- семантические отношения между членами видовой пары.

I. Как известно, видовой парой называется «пара лексически тождественных глаголов совершенного (далее – СВ) и несовершенного (далее – НСВ) вида, различающиеся между собой только грамматической семантикой вида» [7, с. 583]. Что касается вопроса о формальных отношениях между членами видовой пары (формы одного слова или разные слова), то по этому поводу существует обширная литература, обзор которой находим, например, в работе А.А. Зализняк и А.Д. Шмелёва [2, с. 14–16]. Заключая его, авторы пишут: «Впрочем, вопрос об отнесении вида к словоизменительным или словообразовательным категориям для современной аспектологии не имеет принципиального значения. Всё существенное, что можно сказать про русский вид, можно сформулировать в рамках как того, так и другого подхода» [2, с. 16]. На наш взгляд, проблема определения типа категории вида остаётся важной как для развития грамматической теории, так и для практики. Например, при составлении словарей или обучении русскому языку как иностранному. Тем более, что существующие мнения, например, «Члены обеих корреляций в толковых словарях русского языка разрабатываются в одной словарной статье. Это не что иное, как признание их грамматическими формами одного глагола» [10, с. 473]; или: «Если обратиться к практике отражения видовых форм в словарях, то можно заметить тенденцию

к представлению их как разных лексем, то есть как единиц, различаемых по классифицирующей категории» [4, с. 343], вряд ли способствуют прояснению ситуации: ведь практика лексикографии опирается на грамматическую теорию. На современном этапе развития аспектологической теории более продуктивным можно считать подход, в соответствии с которым отмечается промежуточный характер русского вида с точки зрения противопоставления словообразования и словоизменения. Формы глагола, различающиеся только значением категории вида, можно с разными основаниями рассматривать как формы одной лексемы или как разные лексемы: «В силу принципиально промежуточного характера категории русского вида, на наш взгляд, бесплодно настаивать на некоторой определённой трактовке этой категории – “жёстко словоизменительной” или “жёстко словообразовательной”» [4, с. 345]. В этом отношении убедительны и размышления Л. Ясаи: «Если доказывается, что вид имеет и признаки словоизменения, и признаки словообразования, то целесообразно охарактеризовать его как промежуточную категорию» [13, с. 82–83]. Тем более что речь идёт о специфике семантических отношений между членами видовой пары, которые далеко не всегда вмещаются в прокрустово ложе не совсем ясного «лексического тождества» [8, с. 224].

II. Ответ на вопрос о том, насколько полно видовая парность охватывает весь класс глагольных слов, зависит от ряда теоретических положений, о которых уже говорилось выше, а также от тех формальных и семантических критериев, которые используют лингвисты при установлении видовой парности. Прежде всего существует широкое и узкое понимание видовых пар. Широкое понимание (более распространённое в школьной практике) считает видовой парой и те случаи, когда её компоненты различаются не только видовой, но и лексической семой: «ехать – заехать», «писать – подписать» и т.п. Узкое понимание видовой пары (более характерное для академических исследований) считает видовой парой ту, в которой компоненты различаются только грамматической категорией вида при абсолютном тождестве лексического значения: «писать – написать», «подписать – подписывать» и т.п. По мнению В.А. Горпинича, вторая тенденция научно более корректна [1, с. 190–191]. Однако и в классической литературе можно встретить утверждение о «сплошной видовой парности» русского глагола. Например, А.М. Пешковский писал: «Все русские глаголы, за ничтожными исключениями, распределяются по парам» [5, с. 106]. Эту точку зрения во многом разделяет А.Н. Тихонов. По его мнению, парные по виду глаголы играют в системе современного русского языка исключительно важную роль. Они составляют более 75% всей глагольной лексики. Двувидовых глаголов – не более 5–6%, непарных (одновидовых) глаголов около 20%. Причём класс парных образований активно пополняется [10, с. 470–471]. Новые данные о соотношении парных и непарных по виду глаголов получены М.Ю. Чертковой. Специальные семантические исследования различных типов видовых корреляций, выявление универсального диагностирующего контекста для установления видовой парности, разработка критериев истинности видовой пары позволяют сделать вывод «о тенденции развития категории вида в современном русском языке по пути универсализации видового противопоставления во всём объёме глагольной лексики. Статистический анализ количества парных и несоотносительных по виду глаголов в современном русском языке показал следующее процентное соотношение – 97% и 3%» [12, с. 134]. Но справедливость подобного подхода существенно зависит от понимания видовой коррелятивности. В частности, от решения вопроса о принадлежности к этой совокупности префиксальных пар типа *делать – сделать* или глаголов с суффиксом *-нуть* и соответствующих им глаголов НСВ типа *«толкать – толкнуть»*. Но даже в случае признания их «нормальными» видовыми парами процент одновидовых глаголов, по мнению Н.В. Перцова, остается достаточно высоким. Если же не рассматривать префиксальные пары в качестве «нормальных» видовых, то процент одновидовых глаголов достигает 35% и более [4, с. 346]. При подсчёте на уровне не глагола в целом, а его отдельного значения, лексико-семантического варианта, одновидовые глаголы, по данным А.К. Поливановой, составляют 70% от общего числа глаголов [6, с. 221]. Таким образом, существуют значительные

расхождения в определении объёма видовой парности, что в значительной степени связано с различным пониманием формальных и семантических отношений между видовыми коррелятами.

III. Если следовать за «Русской грамматикой» и определить категорию вида «как систему противопоставленных друг другу двух рядов форм глаголов, обозначающих ограниченное предельное целостное действие (глаголы СВ), и ряда форм глаголов, не обладающих признаком ограниченного предельного целостного действия (глаголы НСВ)» [7, с. 583], то видовую пару составляют только предельные глаголы. При этом глагол НСВ обозначает предельное действие, направленное на результат, а глагол СВ – результат предельного действия. Таким образом, отношения в видовой паре характеризуются только как процессно-результативные. Однако как только мы начинаем анализировать характер отношений в традиционной видовой паре даже в минимальном контексте, оказывается, что «направленность на результат», как и «результат предельного действия», довольно часто могут быть выявлены только при поддержке контекста, особенно если речь идёт о многозначных глаголах. Этот тип отношений между глаголами НСВ и СВ не единственный, существуют и другие типы противопоставлений, которые регулярно повторяются, что свидетельствует об их системном характере. Более того, процессно-результативные отношения реализуются далеко не всегда. Рассмотрим несколько примеров. Глаголы «проявлять – проявить», по данным 17-томного «Словаря современного русского литературного языка», имеют два значения: 1. Обнаруживать какие-либо свои внутренние свойства, чувства и т.п. *Проявить мужество*. 2. Обработывая специальным раствором, делать видимым изображение снятого предмета (на плёнке, пластинке). *Не знаю, что было сложнее – **проявить** фотоплёнку или прочитать документы экспедиции* (В. Каверин). Лишь во втором значении глагол НСВ «проявлять» обозначает направленность действия на достижение результата, в таком случае между глаголами НСВ–СВ действительно прослеживается детерминативная связь, которая идет по линии НСВ => СВ, формируя процессно-результативные отношения. В первом же значении глагол НСВ «проявлять» не обозначает действие как развёртывающийся процесс, направленный на достижение результата; между глаголами НСВ и СВ «проявлять – проявить» детерминативных отношений не прослеживается. Они противопоставлены как выражающие многократное и однократное действие. Подобные отношения типичны для целого ряда глаголов, называющих какие-либо ментальные действия или состояния. Так, в паре «испытывать – испытать» в значении «проверить чьи-либо качества, свойства, пригодность к чему-либо» глагол НСВ обозначает действие, направленное на достижение результата, а глагол СВ – действие результативное; детерминативные отношения устанавливаются по линии НСВ => СВ: *На полигоне **испытывали** новое оружие*. В значении ‘изведать на собственном опыте, почувствовать какое-нибудь событие, переживание, ощущение’ глаголы НСВ–СВ уже не связаны детерминативно-следственными отношениями: *Они всегда **испытывали** симпатию друг к другу* (М. Колесников). Глагол НСВ («испытывать») имеет значение кратности, что подчёркнуто лексическим детерминантом «всегда». Ср. *Этьен **испытал** мимолётное сожаление* (Е. Воробьёв), где в глаголе СВ («испытать») слиты начало и конец действия, то есть в этом значении глаголы «испытывать – испытать» выражают многократно-однократную противопоставленность. В глаголах «пронизывать – пронизать» в значении ‘продевая сквозь отверстие, нанизывать’ // ‘низать (бисер, жемчуг) в промежутках между чем-л.’ выражается противопоставленность действия, направленного на достижение результата, и результат активного действия, т.е. детерминативно-следственные отношения идут по линии НСВ => СВ. В переносном значении ‘проникая, вызывать какие-л. физические ощущения (о ветре, холоде, сырости и т.п.)’ характер отношений между глаголами «пронизывать – пронизать» меняется. Ср.: *Мороз **пронизал** (пронизывал) всё тело*. С точки зрения логической связи в глаголе СВ («пронизать») фиксируется не результат предшествующего развёртывающегося процесса, продолжение которого обозначено глаголом НСВ, а начало действия, которое испытывает на себе субъект: «сначала мороз

пронизал, а потом пронизывал». Подобный тип отношений можно наблюдать и между глаголами «отражаться – отразиться», которые в значении «воспроизводиться, давать своё изображение на гладкой, полированной поверхности» выражают отношения, которые можно охарактеризовать как начинательно-процессные: *Он ещё раз взглянул на запылённое зеркало, в котором **отражались** часы* (Е. Воробьёв). Часы сначала в какой-то момент отразились, а потом отражались. В значении ‘оказать влияние, воздействие на кого-, что-либо’ детерминативная связь между глаголами НСВ и СВ отсутствует, глаголы «отражаться – отразиться» противопоставлены здесь как выражающие многократные и однократные действия: *Эта история **отразилась** на нём несколько странным образом* (А. Куприн). Ср.: *Но настолько велика была у первых студентов тяга к знаниям, что все эти бытовые неурядицы совершенно не **отражались** на занятиях* (К. Терпиг.). Наблюдения показывают, что процессно-результативный тип отношений реализуют, как правило, глаголы физического действия, обозначающие такой процесс, при котором требуется активный деятель. При отсутствии активного субъекта действия эти же глаголы чаще всего выражают начинательно-процессные отношения. Аналогичные противопоставления мы наблюдаем в глаголах «перегораживать – перегородить», «разделять – разделить», «отделять – отделить», «окаймлять – окаймить» в следующих контекстах: 1. *В этом месте река **разделяла** лесную чащобу* (Я. Цветов). 2. *Где-то рядом был их шалаш. Потом я наткнулся на сеть, которая **перегораживала** протоку* (Э. Ставский). 3. *Длинная полосатая стрела илагбаума **перегородила** тракт* (А. Офин.). 4. *Южный конец её [земли] за обрезом карты уходил к Керченскому полуострову; на острове синяя ниточка пролива **отделяла** её от занятого немцами Геническа* (К. Симонов). 5. *Но теперь горы будто стали ближе и доступнее. Белым венком последнего снега они будто **окаймляли** долину* (Е. Воробьёв). В приведённых примерах нет активного субъекта, который производил бы действие, направленное на достижение результата, как, например, в предложениях: 1. *Семён настлал полы, **перегородил** полы на две части* (Н. Укусов). 2. *Все смотрели, как он **разделял** поле на участки*. 3. *Он был занят тем, что **отделял** перегородкой часть комнаты*. Таким образом, в видовой паре наряду с процессно-результативными отношениями регулярно воспроизводятся однократные – многократные и начинательно-процессные отношения. Причём все эти типы могут реализоваться в границах одной видовой пары. Сравним характер отношений между глаголами «украшать – украсить» в следующих примерах: 1. *В тот зимний вечер, о котором я рассказываю, у нас в семье **украшали** ёлку* (К. Паустовский). 2. *Не обошла Гладкова стороной и война. Он командовал батальоном. Был дважды ранен. Четыре боевых ордена **украсила** его гимнастерку* (В. Чичков). 3. *И, в меру тяготясь, Этьен провёл в Дуомо около трёх часов, внимая богослужению, которое **украшал** превосходный хор* (Е. Воробьёв). В первом предложении глагол «украшать», обозначая конкретное физическое действие, совершаемое активным лицом, имеет значение направленности на достижение результата. Соответственно глагол СВ («украсить») будет иметь значение результативности как следствие предшествующего развертывающегося процесса, причем результативность совпадает с исчерпанностью действия (нельзя сказать «украсили ёлку и продолжали украшать»). Глагол НСВ может иметь конативное значение («украшали и к вечеру украсили»). Следовательно, глаголы «украшать – украсить» в этом значении и идентичных контекстах противопоставлены как выражающие действие, направленное на достижение результата, и результативное. Что касается глагола «украсить» во втором примере, то он тоже имеет перфектное значение, но характер сохранения результата действия в данном случае иной: если в первом случае он связан с исчерпанностью результативного действия (нельзя допустить дистрибуцию – «украсили ёлку и продолжали украшать»), то во втором глаголы СВ имеют значение начала процесса, а соотносительные глаголы НСВ воспринимаются как естественное его продолжение: *Четыре боевых ордена **украсили** (украшали) его гимнастёрку*. Соответственно меняется характер детерминативно-следственных отношений: в первом случае они идут по линии НСВ => СВ, а во втором – СВ => НСВ, как и в других в парах, выражающих начинательно-процессный

тип. В третьем примере между глаголами «украшать» *Четыре боевых ордена украсили* «украсить» характер отношений изменился: прежде всего глагол НСВ уже не обозначает направленности действия на достижение результата и не может иметь конативного значения (нельзя: Богослужение украшал превосходный хор, но не украсил). В самом глаголе НСВ уже заключено значение результата, а не попытка к его достижению. Таким образом, видовые различия между глаголами НСВ и СВ нейтрализованы, что характерно для так называемых глаголов «непосредственного, непрерывного эффекта» (в терминологии Ю.С. Маслова). Следовательно, семантическое содержание видовой оппозиции модифицируется в зависимости от реализации того или иного значения глагола, контекста, ситуации. Оно может быть представлено несколькими типами отношений, в частности:

1. Глагол НСВ обозначает действие как разворачивающийся процесс, направленный на достижение результата, – соотносительный глагол СВ – действие результативное (процессно-результативный тип).

2. Глагол СВ обозначает начало процесса – соотносительный глагол НСВ – его продолжение (начинательно-процессный тип).

3. Глагол НСВ обозначает действие многократное – соотносительный глагол СВ – однократное (многократно-однократный тип) [9].

4. Различия между глаголами НСВ и СВ нейтрализованы, их противопоставленность становится чисто формальной, что свидетельствует о грамматикализации отношений между ними. Однако только первый тип (1) почему-то рассматривается как грамматический, тогда как остальные (2 и 3) определяются в границах способов глагольного действия, «хотя до сих пор «отношение способов действия в морфологии не раскрыто» [10, с. 469]. Но семантические отношения во всех перечисленных нами оппозициях также носят системный характер, что свидетельствует о близости и даже совпадении их грамматической природы. В этом отношении весьма ценным является мнение А.В. Исаченко: «...в силу своего обобщающего, абстрагирующего характера грамматика обладает способностью вовлекать в круг грамматических отношений явления лексические» [3, с. 46].

В связи с этим, на наш взгляд, целесообразно пересмотреть традиционное понимание грамматического содержания отношений в видовой паре, не ограничивая его только процессно-результативным типом, включить и семантические противопоставления, которые носят многократно-однократный, начинательно-процессный характер. Таким образом, можно говорить о более разнообразном регистре отношений между членами видовой пары и о расширении круга парных глаголов.

Список литературы

1. Горпинич В.О. Українська морфологія : навчальний посібник. – Дніпропетровськ : ДДУ, 2000. – 359 с.
2. Зализняк А.А., Шмелёв А.Д. Введение в русскую аспектологию. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 226 с.
3. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. – Ч. 2. – Братислава : Изд-во Словацкой АН, 1960.
4. Перцов Н.В. Русский вид: словоизменение или словообразование // Типология вида. – М. : Языки русской культуры, 1998. – С. 343–355.
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М. : Учпедгиз, 1956.
6. Поливанова А.К. Выбор видовых форм глагола в русском языке // Russian Linguistics, 1985. – V. 9.
7. Русская грамматика : в 2-х т. – Т. 1. – М. : Наука, 1980. – 707 с.
8. Семиколонова Е.И. Вопросы тождества слова при изучении грамматики русского языка // Русский язык и литература в общении народов мира: Проблемы функционирования и преподавания : Тезисы докладов и сообщений. – М. : Рус. яз., 1990. – С. 224.
9. Соколов О.М. Основы имплицитной морфологии русского языка. – М. : Изд-во РУДН, 1997. – 202 с.
10. Тихонов А.Н. Видовые корреляции в современном русском языке // Типология вида. – М. : Языки русской культуры, 1998. – С. 466–477.

11. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М. : Наука, 1968. – 272 с.
12. Черткова М.Ю. Грамматическая категория вида в современном русском языке. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 170 с.
13. Ясаи Л. О принципах выделения видовой пары в русском языке // Вопросы языкознания. – 1997. – № 4. – С. 79–85.

И.В. Чепурина

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

Предметом исследования являются глаголы с семой эмотивности в логико-предметной части лексического значения. При этом эмоциональные смыслы передаются ядерным компонентом («тосковать» ‘испытывать тоску’; «обожать» ‘питать к кому-, чему-л. чувство сильной, доходящей до преклонения любви’) или конкретизирующим, где в статусе дифференциальных сем они уточняют содержательно различные (неэмотивные) категориально-лексические семы («пробудить 3» ‘вызвать к жизни, возбудить (чувство, желание и т.п.)’; «мечтать» ‘создавать мысленный образ чего-л., представление о чём-л. желаемом, приятном’). Подтверждение возможности такого подхода находим у Э. Сепира: «...у большинства слов, как вообще у всех элементов сознания, есть свой побочный чувственный тон, слабый, но отнюдь не менее реальный, а порою даже предательски могущественный отголосок удовольствия и страдания» [18, с. 32]. В пользу этого говорят наблюдения учёных, в частности Г.М. Кафтоновой, в отношении того, что в значении слова неизбежно оживают следы прежней деятельности человека, сопровождавшейся той или иной эмоциональной реакцией [11, с. 125], и М.Д. Цыпиной (Лейн) о том, что эмоциональный (в терминологии автора эмоционально-логический) видовой признак понятия может относиться либо к родовому эмоциональному признаку, либо к иному, неэмоциональному предметно-логическому признаку. В последнем случае эмоциональный признак находится «в понятии, имеющем систему с опосредованием», и, таким образом, «участвует в системообразующем отношении не непосредственно, а опосредованно, через другие признаки» [23, с. 100–106]. Наконец, данный принцип определения эмотивной лексики предложен представителями екатеринбургской семантической школы, в частности Л.Г. Бабенко в работе «Лексические средства обозначения эмоций в русском языке». Автор называет эмотивным такое значение, в семной структуре которого содержится сема эмотивности того или иного ранга, т.е. это значение, в котором каким-либо образом представлены эмотивные смыслы [3, с. 16]. Справедливо, на наш взгляд, мнение М.Д. Цыпиной о том, что различные роли эмоционального признака в разных понятиях создают «иллюзию его качественной неоднородности и вводят в заблуждение сторонников непонятной природы эмоции в словах (значениях слов) на языковом уровне» [23, с. 105]. Методика выявления эмотивных глаголов опирается на сплошную выборку из толкового словаря с учётом дефиниций, содержащих разного рода указания на эмоцию. Эмотивная лексика ситуативна в своей денотативной основе, так как эмоции нерасторжимо связаны с субъектом, их испытывающим, и объектом, их вызывающим. Глагол является частью речи, наиболее приспособленной для отражения эмоций: он обязательно ориентирован на сферу субъекта или на сферу объекта [22, с. 138]. Это определяет «драматургичность», «событийность» глагольной семантики, наиболее адекватно отражающей ситуации действительности, чем, очевидно, и объясняется преобладание глагольной эмотивной лексики. Именно глагол как стилистически и семантически богатая категория располагает большими возможностями для изображения чувств в разнообразных ракурсах и оттенках. Эмоции передаются глаголом как состояние («горевать», «мучиться», «скучать», «злиться») и как становление состояния («расстроиться», «пресытиться 2», «мрачнеть 2»), как отношение («ненавидеть», «жалеть», «обожать») и как воздействие («смешить», «мучить», «злить», «томить»), а также как внешнее проявление эмоций («смеяться», «целовать»,

«стонать 2»). Следовательно, языковая модель эмоционально-психической деятельности такова, что в ней эмоции предстают не как самодовлеющие абстрактные величины, а как различные субстанциональные сущности. Номинации этих сущностей Л.Г. Бабенко относит к разряду суперклассификаторов, которые «составляют один из важнейших подклассов лексики в целом, её «соединительную ткань» [3, с. 80]. Они отражают таксономию, существующую в «картине мира», представленной в естественном языке» [7, с. 150]. Языковое представление эмоций как субстанциональных сущностей («состояние», «становление», «отношение», «воздействие», «внешнее проявление») определяет специфику исследуемой лексико-грамматической группы.

В научной литературе неоднократно подчёркивалось, что каждая лексико-семантическая группа не является строго изолированным образованием, между глаголами разных групп существуют смысловые связи. «Семантические поля не разделены жёсткими преградами, – пишет А.М. Кузнецов, – и часто взаимодействуют друг с другом», по мере приближения к периферийным областям смысловые связи в центре поля могут значительно ослабляться, образуя зоны семантического “возмущения”, в которых отдельные элементы поля ... либо вовсе отрываются от него, либо становятся принадлежностью сразу двух или нескольких семантических полей» [14, с. 16, 17].

Связь эмоциональных глаголов с глаголами других полей осуществляется главным образом следующими способами: 1) через ядерные и периферийные компоненты того или иного семантического класса. Так, например, связаны многие глаголы эмоционального состояния и отношения с полями речи, поведения, интеллектуальной деятельности, восприятия и др. Это объясняется известным положением о том, что эмоциональные процессы являются своеобразной составляющей психических состояний человека наряду с волевыми проявлениями и интеллектуальными состояниями. К числу эмоциональных явлений, связанных с волевой деятельностью человека, относятся такие, как решительность и нерешительность, уверенность и неуверенность, желание, надежда и др. С умственной деятельностью связаны любопытство, сомнение, скука, апатия, озадаченность, удивление, изумление, недоумение и пр. «Мы никогда не говорим и не мыслим абсолютно рассудочно, – пишет Ш. Балли, – но, с другой стороны, эмоциональная доля мысли может быть настолько мала, что её языковое выражение практически следует зачислить в категорию логического знака. Но верно также и обратное: чувство может господствовать настолько, что идея кажется сведённой к нулю...» [4, с. 23]. Ср.: «презирать» ‘относиться с неуважением к кому-л. и считать кого-л. недостойным уважения, внимания и т.д.’, «любоваться» ‘испытывать восхищение, удовольствие, наблюдая чью-л. деятельность, поступки’, «раскаяться» ‘почувствовать сожаление по поводу своего поведения, признать его ошибочным или дурным’, «обмануться» ‘заблуждаясь, испытать разочарование в ком-, чём-л.’, «увлечься» ‘всецело отдаться какому-л. занятию, переживанию и т.п.; оказаться захваченным чем-л.’. Помимо указанных трёх классов психологической триады (эмоции – воля – интеллект) вычленяются и так называемые сквозные психические процессы, объединяющие предыдущие с такими, как память, внимание, воображение, речь, поведение...» [13, с. 10]. Ср.: «позорить» ‘компрометировать кого-л. своими поступками или посредством речи’, «проклясть» ‘жестоко выругать, подвергнув брани, осуждая, выражая гнев, негодование’, «мечтать» ‘создавать мысленный образ чего-л., представление о чём-л. желаемом, приятном’ и т.д.;

2) через корреляции прямых и переносных значений. Имеется ряд фундаментальных работ, в которых раскрывается образная основа эмотивной лексики, своеобразие её семантической структуры и функционирования [1; 2; 5; 7; 19]. Авторы этих работ сходятся в едином мнении: пополнение лексики непредметного мира, в том числе и мира чувств, осуществляется по преимуществу за счет конкретной лексики. Анализ внутренней «обратной связи» вторичных эмотивных значений с их первичными производящими значениями обнаружил определенные тенденции в пересекаемости эмотивной лексики. Так, согласно нашим исследованиям, универсальный способ ассоциативно-образного

изображения эмоций – использование наименований с семантикой уничтожения / разрушения, движения; физиологического состояния и болезни, температурных характеристик, отделения / разделения. Эта лексика составляет около 60% от общего числа метафорически-производных эмотивных значений. Выявлены также определённые закономерности в пересекании денотативных классов эмоций с различными лексическими группами. Так, денотативный класс «горе» активно пересекается с лексикой уничтожения («казнить 3», «душить 2», «грызть 2,3», «заклевать 2», «затравить 3» и др.), повреждения («надорваться 3», «надломиться 2», «раздирать 3» и т.п.), болезни («болеть 2», «переболеть 2»), физиологического жеста («понюхать 3», «хлебнуть 3»), звучания («стонать 2»), горения («палить 6», «пропечь 3»), исчезновения («сохнуть 3», «таять 2»). Таким образом, горе, как самое трагическое и тяжёлое чувство, ассоциируется в человеческом сознании с разрушением, уничтожением, болью. Чувство беспокойства соотносится в первую очередь с представлениями о горении («сгореть 6», «зажечь 3», «разжечь 2», «накаляться 2», «распалиться 2» и др.), с движением («всколыхнуться 2», «трястись 2» и др.), физиологическим состоянием и жестом («горячиться 2», «лихорадить 2», «охмелеть 2» и др.). Лексика грусти пересекается с лексикой давления («гнести 3», «давить 2», «теснить 2»), падения («поникнуть 2»), цвета («темнеть 3», «мрачнеть 2»). Чувство злости ассоциируется с действиями и признаками отдельных животных («окрыситься», «ощетиниться 2»), с болью и болезнью («язвить 2», «жалить 2»), кипением жидкого вещества («кипятиться 3», «пузыриться 3») и т.д. Подобным образом можно рассмотреть все денотативные классы эмотивной лексики и обнаружить, что каждое конкретное чувство имеет специфику образного изображения, которая, в частности, проявляется в уникальных связях с другой лексикой. В таких частных закономерностях отражаются особенности общечеловеческой культуры, характерные интеллектуальные ассоциации и вместе с тем выявляются специфические черты каждого отдельного языка и культуры, отражаемой в нём [8, с. 489].

Отмечается, что речевая модель эмоциональной деятельности, представленная вторичными номинациями, в целом повторяет языковую модель этой деятельности, но имеет иное внутренне соотношение семантических классов [3, с. 82]. Вторичные номинации некоторым образом выравнивают асимметрию в системе первичных номинаций эмоций: уменьшается доля лексики эмоционального состояния, увеличивается доля лексики становления эмоционального состояния, эмоционального отношения и внешнего выражения эмоций. «Речь компенсирует семантическую недостаточность языковых лексических средств в изображении эмоций и пополняет вторичными номинациями те семантические классы, которые характеризуются низкой семантической представленностью» [Там же].

Специфика исследуемого класса глаголов определяет разнообразие их смыслового содержания, эмоциональной и стилистической окраски. Анализ эмотивов с этих позиций позволил определить структуру данного лексического множества, выделил его ядро и периферию. Их образуют следующие группы:

1. Глаголы с исконно первичной эмоциональной семантикой. Они представляют ядро исследуемой ЛСГ. Содержательная природа таких слов, закреплённая в лексической семантике, соответствует их семантико-синтаксической функции в речи. Преобладают эмотивы со значением состояния – *горевать*, *грустить*, *тужить*, *скорбеть*, *страдать*, *жалеть*, *гневаться*, *ликовать*, *досадовать*, *трусить*, *скучать*, *гордиться*, *радоваться*, *веселиться*, *опасаться* и пр.; эмоционального воздействия – *ожесточить*, *гневить*, *забавлять*, *огорчить*, *угодить*, *мучить*, *томить*, *терзать*, *влюбить*, *страшить*, *стыдить*, *ужасать*, *тревожить*, *печалить*, *сердить*, *соблазнить* и др., реже встречаются наименования со значением отношения – *любить*, *жалеть*, *боготворить*, *льстить*, *почитать*, *брезговать* и т.д.

Как правило, такие глаголы образованы от именных основ с первичным значением чувства, состояния. Ср.: *страх* – *страшить*, *гнев* – *гневить*, *грусть* – *грустить*, *скорбь* – *скорбеть*, *стыд* – *стыдить*, *досада* – *досадовать*, *ужас* – *ужасать*, *горе* – *горевать*, *скука* – *скучать*, *веселый* – *веселить*, *жестокий* – *ожесточить* и пр.

Значительную часть этой группы составляют генетические, или этимологические, метафоры, исторически производящее слово которых вышло из употребления или разошлось по значению с производным. Ср.: «обожать» (первоначально ‘почитать богом’), «кичиться» (первоначально ‘поднимать голову’), «опешить» (от ‘стать пешим’), «удручить» (первоначально ‘ударить палкой’), «ошеломить» (от ‘сбить шлем’), «восхитить» (первоначально ‘уносить насильственно, хватать’), а также *истязать, забавлять, бояться, надоесть, завидовать, ненавидеть, пренебречь, презреть, благоговеть, благоволить, гнушаться, обидеть, тешить, изумить, дразнить, занимать* и т.д.

Семантическая сложность рассматриваемых единиц позволяет выделить слова, которые в равной степени можно отнести и к классу номинаций физиологических реакций или состояний, и к классу эмотивных номинаций, например, *плакать, рыдать, прослезиться, улыбаться, хихикать, хохотать нежиться* и др. Сложность семантики этих слов создается сочетанием двух равноправных категориально-лексических сем. В предикате могут быть так тесно объединены указания на психическую и физическую реакции человека, а физическая реакция оказывается столь комплексной, что создаются лексикографические трудности, связанные с выбором родового понятия [9]. Мы склонны это множество слов включать в эмотивную лексику, и в названных глаголах выделять первичное эмоциональное значение, так как, на наш взгляд, категориально-лексическая сема эмотивности в них коммуникативно весомее.

Похожие логико-семантические отношения свойственны ряду глаголов речевого воздействия, например, *ругать, грозить, ворчать, бранить, корить, укорять, упрекать, клеветать, насмехаться, молить, ободрять, хвалить, льстить* и т.д. Е.М. Вольф, исследуя прагматический потенциал подобных единиц, относит их к разряду глаголов интерпретации, описывающих «не само действие, а лишь иллокутивную цель или перлокутивный эффект» [7, с. 178]. В связи с чем указание на речевой процесс, описание эмоционального состояния и иллокутивная программа в таких глаголах могут рассматриваться как основные компоненты лексического значения. Ю.Н. Караулов, размышляя о трудностях исчисления логико-семантических отношений в дефиниции, отмечал в качестве одной из них возможную «неоднозначность идентификации, когда с равными основаниями одно и то же отношение может быть квалифицировано как принадлежащее к разным типам» [10, с. 309].

Эмоциональные значения глаголов данной группы являются деривационно значимыми в дальнейшем словообразовательном процессе. Данный фактор подтверждает ядерную позицию описанных единиц. Ср.: огорчить → *огорчение, огорчитель, огорчительный, огорчённый* (прил.), *огорчиться, огорчаться*; угодить → *угода, угодник, угодливый, угождать*; хвалить → *хвала, хвалёный, хвалиться, похвалить, захвалить, нахвалить, перехвалить*; ругать → *ругание, ругань, руготня, ругня, ругатель, ругательный, ругаться, поругать, заругать, наругать, переругать*; рыдать → *рыдание, рыдалец, рыдающий* (прил.), *зарыдать, порыдать, прорыдать, нарыдаться* и т.д.

2. Вторичные метафорические предикаты эмоций с погасшей образностью. Они представляют ближайшее окружение центра описываемого лексического множества. Ср.: трепетать¹ ‘быть охваченным мелкой дрожью; колебаться, дрожать, содрогаться’ (*листа трепещет*) → трепетать² ‘быть охваченным внутренней дрожью, волнением от какого-л. сильного чувства’ (*трепетать от счастья*); ущемить¹ ‘сжать между чем-л.; сдавливая с двух сторон; защемить’ (*ущемить палец*) → ущемить² ‘причинить нравственную боль, обиду, страдание’ (*ущемить самолюбие*); а также *щемить, сокрушить, пленить, поразить, заколдовать, окрылить, волновать, смутить, дрожать, угрызать, содрогнуться, известись, отозваться, откликнуться, онеметь, цепенеть, теряться, упиваться* и др. Значения этих слов, возникшие как переносные, со временем утратили (или утрачивают) это качество. Этому способствует частое употребление переносного значения, благодаря чему семантическая двуплановость стирается и оно становится одним из неосновных прямых значений. Названные глаголы «впитали» в себя свойственную им изначально образность и

она перестала ощущаться [6]. В то же время необходимо учитывать, что восприятие степени образности разными людьми оказывается весьма индивидуальным.

Первичные значения в структуре названных глаголов по сравнению с производными нередко являются менее употребительными, функционально ущербными (ср. *волновать*, *угрызать*, *пленить*, *сокрушить*, *цемить*, *уцемить*), имеют устаревший оттенок (ср. «уязвить¹» ‘устар. Нанести рану кому-л.’; «поразить¹» ‘устар. Нанести удар оружием, убить’; «окрылить¹» ‘устар. Давать крылья’; «смутить¹» ‘устар. Вызвать смуту, волнение, мятеж; взбунтовать’). По причине устаревания исходных метафорически мотивированные значения могут оказаться единственными в структуре исследуемых глаголов и восприниматься в качестве прямых необразных наименований. Ср.: «унизить» ‘задеть, оскорбить чьё-л. самолюбие, достоинство; поставить в унижительное положение кого-л.’; «расхолодить¹» ‘заставить относиться более холодно, равнодушно к кому-, чему-л., ослабить силу и живость чувств’. Словарь В. Даля фиксирует исходные прямые значения, ранее свойственные данным глаголам: «унизить» ‘понизить, опустить или делать ниже, убавить высоты’; «расхолодить» ‘развести холодной водой, прохладить, остудить, прибавкою холодной жидкости’. Так, закрепление ассоциативных признаков – процесс исторический, поэтому многие ассоциации, объективно закреплённые в словах, могут казаться не мотивированными с точки зрения современного восприятия существующих предметов и явлений.

Эмоциональные значения данной группы глаголов часто служат стимулом в словообразовательном процессе. Ср.: *волновать* → *волнение*, *волнительный*, *волнующий* (прил.), *волноваться*, *взволновать*, *поволновать*, *переволновать*, *разволновать*; *пленить* → *пленитель*, *пленительный*, *плениться*, *пленять*; *унизить* → *унижение*, *унизительный*, *унизиться* и т.д. Наличие словообразовательной парадигмы может использоваться как критерий для определения близкого и дальнего окружения центра исследуемой лексики, её периферии.

3. Ещё более отдалены от центра вторичные метафорические предикаты эмоций с живой образностью. Это многозначные глаголы с более современными и поэтому всегда мотивированными, вторичными эмоциональными значениями. Они обобщаются за счёт появления новой денотативной семы более абстрактного характера и конкретизируются, порождая образное представление эмоций [3, с. 83]. Ср.: *опьянеть¹* ‘стать пьяным’ → *опьянеть²* ‘прийти в восторженное, возбуждённое состояние’; *трястись¹* ‘качаться, колебаться, дрожать’ → *трястись⁵* ‘бояться кого-, чего-л.; трепетать’ и т.д. Данная группа наиболее чётко иллюстрирует связь эмотивной лексики с другими лексическими множествами.

4. Расширяют объём исследуемой группы, составляя её периферию, глаголы с ярко выраженной эмоционально-стилистической окраской типа *звереть*, *зверствовать*, *вызвериться*, *сатанеть*, *стервенеть*, *остолбенеть*, *бесить*, *бычиться* ‘быть угрюмым; хмуриться’, *крыситься*, *окрыситься*, *рассобачиться*, *собачиться*, *миндальничать* и т.д. Подобные слова имеют ассоциативное значение, содержащее сравнение с тем, что названо производящим словом. Так, у «собачиться» значение ‘ругаться, браниться’ содержит сравнение с собакой (‘как собаки’), отсутствующее в толковых словарях. В денотативное значение входят те компоненты, которые образуют семантические ассоциации производящего слова (‘громкий лай’). Глагол «крыситься» ‘злиться на кого-то’ мотивирован семантическими ассоциациями слова «крыса» (‘вред’, ‘опасность’, ‘неприятнь»), в глаголе «остолбенеть» ‘стать неподвижным от сильного потрясения, удивления’ (‘как столб’) значение мотивируется ассоциациями слова «столб» (‘неподвижность’, ‘вкопанный’). В основе значения глагола «миндальничать» ‘быть сентиментальным, приторно-ласковым’; «нежничать» – семантические ассоциации исходного «миндаль» (‘сладковатый’, ‘розово-белый’, ‘нежный’) и т.д. В.В. Лопатин [15, с. 55] отмечают в таких словах метафорическую мотивацию, Е.А. Земская – ассоциативную, переносную и образную мотивации. Разграничение переносной и образной мотивации Е.А. Земская (Земская Е.А. Виды

семантических отношения словообразовательной мотивации // Wiener Slavischer Almanach/ Bd. 13.) основывает на наличии / отсутствии у мотивирующего устойчивых семантических ассоциаций: у «школьничать» – переносная мотивация (ср. ‘ребячество, легкомыслие’ – устойчивые ассоциации слова «школьник»), у «лизоблюд» – образная мотивация, так как образность этого слова возникла из прямого значения сочетания слов *лизать блюдо*. И.С. Улуханов, не выделяя разновидностей, рассматривает ассоциативно-сравнительную мотивацию как результат преобразования отсутствующего у мотивата прямого значения в переносное [21, с. 85]. Ср.: зверь → *звереть ‘превращаться в зверя’ → звереть ‘приходить в бешенство, ярость; ожесточаться’, зверь → *зверствовать ‘совершать действия, свойственные зверю’ → зверствовать ‘поступать крайне жестоко, свирепствовать’ (ср.: беситься₁ ‘заболеть бешенством’ → беситься₂ ‘быть в крайнем гневе, раздражении; неистовствовать’). М.Н. Янценецкая относительно данных единиц отмечает эмоционально-экспрессивную оценку мотиватора, переходящую в производную единицу, но без сохранения сколько-нибудь ощутимой семантической связи между ними [26, с. 53]. Такие слова она характеризует как результат высшей степени фразеологизации производного слова, нарушающей принципы двусторонней (формально-семантической) словообразовательной мотивированности. Изложенные трактовки определяются ориентацией исследователей на семантическое взаимодействие производного и производящего слова.

Большинству ассоциативно-сравнительных эмотивов свойственна яркая негативная оценка, ср.: *звереть, зверствовать, вызвериться, сатанеть, стервенеть, бесить, окрыситься, рассобачиться, бычиться, ехидствовать*. Интересна интерпретация подобных единиц с позиций когнитивной ономазиологии. При когнитивном освещении явлений мотивации данные наименования рассматриваются как модусно мотивированные. Модус – важный компонент пропозиции в ментально-психонетическом комплексе, коррелирующий с психическими функциями эмоциональных ощущений, чувствований, переживаний, которые закрепляются в оценке концепта [17, с. 169]. Человек всегда оценивал окружающий мир и самого себя в этом мире, тем самым создавая базу для когнитивной оценочно-эмоциональной категоризации. Концептуальная организация модуса принадлежит к высшему уровню иерархии концептов: любой объект помещается в одну из точек шкалы «хорошо – нейтрально – плохо». Это нашло отражение в языке как в сфере модификатов (*кислый – кислятина, злой – злющий*), так и в мутационных отношениях мотивированных знаков. Согласно когнитивной ономазиологии, глаголы «звереть» ‘приходить в бешенство, ярость; ожесточаться’, «зверствовать» ‘поступать крайне жестоко, свирепствовать’, «вызвериться» ‘наброситься на кого-л.’, «рассобачиться» ‘плохо себя вести’, «окрыситься» ‘злобно, раздражённо ответить; рассердиться на кого-л.’, «ехидствовать» ‘зло насмехаться, язвить’, «бесить» ‘приводить в крайнее раздражение, ярость; сильно сердить’, «стервенеть» ‘приходить в крайнюю степень ярости, неистовства; свирепеть’, «сатанеть» ‘становиться злобным, бешеным, впадать в неистовство’, «бычиться» ‘быть угрюмым; хмуриться’, «павлиниться» ‘устар. Принимать надменный, спесивый вид, гордиться, чваниться’ и т.д. рассматриваются как метафоры, формирующиеся на основе рефлексов бессознательного [17, с. 147]. Не случайно Ф.Ницше называл метафору маленьким мифом и объяснял её инстинктами человека. Х. Ортега-и-Гассет считал метафору орудием мысли, отмечая, что её постижение способствует достижению самых отдаленных уголков нашего концептуального поля [20]. К. Юнг рассматривал метафорические символы как проявление архетипов бессознательного (подсознания) [24]. Например, огонь как символ очищения, животные как символы различных сущностей возводятся к архетипам подсознания. С.Н. Булгаков, известный религиозный мыслитель, писал: «Человек есть всё животное и в себе содержит как бы всю программу творения. В нём можно найти и орлиность и львиность и другие душевные качества, образующие основу животного мира, этого спектра, на который может быть разложен белый цвет человечества» [28, с. 249]. Так, ещё из старославянского языка заимствован глагол «гнушаться» ‘относиться к кому-, чему-л. с отвращением, презирать’.

У В. Даля даётся следующее толкование: 'презирать, отвращаться с негодованием, омерзением, почитать гнусным, себя недостойным'. Глагол образован от существительного «гнусина» 'нечистое животное, гадина, иногда и досадное насекомое: крыса, мышь, крот; овод, муха, комар...' – и обусловлен коннотацией негативной оценки мотиватора. Словарь Академии Российской отмечает глагол «ехидствовать» со значением 'ненавидеть, злиться', мотивированное оценочно-эмоциональным восприятием мотиватора «ехидна» – 'ядовитая змея длиной 2 фута'. Более поздние глаголы «звереть», «зверствовать», «вызвериться» мотивированы негативной оценкой исходного «зверь», его враждебностью по отношению к человеку. Отрицательный модус имеет «собака» в наименовании «рассобачиться» – 'плохо вести себя', ведь первоначально – это существо из враждебного человеку мира, волк (ср. также «присобачить» – 'плохо прибить, присоединить', «собачья жизнь» 'плохая жизнь'), «крыса» как вредное, опасное, вызывающее неприязнь животное в «окрыситься» – 'злобно, раздражённо ответить; рассердиться на кого-л.', «бес» в «бесить» – 'приводить в крайнее раздражение, ярость; сильно сердить' и т.д. В акте наименования человек из множества данных, которые поставляются нашими чувствами, устанавливает определенные фиксированные центры восприятия. При выделении предмета из ряда других происходит, по выражению В.Г. Гака, «поворачивание» его разными сторонами к субъекту. Человек видит эти разные стороны, но не все в одинаковой степени отчётливо – в связи с практическим освоением данного объекта в соответствии с интересами и целями данного языкового коллектива [25, с. 49–50].

5. Последнюю, маргинальную группу составляют эмотивы с «парадоксальной внутренней формой» [16]. К числу таких экспрессивов относятся разговорные, просторечные или, чаще, жаргонные глаголы типа «тащиться» – 1. Получать удовольствие от кого-чего-л., радоваться кому-чему-л.; 2. Удивляться, восторгаться [29]; «огорошить» 'неожиданно удивить'; «втрескаться» 'сильно влюбиться'; «намозолить» (глаза) 'надоесть'; «канифолить» (мозги, душу) 'надоедать, изводить, пытаться воздействовать на кого-л.; лгать, обманывать; стараться запутать, сбить с толку' («Словарь русского арго»); «тараканничать» 'дурачить'; «подкузьмить» 'ловко провести, обмануть' и т.д.

Для данной группы характерна чисто формальная (М. Раммельмайер), или условная (О.П. Ермакова, Е.А. Земская) мотивация. Сущность такой мотивации описана М. Раммельмайером: «Вызванные ясной формальной мотивацией произвольные поиски семантической мотивации тем более увеличивают экспрессивность производного, чем больше разрыв между производным и производящим [27, с. 189–190]. Учёные пытаются найти объяснение таким псевдомотиватам. По мнению Т.В. Матвеевой, формальные, или условные, мотиваторы представляют собой «даже не намёк, а загадку» [16, с. 119]. Х. Касарес пытается объяснить случайность выбора этих мотиваторов «внезапной ассоциацией представлений, душевным возбуждением, заставляющим стремиться к особой экспрессивной насыщенности речи; возможно ради комического эффекта или из желания обратить на себя внимание говорящий отбрасывает общепринятое слово и заменяет его другим, употребляющимся в необычном для него значении» [12, с. 112]. В таком случае, по выражению Е.А. Селивановой, псевдомотиваты являются рефлексам концептуального плана ментально-психонетического комплекса [17, с. 178]. Отмечается также, что «псевдомотиваты со временем могут получать новое объяснение и становиться мотивированными, создавая новые коннекции в ментальном лексиконе и концептосистеме» [там же]. Ср.: «огорошить» 'поразить, озадачить чем-л. неожиданным; ошеломить' и «сморозить» 'сказать что-л. нелепое, глупое, вздорное' как слова с уникальными по содержанию корнями, имеющими разную интерпретацию. И.С. Улуханов относит их к единицам с парадоксальной внутренней формой. М.Н. Яценецкая – к ассоциативным дериватам, где «огорошить» может быть представлено как связанное сложными ассоциативными узами с мыслью о 'вызывающем удивление напоре, силе, с которой сыплется горох', а «сморозить» может быть ассоциировано со смыслом 'неожиданный мороз

испортил что-л., разрушив обычный вид и свойства предмета' (ср., например, цветы, растения после заморозков) [26, с. 50].

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М. : Наука, 1976. – 283 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений : (Оценка. Событие. Факт). – М. : Наука, 1988. – 341 с.
3. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1989. – 184 с.
4. Балли Ш. Французская стилистика. – М., 1961. – 394 с.
5. Бацевич Ф.С., Космеда Т.А. Очерки по функциональной лексикологии. – Львов : Свит, 1997. – 392 с.
6. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1977.
7. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М. : Наука, 1985. – 228 с.
8. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
9. Иорданская Л.Н. Попытка лексикографического толкования группы русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – Вып. 16. – М., 1972.
10. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М. : Наука, 1983. – 367 с.
11. Кафтонова Г.М. О месте эмоций в процессе отражения : дис. ... канд. филос. наук : спец. 09.00.01 «Диалектика и теория познания». – Томск, 1974. – 185 с.
12. Касарес Х. Введение в современную лексикографию. – М. : Изд-во иностр. литературы, 1958. – 355 с.
13. Квасюк И.И. Структура и семантика отрицательно-эмотивной лексики (на материале разных частей речи современного английского языка) : дис. ... к. филол. н. : спец. 10.02.04 «Германские языки». – М., 1983. – 254 с.
14. Кузнецов А.М. Проблемы компонентной семасиологии (От компонентного анализа к компонентному синтезу) : дис. ... д-ра филол. наук в форме научного доклада : спец. 10.02.19 «Теория языка». – М., 1992. – 88 с.
15. Лопатин В.В. Метафорическая мотивация // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд, 1975. – С. 53–57.
16. Матвеева Т.В. Парадоксальная внутренняя форма слова (на материале диалектных глаголов) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Вып. 8. – Новосибирск, 1979. – С. 117–123.
17. Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология. – Киев : Изд-во укр. филологического центра, 2000. – 248 с.
18. Сепир Э. Язык / пер. с англ. – М.–Л. : Соцэкгиз, 1934. – 223 с.
19. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М. : Наука, 1986. – 143 с.
20. Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – 512 с.
21. Улукханов И.С. О степенях словообразовательной мотивации // Вопросы языкознания. – 1992. – № 5. – С. 74–89.
22. Уфимцева А.А. Лексическое значение : (Принципы семиологического описания лексики). – М. : Наука, 1986. – 240 с.
23. Цыпина (Лейн) М.Д. О структуре понятия, передаваемого эмоциональным значением слова, и методе его исследования // Системное описание лексики германских языков. – Вып. 1. – Л., 1976.
24. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М. : Ренессанс, 1991. – 343 с.
25. Языковая номинация. Общие вопросы. – М. : Наука, 1977. – 360 с.
26. Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1979. – 242 с.
27. Rammelmeyer M. Emotion und Wortbildung. Untersuchung zur Motivationsstruktur der expressiven Wortbildung in der russischen Umgangssprache // Gattungen in der slavischen Literaturen. – Köln–Wien, 1988.

Источники

28. Булгаков С.Н. Свет невечерний : Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 415 с.

С.Г. Чернобровец

ГАЗЕТНЫЕ ЗАГОЛОВКИ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ

Коммуникативно-прагматический подход к изучению языковых явлений заключается в описании языковых средств, являющихся важными как для субъекта речи – автора текста, так и для адресата, воспринимающего этот текст. В современном обществе СМИ, в частности газеты, играют очень важную роль – информируют, просвещают, воспитывают читателей, но, кроме этого, ещё и манипулируют их сознанием.

Цель исследования – показать некоторые коммуникативно значимые средства привлечения внимания читателя в заголовках крымских газетных статей.

Материалом послужили издания «Крымская правда» (далее – КП) и «Крымская газета» (далее – КГ) за период 2013–2015 гг.

Журналист, освещая то или иное событие, должен использовать разнообразные речевые средства, при этом особое внимание обращая на оформление заголовка – сформулировать его так, чтобы планируемая цель речевого воздействия на адресата реализовалась наиболее эффективно. Для достижения этой цели часты обращения к прецедентным текстам (далее – ПТ) как к таким феноменам, которые хорошо известны и автору, и читателю. Под ПТ, вслед за Ю.Н. Карауловым, мы будем понимать «текст, фиксированный в сознании носителей языка данной языковой общности, представляющий факт культуры в широком понимании и актуализирующий некую ситуацию» [1, с. 29]. ПТ – это цитаты из письменных и устных произведений различного характера, фразеологизмы, паремииологизмы, то есть такие единицы, которые должны быть известны и адресату, и адресанту. Субъект речи, избирая в качестве заголовка ПТ, опирается прежде всего на прагматическую пресуппозицию – учитывает фонд знаний, мнений, взглядов на происходящее у адресата, чтобы вызвать у него запланированный перлокутивный эффект. ПТ побуждает читателя-реципиента к узнаванию закодированного в ПТ смысла и рассмотрению его в качестве языковой игры, устанавливающей уровень компетентности и автора, и читателя. Отсюда следует, что ПТ – такая единица речи, значение которой должно быть хорошо известно большинству представителей лингвокультурного сообщества. Как показывает практика, ПТ-заголовки очень разнообразны по форме и источникам. Журналисты часто используют ПТ в качестве заголовков своих публикаций, поскольку заголовок всегда занимает сильную позицию: именно он в первую очередь привлекает внимание читателя, давая первичную информацию о содержании, презентует, рекламирует материал.

ПТ в современных газетных заголовках используются довольно активно. С точки зрения происхождения ПТ-заголовки – это названия художественных произведений или фраз из них, названия популярных художественных фильмов, фразы из песен, устойчивые выражения – дословные или изменённые, например: *Как закаляется сталь* (КП, 15.09.12); *Уж небо осенью дышало* (КП, 29.09.12); *И пошли они, солнцем палимы?* (КП, 29.11.11); *Ты виноват уж тем, что хочется мне...* (КП, 26.10.13); *Что день грядущий нам готовит?* (КП, 12.01.13); *Покой им только снится* (КП, 17.12.11); *Дай, Джим, на счастье лапу мне...* (КП, 26.10.13); *Яйца курицу научат* (КП, 04.01.12); *Стоянки преткновения* (КП, 15.02.13); *Чем дальше в лес, тем... страшнее* (КП, 30.10.12); *Близок локоть, да не укусишь* (КП, 18.10.12); *Курочка клюёт по зёрнышку* (КП, 22.11.11); *Не рой другому яму...* (КГ, 22.09.15); *Свято место пусто не бывает* (КП, 23.09.15) и под.

Как свидетельствуют факты, в заголовках крымских газет используются два способа применения ПТ: 1) дословное включение чужеродной единицы как средства экспрессии; и 2) трансформирование исходного выражения, в результате чего происходит насыщение его не только экспрессией, но ещё и дополнительными смыслами.

Приведём заголовки-прецеденты без изменений: *Всадник без головы* (КП, 29.11.11) – в статье описывается преступление, совершённое над председателем правления крымской общественной организации мотоклуба; *Дай, Джим, на счастье лапу мне...* (КП, 26.10.13) – публикация касается дрессировки собак; *Крепче за баранку держись, шофёр!* (КП, 21.07.15) – об опасности разговоров по телефону за рулём.

Как показал исследованный материал, в заголовках чаще всего применяются изменённые исходные тексты. При этом могут быть произведены следующие преобразования: замена компонентов; их усечение; добавление компонентов. Встречаются и комбинации таких преобразований в одном заголовке.

Замена компонентов – лексическая субституция – один из самых распространённых способов модификации ПТ. Например: *Крымский фронт: без перемен* (КП, 15.08.12). В основе этой конструкции лежит название романа Э.-М. Ремарка «*На Западном фронте без перемен*» с заменой компонента «западный» на «крымский». Приведём ещё заголовки с лексической субституцией: *Мифология второй свежести* (КП, 26.10.15) – о заверениях украинского правительства, что ЛЭП в Херсонской области подорвали крымские татары; *Долг шантажом красен* (КП, 20.10.15) – о нежелании Украины возвращать долг России, если Россия не согласится на его реструктуризацию; *Семь бумажных кругов* (КП, 08.10.15) – о трудностях при оформлении земельных участков.

В заголовке *Вот в чём вопрос* (КП, 19.12.12) автор публикации произвёл усечение ПТ «Быть или не быть? – Вот в чём вопрос» – известной фразы из произведения В. Шекспира. Журналист взял для заголовка только вторую часть с акцентом на слове «вопрос», поскольку в статье идёт речь о постоянной рубрике газеты с вопросами читателей в редакцию и ответами на них.

Заголовок *Семь раз отстегни...* (КП, 29.01.13) – трансформант пословицы «Семь раз отмерь – один отрежь». Здесь намеренно отсечена вторая часть фразы и заменена «отмерь» на «отстегни», что позволило добавить заголовку яркую эмоционально-экспрессивную коннотацию, дающую смысловое наращение: не заплати, а выложи крупную сумму. В публикации под заголовком *Дёшево и смертельно* (КП, 14.10.15) представлен трансформ выражения «Дёшево и сердито». В статье речь идёт о заменителе алкоголя, употребление которого приводит к летальному исходу. Заголовок *Ловитесь замы, большие и маленькие* (КП, 10.11.15) – трансформ фразы «Ловись рыбка большая и маленькая» – предваряет публикацию о чистке крымского чиновничества.

В нашем материале встретились случаи замены всех компонентов исходной фразы «Казнить нельзя помиловать»: *Убивать нельзя стерилизовать* (КП, 06.02.13); *Приручить нельзя оставить?* (КП, 19.11.15). Отсутствие запятой заставляет читателя задуматься и над членением текста.

ПТ-заголовок призван сжато охарактеризовать ситуацию, изложенную в публикации. В том случае, когда некоторые компоненты ПТ неактуальны, маловыразительны, создатель текста заменяет их на более, по его мнению, подходящие. Такие трансформации дают возможность читателю участвовать в своеобразной языковой игре: проверить собственную компетентность и понять цель использования ПТ. Однако достижение запланированной цели будет успешным лишь в том случае, если реципиенту известна исходная фраза и он может сопоставить её с прочитанным текстом. Столкновение двух планов – эксплицитного и имплицитного – позволяет выразить авторскую позицию и создать необходимый эффект – «зацепить» взгляд читателя, задержать его на названии публикации, а тем самым и побудить адресата к прочтению. При этом происходит столкновение привычного, известного и неожиданного.

Стимулировать читателя к прочтению публикуемого материала помогают и пунктуационные знаки. Современная русская пунктуация в процессе исторического развития преобразовалась в функционально и социально значимую систему, важную как для читающего, так и для пишущего.

Известно, что цель пунктуации – членить текст. К.Г. Паустовский по этому поводу писал, что знаки препинания «существуют, чтобы выделить мысль, привести слова в правильное соотношение и дать фразе лёгкость и правильное звучание. Знаки препинания – это как нотные знаки. Они твёрдо держат текст и не дают ему рассыпаться» [2, с. 238].

Принципы использования знаков препинания – структурный, семантический, интонационный – чаще всего «работают» одновременно. Интерпункция вносит в текст смысловые оттенки, помогает восприятию текста, придаёт ему стилистическую окраску или корректирует её. Пунктуация – одно из выразительных средств репрезентации тех сторон содержания, которые либо не могут передаваться при помощи одних только словоформ, либо передаются таким способом частично. Н.С. Валгина в связи с этим отметила: «Современная пунктуация контекстуально обусловлена. Контекстуальная вариантность сообщает пунктуации такое замечательное качество, как гибкость» [3, с. 241]. Ядро русской пунктуации образуют 10 пунктуационных знаков: точка, вопросительный знак, восклицательный знак, многоточие, запятая, точка с запятой, скобки, кавычки, тире, двоеточие.

Заголовок – это и компонент текста, и самостоятельная единица, а поэтому он должен быть точным, кратким, а также, что особенно важно, экспрессивным. Одним из способов насыщения заголовка экспрессивными возможностями является пунктуация. «Знаки препинания, – пишет Н.С. Валгина, – читаются, то есть несут в себе определённую, известную нам информацию, следовательно, они отягощены смыслом, причём смыслом исторически накопленным в практике печати» [3, с. 241].

Наблюдения показали, что с помощью интерпункции журналист намеренно выделяет те части заголовков, на которые читатель должен обратить внимание в первую очередь. Ярким примером этому служат многочисленные парцеллированные конструкции, в которых **точка**, разрывая грамматическую структуру, способствует акцентированию внимания читателя на отчленённой части – парцелляте. Например: *Конституцию не тронули. Пока.* (КП, 05.02.14). Корреспонденту важно обратить внимание читателя на тот факт, что время пересмотра конституции ещё не пришло, но это действие произведено будет. *Всё равно запретим. Но по закону.* (КП, 08.02.14). В статье говорится о запрете деятельности ВО «Свобода» на территории Крыма, и этот запрет будет закреплён законодательно. Такие конструкции позволяют сжато, но в то же время и ёмко, эмоционально передать основную мысль публикации. Парцелляция часто применяется в современной печати как стилистический приём, создающий эффект прерывистости в передаче информации, имитирует интонации разговорной речи. Встречаясь с заголовком – парцеллированной конструкцией, читатель как бы «спотыкается» на точке, стоящей на месте разрыва, и обращает внимание на отчленённую часть – парцеллят, выделенный по смыслу и интонационно. При помощи этого приёма парцеллированный заголовок приобретает особый смысл. Вот ещё примеры таких конструкций: *Перемирие на Донбассе соблюдается. В основном* (КП, 17.02.15). Понижение интонации к концу базовой структуры выделяет в качестве логического центра компонент «соблюдается». Однако парцеллят «в основном» даёт нам, читателям, возможность расценить всё это высказывание как «а в частности инциденты с применением вооружения есть». Без парцелляции данный заголовок не имел бы экспрессивного оттенка. Этот же приём применён и в следующих заголовках: *Музеи стали бесплатными. Раз в месяц* (КП, 21.01.15); *Связь ожила. Но не совсем* (КП, 17.02.15); *Лгут и не краснеют. Потому что боятся* (КП, 03.10.15); *Оператор получил срок. Условный* (Крымская правда, 13.10.15); *На переправе проблем нет Кроме погоды* (КГ, 27.10.15); *Налогов прибавится. Но в 2017 году* (КП, 07.11.15). При помощи парцелляции создаётся

динамичность, а иногда парцелляция помогает журналисту передать новый смысл, нужный автору.

В качестве заголовка нами отмечено самостоятельное употребление отчленённых предикативных единиц. Вот пример придаточного, заключающего в себе основную информацию: *Если бы не Крым...* (КП, 23.12.14; 13.01.15; 10.02.15). Публикации под таким названием раскрывают роль Крыма в мировой истории и культуре. Информация о футбольной жизни в Крыму, несмотря на санкции, названа ... *А караван идёт* (КП, 05.03.15). Расчленена сложносочинённая конструкция с противительными отношениями. Основная информация здесь также не в первой части, а в отчленённой.

В заголовках крымских газет регулярно употребляется также двоеточие, основная функция которого – пояснительная. Например: *Судак: мал городок, да дорог* (КП, 20.11.13); *Два митинга: кто и как защищает Крым* (КП, 29.01.14); *Итоги переговоров: оппозиция испугалась ответственности* (КП, 06.02.14); *Книга памяти: забыть и уничтожить?* (КП, 20.11.13); *Россия и Украина: родные не могут не понять друг друга* (КГ, 08.10.13); *Великое чудо: за сутки и всем миром* (КП, 20.01.15); *Опрос: народ почувствовал кризис* (КП, 25.02.15). Такие построения разделяются с помощью двоеточия на две части: в первой даётся название проблемы, вторая служит её конкретизации. Таким способом двоеточие помогает кратко, выразительно обозначить основную мысль публикации. Обращает на себя внимание довольно частое употребление двоеточия в двучленных заголовочных конструкциях такого типа: *Лавров: планы Вашингтона рухнули* (КП, 28.02.15); *Путин: пора избавляться от позорных убийств* (КП, 05.03.15); *Миллер: соседи останутся без газа* (КП, 25.02.15). По правилам пунктуации, если это прямая речь, то после двоеточия должна быть часть предложения – слова автора – в кавычках. Однако эти и подобные заголовки оформляются как несобственно-прямая речь: первая часть называет того, кто высказал во второй части, после кавычек, мысль, но приводится она не как цитация, поскольку содержит только основное содержание. Постановка двоеточия в таких двучленных конструкциях в современных правилах не оговаривается, однако журналисты часто прибегают к такого рода конструкциям. Они броски и содержательно компакты.

Функции **тире** в заголовках довольно широки, но, как правило, указывают на смысловую зависимость частей фразы, расчленённой с помощью этого знака. Например: *К вашему столу – от нашей редакции* (КП, 28.12.13); *Лучшие – синица в руках...* (КП, 30.11.13); *Полуостров – в ледяном панцире* (КП, 31.01.14). В таких конструкциях на месте тире происходит пропуск либо второстепенного члена, либо сказуемого, либо союзов, в результате чего создаётся эмоционально-смысловая напряжённость. Заголовочные конструкции с тире часто строятся по типу призыва, лозунга. Например: *Маршрутки – под спутниковый контроль* (КГ, 16.10.13); *Очередям – бой!* (КП, 29.01.15). *Покупай крымское – не прогадаешь!* (КГ, 30.10.13). В последнем примере тире несёт ещё и дополнительную смысловую нагрузку – передаёт значение условия: если будешь покупать крымское, то не прогадаешь. Такой тип заголовка привлекает внимание читателя к наиболее важным сторонам события, ставшего предметом внимания журналиста.

Употребление **многоточия** в заголовках также связано с содержательной и эмоциональной их стороной. Например: *А мы пили и гуляли...* (КП, 30.11.13). Так озаглавлена статья, в которой речь идёт о том, что штрафы не действуют на пьяных водителей, а многоточие указывает на запланированный подтекст: хоть нас и штрафуют, а мы будем садиться за руль в нетрезвом виде. Вот ещё примеры заголовков, построенных на недосказанности, что даёт возможность заинтриговать читателя, побудить его к прочтению материала: *Чтобы память зазвучала...* (КП, 18.02.14); *В чужом глазу соринку видят...* (КП, 06.02.14); *Пришла весна...* (КП, 03.03.15).

Внутри предложения-заголовка многоточие выполняет примерно такую же функцию, как точка при парцелляции, то есть указывает на особую значимость части, следующей после многоточия. Например: *Визит вежливости и... знакомства* (КП, 07.03.15) – о приезде делегации УЕФА в Крым с целью ознакомления с особой футбольной зоной в Крыму.

Обещания и... масса вопросов (КП, 07.02.15) – о судьбе крымского футбола. Следующие два заголовка к разным статьям как бы продолжают друг друга, что также выражается пунктуацией: *Киев просит у США оружия...* (КП, 18.02.15) – о том, что Америке передан список необходимой Украине военной техники. После этой публикации сразу же подана статья с заголовком *...хотя экономика страны в упадке* (КП, 18.02.15).

Как видим, точка, двоеточие, тире, многоточие – знаки эмоционально и семантически наполненные, позволяющие невербально выразить оттенки смысла, показать подтекст. Таким образом, журналист как субъект речевого акта из имеющихся в языке ресурсов избирает для заголовка те, которые наиболее эффективно выразят его журналистскую позицию к описываемым фактам, а также привлекут внимание адресата. Поэтому представитель СМИ, учитывая знания и опыт читателя, часто обращается к различным ПТ, а также использует авторскую пунктуацию.

Список литературы

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие для студентов вузов. – М. : Логос, 2003. – 304 с.
2. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 263 с.
3. Паустовский К.Г. Избранные произведения : Повести. – Киев : Веселка, 1984. – 360 с.

Э.Р. Ширин

К ПРОБЛЕМЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТАТУСА И ОБЪЁМА МЕЖДОМЕТИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Междометия, представляя собой одно из наиболее ярких средств эмоционально-экспрессивного выражения коммуникативного смысла, являются важным компонентом процесса общения благодаря своей особой функциональной нагрузке, которая заключается в непосредственном выражении эмоций и волеизъявлений. В системе языка они значительно отличаются от других типов языковых единиц по своим грамматическим признакам и функции в речи как краткие, мгновенные эмотивные формы выражения отношения говорящего к ситуации общения.

Цель исследования – определить объём и семантические границы междометия как части речи.

В лингвистической литературе статус и объём междометий квалифицируется по-разному. Это объясняется неоднородностью оснований, по которым они выделяются, а также своеобразием их семантико-грамматической структуры и звуковой формы, что обуславливает **актуальность** исследования.

Междометия – это, прежде всего, факт произносимого языка, связанного с жестом, мимикой, с интонацией. Ещё М.В. Ломоносов писал, что значение междометий выражается не столько в звуках, сколько в тоне речи. Недаром, характеризуя в разделе фонетики интонацию, он писал: «Посему вымышленные от Голберга в земли живущие люди, когда бы действительно было, и имели бы вместо органов, к произношению слова служащих, на груди своей струны, то могли бы оными свободно изображать и с другими сообщать свои мысли» [5, с. 32]. М.В. Ломоносов отмечал, что экспрессивная интонация находится в обратном отношении к количеству слов логической речи. Удивление можно выразить сложным предложением: «Я удивляюсь, что тебя здесь вижу» и одним междометием «Ба!» (у Ломоносова), произнесённым со своеобразной интонацией. Первое может быть выражено письменным языком, второе употребляется только в устной речи.

Взгляды М.В. Ломоносова развивали А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев и особенно А.А. Шахматов, который определил своеобразие междометий, заключающееся в отсутствии у слов этой категории номинативного (лексического) значения («выражают, обнаруживают внутренние или внешние ощущения говорящего, а также его волеизъявления, не являясь однако названиями»). А.А. Шахматов признаёт междометие частью речи, подчёркивает

своеобразие его внешней формы (выкрики, звукоподражания, междометия, образовавшиеся от других частей речи) [11, с. 421].

Взгляды советских лингвистов на междометие наиболее полно отражены в книге акад. В.В. Виноградова «Русский язык : (грамматическое учение о слове)» [2]. В противовес традиционной недооценке междометий В.В. Виноградов утверждает, что междометия «составляют в современном языке живой и богатый пласт чисто субъективных речевых знаков... служащих для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность, для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъяснений» [4, с. 545].

Раскрывая особенности междометий, В.В. Виноградов высказывает важное положение: они «несут на себе яркий отпечаток влияния интеллектуального языка» и «функционально сближаются с разными частями речи» [4, с. 546].

Так, история изучения междометий свидетельствует о двух противоположных концепциях. Первая, положившая начало научной трактовке междометий, которой будем придерживаться в данном исследовании, связана с именем М.В. Ломоносова. Это направление продолжено А.Х. Востоковым, Ф.И. Буслаевым, А.А. Шахматовым, В.В. Виноградовым, А.И. Германовичем. Эти учёные

а) считают междометия словами, а категорию, объединяющую их, признают частью речи;

б) не делают резкого разграничения между словами, выражающими эмоции, и словами, выражающими мысли, не отрывают междометия от общей системы языка;

в) подходят к изучению структуры междометий, их функции в речи, истории их образования.

Вторая концепция связана с именами Н.И. Греча, Д.Н. Кудрявского, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, А.М. Пешковского и других исследователей, которые

а) не считают междометия словами и исключают их из состава частей речи;

б) смешивают биологическое с социальным – животный крик с междометием – фактом членораздельной речи, актом сознательного речевого творчества;

в) отказываются от изучения структурной и синтаксической стороны междометий, иногда снимают вопрос об изучении междометий.

На наш взгляд, для более точного понимания лингвистической природы междометий необходимо учитывать оба подхода, поскольку это даёт возможность комплексно представить признаки, релевантные для частеречной (категориальной) идентификации междометия – семантические (ономасиологические), функционально-прагматические и синтаксические.

Известны работы профессора А.И. Германовича о статусе междометий. В монографии учёный пишет: «Точнее подойти к определению специфики междометий и окончательно преодолеть разнобой во взглядах грамматиков и лексикографов, наблюдавшийся до последнего времени, помогает учение акад. И.П. Павлова о второй сигнальной системе. Необходимо исходить из того положения, что междометия несомненно являются актом второй сигнальной системы, что они наиболее кратким языковым путём выражают осознанную реакцию на явления действительности. Несмотря на то, что междометия лишены номинативного (лексического) значения, они обладают прочно закреплённым в национальном языке значением, которое выражается определённой внешней формой: а) сочетанием обычных фонем, б) сочетанием фонем, свойственных только междометию (*тьфу*, *бррр*, *тпру* и др.), в) сочетанием фонем (или одной фонемой: *а*, *о*, *у* и др.), облечённых определённой интонацией» [5, с. 152].

В словарях XX века междометие квалифицируется как «часть речи, разряд неизменяемых морфологически нечленимых слов, употребляющихся обычно для выражения чувств и волевых побуждений, напр. “о!”, “ах!”, “эй!”» [14].

Наиболее полное определение междометия даётся в Русской грамматике–1980: «Междометия – это класс неизменяемых слов, служащих для нерасчленённого выражения

чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто произвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность». Также авторы РГ–80 указывают на основную особенность: «В системе частей речи междометия занимают особое положение. Как слова, лишённые номинативного значения, они не относятся ни к одной из знаменательных частей речи. Вместе с тем междометия существенно отличаются и от слов служебных, так как их роль в синтаксической организации текста не аналогична роли частиц, союзов или – тем более – предлогов» [8, с. 685].

История изучения звукоподражаний сформировала различные точки зрения на их природу. А.Н. Тихонов отмечал, что «междометиям явно не повезло» [9, с. 74], но мы добавим: звукоподражаниям не повезло ещё больше. Например, по мнению С.И. Абакумова, «звукоподражания лежат вне системы средств языкового общения» [1, с. 115]. Авторы РГ–80 отмечают: «К междометиям примыкают звукоподражательные слова, для которых, как и для междометий, характерны отсутствие лексического значения и синтаксическая изолированность» [8, с. 686].

Об основаниях не относить к словам звукоподражания А.М. Пешковский писал следующее: «Не считаем мы также словами звукоподражания вроде: *колокольчик динь-динь-динь; мужчина, что петух: кири-куку! мах-мах крылом, и прочь* (А.С. Пушкин). Здесь нет членения на звуки..., так как здесь всё значение в звуках» [7, с. 168]. А.Н. Тихонов отмечал, что значение всё-таки есть и выражено именно в звуках. Этим значение звукоподражания отличается от значения других слов [9, с. 75].

Общепринятые звукоподражания имеют постоянный состав: *мяу* (о кошке), *кря-кря* (об утках), *гав-гав* (о собаке), *кукареку* (о петухе). Благодаря этому они одинаково понимаются всеми говорящими на русском языке. Значит, за звукоподражаниями закреплёно общественно осознанное смысловое содержание. Обладая одинаковой в процессе долгого коллективного применения звуковой формой и постоянным смысловым содержанием, такие звукоподражания выступают в языке как полноценные слова. Здесь имеются в виду только звукоподражания, уже вошедшие в систему, ставшие фактом языка, а не индивидуально-авторские новообразования, отражающие лишь субъективное восприятие их создателя.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов теории междометий является описание их категориальной принадлежности. В лингвистических исследованиях наблюдаются значительные разногласия относительно принадлежности междометий к частям речи.

На специфические свойства междометий, выделяющие их в системе языка, указывал Ж. Вандриес: «Как бы ни было велико значение междометия в речи, в нём есть что-то, что его обособляет от других частей речи, оно явление другого порядка... Оно не имеет ничего общего с морфологией» [3, с. 114].

Все слова языка разделял на полные, частичные и междометия Ф.Ф. Фортунатов, отмечая, что междометия «принадлежат речи не как выражение идей, но как выражение чувствований, испытываемых говорящим» [10, с. 238]. Класс междометий, по его мнению, пополняется из класса «полнозначных слов, а междометия могут быть основой слов, имеющих формы («охать», «ахать» и т.п.).

Рассматривая части речи русского языка, Д.Н. Овсянко-Куликовский писал: «Русский язык в его современном состоянии имеет следующие части речи: 1) имя существительное, 2) имя прилагательное, 3) глагол, 4) причастие, 5) деепричастие, 6) наречие, 7) местоимение, 8) предлог, 9) союз, 10) имя числительное. К ним принято присоединять и 11) междометие, которое, в сущности, не может быть названо «частью речи» в собственном смысле» [6, с. 52]. По его мнению, невозможно считать данную категорию полноценной частью речи, так как «междометия как выражение чувства, а не мысли, не есть настоящая часть речи, – в нём нет ни признака, ни грамматической формы» [6, с. 53].

По мнению А.А. Шахматова, междометие – «это часть речи, включающая в себя слова, которые как в форме выкрика или звукоподражания, так и в форме, присвоенной другим частям речи, выражают, обнаруживают внутренние или внешние ощущения

говорящего, а также его волеизъявления, не являясь, однако, их названиями» [11, с. 507–508].

В схеме категорий слов В.В. Виноградова междометия отделены от всех основных частей речи, модальных слов и частиц речи как четвёртая обособленная группа слов [4, с. 585].

В РГ–80 междометие характеризуется как «неизменяемая и не имеющая специальных грамматических показателей часть речи, служащая для выражения чувств и волевых побуждений. По своей внешней форме междометия чаще всего являются короткими выкриками или звукоподражаниями. В отличие от знаменательных частей речи, междометия не обладают номинативной функцией. Они являются своеобразными речевыми знаками, выражающими (но не называющими) различные ощущения и волеизъявления говорящего. Междометия являются характерной принадлежностью устной речи, поэтому их значение часто становится понятным лишь в сочетании с определённой интонацией, а иногда в сопровождении тех или других жестов и мимики» [8, с. 674].

При решении вопроса о принадлежности / непринадлежности междометий к частям речи в трудах многих языковедов наблюдается тенденция включать в их состав любые эмоционально окрашенные слова, слова, произнесённые с особой экспрессией, звукоподражания, выражения речевого этикета, а также отождествление с рефлексорными звуками. Такое расширение категории междометных единиц, на наш взгляд, необоснованно и объясняется отсутствием чёткого различия в языкознании понятий «эмоциональность» и «экспрессивность», которые отражают различные функции языковых единиц в речи.

Звукоподражания и междометия значительно разнятся по происхождению, семантическому содержанию и функции в речи. Л.В. Щерба писал, что «...звукоподражательные *мяу-мяу*, *вау-вау* и т.п. нет никаких оснований относить к междометиям» [12].

Междометия обладают эмотивным значением, понятным для носителей определённого языка. Ономатопозитические слова не содержат эмоций или волеизъявлений, представляют собой приблизительное, условное воспроизведение языковыми средствами явлений действительности. В тексте они усиливают его экспрессивность, выразительность, но не выражают эмоционального значения, поэтому включение их в категорию междометий является необоснованным.

Неоднозначное толкование статуса междометий в теории языкознания отразилось и в лексикографической репрезентации этих единиц. В словарях наблюдается смешение звукоподражательных слов и непроизводных междометий. Звукоподражания чаще всего характеризуются как «звукоподражательные междометия» или называются междометиями. Типичным примером неразграничения ономатопозитических слов и собственно междометий является толкование слова «мур» 17-томным «Словарём современного русского литературного языка»: *Мур*, звукоподр. Междометие, означающее мурлыканье кошки [13].

Вышесказанное позволяет считать звукоподражания и междометия единицами разной семантической организации и различать их в словарной статье.

В состав междометной категории ряд лингвистов относит слова призыва животных. Общность названий растений и животных у родственных народов – свидетельство общности их культур. Общими у славянских народов являются названия животных: *нёс*, *бык*, *корова*, *теленки*, *овца*, *жеребёнок*, *кобыла* и др. Однако имеется немало и расхождений, обусловленных историей приручения и распространения животных, изменения пород, путей перехода от одного народа к другому. Так, тюркское «лошадь» известно только в русском языке, в белорусском имеется только слово «конь», как и в украинском языке.

Академик В.В. Виноградов отмечает процесс «словарного взаимообмена» по отношению к истории названий домашних животных. В процессе исторического развития языка некоторые слова отщепляются от основного словарного фонда и переходят в запас словарного состава либо отмирают, либо сохраняются в диалектах. Например, «ярка» (овца), «куть» (собака) [4, с. 546]. Часто устаревшие названия животных сохранили свои корни

только в междометиях. Они дают богатейший материал для истории названий животных. Данные слова априорно в своём большинстве считались звукоподражательными по происхождению. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова призыв голубя – «гуль-гуль» считается звукоподражательным словом. Академик А.А. Шахматов данные междометия не считает частью речи, потому что они имеют своим объектом животных, а язык – средство общения людей [11].

Однако, по мнению проф. А.И. Германовича, «простейший анализ слов этой группы даёт полное основание утверждать, что мы здесь имеем дело с фактами языка – междометиями» [5, с. 153]. С данным утверждением трудно не согласиться. Подобные слова появляются на низшей ступени варварства, когда человек стал всё более и более вовлекать в сферу своего производства и животный мир. Наблюдения показывают, что многие слова клича и отгона животных имеют связь с названием животного. Существительное – название животного, от которого образовалось междометие, часто может быть распознано только в языках родственных или в диалектах. Но зачастую слово клича животных почти буквально сходно с названием животного.

Рассмотренные категориально значимые признаки междометия, как представляется, позволяют включать в состав данного класса единиц звукоподражания как особые формы междометий, что подкрепляется общностью их коммуникативно-прагматических функций в дискурсе. Звукоподражания, как и остальные междометия, как правило, предваряют (или заключают) представление действия в тексте, они, обнаруживая перформативные свойства, показывают, что действие происходит буквально в момент порождения речи.

Обобщая характеристику междометия как части речи, обозначим состав конститутивных признаков, служащих его идентификации:

1. Семантика экспрессивности.
2. Высокая степень зависимости семантики от контекста и ситуации общения.
3. Синтаксическая самодостаточность и нечленимость (междометие есть высказывание, хотя возможно его употребление в качестве компонента высказывания) и специфичность коммуникативной функции (способность выполнять её самостоятельно).
4. Просодическая выделенность и взаимодетерминированность семантики и просодики.
5. Отсутствие показателей словоизменения (функционирование вне системы словоизменения).
6. Перформативность и обусловленность употребления ситуацией общения.

Список литературы

1. Абакумов С.И. Современный русский литературный язык. – М., 1942. – 182 с.
2. Богданович Г.Ю. Приёмы формирования лингвокультурологической компетенции старшеклассников в условиях полиэтничной среды Крыма // Учёные записки ТНУ имени В.И. Вернадского. Серия «Филология». – Том 20 (59). – № 1. – Симферополь, 2007. – С. 253–257.
3. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. – М., 1937. – 409 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык : (грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов. – 3-е изд., испр. – М. : Высшая школа, 1972. – 614 с.
5. Германович А.И. Междометия русского языка. – Киев : Радянська школа, 1966. – 172 с.
6. Германович А.И. Междометия как часть речи // Русский язык в школе. – 1941. – № 2. – С. 28–31.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 6 изд. – М. : Учпедгиз, 1938. – 511 с.
8. Русская грамматика : в 2-х т. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). – М. : Наука, 1980. – 707 с.
9. Тихонов А.Н. Междометия и звукоподражания – слова? // Русская речь. – 1981 – № 5. – С. 72–76.
10. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение. – М. : Красанд, 2010. – 252 с.
11. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л. : Учпедгиз, 1941. – 620 с.

12. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba1.htm>. Проверено 24.09.2017.
13. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. / под ред. В.И. Чернышёва. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
14. Советский энциклопедический словарь / ред. А.М. Прохоров. – М. : Советская энциклопедия, 1980. – 1600 с.

Л.Ф. Щербачук

ФРАЗЕОЛОГІЧНА ЕВФЕМІЗАЦІЯ СОМАТИЧНОГО КОДУ УКРАЇНСЬКОЇ КУЛЬТУРИ

У мовознавчих студіях останніх років з позицій антропоцентризму й когнітивізму при дослідженні семантики мовних одиниць і категоризації світу важливим чинником виступає людський фактор, що активно репрезентується в мові за допомогою знаків вторинної номінації – фразеологічних одиниць (ФО). Характеризуючи ФО в контексті культури, дослідники розглядають різні аспекти національно-культурної семантики ФО і їхніх компонентів, залучають великий обсяг екстралінгвальної інформації. Екстралінгвальна дійсність, або культурний простір, складається з певних культурних кодів, що уявляються як мережа, яку культура «накидає» на довкілля, членує, категоризує, структурує та оцінює його. Культурні коди співвідносяться з найдавнішими архетипними уявленнями людини. Вони універсальні за своєю природою [8, с. 232], проте детермінуються і суб'єктивним фактором. Тому кодування культурного простору носить національний характер, тобто є специфічним для кожної національно-культурної спільноти. Учені (Б. Гудков, В. Маслова, М. Ковшова, К. Мізін, В. Телія, В. Ужченко, Т. Ященко та ін.) виділяють різну кількість культурних кодів, але одностайні в тому, що їхні межі нестабільні. Безсумнівно, соматичний код культури – один із основних за значимістю в класифікації кодів у всіх національних картинах світу, бо є найдавнішим, адже пізнання світу людина почала саме з себе. Варто наголосити, що в роботах вітчизняних і зарубіжних учених (М. Алефіренка, І. Голубовської, М. Горди, О. Каракуці, М. Ковшової, А. Кравчик-Тирпи, О. Левченко, В. Маслової, В. Мокієнка, О. Селіванової, Л. Скрипник, В. Ужченка, О. Тараненка, Д. Терехової, І. Тимченко та ін.) проблеми евфемізації у сфері соматичної фразеології розглядалися лише фрагментарно. Сучасні студії з окресленої проблеми засвідчують невичерпні можливості обраного предмета дослідження, дають підґрунтя для більш системної лінгвокультурно-антропологічної концепції тіла, його нового осмислення в науковій парадигмі. Недостатнім опрацюванням проблем фразеологічної евфемізації соматичного коду української культури в сучасній лінгвістиці зумовлена **актуальність дослідження**.

Мета статті – охарактеризувати семантичні, лінгвокультурологічні особливості фразеологічної евфемізації соматичного коду української культури.

Наукова новизна дослідження визначається комплексним підходом до аналізу культурної семантики ФО з компонентами-соматизмами та ФО, що кодифікують і евфемізують тіло людини.

У пропонованій статті під *соматичним* (від грец. soma – тіло) розуміємо термін, що «використовують для позначення різноманітних явищ в організмі, пов'язаних з тілом, а не психікою» [16, с. 638], і соматичний код розглядаємо у векторі культури українського народу (традицій, вірувань, забобонів, заборон тощо).

Сьогодні проблеми тілесності в полі зору широкого кола наук, що окреслюють людське тіло в різних соціальних вимірах [4, 7]. Безперечно, у центрі Всесвіту знаходиться Людина, яка з раннього дитинства формує в собі особливе національне світобачення (картину світу), специфічну емоційну систему, що відображається в мові, бо «кожна людина дивиться на світ через призму своїх бажань, емоцій, почуттів» [11, с. 261]. На відміну від природничих і деяких гуманітарних наук, лінгвістику цікавить не тіло людини як фізичний чи біологічний об'єкт, а семіотична концептуалізація тіла і його частин, тобто те, як тіло

людини та його частини представлені у звичайній мові й мові тіла, причому не з точки зору спеціаліста-вченого, а з точки зору звичайної, «наївної» людини [1, с. 78].

З давніх-давен в українців існувала зумовлена містично-забобонними, соціально-політичними, культурними й моральними чинниками заборона на вживання певних слів. Деякі делікатні теми, пов'язані з подружнім життям, фізіологією людини, описувалися не прямо, а «пом'якшеними» замінниками – евфемізмами. Під евфемізмом розуміємо вислів, що вживається для непрямого, прихованого, зокрема пом'якшеного, ввічливого позначення певних предметів, явищ, дій замість прямої їх назви, що вже існує, при перейменуванні або логічно найбільш умотивованої при первинному найменуванні [18, с. 154]. Учені (О. Кацев, Л. Крисін та ін.) відзначають три аспекти евфемізації мовлення: соціальний, психологічний і лінгвістичний. Джерела евфемізації корінням сягають у давні часи в явища табу. Найчастіше замість табуйованих слів уживаються їх замінники-евфемізми. У вітчизняній та зарубіжній лінгвістичній літературі виділяють кілька сфер евфемізації: особисте і соціальне життя [9]; наближення смерті, смерть, зрада в подружньому житті, порушення вірності [15, с. 218–219]; лайливі слова, фізіологічні відправлення та пов'язані з ними частини тіла й предмети, назви населених пунктів і військових частин [2, с. 345]; статі (здебільшого жіночі), нечистоти, пороки і проступки [22, с. 111–222]. Варто зазначити, що на матеріалі української фразеології досліджено евфемізацію окремих сфер буття людини: наближення смерті, смерть, інтимне (сімейне й фізіологічне) життя жінки, пороки і вчинки, заборони в мисливській сфері тощо [Див.: 12; 21, с. 182–207]. Учені переконані, що в основі класифікації евфемізмів перебуває їх природа [10, с. 101–114] і наголошують на широкому спектрі призначення евфемізмів. Евфемізми, на їхню думку, виконують магічно-забобонну, криптологічно-маскувальну, жартівливо-іронічну [18, с. 154], етико-етикетну, емоційно-психологічну, естетичну, загальнокультурну [6, с. 11] функції, стають запорукою емоційно-позитивного, доброзичливого, культурного, успішного спілкування. Разом з О. Сенічкіною вважаємо, для того щоб ФО могла виконувати евфемістичну функцію, вона повинна бути нейтральною або позитивно забарвленою. Вона повинна маскувальним, завуальованим способом позначати негативно оцінюваний соціумом денотат [14, с. 34].

Нагадаємо, що антропоцентричність мовної картини світу виражається через її орієнтацію на людину, яка знаходиться в центрі Всесвіту. Людина виступає мірилом довкілля, бо «свою оцінку завжди співвідносила насамперед із частинами свого тіла» [15, с. 102–103]; тіло людини визначає параметри первинного виміру простору, часу тощо [3, с. 72]. Соматичний код української культури сформований у глибинах колективної пам'яті народу, експлікований у мові й тісно пов'язаний з іншими культурними кодами, наприклад, просторовим, часовим, антропоморфним, духовним, біоморфним та ін. [19, 20]. Систематизація соматичної фразеології дає уявлення про те, як носії української культури осмислюють довкілля, проектуючи на світобудову структуру свого тіла та функції його частин. Про це наочно свідчать ФО української мови з компонентами-соматизмами, які позначають довкілля, простір (**під носом, під рукою, під боком**), діяльність людини (**спину гнути**), поведінку (**наступати на мозоль, сісти на шию**), вчинки (**накласти на себе руки**), характеризувати зовнішні ознаки (**запливти жиром**) тощо. Зазначимо, що ФО можуть кодифікувати як власне тіло людини, так і його фізичні й фізіологічні властивості. Поділяємо думку вчених Д. Гудкова та М. Ковшової, які вважають, що атлас тіла у фразеології представлений у тричленній композиції: верхня, середня та нижня [3, с. 117]. Фразеологічний матеріал переконує, що кожна з частин тіла тим чи іншим своїм елементом бере участь у створенні фразеологічних образів, у фразеологічному описі світу. У ході дослідження в межах поставленого завдання визначено 2 основні групи ФО-евфемізмів: 1) фразеологічні евфемізми з компонентами-соматизмами, що об'єктивують у тричленній композиції тіло людини; 2) фразеологічні евфемізми, що кодифікують тіло людини, фізіологічні процеси. ФО обох груп нерівномірно репрезентують тіло людини з точки зору тричленної композиції. Верхня частина тіла людини найширше представлена у сфері

української фразеології та репрезентована такими компонентами: *голова, лоб, вуха, очі, ніс, зуби, язик, горло, шия* тощо.

З головою як вмістилищем мозку пов'язують розумові здібності людини. Вербалізаторами означення розумної людини в українському мовопросторі слугують ФО з позитивно конотованим компонентом-прикметником *золотий*: *золота голова, золотий лоб*.

Відповідно до містично-забобонного табу в народівір'ї українців існувала заборона вимовляти деякі прямі найменування, наприклад, хвороб, каліцтва, смерті, негативних якостей, явищ тощо, оскільки акт назви міг викликати саме явище. Зрозуміло, що культурно-етнічні традиції продукують евфемістичні замітники з метою непрямого, пом'якшеного найменування нерозумної, недоумкуватої, а іноді й психічно хворої особи, можливо, із самого народження. Вербалізаторами активно виступають синонімічні ФО зі згаданими компонентами-соматизмами: *жуки в голові* [17, с. 237], *з кіндратиком у голові* [17, с. 296], *не вистачає клепки в голові* [17, с. 432], *порожньо в голові* [17, с. 545], *без клепок в голові* [17, с. 301], *лобом не широкий* [17, с. 434], *мідний лоб* [17, с. 350], *на розум кволий* [17, с. 290] та ін. Втратити здатність чітко мислити, збожеволіти людина може й через певні обставини. Такий набутий розумово-психічний стан людини репрезентовано евфемістичною ФО *у голові перекинулось* [17, с. 494]. Нерозумне, нелогічне й безглузде мовлення людини пом'якшено характеризується за допомогою ФО *і на голову (на вуха) не налізе*: *Стара якась не приумі: плела таке, що й на вуха не налізе* [17, с. 422].

У процесі культурогенезу український народ виробив самобутній комплекс стереотипних норм і манер поведінки. Їхня унікальна переплетеність дозволяє вченим говорити про феномен «українського типу поведінки» – усталеної системи морально-етичних цінностей, витворених на основі «народної філософії життя» [13, с. 355]. Головним середовищем, де формуються традиційні етичні норми родинних і етнокультурних взаємин, є сім'я та громада. Громадська думка забезпечує дотримання правил поведінки та взаємин. У народних прислів'ях, приказках зафіксовано несхвально-застережливе ставлення до надмірного вживання міцних алкогольних напоїв: *Горілка багато шкоди робить: вона і розум затьмарює, і на зле штовхає; Де горілка, там і сльози* і под. [5, с. 145]. Наявність ФО в українському мовному континуумі зумовлена не потребою найменування понять (вони вже виражені в мові відповідними словами), а прагненням супроводити ці поняття відповідною оцінкою. З'ясовано на основі спостережень, що поведінка нетверезої людини неадекватна; п'яниця – не лише ганьба, а й біда для будь-якої родини. У суспільстві утвердилося неоднозначне ставлення до осіб, що зловживають *зеленим змієм*: в одних такі особи викликають осуд, зневагу, в інших – співчуття. Українська соматична фразеологія об'єктивує етнічну систему уявлень щодо пиятики. На основі зовнішніх фізіологічних ознак, поведінки п'яниця кваліфікується як *синій ніс* [17, с. 437], стан напідпитку – *під градусом (під мухою, під джмелем)* [17, с. 195], бути п'яним – *джмелі гудуть у голові* [17, с. 196], п'янствувати – *полоскати горло* [17, с. 578], протрезвитися – *вивітрити хміль з голови* [17, с. 65].

Продуктивними серед аналізованих ФО виявилися групи евфемізмів, що замінюють, приховують прямі найменування таких негативних дій, вчинків, як: 1) обманути, обдурити: *обвести за ніс* [17, с. 444], *обкрутити довкола носа* [17, с. 449]; 2) лихословити: *натуркати у вуха* [17, с. 428], *перетирати на зубах* [17, с. 499], *брати на язика* [17, с. 42]; 3) побити: *підлатати ніс* [17, с. 509], *вигравати третячки на зубах* [17, с. 67], *перелічити зуби* [17, с. 495], *намити шию* [17, с. 422], *нам'яти шию, нам'яти вуха, нам'яти чуба (чуприну), нам'яти боки* [17, с. 425], *втерти носа* [17, с. 135–136] та ін.

У фразеологічній системі української мови виявлені окремі ФО з соматизмами-репрезентантами тілесного верху, що приховують: 1) пошанний вік жінки: *до сивої коси* [17, с. 308]; 2) відразу: *оскома на зубах* [17, с. 469]; 3) сліпоту: *згубити очі* [17, с. 261], 4) зовнішній вигляд худой, сухорлявої людини: *самі вуха та зуби* [17, с. 141] тощо.

ФО з компонентами на позначення середньої частини тіла людини експліковані такими соматизмами: *рука, пальці, жменя, спина, боки, плече, живіт, ребра* та ін. Культурно-національна семантика ФО представлена в елементах їхньої внутрішньої форми [21, с. 285]. Значна кількість ФО сформована на основі функціональних особливостей руки та її частин. У процесі вторинної номінації евфемізуються такі поняття, як: 1) злодій, шахрай, хабарник: *хапкий на руку* [17, с. 434]; 2) нікчема: *не вартий і нігтя* [17, с. 52]; 3) красти, привласнювати чуже: *накласти руку на що* [17, с. 421], *мати довгі руки* [17, с. 373], *мати неруш у руках* [17, с. 375]; 4) обдурювати: *обвести круг пальця* [17, с. 445]; 5) бити, пригнічувати, притискати, зневажати: *підняти руку на когось* [17, с. 510], *облатати боки* [17, с. 450], *накласти руки на кого* [17, с. 421], *побувати в руках* [17, с. 523], *брати в жменю* [17, с. 38], *перекладати на чужі плечі* [17, с. 494], *повернутися спиною* [17, с. 448]; 6) худорлявість, виснаженість: *аж ребра знати* [17, с. 269], *живіт присох до спини* [17, с. 235]; 7) позиви до блювоти: *вивертати печінки* [17, с. 64] тощо.

Зауважимо, що з найдавніших часів у сприйнятті українців дуля (стулена в кулак рука так, що великий палець просувається між вказівним і середнім) вважалася і як знак зневажливого ставлення до кого-небудь, і як охоронний засіб проти нечистої сили. Давати комусь дулю означало зараховувати його до нечистої сили [5, с. 205]. В. Жайворонок відносить цей «символ» до знаків української етнокультури й зазначає, що він уживався, в основному, у лайливих виразах: «Дулю з'їж!», а також у грубому застереженні: «Дам дулю, аж ніс задереться!»; дулю в знак презирства підносять якраз під ніс («Дулю тобі під ніс»), а коли не наважуються, то «тримають її в кишені» [5, с. 205]. І в сучасному мовленні лексема-компонент *дуля* в основному вживається у складі лайливих висловів при грубому застереженні, неприязні, презирстві (пор. *матері твоєї дуля, одержати дулю з маком, тримати дулю в кишені* тощо). На відміну від згаданих, евфемістична ФО *комбінація з трьох пальців* [17, с. 306] позначена жартівливою стилістичною маркованістю.

У ході дослідження зафіксована лише незначна кількість ФО з компонентами *ноги, н'яти* – репрезентантами тілесного низу: *встати з лівої ноги* – бути роздратованим [17, с. 133], *мазати салом н'яти* – втікати [17, с. 363], *Гнат безп'ятий (Гнат-безп'ятко)* – біс, чорт, нечиста сила [17, с. 149].

У складі досліджуваних ФО виявлено також спільні для всього тіла компоненти: *кров, нерви, кістки*. Наприклад: *кров холоде в жилах* – моторошно [17, с. 315], *грати на нервах* – дратувати, дражнити [17, с. 167], *перемивати кісточки* – займатися пересудами [17, с. 496]; *самі кістки та шкіра, аж кістки торохтять* – дуже худий [17, с. 297] та ін. Зазначимо, що прикметник *худий* (від праслов'янського *hudy* – *підлий*, грецького – *брехливий*) у давній уяві українців пов'язується також зі значенням *негарний, поганий*. Так, за допомогою наведених ФО здійснюється евфемістичний цілісний, в основному вертикальний, опис людини. Евфемістична заміна мовного табу може бути спричинена містично-забобонною вірою наших предків, які вважали, що заміною прямих назв непрямыми можна вберегти родину, впливати в бажаному напрямі не лише на об'єкт, але й на ставлення до нього певних сил [18, с. 624]. Щоб *рідну дитину* не зурочити злими людьми, замість прямої назви вживають ФО *плоть і кров* [17, с. 315], замість прямої характеристики вигляду особи *здоровий, рожевий, рум'яний (про людину та її обличчя)* – *кров з молоком* [17, с. 315] тощо.

Досліджений матеріал переконує, що ФО-репрезентанти тілесного коду виконують евфемістичні функції на означення зовнішності людини: *вбитися в тіло* – ставати гладким, товстим [17, с. 54]; *як зхреста знятий* – хворобливий, замучений [17, с. 271]; *міцно збитий* – дебелий [17, с. 257] тощо. О. Тараненко зазначає, що сучасне табу зумовлюється переважно культурно-етичними (стосовно сфер фізіологічних відправлень, статевого життя і пов'язаних з ними частин тіла...) чинниками [18, с. 624]. У процесі вторинної номінації за допомогою ФО завуальовано кодифікується фізіологічне життя жінки: *зірвати вінок, позбутися вінка* – втратити дівочу честь [17, с. 531], *покрити голову (косу)* – стати покриткою [17, с. 536], *бути у поважному стані* – бути вагітною [17, с. 690], *принести*

в пелені – народити позашлюбну дитину [17, с. 564], **втратити дитину** – зробити аборт тощо.

Зрозуміло, що евфемізми й евфемізація мовлення своїм корінням сягають до сутності первісної людини – істоти, що потерпала страх перед грізними силами природи, тому в її уяві народжувалися певні табу. Соціалізація людини спричинила другу хвилю евфемізації, пов'язану з усвідомленням нею таких понять, як сором та ввічливість. Особливою сферою фразеологічної евфемізації в етномовній картині світу виступають статеві позашлюбні стосунки: **скакати в гречку** – зраджувати дружині (чоловікові), мати нешлюбні зв'язки [17, с. 653]; фізіологічні властивості та потреби організму: **вдарити в ніс** – раптово відчувати неприємний запах [17, с. 55], **до вітру** – в туалет [17, с. 111] тощо. Як бачимо, евфемістичні фразеологізми з компонентами-соматизмами володіють потужним емоційно-експресивним потенціалом, «покрашують» негативний денотат, а отже, репрезентують особливості національного асоціативно-образного мислення.

Отже, в окремих випадках фразеологічна евфемізація діє як певна традиція, як данина живим виявам духовності, в інших – є основою субституції прямих номенів, заборонених для називання поняттєвих зон. В основі багатьох ФО лежать евфемістичні заміни, необхідні для опису делікатних тем у житті людини. Фразеологічні соматичні евфемізми слугують заміною тих слів і висловів, що відповідно до правил мовленнєвого етикету й на думку того, хто говорить, є небажаними. Досліджені ФО експлікують органічний зв'язок соматичного коду з давніми культурними традиціями українського народу.

Список літератури

1. Аркадьев П.М., Крейдлин Г.Е., Летучий А.Б. Семиотическая концептуализация тела и его частей. Признак «форма» // Вопросы языкознания. – 2008. – № 6. – С. 78–97.
2. Варбот Ж.Ж. Табу // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Сов. энцикл., 1979. – С. 345–345.
3. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры : материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
4. Гомілко О. Метафізика тілесності: концепт тіла у філософському дискурсі. – Київ: Наукова думка, 2001. – 340 с.
5. Жайворонок В.В. Знаки української етнокультури : Словник-довідник. – Київ: Довіра, 2006. – 703 с.
6. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
7. Косяк В.А. Людина та її тілесність у різних формах культури: досвід філософської інтеграції : автореф. дис. ... д-ра філософ. наук : спец. 09.00.04 «Філософська антропологія, філософія культури». – Київ, 2006. – 36 с.
8. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. – М.: «Гнозис». – 284 с.
9. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е.А. Земская. – М.: Языки рус. культуры, 1996. – С. 142–161.
10. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. – М.: Просвещение, 1977. – С. 101–114.
11. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре : монография. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
12. Мілева І.В. Одна зі сфер сучасного табу (на матеріалі діалектної фразеології) // Ученіє записки ТНУ імені В.І. Вернадського. – Серія «Филологія». – Том 20 (59). – № 6. – Симферополь, 2007. – С. 234–240.
13. Савчук Б. Українська етнологія. – Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2004. – 560 с.
14. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка : спецкурс. – М.: Высш. шк., 2006. – 226 с.
15. Скрипник Л. Г. Фразеологія української мови. – Київ: Наук. думка, 1973. – 280 с.
16. Словник іншомовних слів: 23000 слів та термінологічних сполучень / уклад. Л.О. Пустовіт та ін. – Київ: Довіра, 2000. – 1018 с.
17. Словник фразеологізмів української мови / уклад. В.М. Білоноженко, І.С. Гнатюк, В.В. Дятчук та ін.; відпов. ред. В.О. Винник. – Київ: Наукова думка, 2003. – 1098 с.

18. Тараненко О.О. Українська мова: Енциклопедія / редкол.: В. М. Русанівський, О.О. Тараненко (співголови). – Київ : Українська енциклопедія, 2000. – 752 с.
19. Щербачук Л.Ф. Культурні коди через призму негачії у фразеологічній системі української мови // Мовні і концептуальні картини світу : зб. наук. праць. – Вип. 37. – Київ : Київський національний університет імені Тараса Шевченка, 2011. – С. 476–481.
20. Щербачук Л.Ф. Особливості етнічної культури через призму енантіосемічних фразеологізмів української та польської мов // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка : Філологічні науки. – Випуск 34. – Кам'янець-Подільський : Аксіома, 2013. – С. 322–326.
21. Ужченко В.Д., Ужченко Д.В. Фразеологія сучасної української мови : навчальний посібник. – Київ : Знання, 2007. – 494 с.
22. Krawczyk-Tygra A. Tabu w dialektach polskich. – Bydgoszcz : Wyd-wo Akademii Bydgoskiej, 2001. – 345 s.

Статья впервые была опубликована в сборнике «Учёные записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского». – Серия «Филология». – Том 22 (61). – № 4 (2). – Симферополь, 2009. – С. 171–177.

Кафедра русского языка. 1983 год.

Кафедра русского языка. 1988 год.

Кафедра русского, славянского и общего языкознания. 2011 год.

Кафедра русского, славянского и общего языкознания. 2017 год.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
------------------	---

НАШИ ИСТОКИ

<i>Германович А.И.</i> Междометия и звукоподражательные слова в стиле М. Горького.....	13
<i>Соколов О.М.</i> Семантика и категория фазовости в русском языке.....	23
<i>Мигирин В.Н.</i> Категория состояния или бессубъектные прилагательные?	32
<i>О Викторе Николаевиче Мигирине.</i> Воспоминания Е.Н. Сидоренко.....	36
<i>Профессор В.Н. Мигирин в послевоенной истории кафедры русского языка</i>	46

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Забродченко В.П.</i> Зависимость причастной части со крепой когда от семантико-синтаксических свойств опорного слова.....	58
<i>Калинкин В.М.</i> Размышляя о юбилее (посвящается В.Н. Михайлову).....	61
<i>Михайлов В.Н.</i> О трактовке словообразовательной структуры русских собственных имён в связи с особенностями их семантики.....	64
<i>Ничик Н.Н.</i> Системные связи слова и фразеологизма в художественном тексте (на материале романа М.А. Шолохова «Они сражались за Родину»).....	69
<i>Пастухова Л.С.</i> Порядок компонентов во фразеологических единицах.....	74
<i>Сидоренко Е.Н.</i> Языковые смыслы в современном русском языке: типология, средства выражения.....	79
<i>Эмирова А.М.</i> Об объекте фразеологической номинации.....	87

МЫ – ПРОДОЛЖАТЕЛИ

<i>Алиева В.Н.</i> Вопросы трансформациологии в русском языке.....	95
<i>Андрейченко О.І.</i> Структура і функції метафори «театру» в політичному дискурсі кінця ХХ – початку ХХІ століття.....	98
<i>Бессонова Л.Е.</i> Деривационный потенциал политических слов.....	103
<i>Богданович Г.Ю.</i> Язык и текст в социальной коммуникации.....	108
<i>Валеева Л.В.</i> Модальный контакт «что»-вопроса и «что»-придаточного изъяснительного (опыт внутренней семантической реконструкции союза).....	113
<i>Гадомский А.К.</i> Теолингвистическая генология.....	121
<i>Дикарева С.С.</i> Диалогическое пространство и сценарии жанров Интернета.....	128
<i>Колесникова О.В.</i> Фразеологизмы со значением эмоционального состояния и их роль в межкультурной коммуникации (на материале русского и немецкого языков).....	131
<i>Моря-Мицык Л.А.</i> Языковое понятие «поле» и его речевое представление (на материале «Записок охотника» И.С. Тургенева).....	135
<i>Петров А.В.</i> Словообразовательная структура и семантика префиксальных адъективных повторов с глагольной основой в русском языке.....	140
<i>Сегал Н.А.</i> Когнитивные оппозиции как способ организации политического текста: семантика, прагматика, структура.....	146
<i>Семиколенова Е.И.</i> Видовые пары: проблемы формы, содержания, объёма.....	150
<i>Чепурина И.В.</i> Лингво-когнитивный потенциал эмотивных глаголов.....	155
<i>Чернобровец С.Г.</i> Газетные заголовки как средство достижения коммуникативно-прагматических целей.....	163
<i>Ширин Э.Р.</i> К проблеме грамматического статуса и объёма междометий в современном русском языке.....	167
<i>Щербачук Л.Ф.</i> Фразеологічна евфемізація соматичного коду української культури	172
Об авторах	181

ОБ АВТОРАХ

Алиева Васфие Николаевна, кандидат филол. наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания

Андрейченко Оксана Ивановна, кандидат филол. наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания

Бессонова Людмила Ефимовна (1954–2015), кандидат филол. наук, доцент

Богданович Галина Юрьевна, доктор филол. наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики, декан факультета славянской филологии и журналистики

Валеева Людмила Владимировна, кандидат филол. наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания

Германович Александр Иларинович (1898–1973), доктор филол. наук, профессор

Гадомский Александр Казимирович, доктор филол. наук, профессор

Дикарева Светлана Самуиловна, кандидат филол. наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики

Забродченко Вера Павловна (1927–2007), кандидат филол. наук, доцент

Калинкин Валерий Михайлович, доктор филол. наук, профессор кафедры русского и латинского языков, Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького

Колесникова Ольга Вячеславовна, кандидат филол. наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания

Мигирин Виктор Николаевич (1921–1981), доктор филол. наук, профессор

Михайлов Всеволод Николаевич (1928–1993), кандидат филол. наук, доцент

Моря-Мицук Лилия Александровна, кандидат филол. наук, доцент кафедры русского языка и зарубежной литературы Севастопольского государственного университета

Ничик Нелли Никитична, кандидат филол. наук, доцент кафедры русской филологии Крымского инженерно-педагогического университета

Пастухова Лидия Сергеевна, кандидат филол. наук, доцент

Петров Александр Владимирович, доктор филол. наук, заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания

Сегал Наталья Александровна, кандидат филол. наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания

Семиколова Елена Ивановна (1948–2014), кандидат филол. наук, доцент

Сидоренко Евдокия Николаевна (1936–2017), кандидат филол. наук, профессор

Соколов Олег Михайлович (1927–1993), доктор филол. наук, профессор

Чепурина Инна Владимировна, кандидат филол. наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания

Чернобривец Светлана Григорьевна, кандидат филол. наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики

Ширин Эмиле Решатовна, ассистент кафедры русского, славянского и общего языкознания

Щербачук Лидия Фёдоровна, кандидат филол. наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания

Эмирова Адиле Мемедовна, доктор филол. наук, профессор кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания Крымского инженерно-педагогического университета

Научное издание

ИСТОКИ КРЫМСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ :
(К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА
И ТАВРИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА) :

ЧАСТЬ 2

Составители: **Орехова** Людмила Александровна
Петров Александр Владимирович
Сегал Наталья Александровна

Отпечатано
ИП Бровко А.А.
296500, Республика Крым, г.Саки, ул.Тимирязева, 30
